

Н. В. Трубникова Французская историческая школа «Анналов»

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. В. Трубникова

Французская
историческая школа
«Анналов»

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издательство

КВАДРИГА

N. M. Trubnikova

**L'ÉCOLE HISTORIQUE
FRANÇAISE DES
ANNALES**

МОСКВА
Квадрига
2016

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. В. Трубникова

**ФРАНЦУЗСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА
«АННАЛОВ»**

МОСКВА
Квадрига
2016

УДК 001.8:009"654"

ББК 74.202в7

T21

Исследование осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проекты № 10-01-93210к/К и 15-01-00427/а;
Гранта Президента РФ молодым ученым-докторам наук
МД-1336.2011.6

Трубникова Н. В.

T21 Французская историческая школа «Анналов» / Н. В. Трубникова. – М.: Квадрига, 2016. – 336 с.

ISBN 978-5-91791-202-8

Книга посвящена истории французской исторической школы «Анналов» – легендарной интеллектуальной традиции, сложившейся в западной историографии XX в. Сквозь призму общего развития исторических знаний во Франции в монографии выявляются условия и истоки становления традиции «Анналов». Анализируется процесс формирования и дальнейшей трансляции так называемой «классической концепции» «Анналов», с обозначением линий преемственности и отрицания в ее восприятии различными поколениями исследователей. Показана роль «Анналов», идейный профиль их стратегий конкуренции в междисциплинарных дискуссиях XX – начала XXI в. Прослеживается формирование институциональной сети «движения Анналов», механизмов ее интеллектуального влияния в рамках французского и мирового профессионального сообщества.

Монография подготовлена на основе обширной базы письменных источников, многие из которых не были известны ранее российскому читателю.

Особый интерес представляет анализ освоения российскими историками теоретического наследия школы «Анналов».

УДК 001.8:009"654"

ББК 74.202в7

ISBN 978-5-91791-202-8

© Трубникова Н. В., 2016

© Боркунова Ю. А., дизайн переплета, 2016

© Издательство «Квадрига», оформление, 2016

ВВЕДЕНИЕ

Современная российская историография, как и мировая историческая наука, отводит легендарной французской «школе Анналов» особенное место. В постсоветский период именно эта традиция исторического описания стала (и заслуженно) в России мерилем профессионализма, на нее ссылались как на олицетворение всех достижений социальной истории в XX в. Пик популярности «Анналов» в России пришелся на середину 1990-х гг., однако и в 2000-х, несмотря на изрядное расширение информационного поля, снятие большинства барьеров международной коммуникации современная рефлексия о предмете истории, ее эпистемологии, процедурах верификации, ресурсе различных исследовательских подходов по-прежнему редко обходится без ссылок на эту традицию¹.

Без преувеличения, школа «Анналов» достигла колоссальной популярности в нашей стране, получив репутацию исследовательского ключа, который открывает почти всякие двери в историю. Однако на излете 2000-х гг. в среде историков утверждается, как вполне очевид-

¹ *Гуревич А. Я.* О кризисе современной исторической науки // *ВИ.* 1991. № 2–3. С. 21–36; *Ковальченко И. Д.* Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // *НиНИ.* 1995. № 1. С. 3–33; *Савельева И. М., Полетаев А. В.* История и время. В поисках утраченного. М., 1997; *Копосов Н. Е.* Как думают историки. М., 2001; *Могильницкий Б. Г.* История на переломе: некоторые тенденции развития современной исторической мысли // *Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований.* М., 2004. С. 5–22; *Лубский А. В.* Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005; *История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени /* Под ред. Л. П. Репиной. М., 2006; *Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции /* Отв. ред. Л. П. Репина. М., 2008; *Образы времени и исторические представления в цивилизационном контексте: Россия – Восток – Запад* / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2010.

ная, мысль о том, что обретение в историческом познании устойчивых теоретико-методологических перспектив не может быть достигнуто за счет создания некоей единой универсальной доктрины, и что даже самое плодотворное научное направление не в состоянии охватить все многообразие исследовательских возможностей. Именно поэтому, независимо от поветрий интеллектуальной или политической конъюнктуры, необходимо производить корректные заимствования опыта различных историографических традиций, образующих вехи развития мировой исторической науки; формировать представление о том, что любая методология науки имеет ограниченный характер и что существует множество независимых друг от друга и равноценных исследовательских стратегий. Историческое движение «Анналов», представляющее наиболее известную национальную традицию историописания в XX в. и отличающееся многогранностью и преемственностью многих своих начинаний, закономерно остается в центре подобной рефлексии.

Обращение к опыту «Анналов» позволяет в едином фокусе изучать целый комплекс проблем современной методологии истории, как рассматривая разнообразные историографические практики, созданные за более чем 85-летнюю историю движения, так и анализируя способы участия французских историков в основных теоретических дискуссиях и стратегии продвижения ими своих интеллектуальных программ. В этом отношении опыт французских коллег является почти идеальным примером того, сколь плодотворно может развиваться национальная традиция историописания, не испытывая столь резких и травматичных потрясений, которые выпали на долю, к примеру, российских или немецких коллег.

Замысел этой книги был продиктован еще несколькими соображениями о кризисных тенденциях современной историографической ситуации в целом. Во-первых, сохраняется фрагментированность и разрозненность профессионального сообщества историков, замкнутых в своих тематико-хронологических мирах, и потому важно участвовать в разработке и обсуждении эпистемологических концепций, способных стать объединяющей основой для единого и ясного профессионального языка.

В России эта общая тенденция сопровождается еще и моментом лавинообразного и одновременного освоения теоретического наследия всех колебаний развития западной гуманитарной мысли. Эта особенность усугубляется вдобавок субъективной издательской политикой переводов, когда в качестве «интеллектуальных новаций» определенной предметной области преподносятся разноречивые теории и подходы, нередко оппозиционные и отстоящие друг от друга во времени на несколько десятилетий, а некоторые из них остаются на периферии внимания.

Отсюда у историков нередко возникает проблема предпочтения той или иной методологии без ясного осознания исследовательских пределов любого без исключения подхода, а также неадекватное употребление терми-

нов и моделей. Последние часто употребляются сугубо метафорически, «в кавычках», а по сути, являются лишь «фигурами умолчания», которые ничего не проясняют в исследовательской практике. И потому необходимо настаивать на полном разъяснении и адекватном «переводе» понятий и методов из одних национальных и профессиональных языков в другие.

В-третьих, по-прежнему преобладает тип анализа, фокусирующего исключительное внимание на сугубо содержательном измерении историографического процесса, как если бы историки могли существовать в разреженном воздухе «чистых идей». На обочине или за рамками исследования остается изучение самих условий производства исторических произведений; социальной, политической и культурной среды историков, – тех параметров, которые были введены в практику научного исследования благодаря развитию направлений исследований современной «интеллектуальной истории» и «социологии науки». Для понимания закономерностей формирования национальных историографических традиций необходимо помнить, например, о том, что во Франции квантитативный триумф историографии 1960-х во многом базировался на отлаженной работе системы национальных архивов, в то время как в Италии отсутствие подобной развитой государственной службы побуждало, скорее, к исследованиям в жанре «микроистории».

Во многом именно названные критерии определяли цели и задачи представленной книги. *Объектом исследования* в ней является французская историография конца XIX – начала XXI в., непосредственно, через наследование парадигм и институциональную принадлежность, или опосредованно, через пространство дискуссий и конкурентной борьбы, связанная с движением «Анналов», во всей совокупности современных представлений о нем, его взаимосвязях и факторах развития.

Предметом изучения является история движения «Анналов», представленная несколькими сущностными характеристиками.

1) Как интеллектуальная традиция, которая имеет общую концептуальную основу, отмечена векторами идейной преемственности и резистентности, позволяющими многим исследователям постулировать наличие особой «парадигмы Анналов».

2) Как научный и социальный феномен, обладающий собственным ресурсом производства и трансляции своих интеллектуальных достижений: органами журнальной периодики и издательства, образовательными и исследовательскими учреждениями, принадлежностью к влиятельным медийным сетям.

3) Как сложная гуманитарная среда, складывающаяся из смены различных исследовательских поколений, каждое из которых существует в собственном историческом контексте и имеет уникальные социально-психологические характеристики, оказывающие влияние на тематические и методологические предпочтения.

Историография истории «Анналов»

Историография истории «Анналов», если брать за точку отсчета рецензии на научные труды основателей – Люсьена Февра и Марка Блока, отзывы современников о политике публикаций в самом журнале, очевидно, имеет ту же хронологическую глубину, что и само движение. Еще в 1965 г. исследование Ж. Глениссона бегло представило «Анналы» как одну из тенденций развития современной французской историографии². Как самостоятельный и уже состоявшийся феномен французской исторической науки «Анналы» подвергаются историографической рефлексии сравнительно поздно, по мере институционализации движения и обретения им широкого международного престижа, к рубежу 1960–1970-х гг.

У истоков историографии располагается история движения, рассказанная самими анналистами, – прежде всего, Люсьеном Февром и Фернаном Броделем. Она представляла собой почти каноническое повествование о деятельности двух молодых страсбургских профессоров, которые были вынуждены противостоять консервативным устоям своего профессионального сообщества и создали революционный по размаху обновлений журнал, со временем превратившийся в авангард мировой исторической науки. Именно эта «золотая легенда» о бунтарях от истории получила не критичное развитие в трудах идейных преемников в 1970-е гг.³. Параллельно «Анналы» завоевывают значительный, и, как правило, благожелательный интерес международной аудитории, обсуждающей возможности психологических подходов⁴ и французской версии структурализма⁵ в истории, междисциплинарность⁶, проблему истоков движения, линии инновации и преемственности в нем⁷.

Однако и в этот период раздаются пока немногочисленные оппозиционные голоса: так, Ш.-Э. Пута упрекает анналистов в том, что они крайне некорректно излагают в дискуссиях идейные позиции своих

² *Glénisson J.* L'Historiographie française contemporaine: tendances et réalisations // Comité Français des Sciences Historiques. Vingt ans de recherche historique en France (1940–1965), I. L'Enseignement et la recherche, les publications. P., 1965. P. IX–XVII.

³ *Aymard M.* The Annales and French historiography (1929–1972) // Journal for European Economic History. 1972. № 1. P. 491–511; Chartier R., Revel J. Lucien Febvre et les Sciences Sociales // Historiens et géographes. 1979. № 272. P. 427–442.

⁴ *Manuel F. E.* The Use and Abuse of Psychology in History // Daedalus. 1971. № C. P. 187–213.

⁵ *Kinser S.* Braudel and Vilar: the “Structuralism” of the Annales School. Colloquium Paper. Berkley, 1974.

⁶ *Hexter J. F.* Braudel and the monde braudélien // Journal of Modern History. 1972. № 4. P. 499.

⁷ *Keylor W. R., Siegel M., Thomas H. F. and others.* The Historiography of the Early Annales Movement // American Historical Association. 1974. 28 december.

оппонентов⁸, Х. С. Хьюес отмечает «безапелляционный и поучительный тон» манифестов Февра, критикует авторский стиль Броделя «за полет... где-то между статистикой и поэтикой»⁹.

Монография Т. Стояновича «Французский исторический метод. Парадигма Анналов»¹⁰ представляет собой едва ли не первую попытку внешнего по отношению к движению обобщающего историографического исследования. Но, как следует из самого заглавия, это исследование осталось в пределах стереотипа, созданного самими «Анналами»: для автора послевоенный триумф «школы Анналов» означал триумф «французского исторического метода» над устаревшим «немецким нарративным». Таким образом, «Анналы» не просто затмили собой все предшествующие и параллельные им достижения французской исторической школы, но и были отождествлены с самой идеей прогресса в исторической науке XX в.

Г. Иггерс в своей обзорной работе «Новые направления в европейской историографии», напротив, полагал, что французские «Анналы» нельзя рассматривать вне наследия германской исторической школы. Исторические исследования во Франции были глубоко зависимы от немецкого влияния, а метод семинаров был заимствован прямо. Иггерс доказывал, что именно рождение немецкого «историзма» в начале XIX в. стало, в терминологии Куна, подлинной «революцией в историографии». И, напротив, течения начала XX столетия, повлекшие за собой образование, в широком смысле, «новой истории», хотя и преодолели ранкеанскую парадигму, не смогли образовать вторую «историографическую революцию»: они вылились не в одну, а в несколько парадигм¹¹.

Хотя «Анналы» отвергают узкую, событийно-ориентированную историю, они утверждают необходимость начинать с источников, усиливать документальную критику. Автор оценивает главный институт «Анналов» – Шестую секцию Высшей практической школы, преобразованную позднее в Высшую школу исследований по социальным наукам, – как «наилучшим образом финансируемый и самый важный центр социальной науки и исторических исследований»¹² во Франции. Однако Иггерс не желает следовать клише о непреходящей революционности «Анналов», утверждая, что раньше движение боролось с по-

⁸ Pouthas C.-E. Présentation // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1954. № 1. P. 1–2.

⁹ Hughes H. S. The Obstructed Path: French Social Thought in the Years of Desperation, 1930–1960. N.Y., 1968. Chapter «The Historiens and the Social Order». P. 18–64.

¹⁰ Stoianovich T. French Historical Method. The Annals Paradigm. Ithaca; L., 1976.

¹¹ Iggers G. New Directions in European Historiography. L., 1985. P. 31–41.

¹² Ibidem. New Directions in European Historiography. Middletown; Connecticut, 1975. P. 57.

зитивистской элитой профессии, а после Второй мировой войны само превратилось в истеблишмент.

Во второй половине 1970-х гг., с очевидным запозданием, связанным со сложностью научного взаимодействия в средах, разделенных «железным занавесом», в историографические исследования, связанные с историей «Анналов», включились и советские ученые.

Начало историографической рефлексии об «Анналах» в СССР также имеет свою предысторию. Первая рецензия на труды Марка Блока, посвященная его концепции феодализма, была опубликована в СССР еще в 1955 г.¹³ В 1957 г. В. М. Далин под псевдонимом «В. Видаль» опубликовал некролог Л. Февра, положительно оценив его исследовательские достижения¹⁴. Первый в советской научной литературе обзор журнала «Анналы» был опубликован Ю. Л. Бессмертным в 1959 г. в «Средних веках»,¹⁵ следующий – в 1962 г. – был выполнен в «Вопросах истории» Г. Г. Дилигенским,¹⁶ охарактеризовавшим движение «Анналов» как школу, которая воплотила в себе основные прогрессивные тенденции развития современной буржуазной историографии.

В 1960-х – начале 1970-х гг. публикуется ряд работ, посвященных отдельным аспектам теории и практики французских исторических исследований¹⁷. Однако рефлексия советских историков проходит в русле общей концепции кризиса буржуазного историзма и западных фальсификаций истории, где «Анналы» подвергались хоть и не самой жесткой, ввиду своей лояльности марксизму, но сугубо идеологизированной оценке. Так, И. С. Кон в подобающем идеологическом русле рассматривал на примере творчества Л. Февра проблемы исторической закономерности, объективности и субъективности, критиковал Ф. Броделя и его коллег за слишком узкое понимание капитализма и отсутствие интереса к проблематике классовой борьбы; за схематизм «геоистории» и непро-

¹³ Кон И. С., Люблинская А. Д. Труды французского историка Марка Блока // ВИ. 1955. № 8. С. 147–159.

¹⁴ Видаль В. Люсьен Февр // Вестник истории мировой культуры. 1957. № 1. С. 244–246.

¹⁵ Бессмертный Ю. Л. «Annales (Economies. Sociétés. Civilisations)». Р., 1958. № 1–4 // СВ. 1959. Вып. 15. С. 142–146.

¹⁶ Дилигенский Г. Г. «Annales. Economies – Sociétés – Civilisations». Paris // ВИ. 1962. № 7. С. 185–190.

¹⁷ Медушевская О. М. Вопросы теории источниковедения в современной буржуазной историографии // ВИ. 1964. № 8. С. 77–88; Она же. Некоторые проблемы методологии истории в современной французской историографии // ВФ. 1965. № 1. С. 107–115; Иванов В. В. К вопросу о содержании и развитии сравнительно-исторического метода // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1967. Вып. 5; Атласов Г. В. К вопросу о теоретико-методологических основах современной французской историографии // Вопросы историографии всеобщей истории. Казань, 1967. Вып. 2.

ясненность переходов между тремя уровнями исторического бытия, которым соответствуют знаменитые три режима исторических времен¹⁸.

И. И. Розовская на примере «Анналов» исследует проблематику социально-исторической психологии, опираясь на исследования Л. Февра и Р. Мандру, рассуждает об историзме человеческого сознания, позволяющем формировать новые исследовательские подходы¹⁹.

В 1970-х – начале 1980-х гг. обращение к отдельным проблемно-тематическим ракурсам исследований движения «Анналов» в СССР продолжилось. Значительный интерес к «Анналам» проявили историки Великой французской революции. А. В. Адо и В. П. Смирнов в соавторстве проанализировали состояние исследований по этой проблематике в современной французской историографии, особенно – в деятельности «второго и третьего поколений Анналов»²⁰. Анализируя творчество Броделя, Ле Руа Ладюри, Мандру, интересующую их проблематику народных движений, социально-исторической психологии, авторы пришли к выводу о методологическом кризисе в школе «Анналов», проявившемся в тематической фрагментации исторической науки.

Похожую позицию обозначил А. З. Манфред, который считал бесперспективным отсутствие единой концепции исторического процесса у французских историков²¹.

С. Ф. Блуменау анализировал общую эволюцию интерпретаций Революции, выполненных «Анналами» в различные периоды их деятельности. Если первые два поколения «Анналов» публиковали рецензии и статьи по проблеме, то в дальнейшем отчетливо проявляется кризис. Автор признал неудачным проект «глобальной истории» Броделя, поскольку его преемники пошли по пути раздробления тематического поля исторического исследования²².

В. М. Далин в монографии «Историки Франции XIX–XX вв.»²³ рассматривал школу «Анналов» как определяющее для французской исторической науки интеллектуальное течение. Высоко оценивая превосходные источниковедческие техники французских историков, он

¹⁸ Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959.

¹⁹ Розовская И. И. Проблематика социально-исторической психологии в зарубежной историографии XX в. // ВФ. 1972. № 7. С. 128–136.

²⁰ Адо А. В., Смирнов В. П. Послевоенная французская историография новой и новейшей истории Франции // НиНИ. 1977. № 6. С. 150–156.

²¹ Манфред А. З. Некоторые тенденции зарубежной историографии // Коммунист. 1977. № 10. С. 106–114.

²² Блуменау С. Ф. «Анналы» и проблемы Французской буржуазной революции конца XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия История. 1978. № 3. С. 68–87.

²³ Далин В. М. Историки Франции XIX–XX вв. М., 1981.

пользуется градацией «поколений» в истории «Анналов», чтобы обозначить с марксистской точки зрения плодотворность исследований первых двух исследовательских генераций и оценить как отошедшую от верного руслу концепцию «третьих Анналов».

При сохранении общего идеологического профиля формируется тенденция к созданию обобщающих опыт «Анналов» трудов. Так, в своей монографии М. Н. Соколова²⁴ решила не выделять последователей Блока и Февра в особую научную школу. Автор не нашла у преемников достаточного идейного единства, отметив, что концепция исторических времен Броделя явно стоит особняком по отношению к теоретическим экскурсам других представителей «Анналов». Историческое производство «Анналов» так и не обрело связности единой теории исторического процесса, которая, – очевидная дань времени, – возможна только на базе исторического материализма.

И. А. Гобозов выполнил исследование о буржуазной философии истории, противопоставив материалистическую марксистскую методологию «идеалистическим» исследованиям школы «Анналов»²⁵.

Ю. Н. Афанасьев защитил докторскую диссертацию и опубликовал монографию о «французской исторической школе Анналов»²⁶. Пользуясь понятием школы, автор, тем не менее, отмечал размытость и тематическую дробность предмета исторических исследований, близких к «Новой истории», вдохновляемой междисциплинарными подходами. В качестве сильной черты исследовательской программы «Анналов» Ю. Н. Афанасьев выделяет способность к выявлению взаимосвязей между различными тематическими универсумами, что делает возможной концепцию «глобальной истории», особенно в исследованиях Фернана Броделя.

А. С. Ходонов в кандидатской диссертации анализировал в марксистском ключе теоретико-методологические взгляды Марка Блока, рассматривая на примере его исследований возможности компаративного и ретроспективного подходов, его концептуальные схемы феодализма и коллективной психологии²⁷.

Тем временем в западной историографии рубежа 1970–1980-х гг. происходили существенные изменения, связанные с пересмотром существующих парадигм социальной истории, что привело к стремительному превращению «Анналов» из победоносной традиции исто-

²⁴ Соколова М. Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. М., 1979.

²⁵ Гобозов И. А. Современная французская буржуазная философия истории. М., 1978.

²⁶ Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектики. Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. 1929–1979 гг. М., 1980.

²⁷ Ходонов А. С. Теоретико-методологические взгляды Марка Блока. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1985.

риописания в объект дискуссий. Ревизия «официальной истории» «Анналов» была начата коллективом самого журнала к 50-летию издания. Молодые сотрудники редакции А. Бюргер и Ж. Ревель утверждали, что настало время написать «действительную» историю «Анналов», взятую во всей сложной социологии их реального развития и свободную от интерпретаций, исходящих от самих анналистов²⁸.

В дальнейшем названные прямо или отождествленные косвенно с доминирующими моделями социальной истории, «Анналы» подверглись самой бескомпромиссной критике²⁹. Ревизия историографической традиции, исходящая от «Анналов», привела и к новым прочтениям «позитивистской» историографии, избавляя поколение учителей Февра и Блока от долго доминировавшего негативного, почти карикатурного образа³⁰.

Г. Бурде и Э. Мартен в книге «Исторические школы» рассматривали движение «Анналов» как закономерный этап в развитии французской историографии, в чем-то наследующий предыдущей «методической» школе, в чем-то конкурирующий с ней. С педагогической ясностью авторы изложили основные подходы и теории исторической дисциплины, в том числе, «школы Анналов» и «Новой истории», выявляя их связи с доминирующими идейными течениями – марксизмом и структурализмом. Авторы одними из первых отметили и важную тенденцию в историографическом производстве последних лет – «медиализацию» научных исследований и исторического дискурса в целом³¹.

Э. Куто-Бегари опубликовал монографию «Феномен Новой истории. Стратегия и идеология новых историков», продолжившую линию «демистификации» «Анналов». Автор описал как сугубо конкурентный, преследующий цели социального самоутверждения разрыв с традиционной «событийной» историей, который провозгласило движение. Не произведя научной революции в смысле, обозначенном Томасом Куном, и, определив проект «тотальной истории» лишь как отдаленный идеальный горизонт, «Анналы», с точки зрения автора, вознеслись к

²⁸ *Burguière A.* Histoire d'une histoire: la naissance des Annales. // *Annales: ESC.* 1979. № 6. P. 1347–1359; *Revel J.* Histoire et sciences sociales: les paradigmes des Annales. // *Annales: ESC.* 1979. № 6. P. 1359–1376.

²⁹ *Stone L.* Retour au récit ou réflexions sur une nouvelle vieille histoire // *Le Débat.* 1980. № 4. P. 116–142; *Furet F.* En marges des Annales. Histoire et sciences sociales // *Ibid.* 1981. № 17. P. 112–127.

³⁰ *Carbonell C.-O.* Histoire et historiens. Une mutation idéologique des historiens français, 1865–1885. Toulouse, 1976; *Bourdé G., Hervé M.* Les écoles historiques. P., 1983; *Livet G. (dir.), Carbonell C.-O.* Les Professeurs d'histoire de l'enseignement supérieur en France au début du Xxe siècle // *Au berceau des Annales, le milieu strasbourgeois, l'histoire de France au début du XXe siècle.* Actes du colloque de Strasbourg, octobre 1979. Toulouse, 1983.

³¹ *Bourdé G., Hervé M.* Les écoles historiques...

вершинам профессионального триумфа за счет того, что сумели сформировать революционную и успешную стратегию захвата интеллектуальной власти, учреждений образования, издательств и медиа-бизнеса³².

Книга Ф. Досса «История в осколках. От Анналов к Новой истории» обобщила эволюцию движения «Анналов», создание вокруг него институциональной сети через последовательную смену социальных и политических контекстов. Автор проанализировал тематические и методологические решения «Новой истории», отказавшейся от амбиций истории «тотальной» и призывающей к реабилитации пространства событийной истории и «коротких» времен, которые ранее отвергались в «Анналах» как малозначимые³³.

В 1990 г. была опубликована обобщающая монография английского историка П. Берка «Французская историческая революция: школа «Анналов», 1929–1989»³⁴. Выявляя основы «классической концепции» «Анналов», Берк выделил три фазы развития данной интеллектуальной традиции, основанные на деятельности трех различных поколений. «Первые Анналы» (1920–1945) были отмечены борьбой против традиционной истории, сделав свой журнал рупором инновации в профессии. «Вторые Анналы» (1945–1968) были в наибольшей степени «школой», обладавшей четким понятийным арсеналом и методом, воплощением которых автор считает «сериальную историю». «Третьи Анналы» (с 1968 г.) переживают период фрагментации, и одновременно – наибольшего влияния движения, совершая поворот от социоэкономической к социокультурной, или даже политической и «событийной» истории. Однако автор писал о том, что к данному периоду движение теряет свои «системообразующие» отличительные признаки, и что о «школе Анналов» ныне пишут в основном иностранные поклонники и критики, и даже делает вывод об «угасании» этой научной традиции.

Во второй половине 1980-х гг. – начале 1990-х историография «Анналов» оказалась отмечена двумя важными, хотя и неравноценными, с точки зрения исторических последствий, событиями: эпохально значимым окончанием «холодной войны» и узкоспециальной дискуссией вокруг «лингвистического поворота» в социальных науках.

Первое из вышеназванных событий привело к усилению европейских информационных обменов, позволив «Анналам», с почти 20-летним, относительно историографической ситуации на Западе, запозда-

³² *Coutau-Bégarie H.* Le phénomène «Nouvelle histoire». Stratégie et idéologie des nouveaux historiens. P., 1983. Rééd: *Coutau-Bégarie H.* Le phénomène «Nouvelle Histoire»: Grandeur et décadence de l'école des Annales. P., 1989.

³³ *Dosse F.* L'histoire en miettes. Des « Annales » à la « nouvelle histoire ». P., 1987. Rééd. 1997.

³⁴ *Burke P.* The French Historical Revolution: the Annales School, 1929–1989. Stanford (CA), 1990.

нием добиться безраздельного внимания историков посткоммунистических стран. В России какое-то время «Анналы», как уже было написано выше, представлялись своего рода волшебной панацеей от всех когнитивных и методологических трудностей эпохи, переживающей крах господствовавшей ранее марксистской идеологии.

В 1986 г. Ю. Н. Афанасьевым и М. Ферро был выпущен совместный франко-советский сборник «50/50: Опыт словаря нового мышления»³⁵, в котором, при участии В. С. Библера, М. Я. Гефтера, А. Я. Гуревича и других впервые был поднят широкий круг исследовательских проблем (диалог культур, идентичность, ментальность, новое мышление, десталинизация), свободных от диктата идеологии.

В 1989 г. «Анналы» отметили свой юбилей в Москве, проведя международный коллоквиум, результатом которого стал коллективный сборник «Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов»»³⁶.

Представители самого движения – Ж. Ле Гофф, Э. Ле Руа Ладюри, Ж. Ревель, Р. Шартье – предостерегали своих российских коллег от словоупотребления «школа Анналов» в виду того, что «Анналы» как совокупный вектор движения объединяют много разнородных коллективов, которые невозможно отождествить между собой.

Российские историки говорили об общих для обеих национальных историографий подходах к изучению истории, обозначая перспективы будущего развития науки. М. А. Барг отметил как сильную сторону программы «Анналов» широкое использование междисциплинарных методов³⁷, Ю. Л. Бессмертный говорил о кризисных тенденциях в современных «Анналах» и историографии в целом, о возможностях нового проекта «тотальной истории» в условиях фрагментации исторического познания³⁸.

А. Я. Гуревич рассуждал о новых возможностях исторического синтеза, обнаруживая в истории ментальностей уникальную способность стать новым ключом к реконструкции «картины мира людей прошлого», взятой в антропологической перспективе³⁹.

Необходимо отметить ведущую роль А. Я. Гуревича в формировании того образа «школы Анналов», который стал определяющим для российской рецепции движения. Для Гуревича предметом особого интереса стали

³⁵ 50/50. Опыт словаря нового мышления / Под ред. Ю. Н. Афанасьева и М. Ферро. М., 1989.

³⁶ Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов» / Отв. ред. Ю. Л. Бессмертный. М., 1993.

³⁷ Барг М. А. «Анналы» и междисциплинарные методы исторического познания // Там же. С. 66.

³⁸ Бессмертный Ю. Л. Кризис «Анналов»? // Там же. С. 110–111.

³⁹ Гуревич А. Я. От истории ментальностей к историческому синтезу // Там же. С. 25.

теоретико-методологические основы «первых Анналов». Он высоко ценил творчество Л. Февра, размышлявшего категориями «эпохи» и «цивилизации», которые могут быть поняты только сквозь призму «ментального инструментария», формирующего уникальный тип исторической личности. Гуревич считал, что именно концепции цивилизаций должны стать достойным противовесом жесткому детерминизму теории формаций⁴⁰.

Центральным понятием исторического исследования для А. Я. Гуревича остается «ментальность» – теоретическое ядро современной исторической антропологии, «...мощный пласт сознания, где коренятся его автоматизмы и привычки, исторически обусловленные способы интеллектуального и аффективного освоения мира, тот “духовный инструментарий”, при помощи которого люди расчлняют и организуют картину мира»⁴¹.

Своим единомышленником и одновременно – партнером по дискуссии А. Я. Гуревич считал Ж. Ле Гоффа, диалог с которым о периодизации Средневековья, о категории времени и догмате «чистилища» в ментальности средневекового европейца, о конфликте «народной» и «ученой» культур и о многом другом продолжался долгие годы.

Почти столь же тесно оказываются связаны с судьбой французской историографии исследования Ю. Л. Бессмертного. В своих монографиях⁴² он вел диалог с историками «Анналов», размышлял о специфике аграрных исследований М. Блока, о концепции «феодальной революции», о семье и браке в Средние века. Впечатленный исследовательским ресурсом микроистории, Бессмертный стремился интегрировать «историю частной жизни» в общую ткань социальной истории, через своеобразие казуса и фигурирующего в нем индивида найти переход к макропроблематике, исследующей общественные стереотипы и структуры⁴³.

Оставаясь главным проводником достижений «Анналов» в отечественной историографии, А. Я. Гуревич положил начало активной теоретико-методологической разработке понятия «ментальностей»⁴⁴ и многочисленных исследований в жанре исторической антропологии. Данная интерпретация, постулируя «историографическую революцию Анналов» и «парадигмальную ломку», связанную с утверждением

⁴⁰ Гуревич А. Я. Теория формаций и реальность истории // ВФ. 1990. № 11. С. 43.

⁴¹ Он же. Культура и история (Ответы на вопросы редакции журнала) // НиНИ. 1991. № 1. С. 98.

⁴² Бессмертный Ю. Л. Феодалная деревня и рынок в Западной Европе XII–XIII вв. По северофранцузским и западнонемецким материалам. М., 1969; Он же. Жизнь и смерть в средние века: Очерки демографической истории Франции. М., 1991.

⁴³ Он же. Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. М., 2000. С. 21.

⁴⁴ Зубкова Е. Ю., Куприянов А. И. Ментальное измерение истории: Поиски метода // ВИ. 1995. № 7; Николаева И. Ю. На путях методологического синтеза: опыт интерпретации раннесредневековой ментальности // Историческая наука и историческое сознание. Томск, 2000. Глава V. С. 173–202.

«истории-проблемы» и «антропологическим поворотом», сводит все многообразие движения к единственной прямолинейной перспективе истории ментальностей и исторической антропологии. Следует признать, что именно представления А. Я. Гуревича об «Анналах» утвердились в российской историографии 1990 – начала 2000-х гг. как доминирующая точка зрения⁴⁵. К сожалению, эта интеллектуальная редукция оставила за рамками рассмотрения и популяризации огромный пласт исследований в жанре социально-экономической истории, включая «большие длительности» Броделя.

Важную роль в распространении знаний о современных методологиях истории, в том числе – об исследовательских практиках школы «Анналов», выполняет Российский гуманитарный научный фонд. Его грантами были поддержаны выпуски альманаха «Одиссей: человек в истории», ставшего в 1990–2000-х гг. одним из главных российских каналов новаторских идей французской (и западной) историографии. Тематические номера «Время и пространство праздника»⁴⁶ 2005 г. и «Феодализм перед судом историков»⁴⁷ позволили читателям непосредственно приобщиться к исследовательским моделям, ставшим «фирменным знаком» «Анналов».

Хотя обобщающих исследований об «Анналах» в десятилетие после книги А. Я. Гуревича «Исторический синтез и школа «Анналов» (1993) не появилось, значительное количество индивидуальных и коллективных исследований в том или ином ракурсе способствовали популяризации наследия знаменитой французской традиции историописания. Так, под редакцией Ю. Л. Бессмертного вышла книга «Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени», исторические реконструкции которой во многом опирались на наследие традиции «Анналов»⁴⁸. Столь же плодотворным, в плане освоения исследовательских наработок ученых-анналистов, оказалось 4-томное издание «Город в средневековой цивилизации Западной Европы», также поддержанное РГНФ⁴⁹. Отдельные направления методологической рефлексии французских историков оказались востребованы в аналитических статьях Н. Л. Пушкарё-

⁴⁵ Гуревич А. Я. Загадка Школы «Анналов». «Революция во французской исторической науке» или Об интеллектуальной ситуации современного историка // *Мировое древо*. 1993. №2; *Он же*. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993. Выдающийся российский историк, впрочем, неоднократно подчеркивал свое кредо медиевиста и тот момент, что не претендует на объективный и всеохватный анализ историографии движения.

⁴⁶ *Одиссей: Человек в истории* / Под ред. А. Я. Гуревича. М., 2005.

⁴⁷ *Одиссей: Человек в истории* / Под ред. А. Я. Гуревича. М., 2006.

⁴⁸ *Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени* / Под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 1996. Т. 1.

⁴⁹ *Город в средневековой цивилизации Западной Европы: В 4 т.* М., 1999–2000.

вой⁵⁰, Л. П. Репиной⁵¹, тематических подборках журнала «Диалог со временем»⁵² и пр.

Наконец, свой закономерный и весомый вклад в распространение знаний об «Анналах» при помощи РГНФ внесли историки истории Франции, анализирующие исследовательские достижения зарубежных коллег: П. Ю. Уваров⁵³, О. И. Тогоева⁵⁴, М. К. Люмбарт⁵⁵, О. С. Воскобойников⁵⁶, В. Н. Малов⁵⁷.

Необходимо еще раз ясно произнести, что сведение опыта традиции «Анналов» к плоскости ментальностей и исторической антропологии, утвердившееся в большинстве обобщающих работах 1990 – начала 2000-х гг. как преобладающая интерпретация, не соответствует действительной истории «Анналов». Постулируемая приверженность «Анналов» «ментальностям» и «цивилизациям» плохо адаптируется к работам М. Блока, основой для которых служили «классы», «структуры» и «общество» – терминология, позаимствованная у социологов. Эта интерпретация нивелирует существенную разницу идейных предпочтений в «первом поколении Анналов», сводя воззрения М. Блока к содержанию полемических манифестов Л. Февра, хотя именно поборник ментальностей А. Я. Гуревич впервые обратил внимание российских читателей на то, что в деятельности легендарного дуэта были некоторые противоречия и «тщательно скрывавшиеся» от посторонних научные разногласия⁵⁸.

Интерпретация «школы Анналов» как специализирующейся на одних ментальностях обесценивает деятельность «вторых Анналов», по большей части – «геоисторию» Фернана Броделя, которую А. Я. Гуревич оценил как находящуюся в разрыве с наследием Блока и Февра⁵⁹.

⁵⁰ Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 3–19.

⁵¹ Репина Л. П. «Вызов и ответ»: перспективы исторической науки в начале нового тысячелетия // «Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки». 2008. № 3. С. 11–26.

⁵² Диалог со временем. М., 2007. Вып. 21: Исторические мифы и этнонациональная идентичность.

⁵³ Варфоломеевская ночь: событие и споры / Под. ред. Н. И. Басовской, П. Ю. Уварова М., 2001; Уваров П. Ю. Франция XVI в. Опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004.

⁵⁴ Тогоева О. «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М., 2006.

⁵⁵ Любарт М. К. Семья во французском обществе: XVIII – начало XX века. СПб., 2005.

⁵⁶ Воскобойников О. С. Душа мира. Наука, искусство и политика при дворе Фридриха II (1200–1250 гг.). М., 2008.

⁵⁷ Малов В. Н. Парламентская Фронда: Франция, 1643–1653. М., 2009.

⁵⁸ Гуревич А. Я. «Добротное ремесло» (Первая биография Марка Блока) // Одиссей. Человек в истории. 1991. С. 75–83.

⁵⁹ Он же. Исторический синтез и Школа «Анналов»... С. 28.

Между тем именно Февр восторженно отзывался об исследованиях Броделя, считая их воплощением своей давней нереализованной мечты о союзе истории и географии. Наконец, полностью осталась за гранью восприятия историографов социально-экономическая история Эрнеста Лабрусса, без которого французская историография 1950–1970-х гг. просто не может быть адекватно представлена, поскольку именно его многочисленные ученики составили основу «третьего поколения *Анналов*», также как его исследовательский метод стал базой для их изысканий и дальнейшей эволюции (Э. Ле Руа Ладюри, А. Корбен, М. Агюлон и др.) к антропологической и культурной проблематике.

Такая позиция А. Я. Гуревича по отношению к исследованиям Броделя разделялась не всеми его коллегами. А. Л. Ястребицкая, размышляя о судьбах историографии XX в., рассматривает Броделя как «блестящего продолжателя» традиции «*Анналов*», обогатившего кругозор социальной истории своими исследованиями повседневности и материальной культуры, которого нельзя противопоставлять исследователям историко-антропологической ориентации⁶⁰. Б. Г. Могильницкий анализировал работы Ф. Броделя с точки зрения преемственности по отношению к начинаниям «первых *Анналов*» как творческую лабораторию междисциплинарного синтеза⁶¹.

В последнее десятилетие интерес российских ученых к французской историографии, для многих полностью ассоциируемой с «*Анналами*», привел к появлению ряда работ, анализирующих текущее «кризисное» состояние «*Анналов*» и перспективы их будущего развития. Все эти работы выделяют в качестве определяющей черты современного историографического процесса отказ от детерминистических теорий, подъем «культурной истории» и микроисследований, а также кризис основ исторического познания, вызванный «лингвистическим поворотом»⁶².

⁶⁰ *Ястребицкая А. Л.* Культурное измерение историографического // *Культура и общество в Средние века – раннее Новое время. Методология и методики современных зарубежных и отечественных исследований. Сборник аналитических и реферативных обзоров.* М., 1998. С. 17–47.

⁶¹ *Могильницкий Б. Г.* Междисциплинарный синтез: уроки школы «*Анналов*» // *Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы.* Томск, 2002. С. 10–42.

⁶² *Гуревич А. Я.* Историк конца XX в. В поисках метода // *Одиссей. Человек в истории.* 1996. С. 5–10; *Бессмертный Ю. Л.* Как же писать историю? Методологические вехи во французской историографии 1994–1997 гг. // *НиНИ.* 1998. № 5. С. 29–42; *Он же.* Тенденции переосмысления прошлого в современной зарубежной историографии // *ВИ.* 2000. № 9. С. 152–158; *Ястребицкая А. Л.* О культур-диалогической природе историографического // *Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х гг.* // *Отв. ред. Г. И. Зверева.* М., 2001; *Трубникова Н. В., Уваров П. Ю.* Пути эволюции социальной истории во Франции // *НиНИ.*

В этот период в России были защищены несколько кандидатских диссертаций, посвященных методологическому наследию школы «Анналов»⁶³. Общей их чертой остается отвлеченно-теоретический профиль исследований, которые оставляют за гранью рассмотрения «Анналы» как социальный феномен в меняющихся конкретно-исторических условиях, как если бы ученые могли существовать в пространстве чистого, незамутненного социальной реальностью знания. Большинство работ написаны на основе переводов немногочисленных авторов, отождествляемых в России со «школой Анналов». Исследования молодых ученых оказались в прямой зависимости не только от интерпретаций старших коллег-соотечественников, но от издательской политики переводов. Так, в предпочтениях издательств постсоветского периода с большим отрывом от остальных лидирует Жак Ле Гофф. Эммануэля Ле Руа Ладюри начали понемногу печатать лишь в 2000-е гг., а другие, не менее именитые и интересные представители «Анналов», авторы популярных книг (такие, как П. Губер, М. Агюлон, А. Корбен и целый ряд других) вовсе не переводились.

На рубеже 1990–2000-х гг. были созданы новые учебные пособия и курсы лекций, посвященные историографии XX в., где заслуженно широко представлена французская историография. Б. Г. Могильницкий рассматривает «Анналы» как системообразующую основу «новой исторической науки», подробно анализируя теорию и методологию исследований М. Блока и Л. Февра⁶⁴. Учебник Л. П. Репиной, В. И. Зверевой, М. Ю. Парамоновой по истории исторического знания выделяет в особый раздел кратко изложенную эволюцию трех поколений движения «Анналов»⁶⁵.

Возвращаясь к проблемному полю западной историографии, отметим, что англо-американский «лингвистический поворот» в истории,

2004. № 6. С. 127–147; *Трубникова Н. В.* Историческое движение «Анналов»: традиции и новации. Томск, 2007.

⁶³ *Калимонов И. К.* Проблема генезиса феодализма на территории Франции в советской и французской историографии 60-80-х гг. XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1993; *Изергин А. М.* «Глобальная история» Фернана Броделя: вопросы методологии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1995; *Максимов С. Н.* Концепция «серийной» истории в трудах французского историка П. Шоню. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997; *Игнашов Д. Н.* Методология исторического познания школы «Анналов». Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1998; *Сарпова О. В.* Философия исторического познания в трудах школы «Анналов» (Франция, 1929–1994). Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2004; *Шкурат П. А.* «Интерпретация научного наследия школы «Анналов» в отечественной историографии». Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Липецк, 2005.

⁶⁴ *Могильницкий Б. Г.* История исторической мысли XX века: Курс лекций. Томск, 2003. Вып. 2: Становление «новой исторической науки».

⁶⁵ *Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю.* История исторического знания: Пособие для вузов. М., 2004.

объявленный в 1980-х, привел к формированию внушительного по объему корпуса критики, адресованной «Анналам»⁶⁶. Отталкиваясь от моделей истории ментальностей и проблематики истории культуры в целом, адепты «лингвистической перспективы» настаивают на революционном переосмыслении традиционной социальной истории в текстологическом ключе⁶⁷. Представители нового, «четвертого поколения Анналов», и прежде всего Р. Шартье, участвуют в дискуссиях, отстаивая право на существование французской социальной истории и доказывая принципиальное различие между «социальными» и «языковыми» практиками в анализе прошлого⁶⁸.

В 2000-х гг. французская (да и мировая) историография, не убежденная концепциями «лингвистического поворота», но все же лишенная прежней уверенности в своих эпистемологических основах, переживает «рефлексивный момент» развития, занимаясь реорганизацией своей профессиональной памяти. «Анналы» становятся неотъемлемой частью этого процесса переосмысления, превращаясь из идеализируемой «экспериментальной площадки» истории или, напротив, критической мишени предыдущих десятилетий в своего рода «место памяти»⁶⁹, логически закономерную веху многих интеллектуальных исканий XX в.

В отсутствие общепринятой системы «вузовских» учебников, характерной для российской системы образования, во Франции 1990-х появ-

⁶⁶ *Clarc S.* French Historians and Early Modern Popular Culture // *Past & Present*. 1983. № 100. P. 62–99; *Kinser S.* Annalist Paradigm? Geohistorical Structure of Fernand Braudel // *American Historical Review*. 1981. № 86. P. 63–105; *McLennan G.* Braudel and the Annales Paradigm // *Marxism and the Methodologies of History*. 1981. P. 129–151; *Gismondi M.* «The Gift of Theory»: A Critique of the histoire des mentalités // *Social History*. 1985. № 10. P. 211–230; *Hutton P.* The History of Mentalities: The New Map of Cultural History // *History and Theory*. 1981. № 20. P. 413–423; *LaCapra D.* Is Everyone a Mentalité Case? Transference and the «Culture» Concept // *History and Criticism*. 1985. P. 71–94.

⁶⁷ *LaCapra D., Kaplan S. (eds.)* Modern European Intellectual History. Reappraisals and New Perspectives. Ithaca; L., 1982; *Vann R. T.* Louis Mink's Linguistic Turn // *History and Theory*. 1987. № 1. P. 1–14; *Toews J.* Intellectual History after the Linguistic Turn: the Autonomy of Meaning and the Irreducibility of Experience // *American Historical Review*. 1987. № 4. P. 879–907; *Pagden A.* Rethinking the Linguistic Turn: Current Anxieties in Intellectual History // *Journal of the History of Ideas*. 1988. № 49 (3). P. 519–529; *Appleby J.* One Good Turn Deserves Another: Moving beyond the Linguistic: a Response to David Harlan // *American Historical Review*. 1989. № 94 (5). P. 1326–1332.

⁶⁸ *Chartier R.* Intellectuel History or Sociocultural History? The French Trajectory // *LaCapra D., Kaplan S.* Modern European Intellectual History. Ithaca; L., 1982. P. 13–46; *Chartier R.* Text, Symbols, and Frenchness // *Journal of Modern History*. 1985. № 57. P. 682–695; *Ibidem.* Texts, Printings, Readings // *Hunt L. (ed.)* New Cultural History. Berkeley; Los Angeles, 1989. P. 154–175.

⁶⁹ *Pomian K.* L'heure des Annales. La terre, les hommes et le monde // *Nora P. (dir.)* Les lieux de mémoire. P., 1997. Vol. 1. P. 903–952.

ляются обобщающие монографии, которые рассматривают долговременные историографические эволюции: Ж.-М. Бизьера и П. Вэйсьера «История и историки»⁷⁰, а также К. Делакруа, П. Гарсиа и Ф. Досса «Исторические течения во Франции»⁷¹. Первая помещает развитие французской исторической науки в широкий контекст, открываемый Античностью. Вторая книга рассматривает историописание Франции современного типа, укореняя его истоки в опыте Великой французской революции и социально-политических преобразованиях XIX в. и развивая анализ вплоть до второй половины 1990-х гг. Авторы выделяют не только тематические эволюции исторического знания, но и объективные исторические условия функционирования самого профессионального сообщества, что позволяет видеть не только фасады методологических деклараций определенной эпохи, но и базовые, принудительные влияния социальной конъюнктуры.

В 1990-х гг. продолжается тенденция рассмотрения «Анналов» в контексте долгого и успешного развития исторической науки во Франции их предшественниками. Усиливается интерес к поколению историков-позитивистов, или «методической школы», совершившей «научную революцию» в собственном смысле и заложившей основы «нормальной», по Куну, науки в сообществе историков⁷². Пересматривая легенду легитимации «Анналов», исследователи заново рассматривают проблему истоков движения, выявляют цепочки действительных методологических преемственностей и разрывов, освобожденных от целей профессионального позиционирования и конкуренции, присущих «Анналам» эпохи становления⁷³.

И. Олабарри в статье «Новая» новая история: структура «longue durée» размышляет о родовой основе всех «Новых историй» XX в.: школы «Анналов», неомарксистской историографии, группы историков вокруг британского журнала «Паст энд Презент», а также «билефельдской школы» в Германии. Несмотря на общее для них отрицание «ранкеанской» па-

⁷⁰ Bizière J.-M., Vayssière P. Histoire et historiens. Antiquité, Moyen Age, France moderne et contemporaine. P., 1995.

⁷¹ Delacroix C., Dosse F., Garcia P. Les courants historiques en France. P., 1998.

⁷² Charle C. L'historien entre science et politique: Seignobos // Paris, fin de siècle. Culture et politique. P., 1998. P. 125–152; Dumoulin O. Comment on inventa les positivistes // L'histoire entre épistémologie et demande sociale. Toulouse; Versailles, 1994. P. 79–103.; Prost A. Seignobos revisité // Vingtième siècle. Revue d'histoire. 1994. № 3. P. 100–117.

⁷³ Raphaël L. The Present as Challenge for the Historian. The Contemporary World in the Annales ESC, 1929–1949 // Storia della Storiografia. 1992. № 21. P. 25–44; Müller B. Lucien Febvre et Henri Berr: de la synthèse à l'histoire-problème // Biard A., Bourel D., Brian E. (dir.) Henri Berr et la culture du XXe siècle. Histoire, science et philosophie. P., 1997; Mucchielli L. Aux origines de la nouvelle histoire en France: l'évolution intellectuelle et la formation du champ des sciences sociales // Revue de synthèse. 1995. № 1. P. 55–98.

радигмы, автор постулирует общую приверженность всех исторических школ последних двухсот лет историзму, однако пишет о невозможности в современных условиях единого историографического проекта. Основная цель ближайшего будущего – осмыслить тот «компендиум различий», который характеризует историографическую ситуацию последнего столетия, с тем, чтобы создать новые модели всемирной истории, взамен исчерпавшей себя идеи истории, созданной эпохой Просвещения⁷⁴.

Истории движения «Анналов» в целом посвящены специальные монографии Р. Раздюзля «Историческая социология Анналов» и К. А. Агирре Рохаса «Побеждающая история. Взгляд на французскую историографию». Первый из авторов формирует свое повествование на основе устоявшегося клише о разрыве «третьих Анналов» с наследием «первого» и «второго» поколений движения. Этот разрыв привел к тому, что, несмотря на продолжающееся издания журнала, «школа Анналов» – как движение «еретиков», стремящихся к обновлению исторической науки, перестала существовать. Хотя в заглавии был объявлен интерес автора к «социологическим» характеристикам движения, в действительности, повествование ограничивается лишь традиционной, по преимуществу тематической периодизацией «Анналов», основанной на хронологии «трех поколений»⁷⁵.

Монография Агирре Рохаса стремится представить историю «Анналов» как развитие так называемой «романской матрицы» историографии, характеризуемой красочностью языка, «повторяемым» типом аргументации, свободой изложения, и одновременно – сложностями в обосновании своей концептуальной базы, в отличие от «немецкой» модели, отличающейся аналитической строгостью. Автор отмечает, одновременно подчеркивая непреходящую связь социальной истории с марксизмом, что вечное ощущение новизны, исходящее от «Анналов», связано с постоянным междисциплинарным диалогом, позволяющим в разные моменты брать на вооружение тот или иной тематический или методологический альянс⁷⁶.

Новаторским и стимулирующим по сравнению с устоявшимися историографическими схемами выглядит анализ Филиппа Кэррэрда, предпринявшего постструктуралистскую деконструкцию сочинений историков-анналистов в монографии «Поэтика Новой истории: французский исторический дискурс от Броделя до Шартье»⁷⁷. Исследование позволяет, не

⁷⁴ *Olabbarri I.* «New» New History: a Long Duree Structure // *History and Theory*. 1995. Vol. 34. № 1. P. 1–29.

⁷⁵ *Rauzduel R.* *Sociologie historique des «Annales»*. P., 1999. P. 91.

⁷⁶ *Aguirre Rojas C. A.* *L'histoire conquérante. Un regard sur l'historiographie française*. P., 2000. В рус. пер.: *Агирре Рохас К. А.* *Критический подход к истории французских «Анналов»*. М., 2006; *Он же.* «Анналы» и марксизм // *ФЕ* 2009. М., 2009.

⁷⁷ *Carrard P.* *Poétique de la Nouvelle histoire: le discours historique français de Braudel à Chartier*. P., 1998.

полагаясь на декларации самих авторов, проверить структурные основы поэтики, т.е. литературных закономерностей построения текстов, созданных в «Анналах». Кэрррд выявляет политику рассказа (сознательное целеполагание автора), присущую дискурсивным практикам анналистов; нарративные и ненарративные типы изложения в них; анализирует фигуры логики и риторики, неизбежно конфликтующие между собой; способы структурирования текста, средства авторского самовыражения и самопозиционирования, устоявшийся характер цитирования и т.д. Применение инструментов литературной критики к текстам данного типа позволяет автору сделать ряд интересных выводов, в частности, о том, что исследования «новых историков», несмотря на броские революционные манифесты, по-прежнему тяготеют к режиму строгой, «позитивистской» научности и избегают прямого участия в отвлеченных теоретических дискуссиях.

Несколько работ последних десятилетий посвящены учреждениям, сформированным в рамках движения «Анналов»: Высшей школе исследований по социальным наукам, Центру исторических исследований в ней, а также Дому наук о человеке⁷⁸ (который к настоящему времени представлен уже двадцатью филиалами по всей стране), что позволяет лучше понять контексты и закономерности развития институциональной сети движения.

Фигуры, олицетворяющие собой движение «Анналов», также снижали значительный интерес историографии 1990–2000-х гг. Преимущественное внимание уделяется Марку Блоку, жизнь, исследования и гражданское поведение которого подвергаются самой тщательной рефлексии. Общей тенденцией является стремление придать его творчеству самостоятельное значение, расширить узкие рамки интерпретаций, выполненных некогда Люсьеном Февром⁷⁹, реконструировать связь с современной ему эпохой⁸⁰ и сообществом историков⁸¹, извлечь уроки из его размышлений, полезные с точки зрения современных проблем исторической науки⁸².

⁷⁸ *Mazon B.* Aux origines de l'École des Hautes Etudes en Sciences Sociales: le rôle du mécène américain: 1920–1960. P., 1988; *Revel J., Wachtel N. (éd.)* Une école pour les sciences sociales. P., 1996; *Raphaël L.* Le Centre de recherches historiques de 1949 à 1975 // *Cahiers du Centre de recherches historiques.* 1993. 10 avril.

⁷⁹ *Dumoulin O.* Marc Bloch. P., 2000.

⁸⁰ *Müller B.* Marc Bloch et les années trente: l'historien, l'homme et l'histoire // *Deyon R., Richez J.-C., Strauss L. (dir.)* Marc Bloch, l'historien et la cité. Strasbourg, 1997; *Raulff U.* De l'origine à l'actualité. Marc Bloch, l'histoire et le problème du temps présent; Bibliothèque historique de la Ville de Paris, 11 octobre 1996. Sigmaringen, 1997; *Raulff U.* Marc Bloch. Un historien au XXe siècle. P., 2005.

⁸¹ *Astma H., Burguière A. (dir.)* Marc Bloch aujourd'hui: histoire comparée et sciences sociales P., 1990; *Schöttler P.* Marc Bloch et le XIXe Congrès international de sociologie, Bucarest, août 1939 // *Genèses. Sciences Sociales et histoire.* 1995. № 20 (9). P. 143–154.

⁸² *Noiriel G.* Sur la crise de l'histoire. Paris: Ed. Belin, 1996; *Ibidem.* Le statut de l'histoire dans Apologie pour l'histoire // *Cahiers Marc Bloch. Bulletin de l'associa-*

Б. Мёллер издал содержательную монографию «Люсьен Февр: читатель и критик», обстоятельно исследовав не только более 2 тыс. рецензий, выполненных историком, но и его отношения с коллегами, историю формирования профессиональной исторической периодики во Франции, и в этом контексте, – процесс создания и управления журналом «Анналы экономической и социальной истории»⁸³. В большинстве других обращений к Февру доминирует, скорее, критическая или даже негативная тональность: его имя часто фигурирует в современных спорах о моральном и гражданском выборе французских интеллектуалов в годы Второй мировой войны⁸⁴.

В 1990-х были опубликованы исследования о Фернанде Броделе, сфокусированные не только на его исследованиях, но и его личной и профессиональной судьбе⁸⁵, а также монография об интеллектуальном наследии Эрнеста Лабрусса, создавшего методологическую основу развития французской экономической и социальной истории 1950–1970-гг.⁸⁶

Таким образом, дополнительные ракурсы исследования, появление целого ряда новых тематических полей и проблем, публикация ряда впервые создаваемых интеллектуальных биографий последних десятилетий позволяет синтезировать заново историю «Анналов», фиксируя не только интеллектуальные и социально-исторические рубежи эволюций самого движения, но и моменты, актуализирующие его наследие в современных профессиональных и общественных дискуссиях.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1870 по 2000-е гг., от начала становления профессиональных исторических обществ и периодики во Франции, без которых невозможно понять условия формирования традиции «Анналов» и механизмы преемственностей в ней, до текущего состояния современной французской историографии, которая, в свою очередь, уже не может рассматриваться без учета наследия «Анналов».

tion Marc Bloch. 1997. № 5. P. 7–22.

⁸³ Müller B. Lucien Febvre, lecteur et critique. P., 2005.

⁸⁴ Schöttler P. Marc Bloch et Lucien Febvre face à l'Allemagne nazie // Genèses. Sciences Sociales et histoire. 1995. № 21. P. 75–95; Wessel M. Honneur ou patrie? Lucien Febvre et la question du sentiment national // Genèses. Sciences Sociales et histoire. 1996. № 25. P. 128–142; Zemon Davis N. Censorship, Silence, and Resistance: The Annales during the German Occupation of France // Litteraria Pragensia. 1991. № 1. P. 12–23. Рус. пер.: Земон Дэвис Н. «Анналы», Марк Блок и Люсьен Февр во время немецкой оккупации // Споры о главном... С. 166–179.

⁸⁵ Daix P. Braudel. P., 1995; Gemelli G. Fernand Braudel. P., 1995; Carmignani P. (dir.) Autour de F. Braudel. Perpignan, 2002; Aguirre Rojas C. A. Fernand Braudel et les sciences humaines. P.; Budapest; Torino, 2004.

⁸⁶ Borghetti M. N. L'oeuvre d'Ernest Labrousse. Genèses d'un modèle d'histoire économique. P., 2005.

ТРАДИЦИИ И ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ: «АННАЛЫ» КАК «МЕСТО ПАМЯТИ»

1. 1. «АННАЛЫ» И РЕВИЗИЯ НАСЛЕДИЯ ПОЗИТИВИЗМА

1.1.1. Рефлексия о позитивизме в современных историографических исследованиях

Определяя место всемирно известной исторической школы «Анналов» в развитии мировой научной мысли, необходимо прояснить ее идейные и социо-культурные связи с предшествующим поколением историков, поскольку историческое исследование всегда зависит не только от возможностей архивов, но и от информационного поля, сформированного уже созданными историческими работами, а также от усилий и ожиданий, вложенных непосредственными наставниками в образование начинающего ученого. Историк не пишет принципиально новых историй, он пытается «перерасказать» старые, используя новые данные и формируя новые интерпретации. «В случае с Анналами, – по мнению Ф. Кэррэрда, – короткий взгляд на теоретические записки Февра, Броделя и Ле Руа Ладюри показывает, что эти историки часто определяли свое предприятие по отношению к истории, предшествующей им, которую они называли *историзирующей, нарративной, событийной*, или, более общим способом, *позитивистской*»⁸⁷. «Анналы» эту историю дискредитировали, сделали из нее отрицательную модель, от которой в XX в. должен был откеститься всякий серьезный исследователь.

Как образ всего устаревшего и негативного, «позитивизм» сыграл значительную роль в образовании «новой исторической науки», с которой ассоциировали себя большинство анналистов. В историографию прочно вошло мнение, что практикуемая «позитивистами» история была сделана «с помощью ножниц и клея»⁸⁸; что она не занимается проблемой анализа

⁸⁷ Carrard P. Poétique de la Nouvelle histoire... P. 13.

⁸⁸ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 222.

собственных методологических основ, слишком буквально воспринимает исторические факты, больше увлечена «позитивным» конструированием национальной памяти, чем научным исследованием, чересчур ангажирована в политику и оправдывает хищнические колониальные притязания своих стран. Вплоть до 1990-х гг. это суждение не подвергалось сомнению. Но затем историографическая эволюция, будто бы завершив определенный логический круг, привела к радикальной ревизии наследия предшественников школы «Анналов», в одночасье превратив их в ключевое звено реорганизации профессиональной памяти историков⁸⁹.

Сам ярлык «позитивизма» не свободен от двойственности. Анналисты, пишущие манифесты от имени движения, используют его, чтобы изобразить тип исторического исследования, который главенствовал в конце XIX – начале XX в⁹⁰. Но существует и другая, не менее влиятельная терминология. Ряд исследователей, включая Ш.-О. Карбоннеля, Г. Бурде, Э. Мартена и других⁹¹ именуют понятием «позитивизм» широкое общенаучное движение, начатое Огюстом Контом. Чтобы обозначить новую тенденцию в истории, которая берет свое начало во Франции с основанием «Исторического журнала» (*la Revue Historique*) в 1876 г., они пользуются наименованием «методической школы». Свой выбор авторы объясняют тем, что целью и смыслом деятельности данного поколения историков было развитие «метода», то есть определенной совокупности процедур, способных производить «настоящую» историю. В настоящее время наименование «методической школы» почти вытеснило из исследований упоминания об историках-«позитивистах».

Разность словоупотреблений, как заметил Ф. Кэрррд, сигнализирует о глубоких, хотя и не самых принципиальных конфликтах в современной профессиональной среде. «Новые историки», наследующие традиции «Анналов», желают сохранить категории, основанные их предшественниками. Независимые исследователи стремятся к переименованию устоявшихся наименований, дабы избавить свой объект исследования от принудительного влияния накопившегося за XX в. ассоциативного ряда.

В частности, Ф. Кэрррд использует термин «позитивизм», и при этом не наделяет его уничижительными характеристиками, как «1) период в историографии, 2) модель, сформированную ясно определенными целями и мето-

⁸⁹ Трубникова Н. В. Ревизия наследия позитивизма в современной французской историографии // Известия Томского политехнического университета. 2006. Т. 309. № 6. С. 206–210.

⁹⁰ *Le Goff J., Chartier R., Revel J. (dir.) La Nouvelle Histoire.* P., 1978. P. 460–462; *Burgière A. (dir.) Dictionnaire des sciences historiques.* P., 1986. P. 536–537.

⁹¹ *Carbonell Ch.-O. Histoire et historiens...; Bourdè G., Hervé M. Les écoles historiques...; Bizière J.-M., Vayssièrè P. Histoire et historiens...; Dumoulin O. Comment on inventa les positivistes...*

дами, 3) совокупность написанных... согласно этой модели текстов, 4) как «гипотекст», то есть группу текстов, следы которых можно обнаружить в других текстах, где они имитируются, цитируются или отвергаются»¹.

Помимо разности наименований содержательная составляющая термина «позитивизм» так же неоднозначна. Его упоминание отсылает само по себе к положениям, развивавшихся Огюстом Контom. Историки чаще всего используют его в пренебрежительном смысле, обозначая колоссальный рывок в развитии, совершенный историографией XX в. по отношению к веку XIX. При этом игнорируется то обстоятельство, что в истории науки именно «позитивистский» период развития означал беспрецедентный по степени важности момент, который сравним, по мнению социолога Н. Элиаса, «со значением коперниковой революции»². Именно в эпоху открытия простых, как показалось преемникам, «позитивных» суждений была сформирована новая концепция объективности научного знания, в которой «истинным» признается исследование, верифицируемое экспериментально; создано представление о профессиональном научном сообществе и по необходимости коллективном характере научной деятельности, основанной на разделении труда и сотрудничестве ученых.

Необходимо отметить особую роль, отводимую Контom философии, которая была наделена особым правом устанавливать универсальные критерии знания. История располагалась основоположником позитивистской науки в самом низу иерархии «объективных» знаний из-за неспособности к обобщениям. Функцией теоретизирования Конт наделил новую науку об обществе – социологию, а историю описывал только как «место наблюдения», «поле маневров» на службе у социальной науки³.

Таким образом, историки-«позитивисты» поддерживали с контизмом достаточно сложные отношения. Они отстаивали право практиковать свою дисциплину по правилам единого научного метода, как и предписывал Конт, но отказались от всякой философии истории, что противоречило его устремлениям. Понятие «позитивного факта» или «позитивного исследования» под пером этих историков означало, в первую очередь, противопоставление всем явлениям спекулятивного, умозрительного порядка. «Позитивный» факт – это факт, существование которого установлено документально и подтверждено сложной процедурой критики документа.

Понимая, что единое и поверхностное наименование скрывает под собой ощутимую разницу научных и идейных подходов, Ж. Нуарьель рассуждает о «позитивизмах» различных научных направлений рубе-

¹ Carrard P. Poétique de la Nouvelle histoire... P. 14.

² Elias N. Qu'est-ce que la sociologie? P., 1980. P. 47.

³ Конт О. Дух позитивной философии. М., 2003.

жа XIX–XX вв., часто непримиримых друг к другу, но разделяющих общее чувство уверенности в достижимости истинного результата через исследование⁴. Именно этот научный оптимизм может быть вынесен «за скобки» любой методологии рассматриваемой эпохи.

Несколько важных тем в последние десятилетия делают актуальными наследие исторического «позитивизма».

Историки вновь пытаются определить «дисциплинарную матрицу» своего ремесла, в связи с чем признается ключевая роль «историзирующих историков» в становлении самой дисциплины. Важную роль в этом процессе сыграли наработки современной социологии науки, доказавшей необходимость исследовать профессиональные исторические сообщества «социологически», то есть как пространство людей, которому ничто человеческое не чуждо, а не как конфигурацию «чистых идей», где «прогрессивные» деятели науки неизменно и навсегда побеждают отсталых консерваторов. «Существуют группы историков, которые заявляют о себе традициями, создают школы, признают основополагающие правила своего ремесла, соблюдают деонтологию (*совокупность этических норм профессиональной деятельности*). – Н. Т.), практикуют ритуалы инкорпорации и исключения»⁵, – подчеркивает А. Про. Тем самым известный французский историк стремится вывести проблематику современного историографического исследования за рамки традиционной рефлексии, ограничивающейся идейным и методологическим содержанием исторических сочинений.

Необходимо отметить, что историки-«позитивисты» смогли задолго до появления «школы «Анналов» обрести свои институциональные основы, завоевать интеллектуальную автономию, утверждаясь в эмпирическом исследовании и дистанцируясь от философских обобщений. С этого момента, отмечает Ж. Нуарьель⁶, историки, чтобы оправдать свое начинание, были обязаны сами развивать обобщающий дискурс об истории, покидая почву эмпирической работы.

Впервые легитимация профессии историка посредством собственных аргументов, черпаемых в практике «исторического метода», стала целью деятельности «позитивиста» Шарля Сеньобоса, и продолжала оставаться одной из основных целей дисциплины на протяжении всего XX в. Только последовательно оценивая способы, которыми историки отстаивали свою интеллектуальную автономию, можно воспроизвести те этапы развития, которые в совокупности позволили создать и транслировать в истории определенную научную парадигму.

⁴ Noiriel G. Le statut de l'histoire dans Apologie pour l'histoire... P. 10.

⁵ Prost A. Douze leçons sur l'histoire. P., 1996. P. 13; рус. пер.: Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000.

⁶ Noiriel G. Sur la crise de l'histoire... P. 47.

Таким образом, «методическая школа», а не школа «Анналов», как утверждалось ранее, стала неизменной «точкой отсчета» достижений и потерь французской исторической науки⁷.

Эпистемологические утверждения позитивистов вызывают новый интерес в эпоху, когда все образцы социальной истории в духе «Анналов» если и не были окончательно опровергнуты, то в полной мере продемонстрировали свою досягаемость для критики. «Комплекс полноценности, свойственный французским историкам, которые гордятся тем, что принадлежат так или иначе к той самой Школе «Анналов», чьи выдающиеся заслуги чтят историки всего мира, стал не просто раздражающим, – необоснованным»⁸, – утверждает А. Про.

Критическая несостоятельность «школы Анналов» оказалась не меньшей, чем некогда слабая доказательность «методической школы» в спорах со сторонниками «новой социальной науки». В конечном итоге, «Анналам» пришлось разом отвечать за все амбиции истории всех ее направлений: за претензии на строгую научность, рухнувшие в эпоху нового субъективизма, который вновь сближает историю с литературным творчеством; за иллюзорное стремление к обобщениям, гипертрофию количественного метода. Наконец, стерлась и отступила на задний план исследования скучная реальность «исторического факта», задавленного искусством игры в исторические репрезентации.

С высоты нового эпистемологического опыта историками исторической мысли было убедительно доказано, что в западной историографии XX в. устоялось неадекватное, если не откровенно карикатурное представление о деятельности историков-позитивистов. Самой горькой оказалась историографическая судьба уже упомянутого Шарля

⁷ «С чем связано возвращение позитивизма? – На этот вопрос трудно дать точный ответ. Это понятие-убежище, укрытие от обманутых надежд, возвращение от революционной утопии к минималистской исследовательской программе: «По крайней мере, известно, что это верно, и из этого следует то-то», – полагает Пьер Нора. «Эти изменения параллельны тем, которые наблюдаются во французской политической мысли. Сейчас мы переживаем очень странное возвращение к воспеванию Республики, что пятнадцать лет назад показалось бы гротескным, нелепым. Точно так же пятнадцать лет назад апелляция к позитивизму показалась бы узостью чрезвычайной... Позитивизм – это ценность-убежище... Конечно, лучше утверждать что-то маленькое и точное, чем большое и неверное, но возврат к позитивизму есть огромный шаг назад с точки зрения амбиций философии истории. К сожалению, все попытки вырвать историю у позитивизма, которые делались в 70-е гг., ни к чему не привели. Я этому сопротивляюсь по привычке... Очевидно, надо научиться жить с этим как с хронической болезнью...» Цит. по: *Ханаева Д.* Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий. М., 2005. С. 74–75.

⁸ Про А. Двенадцать уроков по истории... С. 8.

Сеньобоса, ставшего неизменной целью жестокой критики неблагодарного ученика Люсьена Февра. Для творчества последнего высмеивание Сеньобоса приняло форму настоящей «идеи-фикс» и часто казалась чрезмерной даже идейно близким коллегам⁹.

В 1990–2000-х гг. французская историография вернула «историкам-методистам» право снова объяснить свои позиции без посредничества некорректных переложений оппонентов, которые, при ближайшем рассмотрении оказались близки по воззрениям современной микроистории, занимающейся реконструкцией прошлого по «косвенным следам»¹⁰.

Наконец, новая актуальность позитивистов связана со стремлением восстановить нарушенную социальную связь историка со своим временем, вернуть ему утраченное чувство ответственности перед обществом. В отличие от «Анналов», обозначивших свою дистанцию по отношению к политическим процессам любого толка, сфера социального действия у предшествующего поколения историков отличалась широтой и высокой гражданской ответственностью.

Таким образом, существует сформированная разными факторами развития исторической науки тенденция вывести историков-методистов из-под удара суждений, произведенных «Анналами», сделать их полноправными участниками современных дискуссий. Характерно, что реализуют эту задачу в основном исследователи, стоящие на платформе «социальной истории», то есть не чуждые наследию «Анналов», как если бы обостренное чувство справедливости диктовало им необходимость исправлять ошибки, допущенные предшественниками, без смены основных методологических ориентаций¹¹.

⁹ Так, по поводу книги Сеньобоса «Чистосердечная история французской нации» историк Фердинан Ло пишет: «...Я далеко не вдохновлен “Чистосердечной историей...” ...но эту книгу не обошла интересом современная партия, где я нахожу совершенно избыточной суровость Февра». Цит. по: *Dumoulin O. Marc Bloch... P. 226.*

¹⁰ *Ginzbourg P. Mythes, emblèmes, traces: morphologie et histoire. Paris: Flammarion, 1989.*

¹¹ «Восстановлению» доброго имени Шарля Сеньобоса много сил отдал историк Антуан Про: *Prost A. Seignobos revisité... В короткой статье о Сеньобосе не так давно изданного «Словаря французских интеллектуалов» он прямо подводит итог дискуссии: «...Он заслуживает лучшего, чем те “убойные” суждения, которые позволял в его адрес Л. Февр... Это карикатура на Сеньобоса – заставить его говорить, что факты существуют “позитивно” в документах, – он настаивал на работе воображения историка, – или еще, что история ограничивается изложением фактов. Также он не ограничивался только политической историей. Можно оспаривать способ, которым он исследовал экономическое и социальное, но он наделял их значением» // *Juillard J., Winock M. (dir.) Dictionnaire des intellectuels français. Les personnes. Les lieux. Les moments. P., 1996. P. 1042–1043.**

1.1.2. «Методическая школа» как родоначальница исторической профессии

К моменту появления движения «Анналов» все закономерности функционирования среды историков уже были созданы специалистами методической школы, заложившими очень благоприятные (по сравнению с другими странами) национальные основы для следующих поколений профессионалов, в первую очередь, – высокий уровень социальной востребованности и престижа «исторического ремесла».

Во Франции позитивизм утверждался, как известно, благодаря колоссальным успехам исследователей естественнонаучного профиля: Луи Пастера, Клода Бернара, Марселена Бертло. Концепции научной работы, принятые в экспериментальных науках – физике, химии, биологии, – отныне стали восприниматься как идеальная модель для любой области знания, даже для литературы. Благодаря позитивистской теории происходит постепенный разрыв гуманитарных наук с прежним типом историзма, основанном на поиске религиозных и метафизических смыслов существования человеческого общества.

Главной заслугой методической школы является формирование профессионального сообщества историков и норм его взаимодействия, что и стало формированием новой «научной парадигмы», в терминологии Томаса Куна¹². История становления французского сообщества историков, вступившего к моменту появления «Анналов» в фазу «нормальной» науки, вполне соответствует куновскому описанию формирования «дисциплинарной матрицы». Но если следовать логике этой модели, миф о «вечной молодости» и революционном нонконформизме традиции «Анналов» является сильным преувеличением. «На первый взгляд, – отметил Ж. Нуарьель, – традиция исторической науки, основанная в конце XIX в., не выдержала испытания временем. Очень мало историков сегодня ясно провозглашают принципы тех, кого они часто, в презрительной манере, называют «историзирующими историками», «сорбоннарами», «позитивистами»... И все же, с тех пор, как они оставили историю идей ради практической истории... даже когда они объявляют, громко и весомо, что ведут свое происхождение от Мишле, на деле продолжают писать историю так, как это предписал Сеньобос и ему подобные»¹³. Автор имеет в виду неизменность и преемственность базовых процедур «исторического метода», правил научного цитирования и библиографической работы, созданных исследовательским поколением методической школы и не претерпевших существенных изменений вплоть до настоящего времени.

¹² Kuhn T. S. La structure des révolutions scientifiques...

¹³ Noiriel G. Sur la crise de l'histoire... P. 231.

Возвращаясь к обстоятельствам формирования нормативной базы ремесла историка, отметим, что методисты сумели в полной мере воспользоваться широкими дотациями науке со стороны государства. Однако стремительной профессионализации истории во Франции способствовало не только высокое реноме науки, но и благоприятные политические условия. В 1870-х гг. история начинает занимать ключевую позицию среди университетских дисциплин, преодолевая второстепенное по отношению к философии и литературе положение. Во Франции утверждала свою власть III Республика, новый режим потребовал от историков участия в исследовании и преподавании опыта коллективной памяти, на прочном фундаменте которой могла бы вырасти единая национальная идентичность. Опираясь на профессоров Высшей нормальной школы (*Ecole Normale Supérieure*), Республика обеспечила своим сторонникам создание научной автономии для истории. Отсюда несколько принципов и особенностей профессионализации «ремесла историка» во Франции.

Государству, на фоне сильного католического влияния, было важно удержать преимущество за светским высшим образованием. Историки во Франции становятся служащими, согласно единой общегосударственной системе комплектации кадров, совмещающими функции исследования и преподавания. Отныне университетская карьера – не досужее занятие аристократов, она дает возможность зарабатывать на жизнь. Умножилась сеть исторических кафедр, были созданы сотни новых должностей, сформирована их иерархическая пирамида: доценты, профессора-совместители, профессора. Отдельную иерархию представляли собой посты в Париже по сравнению с провинциями, поскольку в столице жалование было в среднем в два раза выше. Карьерные притязания историка теперь в значительной степени стимулировались материальными возможностями. Верхом профессиональных мечтаний оставалась кафедра в Сорбонне, где был большой конкурс и мало избранных.

Париж, как место концентрации правительства и парламента, высших школ и самого престижного университета, основных журналов и крупнейших издательств, создал в эпоху III Республики новый тип централизации. Столица, как прибежище честолюбивых устремлений энергичных и талантливых выходцев из различных регионов и социальных сред, играла главную роль в процессах национальной ассимиляции и консолидации профессиональных элит. Формировались «сети власти», в которых историки приобрели большое значение в самых высоких инстанциях, становясь влиятельными советниками и экспертами, журналистами и издателями. Благодаря контролю, который они осуществляли над производством школьных учебников, они обладали исключительным влиянием на рынке печатной литературы. В то же самое время другие дисциплины получали эти привилегии с большим трудом. Это обстоятельство создавало очаги большой напряженности

в междисциплинарных дискуссиях и являлось обоснованием необходимости социальной и интеллектуальной легитимации различных областей знания. Официальный научный истеблишмент, влиятельную часть которого представляли историки, имел свою оппозицию в лице кружка интеллектуалов-марксистов во главе с философом Шарлем Пегги, с одной стороны, и группы молодых последователей «левого» по своим политическим ориентациям социолога Эмиля Дюркгейма, – прежде всего, Франсуа Симиана и Марселя Мосса, с другой. «...Эта среда противостояла республиканским сетям власти, но, в первую очередь, – историкам, в полной мере извлекавшим выгоды из ресурсов, которые предлагала парижская централизация, чтобы распространить свои взгляды по всей стране¹⁴», – написал Ж. Нуарьель в книге «Проклятые сыны Республики», посвященной формированию институциональных сетей и социальной роли французских интеллектуалов.

Однако интеллектуальный «ресурс власти» был также неоднородным: в него вовлекались университетские работники, чиновники, журналисты, создававшие собственные правый и левый идеологические полюса. Самым ярким примером такого противостояния стало дело Дрейфуса¹⁵, в котором «государственные» историки справедливо заняли позицию защиты обвиняемого, выступив заодно со своими же интеллектуальными оппонентами в лице социалистов-социологов против, например, историков Школы Хартий.

Занимая самую благоприятную позицию в сетях власти, история стала важной целью новой университетской политики при III Республике с конца 1870-х гг. Однако реформа образования производилась при активном участии самих историков, сумевших создать для своей профессии самый многочисленный штат преподавателей. Вот несколько показательных фактов. Между 1870–1902 гг. количество кафедр истории в Сорбонне удвоилось; с 1895 по 1904 гг. по стране в целом их количество возросло с 57 до 74. В конце века более тысячи студентов-историков прошли через основные ступени университетской карьеры – агрегацию, а затем докторскую степень¹⁶. Наконец, треть всех защищенных в Сорбонне диссертаций в 1880–1899 гг. были выполнены историками¹⁷.

¹⁴ *Noiriel G.* Les fils maudits de la République. L'avenir des intellectuels en France. P., 2005. P. 45.

¹⁵ Судебный процесс (с 1894 по 1906 г.) по делу о шпионаже в пользу Германии, в котором обвинялся офицер-еврей французского генерального штаба капитан Альфред Дрейфус (1859–1935). Дело Дрейфуса получило большой общественный резонанс, разделив французское общество на «правых» и «левых».

¹⁶ *Karady V.* Les professeurs de la République // Actes de la recherche en sciences sociales. 1983. № 6. P. 90–112; *Livet G. (dir.), Carbonell C.-O.* Les Professeurs d'histoire de l'enseignement supérieur... P. 89–103.

¹⁷ *Noiriel G.* Sur la crise de l'histoire... P. 217.

Постоянной заботой историков-методистов, привязавших профессию к светскому образованию, было преподавание истории, которое считалось главным способом социального оправдания ремесла историка. По выражению Сеньобоса, данная профессия имеет «прежде всего педагогическую ценность», но также является инструментом политического образования. Сочетание научного и гражданского измерения истории стало для «методистов» неразделимым, определив единую педагогическую концепцию.

Если теоретические позиции методической школы отрицали всякую идейную или политическую заданность, то учебники оказались написанными в духе «национального романа», создавая великолепную сагу о Франции, о силе и доблести ее национальных героев. Их учебники были исполнены патриотизма, но без националистических обертонов, имели слог простой и пафосный, но не превратились в разновидность вульгарного чтения. Учебник стал неотделим от профессии, и теперь «...ссылка на метод, которая превращалась иногда в пустой звук, привела к превращению ее в настоящий логический и педагогический формализм»¹⁸, – отметил А. Жерар в статье «У истоков битвы «Анналов», исторический позитивизм и университетская система», полагая, что именно с утверждением учебника в образовании история в понимании методической школы состоялась в полной мере.

После поражения во франко-прусской войне 1870 г. создание концепции национальной памяти, вектором которой был знаменитый учебник «История Франции» Эрнеста Лависса, на всех уровнях обучения, от начальной школы до университета, стало самым сильным достижением историков в борьбе за легитимность своего ремесла¹⁹. Фигура Эрнеста Лависса – сына простого лавочника, являвшегося для многих поколений французов персонифицированным воплощением истории, получила беспрецедентное влияние в кругах, простирающихся далеко за пределами университета²⁰. В 1896 г. он являлся одним из создателей закона Пуанкаре, который реформировал высшее образование. Согласно реформе, был введен диплом нового образца, новые правила агрегации, сформирована сеть провинциальных университетов. После 1904 г. Лависс на посту директора изменил систему управления Высшей нормальной школы – главной и самой престижной кузницы исторических кадров.

III Республика получила в лице историков свой прочный идеологический «тыл», накрепко привязанный к разнообразной почве французских регионов. Этот национальный фермент навсегда связал воедино

¹⁸ *Gérard A.* À l'origine du combat des Annales: positivisme historique et système universitaire // Livet G. (dir.) *Au berceau des Annales...* P. 84.

¹⁹ *Nora P.* L'Histoire de France de Lavissee // *Nora P. (éd.) Les Lieux de mémoire. La nation...* T. 2. P. 317–375.

²⁰ *Isaac J.* *Expériences de ma vie.* P., 1959. P. 265–267.

во французском образовании преподавание истории и географии. «География становится для всей совокупности исторического сообщества главным компонентом французского способа писать историю», и даже непримиримый критик Люсьен Февр, полностью перенеяв аргументацию Франсуа Симиана против «методической школы», отверг ту ее часть, где дискредитируется союз истории с географией²¹.

Высокий социальный престиж исторической профессии, ее ключевая роль в трансформациях общества обозначили еще одну яркую особенность французской историографии: с момента формирования «национального французского романа в духе Лависса» все исследовательские инновации историков оказались завязаны на «битвах» памяти. Каждое новое поколение обязано было по-своему трансформировать ставки памяти в научном исследовании, и непримиримо отстаивать свои интерпретации перед лицом предшественников. Сама «...механика интеллектуальной республиканской власти подпитывает напряжение, которое часто противопоставляет мэтров их ученикам в исторической дисциплине с начала XX в.... Атаки Люсьена Февра против Шарля Сеньбоса в 1930-е гг. имеют те же самые причины»²², – подчеркнул Ж. Нуарьель.

Таким образом, «методическая школа» сформировала принципиально новый тип исследователя. Вполне закономерно, что большинство историков этого периода по типу своих политических убеждений – республиканцы²³. Постепенно вытеснялся из ученого сообщества унаследованный от философии Просвещения идеал «всесторонне развитого человека», который защищала французская аристократия: новый режим создавал корпус специалистов, которые сознательно утверждали разделение интеллектуального труда и социальных функций. Отныне философия, литература, история (а позже и социология) предлагали четко разделенные учебные курсы, обязывающие студентов выбирать свою профессиональную стезю очень рано. Каждая из этих дисциплин формировалась вокруг своего собственного идейного стержня, что помогало становлению профессиональных идентичностей служащих университета²⁴. Эрудиты-монархисты, которых у историков олицетворял Ипполит Тэн, мобилизовавший «... всю свою энергию, чтобы доказать вредность республиканского режима»²⁵, отчаянно отстаивали свое право на существование, однако будущее науки оказалось к ним

²¹ Delacroix C., Dosse F, Garcia P. Les courants historiques en France. P., 1998. P. 86.

²² Noiriel G. Les fils maudits de la République... P. 174.

²³ За редким исключением: Эрнест Лависс, например, сохранял симпатии к бонапартизму: Bourdè G., Hervé M. Les écoles historiques... P. 196.

²⁴ Noiriel G. Les fils maudits de la République... P. 39.

²⁵ Noiriel G. Les fils maudits de la République... P. 40.

безжалостно. История больше не являлась послушным орудием политических баталлий, отныне она формирует своих профессионалов как «узких специалистов», владеющих методом документальной критики. Она помогала Республике скрепить воедино аморфное тело нации, сочетая исследование и преподавание, анализ и политическое действие, парадоксально уверенная в объективном характере добываемых ею истин.

Однако пропорция науки и общественной активности была не всегда сбалансированной, часто склоняясь в пользу последней. Гражданское рвение историков-методистов подчас принимало форму курьезов. Например, в 1917 г. по поручению правительства был создан специальный комитет исследований для подготовки исторических и географических обоснований будущего мирного договора по итогам Первой мировой войны. Видные представители истории и географии предлагали самые радикальные способы решения немецкого вопроса. В частности, Шарль Сеньобос выступал сторонником разделения Германии и отсоединения от нее в пользу Франции рейнской зоны, основывая свою аргументацию на примере некогда немецкого города Меца, успешно ассимилированного французами. «Научная логика» комитета, несмотря на защиту самого Лависса, не убедила политическое руководство, и министр иностранных дел счел за благо не предавать огласке составленные ими предложения и атласы²⁶.

Обретая профессиональную автономию, история пыталась взять определенную дистанцию как по отношению к политической сфере, так и к «литературным» дисциплинам. Была реформирована система экзаменов, введено преподавание принципов «исторического метода», раньше монополизированное эрудитами Школы Хартий.

Строились новые корпуса и университеты, складывались те нормы дисциплинарной научности, которые почти не претерпели изменений и по сей день. Отныне студенты начинали учебу в более юном возрасте, но учились дольше и позже защищались. Решающим испытанием для университетской карьеры стала диссертация, где историк должен был продемонстрировать свою принадлежность к единому профессиональному пространству, применяя систему ссылок на источники и работы предшественников. Институт диссертаций и их защит стал настоящим научным поединком, специальные отчеты по защитах публиковались в профессиональных журналах. Общий список публикаций и журнальные рецензии дополнили собой критерии научной ценности и профессионального престижа.

С 1890 гг. введение немецкой системы организации университетов усилило автономию профессионального суждения. Система публичных выступлений, в которой ценность оратора некогда измерялась количе-

²⁶ Lévy-Dumoulin O. Le poids de l'histoire // *Amalvi C. (dir.) Les lieux de l'histoire*. P., 2005. P. 317.

ством слушателей, была заменена системой семинаров, где юные специалисты группировались вокруг опытного наставника по определенной тематике. Происходила институционализация исторической науки, формировались особая корпоративная культура и нормы профессионального общения, позволяющие противостоять любому внешнему давлению.

Таким образом, в 1870–1900-х гг. дороги доступа к ремеслу историка оказались проложенными, и исторические изыскания превратились в дело «регулярной выучки». Опорными вехами в этом процессе стали издания научной исторической периодики.

1.1.3. Формирование профессиональной исторической периодики

С помощью создания четкого корпуса инструментов работы, таких, как библиографические реквизиты, инвентари архивов, сопровождаемого массовыми публикациями оригинальных документов, каталогов, индексов, учебников, формировались профессиональные сети коммуникации. Каждая область специализации получила свой особый круг. Еще в 1914 г. непримиримый (в будущем) оппонент Февра и Блока Луи Альфен утверждал понятие о «территории историка», которая уже тогда, по его мнению, являлась «миром, экстраординарно измельченным»²⁷.

«Общим местом» эпохи идейного лидерства «Анналов» было убеждение в том, что в истории социальных наук подлинно новаторскими предприятиями стали «Журнал исторического синтеза» (*La Revue de la Synthèse Historique*), руководимый Анри Берром, и сами «Анналы», наследовавшие ему до некоторой степени. Между тем, как утверждают современные исследования, ни тот, ни другой журналы не были моментами какого-либо начала. Скорее, – писал Бертран Мюллер, – они «символизировали два момента разрыва... по отношению к относительно недавней историографической традиции, которая (и именно она) была действительно начальной в полном смысле слова, поскольку она основала во второй половине XIX в. интеллектуальную, научную и социальную организацию истории, от которой мы еще глубоко зависимы по сей день»²⁸. Подлинно новаторскими в формировании существующего историографического порядка были сначала «Журнал критики истории и литературы», созданный в 1866 г. и способствовавший введению и распространению исторического метода; затем – «Исторический журнал», который начал издаваться в 1876 г. и стал главным инструментом дисциплинарной автономии истории. Наконец, в 1906 г. увидел свет первый выпуск «Журнала новой истории», засвидетель-

²⁷ Halphen L. L'histoire en France depuis 100 ans. P., 1914. P. 171.

²⁸ Müller B. Lucien Febvre, lecteur et critique... P. 117.

ствовавший профессиональную зрелость исторической дисциплины и снявший запрет на изучение постреволюционной истории Франции.

Чтобы понять, какое место займут в этом процессе журналы «Новой» исторической науки, ассоциируемой с деятельностью движения «Анналов», необходимо проследить логику развития профессиональных исторических журналов во Франции предшествующего периода.

Вначале пространство исторических и литературных исследований не различалось. Действительно новаторский «Журнал критики истории и литературы» (*la Revue critique d'histoire et de littérature*) – своего рода библиографический бюллетень, который ввел рецензию как средство научной дискуссии в сферу исторических сочинений. Основатели журнала – Гастон Пари и Поль Мейер, – отказались проводить ясное и четкое разделение между эрудицией, историей и литературой, стремясь безжалостной критикой изменить взгляды на литературный процесс, отделяя «научное» использование исторических материалов от привычного художественного вымысла. Эрнест Лависс назвал их детище разновидностью «литературной полиции», а Шарль Сеньобос – «справедливостью посредством террора», поскольку журнал жестко разорвал всякие отношения с канонической моделью литературной критики, основанной на красноречии и злоупотребляющей риторикой.

В немалой степени формируя условия и правила научной работы в литературных дисциплинах, «Журнал критики» вдохновлялся моделями, уже опробованными за границей в Англии и, особенно, в Германии. В своем стремлении реформировать академическую систему и добиться триумфа науки эти дебютанты в самых бескомпромиссных выражениях подрывали престиж столь признанных писателей исторического жанра, как Ипполит Тэн, Эрнест Ренан и Ньюма Дени Фюстель де Куланж. Так впервые, еще до эпохи Третьей Республики, проявилась уже отмеченная закономерность французской историографии: крайняя непочтительность по отношению к поколению ближайших предшественников и учителей, позволяющая каждому новому поколению историков с помощью революционных манифестов и радикальных пересмотров прошлого утверждаться в среде исторической профессии.

В рассматриваемом случае своей гипертрофированной критикой мэтров с мировым именем молодые редакторы смогли зафиксировать «на очень высоком уровне цену вступления в научную корпорацию»; они сделали чрезвычайно высокими специальные критерии компетенции будущего сообщества историков²⁹.

Из рецензии полностью исключилось обсуждение индивидуальных качеств автора в пользу самого произведения, что было нарушением обычая. Хотя авторам было дано право ответа в журнале на критику,

²⁹ Müller B. Lucien Febvre, lecteur et critique... P. 119.

их репутации в статьях не отводилось никакого места. Судили только компетенцию автора и научную ценность его работы. Во имя объективности и непредвзятости науки все было сделано для того, чтобы установить коллективные нормы научной критики.

Следующий этап развития открывает первый теоретический манифест «методической школы», опубликованный в 1876 г. в первом номере «Исторического журнала» 32-летним редактором Габриэлем Моно. Он рассматривал свой журнал как инструмент научного действия и гражданского воспитания одновременно. Всецело отдавая приоритет незаинтересованному исследованию – история может и должна быть наукой, освобожденной от моральных, философских или религиозных *a priori*, – Моно настаивал на том, что чувство политического долга, в широком смысле, должно присутствовать в истории, способствуя национальному примирению. Необходимо обосновать научную перспективу, сфокусированную на «общей культуре и на привычках метода, критики и суровой интеллектуальной дисциплины», чтобы вывести историю из «антагонизма, который долгое время был установлен между литературой и эрудицией». «История должна быть объектом медленного и методичного исследования, где движение происходит постепенно от частного к общему, от детали к совокупности; где последовательно проясняются все темные моменты, чтобы получить, в конце концов, законченные картины и суметь определить для тщательно установленных групп фактов общие идеи, состоятельные для доказательства и верификации»³⁰. Открытый всем «серьезным труженикам», какими бы не были «их частные особенности», «Исторический журнал» утверждался как место сосредоточения позитивной науки и свободной дискуссии, но ограничивался «областью фактов», оставаясь недоступным «для политических и философских теорий»³¹.

«Исторический журнал» стал главным рупором легитимации профессии историка, провозглашая базовые правила. Право на существование профессии подчинялось весьма аскетическому видению мира: культу умственного труда, который предполагал испытание долгим и суровым ученичеством; требованию строгой и методичной критики, которая ценила факты и отрицала абстракции; необходимости дистанцироваться от политических страстей и умеренности суждения. Но все эти ценности, сформировавшие этические ориентации профессии, сообщали истории и историческому методу особый интеллектуальный и моральный статус: история, как выражение солидарности времен и прогресса, давала ее практикам особое гражданское обязательство и

³⁰ *Monod G. Du progrès des études historiques en France depuis le XVIe siècle // Revue historique. 1876. № 1. P. 33–34.*

³¹ Там же. С. 35.

право действовать, а исторический метод был возведен в принцип, гарантирующий исследование истины.

Камнем преткновения в дискуссиях о назначении истории у методистов оставалась Революция, от которой проистекали разные концепции современности. «Исторический журнал» участвовал в праздновании столетия Революции, публикуя большое количество статей и документов. Как умеренный республиканец, Моно боролся против всех крайних – как левых, так и правых, – воззрений, в которых революционным событиям придавался некий радикальный смысл. Он пытался, в чем-то наследуя де Токвиллю, включить Революцию в «большие длительности» истории Франции, ища ее корни в монархических структурах; в широкую европейскую перспективу, которая закладывала основы новейшей эпохи.

С руководящей средой режима III Республики «Исторический журнал» поддерживал особые отношения, завоевав позицию органа профессиональной периодики историков и одновременно не порывая с политическим действием. Редакторы журнала активно высказывались по поводу насущных проблем внешней политики, об университетской реформе, используя одновременно свой авторитет историка и свою социальную философию.

Завершилась интеллектуальная и институциональная консолидация исторической дисциплины в 1906 г. созданием «Журнала новой истории» (*la Revue d'histoire moderne*). Отмеченная преемственностью людей и интеллектуальных концепций, тенденция к профессионализации посредством периодики произвела к тому моменту структурные сдвиги и в пространстве идей.

Метод документальной критики, еще недавно являвшийся исключительной прерогативой филологии, теперь полностью отождествлялся с методом историческим. Другой сдвиг, начатый с историзации Великой Французской Революции, повлек за собой утверждение самостоятельных областей новой и новейшей истории. Третьим новшеством стала специализация по областям и периодам деятельности, что значительно облегчало приложение исторического метода и оценку производимых исследований со стороны «узких» специалистов.

Совокупность вышеописанных свойств сформировала тот профессиональный дискурс, который, в силу меняющейся социально-политической и идейной конъюнктуры, резал слух юных студентов-историков, не пожелавших следовать проторенными тропами учителей. Но прежде, чем этот методологический арсенал стал восприниматься как докучливая банальность, не достойная упоминания, необходимые технические навыки были отработаны до автоматизма, чтобы навсегда остаться в практике «ремесла историка».

1.1.4. Эпистемологические основания «методической школы»

Таким образом, основополагающие принципы позитивизма и профессионализация ремесла историка в основном сформировали парадигму исторической науки. Историки-методисты, что следует из самого названия, начиная с манифестаций Габриэля Моно, стремились ясно объяснять свои профессиональные основания. Именно определения Моно принесут ему славу родоначальника французской исторической науки, к тому же символически «связавшего» все противостоящие друг другу поколения: он читал лекции о Мишле в Коллеж де Франс (Collège de France), вел полемику с сотрудниками Берра и руководил дипломом и диссертацией Февра.

Не делая революционных заявлений, Моно определил ориентации своего поколения, ратуя за осторожность. Прогресс исторической работы осуществляется неспешно, умеренность ремесленника должна быть примером для историка, «публикация текстов, критика источников, спокойное и детальное изучение» должны быть его единственными амбициями, ибо дисциплина переживает момент «фундирования». Позднее, на основе надежной фактологической базы, начнется эпоха синтеза, которую надо подготовить, развивая навыки профессиональной коммуникации. Одновременно историк является хранителем и создателем национальной памяти, он не может и не должен от нее абстрагироваться. Историк должен пытаться «объяснять и понимать, а не хвалить или осуждать» людей прошлого, а суровая внутренняя дисциплина, дополненная виртуозным владением методом, служит залогом того, что гражданский долг и объективное познание не будут вступать в противоречие.

Подлинной хрестоматией исторического метода стало «Введение в исторические исследования»³², написанное мэтрами-медиевистами: Шарлем-Виктором Ланглуа и Шарлем Сеньобосом. Но необходимо учесть, что, в отличие от последующего поколения, ассоциируемого с «Анналами», генерация их учителей не обладала единой выраженной методологической позицией. Далеко не все историки разделяли полностью представления данных авторов, учебник не был поддержан, в частности, тем же Габриэлем Моно.

Амбициозная концепция этого произведения подвела итоги последней четверти века, обобщая теоретические утверждения исторической мысли, начиная с «Исторического журнала». Цель учебника – сделать из истории «позитивную науку», равноудаленную от философских спекуляций о глобальных движениях человечества и

³² Langlois C.-V., Seignobos C. Introduction aux études historiques. P., 1897; Reed. P., 1992; рус. пер.: Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб., 1899.

ненаучных «литературных» описаний прошлого в духе Тьерри или Мишле.

Сочинение, представляющее собой хрестоматию исторического метода, содержит три части, определяя последовательные действия, которые исследователь должен предпринимать, если он хочет написать настоящую «позитивную» историю. Сначала необходимо собрать предварительные сведения, для чего нужно владеть основами вспомогательных наук, таких как эпиграфика, палеография, дипломатика, филология, археология. Эти знания замещают изучение литературных и философских моделей, которые ранее определяли характер использования конкретно-исторических материалов. Затем историк должен последовательно осуществить перечень «аналитических операций» по отношению к собранной документальной базе. Процедура «внешней критики» требует восстановления (по возможности) аутентичного текста. Критика «происхождения» призвана определить где, когда, кем и в каких условиях он был составлен. Затем необходимо поместить источник в систему других документов, необходимых в данном исследовании. Далее осуществляется переход к «внутренней критике» текста: исследователь производит экзамен содержания и «позитивную» интерпретацию того, что хотел сказать автор. Совершив это герменевтическое усилие, историк переходит к анализу обстоятельств, в которых документ был составлен, и «негативной» верификации тех же самых деклараций автора. Установив свойства документов, исследователь сравнивает их один с другими, что позволяет установить базовые «индивидуальные факты», из которых и состоит база исторического предприятия.

Третья часть учебника описывает «операции синтеза», которые ведут от критики документа к работе над текстом исследования. Индивидуальные факты, изолированные во время анализа, должны быть сгруппированы. Факты группируются по шести основным категориям: материальные условия, интеллектуальные традиции, материальные привычки, экономические обычаи, социальные институты и общественные организации (эта произвольная рубрикация стала предметом жесткой критики Франсуа Симиана).

Авторы пытались сформулировать общее кредо историков. Базовым назначением истории, с их точки зрения, провозглашалось изучение изменений, ее центральным вопросом – существовал ли в действительности определенный факт, и какую эволюцию он пережил. Историк должен воссоединять фрагменты исторической действительности, используя иногда «конструктивное доказательство», чтобы связать их, экстраполировать недостающие звенья. Более того, хотя связать все известные факты невозможно, иногда следует разрабатывать «общие формулы», чтобы осмыслить повторяемые явления.

Авторами рассматривалась и проблема историописания. Чтобы вывести некий «действительно рациональный» способ изложения, авторы последовательно выстроили в эволюционный ряд различные формы историографии. Пять периодов в развитии исторической мысли – Античность, Возрождение, Просвещение, Романтизм, продолжающаяся эра Науки, – оптимистически изображали прогрессивное развитие французской историографии.

Сеньобос и Ланглуа рекомендовали «разделение труда» историков по двум основным видам работы. Начинающие должны писать монографии о каком-либо факте или их совокупности на основе трех несложных правил: факт нужно связать с первоисточником и измерить его эвристическую ценность; необходимо соблюдать хронологический порядок; тему работы формулировать ясно, чтобы облегчить дальнейшее библиографическое разыскание и так, чтобы заявленная тема полностью соответствовала содержанию исследования. Можно также использовать в монографии предварительную работу с документами, которые уже введены в обращение, но об этом стоит заранее предупредить читателя.

Используя работы начинающих, опытные историки могут создавать «обобщающие» работы: учебники – сборники известных фактов, размещенных в методическом порядке, или «общие истории» – рассказы о событиях, повлиявших на судьбу нации. Эти общие сочинения подчинены тем же правилам, что и монографии, они должны указывать, на каких архивах были основаны, и сопровождаться документальным аппаратом. По причинам своего большого размера их необходимо делить на разделы, например, по принципу «состояний» или «эпох». Поскольку, в конечном итоге, ни один исследователь не может охватить столь объемной фактологии, обобщающие сочинения пишутся коллективно, каждый раздел – своим особым специалистом. Ланглуа и Сеньобос добавляли, что разным категориям читателей адресуются разные виды сочинений: одни – людям «ремесла», другие – широкой читающей аудитории. Однако авторы не считали, что популярные издания являются сочинениями более низкого сорта. Напротив, обладая всеми педагогическими амбициями и социальным оптимизмом III Республики, они хотели приобщить наибольшее количество людей к наилучшему типу исследования.

Осознавая теоретическую уязвимость истории, постулируемую континизмом, авторы всем своим творчеством отстаивали «практические» ориентации дисциплины. Особенно много внимания этому уделял Сеньобос. Убеденный, что история действительно не способна выводить общих законов, он, вопреки полемически заостренным и банализирующим выводам критиков, отнюдь не исследовал факты как очевидную простую реальность. Сеньобос начал писать о том, что факты – результат кропотливой социальной конструкции, которую

производит историк благодаря своим процедурам критики, чтобы получить в итоге результат «косвенный», знание «по следам».

Именно Сеньобос проникся одним из первых сознанием непостижимости аутентичной сути источника: в более позднем труде – «Исторический метод в приложении к социальным наукам» – он предостерегал молодых коллег относительно «непроницаемой» природы исторического источника: «...любой документ, составленный чиновником по положенным формам, принимает полумагический характер: он становится аутентичным документом»³³. Материалы архивов имеют лишь символическую суть, они нестабильны и призрачны, «...служат только движениями духа, который они воспроизводят, образами, которые они воскрешают». Архивы – только неясные фрагменты прошлой реальности, которые «...могут когда-либо быть собраны вместе только посредством цементирующей силы воображения». Силась восстановить первоначальный смысл источника, историк должен понять намерения участников данной эпохи. И подавить субъективность исследователя, как того желали социологи, движимые сциентистскими иллюзиями, значило бы отнять «...у исторического объяснения тот особенный и локализованный характер, который совершенно необходим, чтобы быть историческим».

Одним из закономерных результатов предпочтения, отдаваемого малым локальным сюжетам, стало порицаемое впоследствии пристрастие историков–методистов к жизнеописаниям. Однако этот тип исследований не был ни единственным, ни преобладающим в рассматриваемый период. Большинство новаторских тем экономической и социальной истории имело свою институциональную прописку еще в этом поколении исследователей, отнюдь не ограничивавшихся повествованиями о жизни великих людей. «...Необходимо релятивизировать разрыв, произведенный журналом Марка Блока и Люсьена Февра...», – отметил Франсуа Досс, – поскольку академическая история превзошла фактически биографический жанр еще в XIX в.»³⁴.

В дальнейшем привязанное к традиции «Анналов» развитие квантитативной истории показало, что методология исследования, отдающая приоритет единичному событию ни коим образом не способна выразить все потенции исторического исследования. Однако, спустя три десятилетия, на смену ориентациям социальной и экономической истории, предпочитающей «макро-формат» исследования, пришла микроистория, идентифицирующая себя с «парадигмой косвенных признаков». Критика приобрела обратную направленность: пространство статистических исследований также не в состоянии компенсировать

³³ *Seignobos C. La Méthode historique appliquée aux sciences sociales. P., 1901. P. 35.*

³⁴ *Dosse F. Le pari biologique. Ecrire une vie. P., 2005. P. 215.*

нехватку иногда поистине ювелирной работы историка с уникальным измерением индивидуальной жизни.

1.1.5. Споры о легитимности гуманитарных наук на рубеже веков во Франции

Учебник Ланглуа и Сеньбоса стал воплощением институциональной силы исторической профессии во Франции, пережившей, начиная со времен второй Империи, поистине колоссальное развитие. Однако успешное профессиональное сообщество вступило на рубеже XIX–XX вв. в «зону турбулентности», вызванной полемикой с нарождающейся «социальной» наукой.

Еще раньше до французского гуманитарного мира докатилось эхо немецких дебатов. Долгое время считалось само собой разумеющимся, что историческое исследование и преподавание истории в Германии было организовано лучше, для совершенствования собственного образования туда было принято ездить учиться. Французские коллеги были впечатлены мощью и строгостью немецкой историографии, сделав ее объектом обязательного цитирования. В Германии эпистемологическая дискуссия завязалась еще в 1890-х гг. С одной стороны, в ней участвовали глашатаи научного призвания истории, которое обязывало опираться на модель наук о природе и учитывать ее объективные принуждения, чтобы конструировать законы исторического движения (Карл Маркс) или выявлять в истории идеальные типы (Макс Вебер). С другой стороны, им противостояли те, кто определял историю как науку о духе (Вильгельм Дильтей). Карл Лампрехт оспаривал историю Ранке, подводя под нее обобщающее понятие культуры. Представители «нового немецкого историзма» – неокантианцы – подчеркнули, что специфичность «наук о духе», по сравнению с науками о природе, состоит в понимании человеческого действия, как действия субъективного, обеспеченного смыслом.

«Немецкая тема» оставила свой след в обширном историографическом производстве, посвященном «Анналам». Так, Троян Стоянович категорически утверждал, что свершившаяся институционализация «Анналов» – это «... триумф над нарративным историческим методом» германского типа³⁵. Сводя все многообразие известных историографических форм к последовательному введению трех парадигм – мифологической, эволюционной и функционально-структуралистской, он целиком отождествлял вторую с немецким историческим методом, победившим во Франции во второй половине XIX в. и окончательно дискредитировавшим себя только после поражения фашистской армии³⁶.

³⁵ *Stoianovich T. French Historical Method... P. 20.*

³⁶ *Stoianovich T. French Historical Method... P. 41.*

Подобный вывод, как представляется, является неоправданным упрощением истории исторической мысли, хотя и выходящим за рамки настоящего повествования. Несомненно, традиция историописания, заложенная Ранке, дала свои плодотворные всходы в европейской историографии и закономерным образом исчерпала себя впоследствии. Не следует забывать, что такова перспектива всякой научной парадигмы, определяемая поступательным развитием знаний. Однако несправедливо и не вполне логично связывать истощение данной доктрины, созданной в начале XIX в. и с неизбежностью подпитываемой темой немецкого национализма, с провалом планов построения «тысячелетнего рейха».

В монографии К. А. Агирре Рохаса «История-завоевательница. Взгляд на французскую историографию» также есть указание на то, что «...оригинальный проект... первых «Анналов», ясно определенный своим критическим и боевым духом, производит перенос центра историографической гегемонии из германоговорящего пространства в «Гексагон»³⁷, что также поддерживает тему интеллектуальной конкуренции французской и немецкой моделей историописания.

Один из наиболее влиятельных исследователей современной историографии Г. Иггерс отмечал, что французские «Анналы» нельзя рассматривать вне наследия германской исторической школы. Базовые техники исторического исследования формировались во Франции под влиянием немецкой школы, семинары как основной вид образовательной деятельности были заимствованы непосредственно. Хотя Берр и Февр отвергали узкую, событийно-ориентированную историю, они утверждали необходимость начинать с источников (хотя и трактовали их более широко) и подвергать их самой серьезной критике. Эту базовую установку основатели «Анналов» унаследовали от предыдущего поколения историков, полностью отождествивших профессию с традицией Ранке³⁸. Иггерс вообще доказывал, что именно рождение немецкого «историзма» в начале XIX в. стало, в терминологии Куна, подлинной «революцией в историографии». И напротив, течения начала XX столетия, повлекшие за собой образование, в широком смысле, «новой истории», хотя и вышли за традиционные рамки ранкеанской парадигмы, не смогли образовать вторую «историографическую революцию»: они вылились не в одну, а в несколько парадигм³⁹, которые кристаллизуются не столь явно и интерпретируются достаточно противоречиво, о чем речь пойдет в следующих главах.

³⁷ *Aguirre Rojas C. A. L'histoire conquérante...* P. 31. «Гексагон» – популярное наименование Франции, связанное с «шестиугольной» формой ее границ в постколониальную эпоху.

³⁸ *Iggers G. New Directions in European Historiography.* Middletown, Connecticut, 1975. P. 43–48.

³⁹ *Ibidem.* *New Directions in European Historiography.* L., 1985. P. 31–41.

В целом, вывод о борьбе «Анналов» с «немецким историческим методом» или отождествление немецкой историографии с методологией Ранке в контексте рассуждений о лидерстве «Анналов» выглядит неоправданной редукцией, и отталкивается от интерпретации, сложившейся некогда в самих «Анналах»⁴⁰. Не «немецкий» метод, как идеальный пример решения определенной научной задачи, а социальные стратегии французской методической школы создали задолго до создания знаменитого журнала то специфически «французское» состояние ремесла историка, которое позволило истории в дальнейшем играть исключительно важную роль в жизни общества. Кроме того, данный вывод неправомерен и по отношению к немецким современникам историков-методистов – основателям типологии «наук о духе», которые все же первыми начали творческую переработку наследия Ранке, открыв поистине судьбоносную дискуссию.

Несомненно одно: спор о научности истории на рубеже веков был широко интернациональным. «Журнал исторического синтеза» Анри Берра публиковал обзоры важных зарубежных статей, определяющих цели развития истории. Однако по сравнению с 1870-ми гг. – временем почтительных заимствований – на рубеже веков французы уже сформировали определенную дистанцию и автономию, не позволяющую говорить об «интеллектуальном империализме» немцев. Основная полемика здесь развернулась между историками и социологами, обе стороны вообще не использовали (!) аргументацию немецких коллег, создавая специфически национальное заострение спора о научности гуманитарного знания. «Все проходит так», – отмечает Бертран Мюллер, – «... что непримиримые дискуссии происходили в одно и то же время и никто из протагонистов, в частности Сеньобос, не могли найти в другом споре аргументы. ... Ни в Германии, ни в Италии ведущие споры не касались в той же манере отношений между историей и социальными науками»⁴¹.

К этому времени внутри самого сообщества происходили радикальные, своеобразно французские сдвиги: республиканское согласие не устояло против дела Дрейфуса, вовлекая историков, как и все общество, в состояние бескровной «гражданской войны»⁴². Напомним, речь шла о ложном (как выяснилось впоследствии) обвинении капитана французского Генерального Штаба в шпионаже в пользу Германии. Главным доказательством стали случайно найденные письма. Историки, равно владеющие техникой документального анализа, разделились на защитников (куда вошли все участники полемики о научности истории – историки-методисты и все их критики) и противников обви-

⁴⁰ Braudel F. Introduction // Stoianovich T. French Historical Method... P. 10.

⁴¹ Müller B. Lucien Febvre, lecteur et critique... P. 236.

⁴² Winock M. Le siècle des intellectuels. P., 1997.

няемого, например, представителей Школы Хартий, готовившей высококлассных историков-архивистов. «Сами апории метода были поколеблены..., и пара «история-филология», которая соединяла метод и тексты, проявляет слабость и недостаточность, чтобы рассматривать сложность реальности прошлого»⁴³. Действительно, продемонстрировав всю важность документального анализа, «дело Дрейфуса» показало глубину возможных погрешностей «исторического метода». Ведь если владение искусством источниковедческой критики само по себе не гарантирует получение истины, подчиняясь политическим пристрастиям и националистическим предрассудкам (обвиняемый был евреем), то на каком основании историки присваивают себе право «объективно» рассуждать о человеческой деятельности?

Самые «неудобные» и спорные вопросы о легитимности исторической дисциплины, поколебленной делом Дрейфуса, но все еще имеющей большое общественное признание, пришли из социальных наук, находившихся на большом подъеме. Полемический стиль и основные доводы критики «историзирующей» истории, которые позднее станут «визитной карточкой» непримиримого Люсьена Февра, произрастают на почве нарождающейся социологии, черпая свои истоки в легендарной статье Франсуа Симиана «Исторический метод и социальная наука»⁴⁴.

Два раздела этой статьи открывают легендарный спор о методе, который вошел во французскую историографию как «дебаты 1903 года»⁴⁵, и оказал решающее влияние на формирование следующих поколений историков и социологов. «Философский диспут», востребованная на рубеже XIX–XX вв. форма академической жизни, которая позволяла вести междисциплинарный диалог и оттачивать стратегии продвижения различных интеллектуальных проектов, стала предметом особого внимания историографов относительно недавно, в эпоху подъема социологии научных сообществ⁴⁶. Истоки дискуссии историков и социологов восходят к противостоянию в 1890-х гг. Э. Дюркгейма, пытавшегося определить призвание социологии (этой задаче был посвящен журнал «Социологический ежегодник» – *L'Année sociologique*) и его учителя – историка Н. Д. Фюстеля де Куланжа, который считал попытку создания новой социальной науки непродуктивной тавтологией традиционных исторических занятий.

⁴³ Müller B. Lucien Febvre, lecteur et critique... P. 220.

⁴⁴ Simiand F. Méthode historique et science sociale // Revue de Synthèse Historique. 1903. № 6. P. 1–22; 120–157.

⁴⁵ Rebérioux M. Le débat de 1903: historiens et sociologues // Livet G. (dir.) Au berceau des Annales... P. 219–229.

⁴⁶ Fabiani J.-L. Controverses scientifiques, controverses philosophiques. Figures, positions, trajets // Enquête. Anthropologie, histoire, sociologie. «Débats et controverses» 1997. № 5. P. 11–34.

Наибольшую остроту спор приобрел в 1903 г., переместившись из «Общества современной истории» во «Французское общество философии», затем возобновился в 1906–1907 гг., после – в 1909 г., и, наконец, окончательно иссяк к началу Первой мировой войны. Фактически, контроверза оказалась еще более сложной, она не ограничивалась только историей и социологией, но имела продолжение и развитие в спорах между социологией, географией и историей. Причиной тому была тематическая близость всех трех дисциплин, сходство аргументации и гипотез. Излюбленным местом встреч стал также «Журнал исторического синтеза» Анри Берра, сама программа которого строилась вокруг конфронтации между историей и социологией.

Главными действующими лицами противостояния стали историк Шарль Сеньобос⁴⁷ и социолог Франсуа Симиан.⁴⁸ В отличие от мало упорядоченных и неформализованных высказываний Дюркгейма, логически выверенный стиль Симиана разом заострял дискуссию и последовательно открывал множество фронтов, как внутри самой дисциплины, – против абстрактной социологии, – так и вовне ее: против историков, географов и экономистов. Он стремился дискредитировать «метафизическую социологию» конкурирующих социологических течений, но был непримирим и по отношению к «социологическому реализму» позднего Дюркгейма. Другие ученики Дюркгейма, такие, как П. Фоконне, М. Мосс и С. Бугле не поддерживали радикальных взглядов Симиана.

Сеньобос, выступавший со стороны историков, также не получал большой поддержки в своем стане. Он действительно являлся одним из немногих, кто беспокоился о создании собственными силами теоретического обоснования «ремесла историка». Его эпистемологический пессимизм, естественно, не разделяли молодые «социальные» историки, которые сами занимали еще довольно маргинальную позицию. Но Сеньобос равно не был поддержан и мэтрами профессии. Габриэль Моно остался безучастным к противостоянию, не нашедшему ни малейшего отклика в «Историческом журнале». Анри Берр, имеющий в историографии репутацию «предтечи» «Анналов» и идейного новатора, в этой дискуссии выбрал для себя позицию «распорядителя церемонии», воздерживаясь от суждений и лишь предоставляя возможность выражать различные позиции на страницах журнала. Оспаривая применимость «естественнонаучных» критериев к истории, Сеньобос

⁴⁷ Prost A. Seignobos revisité...; Charle C. L'historien entre science et politique...

⁴⁸ Gillard L., Rosier M. (éd.) François Simiand (1873–1935). Sociologie, histoire, économie. P., 1996; Besnard P. The Epistemological Polemic: François Simiand // Besnard P. (dir.) The Sociological Domain. The Durkheimians and the Founding of French Sociology. Cambridge; P., 1983. P. 248–262.

мог бы черпать аргументы в творчестве неокантианцев, но, по каким-то причинам, возможно, в силу своего недоверия к философии как таковой, делать этого не стал.

Симиан развивал и оправдывал эпистемологические условия «позитивной» социальной науки, копирующей модель наук естественных. С его точки зрения, было необходимо превратить историю в науку «о социальных феноменах, аналогичную уже образованным позитивным наукам». Чтобы достичь этого, необходимо покончить с изучением единичных факторов, психологическими усилиями исследователя и «мотивами» отдельных личностей. Совершенно неприемлемо для будущего социальных наук невинное «растворение» в стиле Сеньобоса где-то между психологическим и субъективным. Можно исследовать психологические коллективные факты объективным способом, и именно к этой планке развития должны стремиться гуманитарные науки. Еще в 1901 г. Анри Берр первым критиковал Сеньобоса за манию поиска истоков⁴⁹. Возобновляя критику Берра, Симиан провозгласил свою легендарную формулу о трех идолах племени историков: «идоле хронологии», «идоле политического» и «идоле индивидуального»; клеймил привычки историзирующей истории, погрязшей в эмпиризме, который вырождается в бесконечное бесплодное коллекционирование данных вне попытки обобщения.

Его эпистемологическая критика была основана на пяти элементах.

1. Не психологическая природа социальных фактов определяет их объективный или субъективный характер, а избыточный психологизм позиции исследователя по отношению к ним.

2. Научное понимание социального мира не может базироваться на «метафизике» обыденных понятий, которыми привыкли пользоваться историки, и требует конструирования специальных абстрактных терминов.

3. Умозаключения историков страдают алогизмом, они часто путают «зыбкую и плохо определенную» концепцию причинности с необходимым условием, то есть механически используют доступные им факты и ситуации прошлого как достаточное объяснение последующих событий.

4. Действительно научное условие должно ориентироваться, главным образом, на повторяемые и стабильные элементы, а не на случайные.

5. Социальные науки не обречены на косвенное «знание по следам», но могут и должны создавать настоящие исследования с «настоящими опытами». Истории следует стать «регрессивной», то есть продвигаться от наиболее развитых и изученных феноменов к истокам, к генезису

⁴⁹ *Berr H. Les rapports de l'histoire et des sciences sociales d'après M. Seignobos // Revue de Synthèse Historique. 1902. № 4. P. 293–302.*

су, от случайного к регулярному, от частного к общему, от монографии к компаративному подходу.

Последнее условие не только отвергало легитимность знания «по косвенным свидетельствам» для социальных наук в трактовке Сеньобоса, но и покушалось на сами основы исторического метода.

Вторая часть статьи Ф. Симиана была отведена анализу условий исторической критики, какой она представлена у Сеньобоса. Чисто эмпирическая амбиция – всего лишь исследовательская иллюзия историков, по мнению Симиана. Всякое исследование предполагает выбор, определение некоторого набора гипотез, организацию процесса исследования. Утверждая, что он делает социальную науку, историк только бессмысленно повторяет уже усвоенные вопросы и устаревшие интеллектуальные обычаи. Сеньобос сам отчасти дал Симиану основание рассуждать о теоретической несостоятельности историков, вторя, вслед за Огюстом Контом, что практические условия исследования причин в истории далеки от завершения: «История находится на самом низком уровне наук...; философия, напротив, действует на высшей ступени»⁵⁰. Кроме того, социолог отмечал как логически несостоятельное утверждение о том, что свой непревзойденный статус история получает из-за особой педагогической значимости, а не эпистемологической стройности. «...В этой педагогической ценности, – писал Сеньобос, – история черпает причины и лимиты своей научной достоверности: у нее есть цель понять социальный комплекс, более точно, «солидарность, которая объединяет различные страны и серии различных феноменов»⁵¹.

Рассуждая о проблематике социального, Симиан доказывал, что историки имеют слишком «материалистическую» и редуccionистскую концепцию общественного развития, которое они фактически свели к экономике. Общая классификация фактов социальной жизни, такая, какой ее установил Сеньобос, кроме многочисленных противоречий и лакун, снискала у критика три сущностных замечания. Помимо «одержимости происхождением», социолог отмечал, что различие социальных фактов между материальными и интеллектуальными у историков является чисто «метафизическим», поскольку в основе его лежит не объективная действительность, а произвольные градации, исходящие от «психологического» суждения исследователя. Столь же необоснованно «психологическим» является различие между частным и общественным, которое вытекает скорее из привычного юридического формализма, чем из социального наблюдения.

⁵⁰ *Seignobos C. La causalité en histoire // Bulletin de la société française de philosophie. 1906. P. 268.*

⁵¹ *Ibid. P. 273.*

Можно говорить о частичной победе Симиана в этой дискуссии. Используя принципиально новый для историков лексический ряд, максимально ясные логические связки, он сумел убедить молодых исследователей в преимуществе своей концепции социальной науки и способах ее аргументации.

Дискуссия историков и социологов касалась самых животрепещущих идей общественного развития. Франция поистине переживала феномен открытия «социального». ⁵² В самой широкой перспективе возможности социального анализа потрясали все гуманитарные дисциплины, от философии до литературы ⁵³. Выпускники исторических факультетов начала XX в. уже стремились писать иначе, чем было предписано «методистами», и вникали в основы социологии Дюркгейма.

Между тем «методисты», олицетворенные Сеньобосом, оценивали историю как независимую науку в себе, а социальные науки сводили только к изучению современных феноменов, игнорируя любые теоретические модели в гуманитарных науках, включая и «Правила социологического метода» Э. Дюркгейма ⁵⁴. Так, Шарль Сеньобос в книге «Исторический метод в приложении к социальным наукам» и вовсе рассуждал о проблематике социального, демонстративно игнорируя существование социологии.

Социальные науки, – писал Сеньобос, «это, согласно собственному смыслу слова «социальное», есть все науки, которые изучают социальные факты, то есть те факты, которые воспроизводятся в обществе – человеческие обыкновения любого жанра» ⁵⁵. Очевидно, Сеньобос не был совершенно чужд тематике, которая составила впоследствии успех «школы Анналов», хотя и уделял теме «социального» мало внимания. Но он отвергал не только предмет социологии, но также ее метод анализа, он размещал социальные науки под эгидой истории, утверждая, что они не способны сделать ничего нового, что уже не было бы открыто историческому методу. Социальная реальность по сути субъективна, она проявляется в связях между индивидами, о которых свидетельствуют созданные по субъективным причинам документы, которые будут изучены субъективным сознанием историка. Их нельзя изучать, «как вещи», по объективистской логике Дюркгейма. Кроме того, «ахилессова пята» любой социальной истории – необходимость обобщения, которые ничего не стоят и только множат метафоры. Несомненно,

⁵² Mucchielli L. La Découverte du social. Naissance de la sociologie en France. P., 1998.

⁵³ Panza M. (éd.) Les Savants et l'épistémologie vers la fin du XIXe siècle. P., 1995; Fabiani J.-L. Les philosophes de la république. P., 1988.

⁵⁴ Durkheim É. Les règles de la méthode sociologiques. P., 1895. Reéd. 1967; рус. пер.: Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.

⁵⁵ Seignobos C. La Méthode historique appliquée aux sciences sociales... P. 35

крушимое превосходство политической истории основано на точности. Она наиболее скрупулезно восстанавливает сознательное психологическое измерение исторических фактов, и получает самые определенные (потому что наименее амбициозные) результаты. Обвиня Симиана в спекулятизме, Сеньбос неустанно подчеркивал несовершенство условий исторического знания: «С помощью камней я могу построить дом, но я не могу построить Эйфелеву башню», отстаивал образ историка как «старьевщика», собирающего прошлое по мелочам.

Однако к началу «дебатов 1903 года» среди историков социологическая точка зрения уже имела своих влиятельных защитников. Рождение социальной истории было связано с именами таких исследователей, как Поль Лакомб, Анри Озе, Анри Сэ, Пьер Буассонад, готовых к диалогу с новыми социально-ориентированными дисциплинами. Рупором этого направления стал все тот же «Журнал исторического синтеза». Но во многом кристаллизацией понимания своих новых задач социальные историки оказались обязаны именно спору с социологами.

Необходимо отметить, вопреки кажущейся очевидности, что в научном воображении рассматриваемого исследовательского поколения сам феномен «социального» понимался двояко. С одной стороны, под ним подразумевались особые, коллективные формы общественного бытия, несводимые, в силу своего многообразия и дробности, к компетенции государства и заявлявшие о себе требованиями решения насущных общественных проблем. Таким образом, наряду с привычными нишами экономической, политической или культурной истории заявляла свое право на существование новая, неохваченная вниманием исследователей тематическая специализация, которая была связана с анализом доселе невидимых граней универсума различных общественных групп. С другой стороны, «социальное» начинало мыслиться как некий общественный эфир, связывающий воедино разрозненные векторы индивидуалистических устремлений⁵⁶. Именно вторая, абсолютизирующая трактовка дала жизнь проекту социальных наук.

Положение первых «социальных» историков в научном сообществе было относительно маргинальным. Так, историк-антиковед Поль Лакомб решительно не соглашался с той ролью, которую Симиан отводил истории, но, возражая «историзирующим историкам», утверждал, что необходимо идти дальше восстановления отдельных индивидуальных фактов и выявлять объединяющие их институты, которые и должны составлять главный объект исторического изучения⁵⁷.

Анри Озе, изучавший французское общество XVI в., занимал кафедру экономической истории Сорбонны и находился в контакте с немец-

⁵⁶ Коносов Н. Е. Как думают историки. М., 2001. С. 194–198.

⁵⁷ Lacombe P. De l'histoire considérée comme science. P., 1894. Rééd. 1984.

кой исторической мыслью (в частности, со школой Карла Лампрехта). Интересуясь потенциалом социальной теории, в споре Симиана с Сенъобосом Озе все же придерживался стороны историков. Для него абстрактные формы Симиана были лишены смысла вне конкретно-исторического наполнения. Но методологическая работа Озе⁵⁸ подверглась критике и со стороны «традиционных» историков, за опасную близость к дюркгеймианству. Они считали его построения слишком отвлеченными и слабо подтвержденными историческими фактами⁵⁹.

Озе утверждал: «История любого периода, по определению, была социальной наукой, и уже некоторые историки Античности придали ей этот характер»⁶⁰. В дальнейшем, как известно, именно «социальная» тенденция исторической мысли возобладала, плотно войдя в сознание историков как часть идейной платформы «Анналов». «Франция – одна из редких стран, где история с полным правом рассматривается как социальная наука; она, возможно, единственная страна, где социальные науки, в большой мере, организованы вокруг истории»⁶¹, – подытожили развитие французской историографии анналисты Жак Ревель и Натан Ваштель.

Однако отношения между социальной историей и социологами остались сложными и до определенной поры конкурентными. Наиболее близким дюркгеймианцам являлся Марк Блок, понимавший под социальной историей прежде всего историю общественных групп и их репрезентаций. В отличие от него, Люсьен Февр утверждал, что прилагательное «социальное» не имеет никакого точного содержания, представляя собой некую универсальную ткань, связующую воедино различные пласты реальности. Но и в последнем случае разрыв с методической школой был более декларируемым, чем фактическим: используя аргументацию Симиана в борьбе с эмпиризмом «историзирующих историков», Февр пользовался в своей практике исторического исследования традиционными наработками последних. Базой конструкции исследования у него осталось введение в научный оборот и изучение исторических документов, предметом исследования – определенная историческая эпоха или регион, способом анализа – движение от исторической конкретики к выводу. Симиан, напротив, отстаивал «дедуктивный» вектор исследования, в котором предварительная постановка вопроса определяет сбор документации и «ретроспективное движение» от современности к архаике.

⁵⁸ Hauser H. L'enseignement des sciences sociales. Etat actuel de cet enseignement dans les divers pays du monde. P., 1903.

⁵⁹ Рецензия на книгу Озе: Bourgin H. Comte rendu // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1902–1903. № 4. P. 506.

⁶⁰ Hauser H. L'Enseignement des sciences sociales... P. 242.

⁶¹ Revel J., Wachtel N. Une Ecole pour les sciences sociales // Revel J., Wachtel N. (éd.) Une école pour les sciences sociales. P., 1996. P. 15.

1.2. «ПЕРВОЕ ПОКОЛЕНИЕ» АННАЛОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

1.2.1. «Анналы», Люсьен Февр, Марк Блок: «разделение триптиха»

Одним из столпов ревизии суждений, связанных с «Анналами», стал в историографии некогда нерасторжимый в восприятии идейных потомков союз основателей легендарной традиции, «Кастора и Поллукса» французской исторической мысли – Люсьена Февра и Марка Блока.

В самом деле, долгие десятилетия наследие одного было неотделимым от наследия другого, и обоих вместе – от журнала и движения, родоначальниками которых они стали. Но постепенно сквозь историографический канон, берущий начало из послевоенных интерпретаций самих анналистов, прорастало стремление дать Марку Блоку и Люсьену Февру объективное персональное место в историографии, понять мотивации и научные предпочтения каждого из них. Целый ряд проблем как научного, так и социально-политического свойства заставляют ныне обращаться к личному и профессиональному опыту «отцов-основателей» движения «Анналов» по отдельности.

Любопытной тенденцией последних десятилетий, отмеченных новым возрастающим интересом к деятельности легендарного дуэта, становится примечательная героизация Марка Блока и одновременно – не менее своеобразная демонизация Люсьена Февра, как если бы идеализированная фигура одного нуждалась, по закону сохранения энергии, в негативном образе другого.

Можно найти тому несколько причин. Основная из них состоит в осознании того, что посмертные интерпретации профессиональной и гражданской роли Марка Блока, выполненные в рамках «эгоистории» движения, прежде всего, самим Люсьеном Февром, были (и это вполне понятно) далеко не беспристрастными.

Автор во многих отношениях новаторской монографии, рассматривающей интеллектуальное наследие Блока, Оливье Дюмулен утверждал, что после церемоний по случаю окончания Второй мировой войны фигура Марка Блока в «Анналах» становилась все более схематичной, обнаруживая расхождение между формальными изъявлениями преданности ему и реальным пониманием его идей. Позднее «культ святого ученого и мученика-сопротивленца больше не выполнял той инструментальной роли, какую навязывали ему некоторые комментаторы, дабы объяснить определенные ритуальные упоминания двадцати лет, последовавших после его смерти»⁶². Анализируя индексы цитирования, О. Дюмулен приходит к выводу, что до начала 1960-х гг.

⁶² Dumoulin O. Marc Bloch... P. 27.

ссылки в публикациях на основателей «Анналов» были почти неразделимы, позднее значительно чаще упоминался Люсьен Февр, а Марк Блок присутствовал, главным образом, в паре со старшим партнером, превращаясь в его безмолвный дубль.

Post mortem конструировался образ Блока-героя, провозвестника новой науки, создающего гуманную историю, где никакие абстрактные схемы не доминируют над человеком, хотя в действительности он отличался приверженностью социологическим моделям. Его интеллектуальные черты рисовались в палитре воззрений Февра: акцентировалась приверженность ментальностям и цивилизациям, почти исключались упоминания об обществе, классах и структурах. Идейними вдохновителями изображались два «титованных божества» «Анналов» – Дюркгейм и Видаль де ла Блаш, но всячески подчеркивалось, что Блок избегал строгости детерминизма из-за своего вкуса к свободе.

Был создан и определенный формат воспоминаний. Марк Блок был моложе Февра, и этот момент, – зависимости и ве́домости младшего настойчиво повторялся, становясь чертой «золотой легенды»⁶³. «Небольшими прикосновениями вырисовывается портрет, ставший классическим...; портрет Марка Блока, идеи которого, несмотря на объявленные расхождения, неопровержимо отсылаются к концепциям Люсьена Февра, и работа которого проясняется и понимается, начиная с «Анналов»⁶⁴.

Позднее наследники традиции без малейших сомнений воспроизводили интерпретацию Февра, четко давая понять, кто в паре «отцов-основателей» был главным. Так, во введении к англоязычной монографии Т. Стояновича, Фернан Бродель рассуждал о «сенсационном литературном таланте» обоих директоров «Анналов». Во Франции всем заправляет литература, отмечал Бродель, но может ли кто-нибудь здесь писать лучше, чем писал Люсьен Февр? Однако другой его талант, пишет автор, «...заключался в том, чтобы помогать другим превосходить самих себя. Так, он сформировал или «сделал» Марка Блока, который был на шесть лет его младше, позже он помог мне подняться над собой. Без него Марк Блок мог бы и не стать вторым Фюстелем де Кулан-

⁶³ *Febvre L. Marc Bloch: dix ans après // Annales ESC. 1954. № 2. P. 1–3. См. также: Февр Л. Марк Блок и Страсбург // Февр Л. Бой за историю... С. 130–145, где помещены воспоминания о молодом Блоке, чьи исследовательские ориентации формировались под определяющим влиянием старшего товарища. «...Он мне казался сущим юнцом...», – писал Февр. – Устроив личную жизнь, Марк Блок, однако, еще не нашел себя как историк... Мы подолгу беседовали, обменивались мнениями, размышляли – и в результате Блок мало-помалу начал склоняться на сторону новых направлений, которые я пыгался наметить еще в 1911 г. в своем объемистом сочинении, относившемся к истории скорее социальной, чем экономической, и скорее экономической, нежели религиозной и политической»..*

⁶⁴ *Dumoulin O. Marc Bloch... P. 120.*

жем, и без него «Средиземноморье» без сомнения могло бы не увидеть свет»⁶⁵. «...Чудесный историк крестьянской или буржуазной почвы, «крестьянин» Люсьен Февр оставил Марку Блоку («Оригинальный характер французской истории», 1931), эту область полей и труда, где он имел исключительное мастерство; он поручит мне позднее, после 1946 года, – вспоминал Бродель, – связи истории с экономическими исследованиями»⁶⁶. Таким образом, и в версии Броделя отношения Февра и Блока совсем не выглядят равноправными.

В 1970-х гг., прошедших под знаком революционных манифестов «Новой истории» (*Nouvelle Histoire*), возраставшая не востребованность Блока была отмечена новым изданием его «Апологии истории», которую в своем предисловии Жорж Дюби категорично охарактеризовал как «великий текст, который устарел. Он разочаровал. Немного слишком мягкий, шепчущий», относящийся к тому, что «...сегодня мы можем оценивать как устаревшую толщу традиций и привычек».⁶⁷ О. Дюмулен выразил мнение, что творчество Марка Блока не является определяющим для методологических ориентаций «третьего поколения» «Анналов»: «...в сердце 1970-х гг. «новая история» видит себя, прежде всего, дочерью Люсьена Февра, история ментальности... воссоздает свою генеалогию, главным образом, начиная с его «Рабле», «Короли-чудотворцы» едва упоминаются»⁶⁸.

Справедливости ради следует отметить, что у О. Дюмулена здесь присутствует момент чисто полемического заострения, в духе характерных для французской историографии «битв памяти», о которых речь уже шла выше. Часть «новых историков», тяготеющих к структурализму, рассуждая о преемственности в Анналах, отдают приоритет историческим работам Марка Блока. Ведь Блок (как и многие представители «третьих Анналов»), по словам того же Дюмулена, «поддался очарованию абсолютного доминирования группы, в то время как его партнер уделяет внимание, всегда более острое, диалектике, которая объединяет и разъединяет индивида и группу»⁶⁹.

Многие представители «третьего поколения» Анналов находят свои истоки именно в трудах Марка Блока. Эммануэль Ле Руа Ладюри связал себя с предшественниками, произнеся во вступительной речи профессора Коллеж де Франс в 1973 г.: «Еще полвека назад лучшие французские историки, систематически систематизирующие, от Марка Блока до Пьера Губера, практиковали структурализм со знанием дела,

⁶⁵ Braudel F. Introduction // Stoianovich T. French historical method... P. 12–13.

⁶⁶ Carmignani P. (dir.) *Autour de F. Braudel*... P. 30.

⁶⁷ DUBY G. Preface // Bloch M. *Apologie pour l'histoire*. P., 1974. P. 13.

⁶⁸ Dumoulin O. Marc Bloch... P. 25.

⁶⁹ Dumoulin O. Marc Bloch... P. 104.

сами того не зная...»⁷⁰ Жак Ле Гофф, в предисловии к «Королям-чудотворцам» оценил этот труд как основополагающий для последующего развития исторической антропологии⁷¹.

Андрэ Бюргьер, анализируя пути развития истории ментальностей, резюмирует, что в качестве основной перспективы направление исследований, предложенное Февром, получило продолжение, скорее, в интеллектуальной истории или исторической психологии⁷². Но исследования скрытых ментальных категорий, вдохновляющих социальное поведение, неосознанных и машинально повторяемых действий – этот выбор содержался, скорее, в программе Марка Блока. Эта программа «была более реализуемой, он был, в общем, много более связан с использованием источника и лучше соединен с социальной историей»⁷³.

Жерар Нуарьель, рассуждая о консолидирующих основаниях «ремесла историка», пришел к выводу, что «преемники Марка Блока не приняли его наследия»⁷⁴, содержащегося в «Апологии истории». Эпистемологический поворот начала 1970-х гг. сместил акценты исторической рефлексии с определения специфических оснований самой деятельности историка на процедуры «написания» истории. В новой системе ценностных ориентаций историка проблемы, когда-то беспокоившие Блока, теряют актуальность. Взамен приходит колоссальное разнообразие подходов и систем объяснения, множатся объекты и стили анализа.

Интеллектуальная конъюнктура, как было сказано, возвратила в историю проблематику «ремесла» и «метода» во второй половине 1980-х гг., вместе с осознанием утраченной профессиональной общности. Профессиональное сообщество больше не увлекала эпатажная стилистика «боев за историю», болезненно ощущался разрыв между историческим исследованием и преподаванием истории, «вспомнились» старые историографические мотивы. В этих обстоятельствах наследие Люсьена Февра – обладателя непримиримого к противникам хлесткого пера – начало уступать по частоте упоминаний влияние трудам лаконичного и восприимчивого к вопросам деонтологии (личной и профессиональной этики) Марка Блока. К середине 1990-х воссозданный частыми упоминаниями образ Блока окончательно (?) заслони́л Февра. Есть некая беспощадная закономерность в истории жизнеописаний двух ученых: в начале

⁷⁰ *Le Roy Ladurie E.* Le territoire de l'historien. P., 1978. Vol. 2. P. 11.

⁷¹ *Блок М.* Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / Пер. с фр. В. А. Мильчиной. Пред. Ж. Ле Гоффа. М., 1998.

⁷² *Burguière A.* La notion de «mentalités» chez Marc Bloch et Lucien Febvre: deux conceptions, deux filiations // *Revue historique*. 1983. № 1. P. 333–348.

⁷³ *Ibidem.* L'aventure des Annales: Histoire et ethnologie // *Hésiode. Cahiers d'ethnologie méditerranéenne*. 1991. № 1. P. 71.

⁷⁴ *Noiriel G.* Sur la «crise» de l'histoire... P. 103.

1970-х гг. была составлена интеллектуальная биография Февра, почти не содержащая обращений к Блоку⁷⁵, а в 1980–1990-х гг. изданы две биографии Блока, почти не содержащие упоминаний о его партнере⁷⁶.

Постепенно образ Блока приобрел самостоятельное общественное значение, выходя широко за рамки канонической модели «Анналов». О нем с благоговением писали ветераны Сопротивления, вспоминая, по выражению Жоржа Альтмана, «осторожного интеллектуала», его лицо – «... тонкое, под седыми серебряными волосами», «его точность, его воинственную душу и его вкус к организации...»⁷⁷ Этот эмоциональный портрет Блока-подпольщика заметно отличался от сложившегося представления о суровом страсбургском профессоре, которого ученики вспоминали как добросовестного, но сухого и строгого человека.

А во второй половине 1990-х жизнь Марка Блока-историка, гражданская и символическая ценность смерти Блока-героя Сопротивления оказались на самом острие насущных проблем общественно-политического характера. Образ Марка Блока качественно трансформировался, «в середине 1990-х годов кристаллизуется его превращение в гражданскую фигуру, поскольку он меняет регистр, покидая исторические словари, тень амфитеатров, ссылок внизу страницы ради колонок «Le Monde», «Le Nouvel Observateur», и «Les Dernieres Nouvelles d'Alsace»⁷⁸.

Память о Марке Блоке неожиданно оказалась связанной с проблемой франко-германского сотрудничества, в частности, и европейской интеграции в целом. 6 мая 1994 г. две трети Совета администрации только что открытого университета гуманитарных наук в Страсбурге проголосовали против присвоения новому заведению имени Марка Блока. Никто из них не объяснял свой выбор, но стало известно, что накануне голосования среди членов Совета распространялись анонимные листовки антисемитского содержания⁷⁹. Ассоциация Марка Блока⁸⁰ обратилась в суд, университет в Страсбурге, вследствие активной поддержки студентов и преподавателей, все-таки получил имя ученого, а на страницах газет развернулась дискуссия. «Маленький человек в круглых очках» раздражает спокойствие тех, – писала газета «Le Monde», – кто желает построить франко-германское сотрудничество на забвении»⁸¹. После-

⁷⁵ Mann H.-D. Lucien Febvre: la pensée vivante d'un historien. P., 1971.

⁷⁶ Fink P. Marc Bloch: a life in history. Cambridge; N.Y.; Port Chester, 1989; Bloch E. Marc Bloch (1886–1944): une biographie impossible... Limoges, 1997.

⁷⁷ Цит. по: Dumoulin O. Marc Bloch... P. 122.

⁷⁸ Там же. С. 43.

⁷⁹ Cahiers Marc Bloch. Bulletin de l'association Marc Bloch. 1995. № 2. P. 42.

⁸⁰ Общественная организация, созданная с целью распространения интеллектуального наследия Марка Блока и развития наук о человеке. Официальный сайт организации: <http://www.marcbloch.fr/>.

⁸¹ Цит. по: Dumoulin O. Marc Bloch... P. 39.

довала волна наименований в честь Блока исследовательских центров в Германии, США, России и других стран, улиц и школ во Франции. Эта «жестокая блокомания» стала результатом стихийно возникшего сразу в нескольких странах общественного поветрия, лишь в минимальной степени поддерживаемого Ассоциацией Марка Блока.

Затем Марк Блок стал символом политической организации «Фонд Марка Блока», заявившей о себе в марте 1998 г., которая призвала сплотиться всех сторонников «республиканского права» перед угрозой глобализации и политического разложения, чреватых новым «странным поражением» Франции⁸². Ассоциация Марка Блока опротестовала использование памяти ученого в политических целях, и в сентябре 1999 г. судебным решением этой организации официально запретили носить имя Блока.

«Святой Марк Блок», – коротко резюмировал М. Детьенн⁸³, характеризуя процесс новой сакрализации выдающихся людей XX в., способных стать примером для современного французского общества, ищущему точки опоры в пространстве всеядного и не требующего экстремальных решений современного мира.

Историографы, естественно, чаще всего обращаются к наследию «отцов-основателей», чтобы определить их место в эволюционной цепи, характеризующей историческую дисциплину XX в. Закономерный интерес в этой связи приобретают не только сходства и различия в идейных предпочтениях Февра и Блока, но также характеристика самой эпохи возникновения «Анналов», формирование исследовательских стратегий и механизмы работы легендарного журнала.

1.2.2. Интеллектуальный климат «межвоенной» эпохи

По сравнению с описанным выше «методическим» этапом исторической науки, пришедшимся на годы ученичества Февра и Блока, новая эпоха имела ощутимо другое наполнение. Главную роль в этом сыграл трагический опыт Первой мировой войны. Ее «...слишком часто сводят к «простому контексту, своего рода заднему плану, рискуя оставить в стороне процессы, с помощью которых историк интеллектуально «усваивает» конфликт», – замечает Стефан Одуан-Рузо в своем введении к «Запискам о войне 1914–1918 гг.» Марка Блока⁸⁴.

«Великая война», ставшая важнейшим рубежом развития Европы в целом, стала водоразделом и для исследовательских поколений французских историков: довоенного, военного и «детей войны»⁸⁵. Молодые

⁸² *Dumoulin O.* Marc Bloch... P. 37.

⁸³ *Detienne M.* Comparer l'incomparable. P., 2000. P. 29.

⁸⁴ *Bloch M.* Écrits de guerre 1914–1918. P., 1997. P. 6.

⁸⁵ *Trubnikova N.* World War I and the Russian Revolution of 1917: Frames and Debates in Russian Studies Historiography // *Biagini A., Motta G. (ed.)* The First World War Analysis and Interpretation. Cambridge. 2015. Vol. 1. P. 71–82

ветераны чувствовали настоятельную необходимость обновления, в то время как старшее поколение не считало нужным вносить какие-то фундаментальные изменения в свою профессиональную практику. Однако, озабоченные профессиональной реорганизацией, ветераны сформировали для себя позицию социального и политического нейтралитета, и во многом, как горестно каялся впоследствии Марк Блок, несли ответственность за фиаско «Странного поражения» Франции в 1940 г. Следующее поколение – осиротевшие дети этой войны, поколение Фернана Броделя, составили поколение нонконформистов 1930-х гг. Ощущение общей интеллектуальной пустоты толкало их к активным поискам некоего «третьего пути», далекого от крайностей индивидуального или коллективного материализма⁸⁶, создавая новые очаги социального и профессионального напряжения.

В восприятии Люсьена Февра, принятого в 1919 г. на кафедру новой истории гуманитарного факультета в Университете Страсбурга, война должна была привести к серьезному пересмотру существующих у историков ценностей. В своей вступительной лекции, озаглавленной «История в разрушенном мире»⁸⁷, он описывал текущее состояние термином «битва» за «научную историю», которая ведется, в частности, «Журналом исторического синтеза». Февр задается вопросом: «имею ли я право сегодня снова заняться своей работой историка?» и утверждает положительную возможность для этого при условии серьезной профессиональной реорганизации. Он отвергает цели предшественников, упрекая их за инструментализацию истории, которая занималась лишь возвеличиванием нации. «История, которая служит, это история-рабыня». Февр в этой публикации полностью воспроизводит тональность и аргументацию Симиана в его диспуте с Сеньбосом. Цель истории в идеальной перспективе – устанавливать законы, концепция истории как знания индивидуального и частного безнадежно устарела.

Марк Блок, который закончил войну в чине капитана и теперь оказался в том же университете Страсбурга в качестве преподавателя истории средних веков, воспринимал войну не просто как критический рубеж, но как колоссальный по своему значению жизненный и исследовательский опыт. Как историк, не чуждый работ Дюркгейма о коллективных репрезентациях, он в особенности заинтересовался свойствами мышления свидетелей-очевидцев и в общем – коллективной психологией в армии. Для него война – это «огромное естественное испытание», «необозримый опыт социальной психологии, неслы-

⁸⁶ *Dosse F.* La marche des idées. Histoire des intellectuels, histoire intellectuelle. P., 2003.

⁸⁷ *Febvre L.* L'histoire dans le monde en ruines // *Revue de la Synthèse Historique.* 1920. T. XXX. № 88. P. 1–15.

ханного богатства»⁸⁸. Карло Гинзбург⁸⁹ и Жак Ле Гофф⁹⁰ настаивают на центральной роли этого опыта войны для понимания генезиса «Королей-чудотворцев», опубликованных в 1924 г.

С точки зрения Ульриха Рольфа⁹¹, Блок первым дал жизнь новой историко-ведческой тенденции: по итогам войны интерес историков переместился с письменных источников на материальные свидетельства, к пространственным и физическим элементам, – то есть к практикам наблюдения, которые отталкиваются от настоящего. Война здесь играет ключевую роль и открывает для исследователей необозримый массив видеоматериалов и в широком смысле визуальных объектов.

Несмотря на воодушевляющую победу в войне, общим мотивом эпохи становится идейное банкротство науки и социальная бесполезность истории, которая оказалась неспособной предвидеть социальную катастрофу. Кризис, проявив себя на множестве уровней, опрокинул, как казалось, все сильные стороны профессии начала века. Ее научная легитимность была оспорена молодыми социальными науками. «Дебаты 1903 года» не имели однозначного победителя: исторический метод не стал универсальным для всей совокупности социальных наук, но и социология не преуспела в том, чтобы низвести историю к состоянию вспомогательной дисциплины: история по-прежнему черпала мощь из своего сильного положения на всех уровнях преподавания.

В целом концептуальные и институциональные основы науки как таковой были охвачены депрессией, темами неуверенности, нестабильности, невыразимости и провала. Все прежние теоретические основания наук становятся объектом постоянной критики в эпистемологической конъюнктуре Франции 1920–1930-х гг.⁹² По наблюдениям Э. Каstellи-Гатинара, в данную эпоху в различных отраслях знания можно встретить авторов, которые, подобно Люсьену Февру, перед лицом «кризиса» реагировали противоречиво: то делая апологию союзу Науки и Порядка, то ссылаясь на широкую междисциплинарность и «открытость» исследований, которым мешает всякая строгость⁹³, но в любом случае постулируя общий и глубокий кризис идей и научных понятий⁹⁴.

⁸⁸ Bloch M. Réflexions d'un historien sur les fausses nouvelles de la guerre // *Revue de la Synthèse Historique*. 1921. T. XXXIII. P. 13–35.

⁸⁹ Ginzbourg P. Préface à la traduction italienne de Bloch M. *I re taumaturgi*. Turin, 1973.

⁹⁰ Le Goff J. Préface à la réédition de Bloch M. *Les rois thaumaturges*. P., 1983.

⁹¹ Raulff U. Marc Bloch. Un historien au XXe siècle...

⁹² Castelli-Gattinara E. Les inquiétudes de la raison. *Épistémologie et histoire en France dans l'entre-deux-guerres*. P., 1998.

⁹³ Ibid. P. 12.

⁹⁴ Febvre L. Deux philosophies opportunistes de l'histoire: De Spengler à Toynbee // *Revue de Métaphysique et de Morale*. P., 1992. T. XLIII. № 4. Repris dans *Combats pour l'histoire*. P. 119–143.

В этой связи необходимо помнить и о влиянии на весь комплекс наук, включая историю, революционных открытий теоретической физики 1910–1920-х гг. Теория относительности и квантовая теория поставили под сомнение излюбленную историками идею причинности и все вариации детерминизма. «Отцы-основатели» «Анналов», и в особенности Марк Блок, находились под огромным впечатлением от этих концепций⁹⁵, убедительно показавших, что и в точных науках результаты, которые были получены опытным путем, предопределяются заранее характером задачи, поставленной исследователем. Именно «Анналам» впоследствии удалось утвердить общенаучный принцип релятивизма в сознании историков.

Анналисты часто объясняли кризис истории как раз тем, что их предшественники не интегрировали в свой опыт научные достижения наук о природе, не постигли принципа относительности. Упрек был не вполне справедливым: ведь и «методический момент» в истории начался заимствованием основ позитивизма из естественных наук. Необходимо помнить о том, что усвоение достижений из других, отнюдь не пограничных областей никогда не является стремительным, требует определенного времени.

Но кризис был не только в теоретической невосприимчивости, он имел и свою институциональную глубину, что на фоне динамизма новых социальных наук выражалось у многих историков «... тотальным разочарованием: горьким чувством того, что заниматься историей, читать историю значит отныне терять свое время»⁹⁶. После Первой мировой войны дисциплина вступила в полосу институциональной стагнации, а затем – относительной регрессии. Уменьшились пропорция профессоров и количество учебной нагрузки, прекратилось увеличение количества кафедр, что привело к жесткому соперничеству в профессиональной среде. На этом фоне особенный расцвет переживала география. Наблюдалась даже массовая переориентация студентов-историков по этому профилю. В провинции движение выразилось в сокращении числа кафедр локальной истории, часто в пользу региональной географии.

Период упадка профессии не благоприятствовал внедрению новых научных тем, и потому в конкурсах должностей, как в среднем образовании, так и в университете, экономическая и социальная история были представлены относительно малым количеством вакансий. Общее снижение количества рабочих мест и поздний возраст ухода на пенсию провоцировали идейный консерватизм и старение корпорации историков⁹⁷.

⁹⁵ Oexle O.-G. Marc Bloch et la critique de la raison historique // *Astma H., Burguière A. (dir.) Marc Bloch aujourd'hui...* P. 425–426.

⁹⁶ Febvre L. Vivre l'histoire. Propos d'initiation // *Mélanges d'histoire sociales*. 1942. Т. 3. P. 25; рус. пер.: *Февр Л. Как жить историей // Февр Л. Бои за историю...* P. 24–38.

⁹⁷ Delacroix C., Dosse F., Garcia P. Les courants historiques en France... P. 108.

Именно этот сложный идейный и социальный контекст сформировал планы Люсьена Февра и Марка Блока по созданию нового журнала.

1.2.3. Марк Блок и Люсьен Февр: стратегии карьеры, идейные предпочтения и противоречия

Вопреки устоявшемуся мнению ни Февр, ни Блок не были маргиналами в университетском социуме и соблюдали законы профессиональной среды. Более того, они достигли карьерных высот исторической дисциплины и еще до Второй мировой войны вошли в плеяду самых именитых и успешных историков Франции. Характеризуя характер деятельности зарождающейся «школы Анналов», Бертран Мюллер предложил гипотезу «разрыва, который, не будучи необходимым, был одновременно завершением и продвижением...»⁹⁸ научной парадигмы, развиваемой предшественниками.

Февр защитил в 1911 г. диссертацию под руководством Габриэля Моно, Блок писал свою под руководством Мишеля Пфистера и Шарля Сеньобоса. В их судьбах изначально было много общего. Оба вышли из семей преподавателей, оба, с разницей в несколько лет, учились в Высшей нормальной школе, посещали лекции одних профессоров. Оба в годы студенческой юности находились под влиянием серии – широко прописанной ныне – конкурирующих интеллектуальных потоков, к которым они были привязаны по-разному, но которые отметили их работы и ориентацию будущих «Анналов». Это экономическая история (Анри Пиренн), социология (Эмиль Дюркгейм, Франсуа Сириан), «Журнал исторического синтеза» (Анри Берр) и коллективная психология (Шарль Блондель, Анри Валлон), историческая лингвистика (Антуан Мейе). Наконец, и тот, и другой одинаково начали свою карьеру. Как это сделал Февр за семь лет до него, Блок опубликовал в 1912 г. в «Журнале синтеза» свою первую рецензию и свою первую большую статью. Однако, фигурируя среди сотрудников Берра, Блок не вошел, в отличие от Февра, в круг его друзей.

Блок и Февр разделили объективные трудности карьеры с другими представителями своего поколения. Они долго, в силу замедленной университетской конъюнктуры, а не происков недоброжелателей, ожидали должности в Париже, и даже вступали в конкуренцию между собой в двух случаях: первый раз в Коллеж де Франс в 1928 и второй раз, в 1930, в Практической школе высших исследований (*l'Ecole pratique des Hautes Etudes*). В итоге, после серии разочаровывающих провалов, они оба получили желаемое: Люсьен Февр – пост в Коллеж де Франс (1934), Марк Блок – в Сорбонне, на кафедре экономической истории, наследуя ушедшему в отставку Анри Озе (1936). Заметим, что лишь

⁹⁸ Müller B. Lucien Febvre... P. 67.

обосновавшись в столице, Февр начинает свой «крестовый поход» против «историзирующей истории» и персонально – против Шарля Сеньобоса.

В отношении учителей и в восприятии опыта исторической дисциплины позиции двух партнеров ощутимо различались. Блок, отчасти из-за принадлежности к университетской династии (его отец, Гюстав Блок, был известным историком Римской республики), оставался значительно более толерантным по отношению к предшественникам. Более того, он охотно выражал свою верность учителям, отдавал им должное всякий раз, когда упоминал о Шарле Сеньобосе. В «Апологии истории» Блок написал о создателях знаменитой книги о методе: «...Я был учеником этих двух авторов, и особенно – господина Сеньобоса. Оба они дали мне ценные уточнения по доброй воле. Мое первоначальное образование многим обязано их наставлениям и их учебнику». В этих строчках, полагает О. Дюмулен, содержится больше, чем простой реверанс: они выражают убеждение в том, что историческое знание конструируется в перспективе кумулятивного прогресса, и что необходимо превосходить, но не разрушать наследие мэтров⁹⁹. В этом отношении Блок сохранял изначальную верность Ланглуа и Сеньобосу и в 1914, когда еще был совершенным «позитивистом» по убеждениям (об этом свидетельствует его вступительная речь в лицее Амьена), и в 1942 г., когда его воззрения уже претерпели радикальную трансформацию. Блок, в отличие от Февра, оставил свою подпись и в книге благодарных учеников в честь Шарля Сеньобоса.

Блок защищал процедуру библиографических ссылок, считал метод источниковедческой критики основой исторического исследования. Эта вера в устои профессии проявлялась в той основательности, с которой он описывал условия исследования. Он никогда не отрицал важности тех этапов работы, что были организованы позитивистами, мягче, чем Февр, с точки зрения эрудиции и метода, оценивал работы архивистов Школы хартий. Внимание, уделяемое техническим принуждениям ремесла историка, обнаруживало себя на всех уровнях работы Марка Блока. Современники ценили в нем виртуозного библиографа, в то время как в исследовательской практике Люсьена Февра, «отсутствие системы архивов оставляет мало места для оценки»¹⁰⁰. Блок глубоко верил в социальную эффективность организации ремесла, и; в отличие от большинства представителей своего поколения, был очень озабочен проблемами профессиональной этики, полагая, что нельзя расценивать деятельность историка вне его социальных и педагогических обязательств.

⁹⁹ *Dumoulin O. Marc Bloch... P. 206.*

¹⁰⁰ *Dumoulin O. Marc Bloch... P. 210.*

В целом, коллективные проекты, начатые «Анналами», рубрики журнала об исследовательских организациях и институтах преподавания свидетельствуют не об отказе от основ профессии, но о стремлении ее реформировать. Если речи Люсьена Февра и имели явную тактическую жесткость в духе «битв памяти», подпитывая идею разрыва с методической школой, это не было действительным намерением отказать от основ «исторического метода».

Идея, полагает О. Дюмулен, что Марк Блок был неизвестен современникам, также ставшая частью легенды, «которую Фернан Бродель любил вспоминать, чтобы трансформировать дело отцов-основателей «Анналов» в героическую сагу, не состоятельную при изучении связей с современниками»¹⁰¹. К моменту публикации «Королей-чудотворцев» Блок уже приобрел авторитет талантливого ученого, поражая коллег широтой своей эрудиции. Он воспринимался профессиональной корпорацией одновременно как «образцовый наследник критической традиции и как историк, способный ее превзойти широтой своих взглядов и постановкой вопросов»¹⁰². В межвоенный период он также стал главным посредником между немецкой и французской исторической наукой. Однако будучи известным и уважаемым, историк не всегда находил понимание у коллег¹⁰³ и был не слишком ими любим: уважая методы своей профессии, он презирал многие условности академической среды. Современники часто вспоминали сухость, самоуверенность и чрезмерную требовательность Блока как отличительные свойства его характера¹⁰⁴. Наблюдается определенная двойственность его усилий, нашедшая отражение в научном творчестве: с одной стороны, он стремился уважать принуждения своей профессии, с другой стороны, чувствовал настоятельную потребность обновления.

Последняя к моменту создания «Анналов» возобладала, поскольку на рубеже 1920–1930-х гг. наиболее употребимыми в лексиконе Марка Блока стали слова, выражающие постоянство и динамизм сравнительной перспективы: «единичность», «оригинальность», «контраст», «выделять», «различать». Блоку не нравилось, когда его называли медиэвистом, он вообще избегал деления на специализации по периодам. Да и в компаративном методе, продвижение которого стало любимой

¹⁰¹ Ibid. P. 51. В уже цитированном введении к книге Т. Стояновича Бродель писал о борьбе «отцов-основателей» с косным парижским истеблишментом, который был склонен игнорировать или замалчивать новаторские достижения Блока и Февра.

¹⁰² Ibid. P. 59.

¹⁰³ Так, например, работа Блока «Оригинальный характер сельской французской истории» сразу привлекла пристальное внимание географов, но долгое время не была оценена историками в силу своего новаторского характера.

¹⁰⁴ Dumoulin O. Marc Bloch... P. 74.

темой Марка Блока, он приветствовал сравнение не столько сходств, сколько различий¹⁰⁵.

С 1914 г., когда позитивизм Блока еще казался тотальным, и до написания «Королей-чудотворцев» историк пережил серьезную идейную эволюцию. «Зрелый» Блок внедрял в историческое исследование гипотезу и конструкцию, был склонен к изучению общественных структур, сначала – экономических, затем – коллективных репрезентаций. Считается, что идейная трансформация произошла у него, главным образом, под влиянием Дюркгейма. Для Блока естественно было говорить о «ментальной атмосфере», о «тональности», о «климате», об «обстановке». Однако О.-Г. Эксле отметил также, что язык Марка Блока менялся и под влиянием терминологических изменений в современной ему физике, которые историк отслеживал довольно внимательно¹⁰⁶.

Наименее очевидной из того набора идейных предпосылок, что традиционно закладывается историографией в основу движения «Анналов», представляется связь Блока с «гуманитарной географией». «Мысль географической школы ... служит прежде всего для формирования вопросов, иногда – в качестве ограничителя, но ни в коем случае не моделью решения для Марка Блока... если географические вопросы и задаются Марком Блоком, то он не находит себя в системах причинности, употребляемых французскими географами»¹⁰⁷, – полагает О. Дюмулен.

Именно на почве отношения к географии выявилось одно из глубоких идейных различий между двумя партнерами. На вкус Февра творчество Блока было слишком не по-французски абстрактным, отстраненным от «музыки» почвы, пейзажей, индивидов. До определенной поры эта разница устремлений маскировалось общей любовью к творчеству Жюль Мишле, полному «звучков и запахов» настоящей жизни. Но в связи с публикацией «Истории французских провинций» (1933) Гастона Рупнеля, увлеченно воспевавшего «мистику земли», выявилось подлинное интеллектуальное разногласие: восторженная рецензия со стороны Февра¹⁰⁸ и, скорее, негативная оценка – Блока¹⁰⁹.

География была несомненным интеллектуальным предпочтением Февра. Еще в 1922 г. он выпустил в коллекции Анри Берра книгу «Земля и человеческая эволюция. Географическое введение в историю»¹¹⁰,

¹⁰⁵ *Aymard M. Histoire et comparaison // Astma H., Burguière A. (dir.) Marc Bloch aujourd'hui... P. 271–278.*

¹⁰⁶ *Oexle O.-G. Marc Bloch et la critique de la raison historique ... P. 425–427.*

¹⁰⁷ *Dumoulin O. Marc Bloch... P. 148.*

¹⁰⁸ *Febvre L. Les morts de l'histoire vivante: Gaston Roupnel // Annales ESC. 1947. № 4. P. 479.*

¹⁰⁹ *Müller B.(éd.) Marc Bloch – Lucien Febvre. Correspondance... T. 2. CCL. 24/08/34. P. 148.*

¹¹⁰ *Febvre L. La Terre et l'évolution humaine. P., 1970.*

где дал определение идентичности истории перед лицом прочих социальных дисциплин. Идее географической причинности он противопоставил в качестве примера поссибилизм¹¹¹ Поля Видаля де ла Блаша, а социологов критиковал за слишком пассивную картину действия человека в контексте окружающей среды и «манию категоризации».

Отношения Февра с социологией были двойственными. Симиан был его любимым заочным собеседником, у него он заимствовал аргументы в борьбе с традиционной историей. Именно Симиан обеспечил социальным историкам ту экономическую схему, которая в творческой переработке Эрнеста Лабрусса впоследствии привела к успеху «вторые Анналы». Люсьен Февр неустанно выражал свою признательность социологии, однако его реальный вклад в сотрудничество ограничился публикацией обзоров небольших учебников или коротких резюме. Эти ремарки были выполнением именно формального долга: он не применял модели социологов в собственных исследованиях¹¹².

Между тем в 1920-е гг. спор между историками и социологами уже приобрел «рабочий» характер и не имел, как прежде, целей легитимации дисциплин. Наследник традиции Дюркгейма и его племянник, Марсель Мосс написал в «Социологическом ежегоднике»: «Социология и история должны ... идти в паре. По сути, они уже идут вместе. И мы протестуем только против чрезмерности».¹¹³ Марк Блок спорил с социологами Альбваксом и Блонделем о значении коллективных репрезентаций, представленных в «Королях-чудотворцах», о коллективной памяти и суициде. Февр же в этих дискуссиях участия не принимал.

Самое основательное интеллектуальное различие между Марком Блоком и Люсьеном Февром было связано именно с различным восприятием ментальностей¹¹⁴. Оба партнера были заинтересованы в изучении сознания людей прошлых эпох. Однако интеллектуальная конструкция Февра тяготела «к двум характеристикам: «внеклассовый» подход, который... исключает всякую специфику групповых или классовых ментальностей, ... через повышенный интерес к сознательному выбору, приближается... к истории идей, хотя Февр и противостоит ей в большинстве своих метаисторических текстов»¹¹⁵. Февра интересу-

¹¹¹ От фр. «possibilité» – возможность. Основной принцип французской гуманитарной географии, согласно которому природный ландшафт, активно изменяемый возможностями деятельности человека, не может рассматриваться вне связи с обществом, его населяющим.

¹¹² Müller B. Lucien Febvre... P. 293–294.

¹¹³ Цит. по: Ibid. P. 297.

¹¹⁴ Burguière A. La notion de «mentalité» chez Marc Bloch et Lucien Febvre... P. 333–348.

¹¹⁵ Dumoulin O. Marc Bloch... P. 154.

ет измерение индивидуальных отношений в истории, и он критикует Марка Блока за социологизм¹¹⁶.

Само восприятие понятия у двух партнеров различилось (притом, что в манифестах первых «Анналов» упоминание ментальностей отсутствует вовсе), отражая разные цепочки преемственностей: Анри Берр – для Люсьена Февра и Морис Альбвакс – для Марка Блока¹¹⁷, отмечает А. Бюргьер. Для Февра ментальность – это общий идейный климат эпохи, находящий свое выражение, прежде всего, в сознательных формах, тогда как Блок ищет «ментальности» (хотя это слово и не было характерным для его словаря, он писал, скорее, о структурах коллективного сознания), проявляющие себя в определенных групповых практиках.

Подход Марка Блока исследовал логику повседневной жизни и коллективные репрезентации, отражающие бессознательное. Более того, в его фокусе анализа помещалась чаще всего социальная группа как носитель привычек, определенного поведения и представлений, а не цивилизация или эпоха. Марк Блок пытался создать целостный образ, выявляя структурные соответствия между различными репрезентациями отдельной группы, примером чему явилась знаменитая глава «Феодалного общества»: «Способ мыслить, способ чувствовать»¹¹⁸. Чтобы подытожить принципиальные различия исследовательских стратегий в «Анналах», Жерар Мэре еще в 1974 г. в книге о социологии исторического знания указывает на существовании двух тенденций в развитии «Анналов»: от Люсьена Февра к Фернану Броделю, и от Марка Блока через Эрнеста Лабрусса к Пьеру Вилару¹¹⁹. Оба последних автора являются представителями марксистской версии структурализма в историческом исследовании.

Склонность Марка Блока к структурализму привела к тому, что марксисты действительно воспринимали его как самого близкого к себе историка. Но здесь нужна оговорка: марксистом в полном смысле слова он никогда не был, поскольку «выгучка» ремесла, представление о связи между теорией, гипотезами и источниками не позволяли ему автоматически применять детерминистические схемы.

Люсьена Февра больше всех гуманитарных новаций, и даже больше союза с географией, получившего столь блестящее развитие в геоистории Фернана Броделя, привлекала историческая психология. Именно ей он придавал значение программы и продвигал в собствен-

¹¹⁶ *Febvre L.* La société féodale. Une synthèse critique // *Annales d'histoire sociale*. 1941. № III. P. 128

¹¹⁷ *Burquière A.* The Fate of the History of Mentalités in the Annales // *Comparative Studies in Society and History*. 1982. № 24 (3). P. 424–437.

¹¹⁸ *Bloch M.* La société féodale. P., 1994. Livre II, chapitre II. «Façon de sentir et de penser». P. 115–135; рус. пер.: *Блок М.* Феодалное общество. М., 2003.

¹¹⁹ *Mairet G.* Le discours et le historique: essai sur la représentation historique du temp. P., 1974. P. 96.

ных исследованиях. В VIII томе Французской энциклопедии Февр поместил большую статью «Психология и история», в которой наметил направления междисциплинарного альянса психологии, социологии и истории, цель которого – знания об индивиде. В этой статье он описал основные понятия и две перспективы будущей «истории чувств»: первая, – с точки зрения истории, изучающей связку «индивид-общество», другая – с позиции «ретроспективной психологии, черпающей данные из истории, чтобы понять ментальную жизнь людей других эпох»¹²⁰.

Февр создал ряд ярких индивидуальных исторических портретов: Лютера, Рабле, Маргариты Наваррской¹²¹. Так, книга Февра «Проблема неверия в XVI веке: религия Рабле» была посвящена проблеме анахронизма в исторических исследованиях. Автор спорил с представителем французского «раблеведения» Абелем Лефраном, описывающим своего героя как носителя атеистических и рационалистических воззрений, характерных, скорее, для мышления Нового времени. Февр рассматривал этот пример как случай явной модернизации XVI в., в ментальном укладе которого еще не было интеллектуальных и социальных установок для возникновения воззрений такого типа. Индивидуальная психология Рабле, нашедшая отражение в его творчестве, характеризовалась в монографии как средоточие современной ему ментальной атмосферы¹²².

Интерес Февра к исторической психологии сформировался и развивался под несомненным влиянием и при участии Анри Берра.

Анри Берр, Люсьен Февр и «Анналы»

Интеллектуальные устремления Люсьена Февра в принципе невозможно понять в отрыве от проектов Анри Берра, главным из которых был «Журнал исторического синтеза». Б. Мюллер, являющийся автором основательной, и едва ли не единственной за последние десятилетия монографии, посвященной Люсьену Февру¹²³, полагает, что сведение роли «Журнала исторического синтеза» до положения интеллектуальной предпосылки «Анналов», характерное для «официальной версии»

¹²⁰ *Febvre L. Psychologie et histoire // Encyclopédie française. P., 1938. Vol. 8: La vie mentale. P. 3–7; рус. пер.: Февр Л. История и психология // Февр Л. Бои за историю... С. 97–108.*

¹²¹ *Febvre L. Martin Luther. Frankfurt am Main: NY: Paris, 1996; Ibidem. Le problème de l'incroyance au XVIe siècle. P., 1968; Ibidem. Autour de "L'Heptaméron": amour sacré, amour profane. P., 1944.*

¹²² *Ibidem. Le problème de l'incroyance au XVIe siècle...; Ibidem. L'homme, la légende et l'oeuvre. Sur Rabelais: Ignorances fondamentales // Febvre L. Les combats pour l'histoire... P. 247–262.*

¹²³ *Müller B. Lucien Febvre, lecteur et critique....*

истории движения¹²⁴, совершенно необоснованно. «Это представление способствует, определенным образом, узакониванию пути Февра по продвижению новой истории. Оно прячет его сотрудничество с «Журналом Синтеза», возросшее в первые годы после создания «Анналов», маскирует конфликт, которые противопоставит его потом «отцу синтеза» и сводит «на нет» те несовпадения, которые все более разделяют два научных проекта, отличных друг от друга, и, в конечном итоге, непримиримых»¹²⁵.

Проект Анри Берра, философа, ушедшего в историю, остался, прежде всего, философским. Отвергая метафизическую и спиритуалистскую теорию, он стремился создать позитивную философию, стержнем которой должна была стать история. Но его программа истории, организационным принципом которой было понятие синтеза, стала ответом на вызов, брошенный нарождающимися социальными науками. Берр решительно отверг «все социальное» в духе учения Дюркгейма, куда была отнесена и экономическая проблематика, считая основой своего синтеза историческую психологию. Очевидно, что наследники традиции «Анналов» даже и не стремились вникать в существо интеллектуальных исканий «отца синтеза». Об этом свидетельствуют, например, слова Броделя, прямо исказившего суть идейных исканий Берра: «Даже Анри Берр, например, мечтал только о присоединении истории к социологии. Цель объединить историю и экономику, дисциплину, о которой он ничего не знал, фактически, казалось ему очень опасной операцией»¹²⁶.

В проекте Берра важную роль играла библиографическая критика. Именно в этом журнале Февр приобрел свои навыки рецензента и занял в редакционной команде важное и особенное место. Его и Анри Берра связывали долгие годы дружбы.

Чтобы нейтрализовать негативные эффекты узкой специализации и заново определить научный и эпистемологический статус истории, Берр считал необходимым открыть широкую методологическую и теоретическую дискуссию между историками и философами, с одной стороны, и между историками и практиками социальных наук, с другой.

«Размышлять о науке» и «уточнить роль истории» в обществе составляло в конечном итоге, по Берру, две главные оси, начиная с которых дисциплина должна переосмысливаться и реконструироваться, и эту точку зрения полностью разделял Февр¹²⁷.

¹²⁴ «От “Журнала синтеза” к “Анналам”», – такой заголовок дал Февр одному из посвящений Берру: *Febvre L. Hommage à Henri Berr. De la «Revue de Synthèse» aux «Annales» // Annales ESC. 1952. № 7. P. 239–292; Он же. Дань признательности Анри Берру // Февр Л. Бой за историю... С. 126–129.*

¹²⁵ Müller B. Lucien Febvre, lecteur et critique... P. 43.

¹²⁶ Braudel F. Introduction // Stoianovich T. French historical method... P. 12.

¹²⁷ Febvre L. L'histoire dans le monde en ruines...

Продолжая работать с Берром и в 1920-х, и в 1930-х гг., Февр начал новый проект с Марком Блоком. Берр не имел особенно позитивного отношения к экономической и социальной истории, сохранял определенную дистанцию по отношению к «Анналам», никоим образом не отождествляя с ними интеллектуальную платформу своего журнала. И потому мало вероятно, что смена заголовка в 1931 г. «Журнала исторического синтеза» на «Журнал синтеза» имела какую-то связь с созданием «Анналов», якобы полностью воплотивших идеи Берра по реорганизации исторической науки, что представлялось совершенно очевидным для самих анналистов¹²⁸.

При этом Февр сохранял в редакции «Журнала синтеза» ключевое место, и они с Берром никогда не считали свои издания конкурентными. Февр «...расценивал деятельность своего друга как движение снаружи дисциплины, на уровне организации научного движения, а свое и Блока располагал внутри»¹²⁹. Помимо создания «Анналов», Февр мечтал об открытии еще одного нового журнала по истории идей, что, в действительности, более соответствовало его – и Берра – внутренней склонности.

Интеллектуальный развод Февра и Берра намечался постепенно. Февра раздражали сотрудники редколлегии Берра, он их считал некомпетентными и враждебными по отношению к себе. Начиная с 1934 г., снова сблизившись с Берром после избрания в Коллеж де Франс, он с трудом скрывал свое раздражение на его счет. Оно часто проявлялось в переписке с Блоком. Например, он написал 8 июля того же года: «Вчера вечером видел Берра дома. Он меня раздражает, я его не выношу, он становится все более ограниченным, узколобым, непонимающим – и некий сорт святого мессианства светит в его глазах, мешая видеть что-либо реальное»¹³⁰.

Однако и подобные высказывания уравнивались многократно повторенными признаниями в любви и благодарности Февра к своему другу. Февр предлагал Берру сотрудничать в проекте Французской энциклопедии, изданием которой увлеченно руководил он сам, но «отец синтеза» неизменно отказывался под предлогом того, что не желает заниматься «двойной работой». Этот отказ Февр относил полностью на счет «склероза» своего наставника и происков персонала созданного в 1930-е гг. «Центра синтеза». Действительная причина была в другом. Французская энциклопедия, которую Февр начинал издавать в 1930-е гг., не имела традиционного алфавитного принципа, статьи в ней группировались по проблемным ракурсам, часто «заступая» на территорию, которую «Центр синтеза» привык считать «своей»... «С конца войны

¹²⁸ Для самого Февра, но также для Броделя и Поля Лейо: «От “Журнала синтеза” к “Анналам”» – связь слишком очевидна, чтобы на ней настаивать»: *Leyot P. Henri Berg dans l’historiographie française // Revue Historique. 1964. № 85. P. 96.*

¹²⁹ Müller B. Lucien Febvre, lecteur et critique... P. 101.

¹³⁰ *Ibidem. (éd.) Marc Bloch – Lucien Febvre. Correspondance... T. 2. CCXXXIX. 08/07/34. P. 116.*

развитие политики прогресса наук... основанное на воле к интеграции и взаимопроникновению различных элит в социальной жизни, конституирует цель, разделяемую многими конкурирующими интеллектуальными движениями. Таким образом, поверх индивидуального соперничества и внутренних разделений, другие факторы вступают в игру, в частности, конкуренция за монополию в исследовании, за определение правил его организации и распределение компетенций»¹³¹.

Многое в интеллектуальных исканиях Февра выявляет не его само-рефлексия, – всемирно известный романтический автопортрет воинствующего историка-полемиста, который он создал в сборнике «Бои за историю», – но его стратегия критика, поскольку рецензирование (более 2 тыс. текстов, как подсчитал Б. Мюллер!) оставалась любимым видом творчества на протяжении всей жизни.

Выбор текстов, которые Февр выбирал для рецензирования, примечателен и отчасти парадоксален. Он очень редко писал рецензии на близких – Пиренна, Блока или Броделя. Экономическая история, о которой он часто упоминал как о сфере знания, не являющейся его предпочтением, неожиданно доминировала. Весомо представлено идейно чуждое ему поле политической истории: биографии политиков, история политических институтов, концепций и международных отношений. Другие секторы критики, напротив, больше отвечали интересам Февра: география, история цивилизаций, история идей, религиозная история. Социальная история набрала, по подсчетам Б. Мюллера, только 5,8% рецензируемых работ, причем в очень узком сегменте – социальные группы и социальные движения. Наконец, темы междисциплинарности, за которую, казалось бы, ратовали «Анналы», представлены только 2,4% рецензий.

Выбор рецензируемых областей эволюционировал во времени. Перед 1919 г. политическая история, явно господствующая, образовывала вместе с географией, экономической, культурной и религиозной историей области предпочтения Февра-рецензента. Изредка он писал о методе, о социальных науках, о сельской истории. В ходе 1920-х гг. изменилось внутреннее соотношение этой конфигурации: меньше политической истории по сравнению с историей религиозной, историей экономической и географией.

С момента создания «Анналов» образовалась новая пропорция: первое место заняла экономическая история, потом география, и новое поле деятельности – колониальная история. Понизился интерес Февра к религиозной истории (всего 8%). Самыми маргинальными остались всеобщая история, вопросы метода, городская история.

В 1930-х гг. произошли новые сдвиги: лидировала экономическая история (но в меньшей пропорции, чем раньше), несколько «возвысилась» политическая история, сохранилась роль географии, более явно утвердилась

¹³¹ Müller B. Lucien Febvre, lecteur et critique... P. 112.

история идей, уменьшилось значение колониальной и религиозной истории. Вторая мировая война привела к переориентации критики: в порядке убывания, доминировала история цивилизаций, политическая история, экономическая история, география. После войны образовался новый тематический пейзаж: политическая история, всеобщая история, экономическая история. И только в 1950-х гг., став результатом существенной эволюции воззрений, установился «посмертный профиль» сочинений Февра: история культуры, идей, цивилизаций и религиозная история доминируют над другими, в частности, над экономической историей, политической историей и географией, роль которых очень сокращается¹³².

При этом Февр разделял свое внимание критика между «Анналами» и «Журналом синтеза». Так, в «Журнале Синтеза» Февр публиковал статьи по XVI в. или Новому времени до Французской революции. В «Анналах» он предпочитал комментировать общие исследования, не имеющие точной хронологии, многовековые эволюции, или XIX–XX вв. В разных журналах критика касалась различных сторон эпохи: в «Анналах» – экономических, культурных и религиозных аспектов, в «Журнале синтеза» – религиозных и политических¹³³.

1.2.4. Проект журнала «Анналы экономической и социальной истории» и его воплощение

Современные авторы, пишущие об «Анналах», стремятся определить, насколько новаторским был журнал Марка Блока и Люсьена Февра в профессиональной периодике, и можно ли объяснить послевоенный расцвет движения оригинальностью проекта¹³⁴.

Еще на рубеже 1910–1920-х гг. Люсьен Февр мечтал о создании журнала экономической истории. В его представлении издание должно было стать лингвистически и финансово интернациональным и отдавать тематический приоритет еще неизведанным областям, например, экономикам «архаического» типа. Важным требованием было отрицание «ограниченного и тесного духа специализации», одновременно национальной и хронологической, произвольных разрывов между отдельными периодами истории и различными типами экономики. Наконец, журнал не должен был оставаться в стороне от теоретических дискуссий об эволюции экономических, социологических и юридических доктрин.

Однако проект Февра не был воплощен в жизнь. В конце 1927 г. Марк Блок решил воплотить его планы, несколько видоизменив кон-

¹³² Müller B. Lucien Febvre... P. 187–189.

¹³³ Ibid. P. 192–199.

¹³⁴ Трубникова Н. В. «Анналы экономической и социальной истории»: эволюция исследовательской парадигмы // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 317. № 6. С. 179–181.

цепцию. По настоянию Блока пришлось вернуться к финансовой формуле, которую Февр некогда счел неподходящей: издания журнала, может быть, интернационального по духу, но все-таки французского и привязанного к определенному коммерческому издателю. Позднее Февр признал правоту такого решения¹³⁵.

Традиционно в историописании «Анналов» факторами формирования концепции журнала называют благотворный «дух Страсбурга» и надвигающийся мировой экономический кризис. Обе оценки были уточнены исследованиями последних десятилетий.

Особый интеллектуальный климат Страсбурга, воодушевляющий вначале и поддерживаемый грандиозными планами правительства, быстро портился. Финансовые обещания не были полностью выполнены и надежды на создание нового Университета «с большой буквы», имеющего многочисленные возможности и способного конкурировать с Сорбонной, на особую роль в нем исследования и новаторства, не оправдались. Университет фактически оказался в изоляции от среды Страсбурга и провинции Эльзас в целом, где именно в рассматриваемый период участились религиозные конфликты, появились требования автономии¹³⁶.

Ситуация стремительно ухудшалась, и Страсбург в первые же несколько лет покинули более двадцати профессоров. Как выходец из еврейской семьи родом из Эльзаса, сохранивший там часть родственников, Блок был значительно лучше интегрирован в научную и культурную среду региона, но и он мечтал об отъезде в Париж.

Другое несостоятельное клише историографии «Анналов» было связано с представлениями о развитии экономической истории в 1930-х гг. как закономерном следствии мирового экономического кризиса. Эта тематическая область истории стала вполне самостоятельной и получила институциональную базу еще в 1920-е гг.¹³⁷ Появившись почти одновременно с историей политической, она была представлена в этот период собственной периодикой – «Журналом экономической и социальной истории» (*Revue d'histoire économique et sociale*), «Журналом истории экономических доктрин» (*Revue d'histoire des doctrines économiques*) и практиковалась блестящими историками старшего, по отношению к Февру и Блоку, поколения – Филиппом Саниаком, Анри Се и Анри Озе.

Теоретические манифесты «первых Анналов» чрезвычайно лаконичны, поэтому говорить об их выраженной исследовательской парадигме действительно трудно. Так, в «тексте открытия» первого номера

¹³⁵ Müller B. (éd.) Marc Bloch – Lucien Febvre. Correspondance... T. 1. LXIX. 24/09/29. P. 209.

¹³⁶ Pinol J.-L. Les universitaires et la ville : le cas de Strasbourg (1919–1939) // Les Annales de recherche urbaine. 1994. № 62–63. P. 157–168.

¹³⁷ Müller B. Lucien Febvre... P. 83–85.

журнала¹³⁸ авторы настаивали на сотрудничестве историков и представителей социальных наук. Другой целью объявлялась коммуникация с «людьми действия», чтобы помочь им «лучше понять свое время». Тем самым определялась прагматическая позиция, позиция практиков от истории, позволяющая противопоставить себя философскому стилю Анри Берра. В прагматизме «Анналов» можно также усмотреть линию преемственности по отношению к методической школе, традиционно недоверчивой к философской теории. Наконец, провозглашалась цель изменить намерения, методы и условия ремесла историка. Последнюю работу предполагалось вести по различным направлениям, от утверждения сравнительной истории и использования неписьменных источников до изменения кадровой системы в профессии и улучшения библиотек.

Гораздо большее значение, чем программные заявления, для понимания взаимоотношений «отцов-основателей» и повседневной деятельности журнала «Анналы экономической и социальной истории» имеет их многолетняя переписка¹³⁹. Тон писем оставался легким и доверительным, напоминая общение «двух друзей-студентов, которые развлекаются, двух приятелей, которые рассказывают друг другу истории, часто бывая несправедливыми»¹⁴⁰, как выразился Р. Бонно. Партнеры весьма нелицеприятно характеризуют большинство своих коллег, за исключением очень немногих идейно близких: Берра, Пиренна, Деманжеона и Симиана.

Именно в письмах обсуждались новые теоретические ориентации и эксперименты, вырабатывались механизмы управления журналом. Переписка свидетельствует о трудностях, колебаниях и неопределенностях, которые почти постоянно испытывали создатели «Анналов». В преддверии открытия журнала Февр написал: «...Я надеюсь, что когда журнал откроется, работа будет более простой. Сейчас она мне кажется довольно тяжелой. Но давайте не будем ждать, ... последнего момента. Не будем думать, что наша роль закончилась, когда нам пообещали статьи. Она только начинается... Выпустить журнал, само по себе, это огромная работа. Это трудно. Мы далеки от того, чтобы предусмотреть все, увы...»¹⁴¹ «Нас не должно удивлять, если не удастся преуспеть с первого раза. Мы, естественно, находимся в плену наших привычек и нашей среды. ...В том, что мы предприняли, есть, по сути, пространство маленькой интеллектуальной революции, под нее трудно подстроиться другим

¹³⁸ Bloch M., Febvre L. Text d'ouverture // *Annales d'histoire économique et sociale*. 1929. № 1. P. 1.

¹³⁹ Müller B. (éd.) Marc Bloch – Lucien Febvre. Correspondance...

¹⁴⁰ Bonnaud R. Histoire intelligente pas morte... // Bonnaud R. Histoire et historiens depuis 68. Le triomphe et les impasses. P., 1997. P. 34.

¹⁴¹ Müller B. (éd.) Marc Bloch – Lucien Febvre. Correspondance ... T. 1. XXIV. 23/09/28. P. 79

и нам самим – тоже. Первая половина года будет проведена в открытии опасностей и измерении наших лакун: это не потерянное время»¹⁴².

Ряд практик редакционной работы были личным изобретением Февра и Блока. Несомненной новацией «Анналов» стало «тематическое продвижение» – сугубо эмпирический подход, при котором выделяются особые темы номера, не совпадающие с рубриками самой дисциплины и не образующие определенной строгой классификации. Эта форма, с небольшим перерывом после 1945 г., стала частью «формулы успеха» «Анналов» и одной из черт преемственности между различными поколениями, выпускавшими журнал.

Другим инструментом консолидации традиции «Анналов» стала интенсивная работа с авторами, изменение заголовков, группировка статей с другими по темам, иногда довольно серьезная правка текстов. И все равно редакторы жаловались на нехватку авторов и посредственность большинства представляемых рукописей.

Определяя политику будущего журнала с весны 1927 г., будущие редакторы колебались «между двумя крайними концепциями»: чисто библиографической – посвященной рецензированию появляющихся книг, или чисто методической (критической), которая, отслеживая направления развития, занималась бы внедрением новых методов и подходов в профессии историка посредством «научной популяризации». Отказываясь от любого компромисса с изысканиями в духе «политико-журналистского расследования» или «литературной хроники», Февр в конечном итоге предложил формулу среднего между «исчерпывающей библиографической переписью сочинений, появившейся за год и критикой недавних тенденций в данной области».

«Анналы» экономической и социальной истории» с самого начала отсылали к «духу «Анналов», никогда ясно его не выражая, а не к доктрине. Речь в данном случае шла о стиле активного и заинтересованного в динамичном развитии профессионального участия, который не определял теоретического содержания. Однако в этом не было действительной теоретической глухоты: «... факт настойчивого отказа от теории не предполагал... отказа от направляющих идей исследования: он отмечает только боязнь, как бы дисциплина не оказалась подчиненной теологии, идеологии или философии»¹⁴³, – полагает Э. Кастели-Гаттинара.

Важной причиной того, почему «классическая концепция» «Анналов» так и не была ясно выражена, помимо отмеченного выше недоверия к теории была «сложность, которую испытывали директора, чтобы сформировать вокруг журнала крепкую и верную команду». Формула «группа с журналом» мало подходит «Анналам» Блока и Февра, «кото-

¹⁴² Ibid. LXVIII. 20/09/29. С. 205.

¹⁴³ Castelli-Gattinara E. Les inquiétudes de la raison... P. 155.

рые... осуществляли почти в одиночку управление и редактирование журнала и писали подавляющее большинство рецензий»¹⁴⁴, – пишет Б. Мюллер. Не удалось, в частности, привлечь к работе в «Анналах» идейного донора движения Франсуа Симиана: попытка сотрудничества с ним стала цепочкой недоразумений и неудавшихся дел¹⁴⁵.

Каждый исторический журнал Парижа образовывал собственные «сети» сотрудников, которые, согласно анкете О. Дюмулена, существенно различались у трех ведущих: «Анналов», «Исторического журнала», «Журнала новой и новейшей истории». Только двенадцать авторов публиковались во все трех изданиях, среди них были иностранные авторы и несколько наиболее титулованных и признанных в профессии, таких, как Глоц, Озе, Курнэр и других, включая самих Февра и Блока. Остальные были распылены в журналах, имеющих собственные тематические и хронологические специализации. Интернациональность сотрудников в большей степени характерна для «Анналов», которые печатали 36% иностранных авторов против 17,5% и 23% соответственно у двух других журналов. Кроме того, издание Февра и Блока было более открытым внешнему миру, формируя сеть наименее университетскую и наименее «профессиональную» из трех.

«Анналы» отличались наиболее междисциплинарным характером: более половины опубликованных авторов были философами, лингвистами, экономистами или географами, реже представленными в «Историческом журнале». Если «Исторический журнал» оставался «голосом Сорбонны», то позиция «Анналов» оказалась уникально интересной, поскольку она объединила одновременно верхушку профессии и ее внешнее окружение. «Эта позиция не столько периферическая или маргинальная, что бы об этом ни писали, а скорее парадоксальная, основанная одновременно на оригинальности подбора сотрудников Анналами и стратегической эффективности их предложений»¹⁴⁶. Это положение во многом обеспечивалось деятельностью самих редакторов «Анналов», которые, целиком посвящая себя новаторским проектам, никогда не отвергали возможности сотрудничать в официальных органах дисциплины, и, в особенности, «Историческом журнале».

Персонал, привлекаемый «Анналами», не был ни однородным, ни постоянным. Количество публикующихся иностранцев было изначально ограниченным, и в ходе 1930-х гг. их ряды неуклонно редели. Да и состав французских сотрудников, по мнению редакторов, был численно мал и не обновлялся. Самыми важными среди них были сотрудни-

¹⁴⁴ Müller B. Lucien Febvre... P. 114.

¹⁴⁵ Об этом свидетельствует переписка Февра и Симиана на заре «Анналов», представленная Жаном-Пьером Рио: *Rioux J.-P. Une correspondance entre Lucien Febvre et François Simiand...*

¹⁴⁶ Müller B. Lucien Febvre... P. 146.

ки «с первого часа», оставшиеся верными журналу до самой войны, кроме Болига, который оставил «Анналы» после их переезда в Париж, и Бомона, который прекратил сотрудничество в 1936 г. Именно эти одиннадцать авторов, написавшие для «Анналов» в общей сложности по 10–20 статей, могут расцениваться как более или менее сплоченная группа поддержки. Из этих одиннадцати четверо (Лабуре, Арсен, Жерне, Ван Вервек) стали участвовать в работе журнала рано, но писали понемногу. Среди новых членов редакционного комитета только Мейнье (с 1933, 15 статей), Варга (с 1934, 10 статей) и Одрикур (с 1936, но особенно в 1939, 10 статей) способствовали обновлению¹⁴⁷. Каждый год появлялись новые авторы, они были многочисленны, но публиковали только по одной статье или работали в журнале короткое время.

Стремление сделать журнал интернациональным натолкнулось на объективные препятствия: в Европе множилась национальная академическая пресса, начался экономический кризис, нарастал политический экстремизм. Внутри Франции трудности коммуникации историков с неуниверситетской и непрофессиональной средой показывают, насколько необычным был способ организации «Анналов», поощрявших широкую междисциплинарную дискуссию, и как сильно он контрастировал с периодом недавней профессионализации и специализации дисциплины. *Успех предприятия базировался, главным образом, на волюнтаризме его создателей.*

Работа редакторов была поначалу организована на основе равенства: они распределяли чтение рукописей, но вместе принимали решения. В 1930 г. Блок написал Февру: «В организации наших «Анналов», в ходе этого первого года я бы сильно затруднился ясно разделить, что исходит от Вас, и что исходит от меня, и именно в этом, не так ли, сущность действительного сотрудничества»¹⁴⁸.

Но постепенно выявлялась определенная «специализация труда»: Февр казался более озабоченным организацией критической части, а Блок – выбором представленных направлений исследований. Различие между ними отразилось и в манере оценивать роль журнала по отношению к внешнему, сравнительно с внутридисциплинарным пространством, миру. Блока более всего волновала реорганизация исследований по экономической истории. Февр был чувствителен к действию журнала за пределами профессиональной среды, в частности, в деловых кругах. В октябре 1929 г., он доверительно писал своему другу Альберу Тома: «Это еще не тот живой журнал, о котором я мечтаю. Мой содиректор слишком историк, и большой эрудит. Я отпустил его на волю, немного слишком, возможно. Я приехал в Париж именно для

¹⁴⁷ Ibid. P. 148.

¹⁴⁸ Müller B. (éd.) Marc Bloch – Lucien Febvre. Correspondance... T. I. LXVIII. 20/09/29. P. 199.

того, чтобы изучать средства сделать журнал более «актуальным» и живым. Он сейчас захвачен университетской средой. И даже слишком захвачен. Остается ждать его вхождения в деловой мир»¹⁴⁹.

Намерения Люсьена Февра совпадали с чаяниями издательского дома Армана Колена, взявшегося за выпуск журнала: его руководители рассчитывали распространить большую часть абонементов среди «деловых людей», «занятых людей», которые читают в автомобиле, настаивая на включении в журнал новостных социальных и экономических статей, отвечающих вкусу неакадемической публики¹⁵⁰.

Издание журнала в эпоху первых «Анналов» почти все время было делом неверным и трудным: тираж журнала сокращается с 1300 экземпляров в 1929 до 1000 в 1933 гг. и до 800 в 1935–1938 гг. Надежды на сотрудничество с «деловым миром» не оправдались, подписка не превышала 300¹⁵¹.

Кризисы отношений Февра и Блока

Дружба и партнерство Люсьена Февра и Марка Блока, обладателей столь разных темпераментов, и отчасти, убеждений, что не устают повторять исследователи, проверялись «на прочность» несколькими кризисами отношений. Множество раз отмеченный историографией контраст: увлекающийся и общительный Люсьен Февр, способный писать до тридцати страниц в день, на фоне замкнутого и лаконичного семьянина Марка Блока, пишущего медленно и по три-четыре раза корректирующего свои рукописи, – с годами становился отчетливее. Если в переписке 1922 г. у Люсьена Февра можно прочитать, что Марк Блок – это его «альтер-эго»¹⁵², то впоследствии можно говорить о, как минимум, трех периодах, когда их отношения находились на грани разрыва.

В июне 1929 г. Февр жаловался в письме Анри Берру на Блока, который соревновался с ним в одном конкурсе на пост в Сорбонне. «Два человека больше не говорят на одном языке». «Люсьену Февру в этом удается сконструировать совсем другой образ Марка Блока: воплощение идеального историка, которого выявляют письма начала двадцатых годов, уступает место портрету неверного друга, коллеги, готового на все, ради того, чтобы преуспеть»¹⁵³, – комментирует О. Дюмулен. С этого момента в отношениях двух партнеров, во всяком случае, со стороны Люсьена Февра, поскольку сдержанный Блок никогда не позволял себе такого рода замечаний, – звучала нотка профессионального соперничества, хотя работы друг друга они всегда оценивали очень высоко.

¹⁴⁹ Цит. по: Müller B. «Problèmes contemporains» et «Hommes d'action» à l'origine des Annales. Une correspondance entre Lucien Febvre et Albert Thomas (1928–1930) // Vingtième siècle. Revue de l'histoire. 1992. № 35 (3). P. 88.

¹⁵⁰ Bonnaud R. Histoire intelligente pas morte... P. 31.

¹⁵¹ Delacroix C., Dosse F., Garcia P. Les courants historiques en France... P. 118.

¹⁵² Цит. по: Dumoulin O. Marc Bloch... P. 91.

¹⁵³ Dumoulin O. Marc Bloch... P. 95.

Второй сложный период был в 1937–1938 гг., когда конфликт и разрыв с издательством Армана Колена был усугублен кризисом личной жизни Люсьена Февра. Партнеры создавали свой журнал в очень трудных условиях, учитывая скудость средств, неустойчивость положения в издательстве, срочность многих работ. Множество факторов постоянно угрожали продолжению общего дела. Но решающий конфликт в издательстве разразился в 1937 г. по поводу публикации «немецкого» номера, инициированного Люси Варга, который содержал статьи о социальной природе нацизма. Новый владелец Жак Леклер, известный своими крайне правыми убеждениями, потребовал «уравновесить» содержание номера статьями противоположного содержания, что привело в итоге к уходу «Анналов» из издательства. Лишенные коммерческой и издательской поддержки, Февр и Блок думали о создании общества собственников издания, однако административные трудности не позволили осуществить эту идею вовремя, и Февру с Блоком пришлось стать самим владельцами журнала. Одновременно Февр тяжело выходил из кризиса личных отношений с Люси Варга¹⁵⁴ (однозначно осуждавшихся Блоком) и долго пребывал в Южной Америке, где завязалась его прочная дружба с Фернаном Броделем, который вскоре пополнил команду «Анналов». Блок выпускал журнал фактически в одиночку весь 1937 г.

Конфликт в значительной степени касался и перспектив журнала, как практических, так и идейных. Февр жаловался, что его отстранили от управления, что ему дают рецензировать всякое «барахло», по его выражению. Потерявший всякое терпение Блок поставил вопрос о том, стоит ли продолжать издание «Анналов»¹⁵⁵.

Для Февра, судя по этим письмам, имело значение не только пресловутое «столкновение темпераментов», но и сама концепция журнала. Он констатировал с сожалением, что пропорция «зрудированных статей с коротким радиусом действия» стала слишком значительной. Он упрекал Блока за «педагогический подход» там, где должен идти идейный спор: «Я хотел бы прежде всего журнал идей. Никакого долга перед учениками»¹⁵⁶. Чувствуя себя вытесненным и низведенным до вторых ролей, Февр опасался, что журнал становится образцом типичного «университетского конформизма, умеренно левого, уважающего обычаи и ситуации».

Ответы Блока на эту критику показывают конфликт между двумя друзьями, основанный, как отмечает Б. Мюллер, на реальном расхождении

¹⁵⁴ Сотрудница «Анналов» историк Люси Варга эмигрировала из Австрии во Францию в конце 1933 г. Ее сложная и во многом трагическая судьба, перипетии романтических отношений с Люсьеном Февром изложены в биографической книге Питера Шёттлера: *Schöttler P. Lucie Varga. Les autorités invisibles*. P., 1991.

¹⁵⁵ *Müller B. (éd.) Marc Bloch – Lucien Febvre. Correspondance ...* T. 3. CDVI. 22/06/38. P. 25–31.

¹⁵⁶ *Ibid.* CDV. 18/06/38. P. 22.

профессионального опыта. Февр работал со слушателями, но не студентами, в Коллеж де Франс; во Французской энциклопедии, где у него была команда сотрудников, включавшая в себя специалистов разного профиля за пределами исторической дисциплины, он общался с научной, литературной и культурной элитой. Блок делал классическую академическую карьеру, он преподавал в Сорбонне и мог оказывать решающее влияние на формирование будущих историков. Отсюда, перед лицом студентов, «не настолько строптивых в отношении наших идей», он не желал игнорировать «педагогический вопрос», так же как и структурные проблемы преподавания и формирования профессиональных кадров.

Блок не отрицал важности «идей», но отвергал «слишком схоластическую» оппозицию между идеями и фактами. «Во всяком случае, писал он, – если «Анналы» начали действовать по-настоящему, так это потому, что дух, который они представляют, распространяется через серьезную, тщательно собранную, точную, скромную информацию»¹⁵⁷.

Февр сомневался в целесообразности продолжения общего дела: «Попытка выпускать «Анналы» снова будет для нас *экстремально тяжелой*... Вот огромная проблема. Вот то, что меня страшит. Я боюсь, как бы «Анналы» нас не уничтожили. Я знаю по опыту, что это такое. Из этого не выходят. Нужно много заранее понять те трудности, которые нас ждут. Без чего мы получим массу жестоких сюрпризов. И если трудности, противостояния, тревоги внутреннего порядка должны будут появиться между нами – тогда нет, лучше было бы отказаться. Усилие становится по сути невозможным»¹⁵⁸.

С момента воссоединения Блока и Февра в Париже в 1936 г. работа вместе у них не ладилась. Кризис в итоге был преодолен: журнал поменял собственников, взял новый заголовок – «Анналы социальной истории», в нем был расширен комитет редакции.

Третий кризис отношений между Блоком и Февром, произошедший осенью 1940 г., обсуждался в напряженной дискуссии, которая развернулась между историками в 1990-х гг. по вопросу о коллаборационизме интеллектуалов в годы Оккупации¹⁵⁹.

Началась Вторая мировая война, и в октябре 1939 г. Февр обратился к читателям: «Команда «Анналов» рассеялась. Из основателей, тот, кто помоложе, занял свое место в армии. Так же, как и секретарь, и последнее пополнение из Совета редакции, и большинство наших сотрудников. Я, их старший, который не может снова воспроизвести на

¹⁵⁷ Ibid. CDVI. 22/06/38. P. 29.

¹⁵⁸ Ibid. CDVII. 22/06/38. P. 32-33.

¹⁵⁹ Schöttler P. Marc Bloch et Lucien Febvre face à l'Allemagne nazie...; Wessel M. Honneur ou patrie? Lucien Febvre et la question du sentiment national...; Zemon Davis N. Censorship, Silence, and Resistance: The Annales during the German Occupation of France...

их стороне печальную и требующую мужества битву – битву 1914 г., чтобы «убить войну», – не имею ни малейших колебаний в том, что есть мой первейший долг: «Пока это будет возможно, пока очень ограниченные материальные ресурсы и события... это позволят: делать журнал. В одиночку, если это нужно»¹⁶⁰.

Блок ему написал 8 октября: «Я доволен, что вы сможете продолжать жизнь «Анналов». Усилие будет для вас трудным, и я боюсь перейти... в ранг почетных директоров», добавляя: «Я испытываю действительное утешение видеть, что вы работаете, чтобы поддержать интеллектуальную жизнь, правда»¹⁶¹. На момент вступления в войну Февр и Блок имели общее представление о том, что нужно делать: продолжать публикацию журнала до тех пор, пока это будет возможно. «Анналы» социальной истории» выходили в свет в декабре 1939 и в январе–мае 1940 г.

После военного поражения Франции весной 1940 г. ситуация потребовала кардинальных решений. Чтобы издать третий за год журнал, Февр предпринял единственный раз в истории «Анналов» выпуск двойного номера. Однако сложную проблему – необходимость получить от новых немецких властей разрешение на продолжение деятельности предприятия, что было заведомо невозможно, поскольку один из совладельцев был евреем, – все равно необходимо было решать. Для Февра моральный выбор предстоял из трех вариантов: отказаться от публикации; выходить в существующих условиях – принять и подчиниться условиям, установленным оккупантами; переместить журнал из Парижа в южную зону или за границу.

Обсуждение между партнерами началось осенью 1940 г. под кодом «лимузенское дело», и достигло своего пика весной 1941 г., когда конфликт достиг остроты неразрешимого: Блок считал необходимым временно приостановить выпуск парижского журнала, рассматривая исчезновение своего имени с обложки как отречение, тогда как Февр полагал, что прекращение выпуска «Анналов» обеспечит «...Чудовищу неотвратимую победу». Блок предложил перевести журнал в южную, свободную от фашистов, зону или преобразовать в новый журнал. Невозможно, – парировал Февр, поскольку «любое создание журнала отныне запрещено», но также потому, что «Анналы» «свободной зоны» не достигали бы двух третей оккупированной Франции.

Блок, хотя и не был убежден аргументацией Февра, в конечном итоге, согласился с обозначенной перспективой. Журнал вышел под заголовком «*Mélanges de l'histoire sociales*» и без имени Блока на титуле. Блок продолжил сотрудничество с Февром, умудряясь, будучи в Сопротивле-

¹⁶⁰ Febvre L. A nos lecteurs, à nos amis // *Annales d'histoire sociale*. 1939. № 4. Repris: Müller B. (éd.) Marc Bloch – Lucien Febvre. Correspondance ... T. 3. P. 68–69.

¹⁶¹ Ibid. CDXXV. 08/10/39. P. 70.

нии, даже выполнять свою часть редакторской работы, и публиковался в журнале под псевдонимами Фужер и МФ. Впервые с 1930 г. подписи Февра в журнале стали более многочисленны, чем Блока.

Именно вокруг проблемы нравственного выбора Марка Блока и Люсьена Февра впоследствии завязалась полемика. Ряд историков, как Даниэль Линденберг¹⁶² и Ален Геро¹⁶³, обвинили Февра в соглашательстве по отношению к режиму Виши, Филипп Буррен, – даже в пассивном приятии «окончательного решения» еврейского вопроса¹⁶⁴; Петер Шеттлер, Бертран Мюллер¹⁶⁵, Марлин Вессель¹⁶⁶ занимаются анализом документов, чтобы опровергнуть эти обвинения и доказать, что симпатий к режиму Виши Февр не питал.

В частности, анализируя предложение Блока и отказ Февра прекратить издание «Анналов» в оккупированной зоне, Мюллер приходит к выводу: «...мы не ошибемся: ни одна, ни другая из позиций, очевидно несовпадающих, не вдохновляется идеей уступить принуждениям оккупантов или Виши»¹⁶⁷. И все же достаточно простого здравого смысла, чтобы оценить желание Февром издавать журнал обязательно в Париже, потому что две трети страны оккупировано, как явную уступку «принуждениям оккупантов» и нежелание подвергать себя риску.

В связи с дискуссией следует задаться вопросом не о том, был ли Люсьен Февр сторонником режима Виши (совершенно очевидно, не был), но о том, чем в условиях «странного поражения», ставшего одним из самых неприглядных эпизодов французской истории, поведение Февра отличалось от поведения большинства его соотечественников? Почему именно его нужно превратить в «отрицательный образец» памяти? И, что, вероятно, еще более важно, имеет ли какое-то моральное право современное поколение интеллектуалов, не испытавших на себе тягот войны, рассуждать о моральном выборе других?

К сожалению, в этой французской дискуссии также есть момент полемического преувеличения, не свободного от общеполитических и внутридисциплинарных ставок. «Тягостное разногласие двух братьев интеллектуальной армии возведено в ранг архетипа двух основных способов поведения французов в годы войны»¹⁶⁸, – пишет О. Дюмулен.

Сергей Фокин, размышляя о жизни другого знаменитого интеллектуала – Жана-Поля Сартра – в период оккупации¹⁶⁹, доказательно объяснил,

¹⁶² *Lindenberg D.* Les années soterraines. 1937–1947. P., 1990.

¹⁶³ *Guerreau A.* Le féodalisme. Un horisont théorique. P., 1980.

¹⁶⁴ *Burrian P.* La France à l'heure allemande. P., 1995. P. 322–328.

¹⁶⁵ *Müller B., Schöttler P.* Faut-il brûler Lucien Febvre? // *Le Monde*. 1995. 8 février.

¹⁶⁶ *Wessel M.* Honneur ou Patrie? Lucien Febvre et la question du sentiment national...

¹⁶⁷ *Müller B.* Lucien Febvre... P. 166.

¹⁶⁸ *Dumoulin O.* Marc Bloch... P. 42.

¹⁶⁹ *Фокин С.* Экзистенциализм – это коллаборационизм? Несколько штрихов к

что пресловутые архетипы – «сопротивление» и «коллорабационизм» как чистые образцы поведения – встречались в реальных обстоятельствах крайне редко, чаще выступая в последующих интерпретациях как оружие сведения политических счетов. «Этической нормой» французского интеллектуала было, скорее, поведение, выбранное Люсьеном Февром.

Выбор в пользу продолжения журнала при оккупантах разделяли, среди прочих, историк-еврей Анри Озе и участник Сопроотивления Жорж Фридман, полагая, что продолжение издания в условиях фашистской цензуры есть способ спасения критического национального духа, унаследованного от Просвещения¹⁷⁰.

В 1941 г. Марк Блок посвятил своему партнеру «Апологию истории». Этим, представляется, он снял необходимость в будущем «сжигать Люсьена Февра» (эту метафору употребил в дискуссии Бертран Мюллер) на костре истории или искать ему оправдания. Можно лишь сожалеть, что историки слишком часто забывают об излюбленном императиве Блока «понимать, а не судить», когда дело доходит до прошлого их собственной профессии.

1.2.5. «Анналы», политика и общество: «захваченные ролью историка»?

Так может ли историк правильно решить дилемму политической вовлеченности, с одной стороны, и отстраненной научной объективности, с другой, по отношению к актуальным проблемам современного общества?

Гражданская позиция профессии историка в «Анналах», на первый взгляд, была прописана абсолютно ясно и в духе общей интеллектуальной культуры Франции межвоенных десятилетий: историк должен дистанцироваться от «поля сиюминутных новостей». Правило касалось политических оценок происходящего, но не самих объектов исследования: «Анналы» публиковали статьи об актуальном: о мировом финансовом кризисе, Советском Союзе, нацизме, колониях, современных социологических исследованиях и т.д. При этом статьи не содержали оценочных характеристик происходящих социальных потрясений и преступлений, что поначалу связывалось с консервативными убеждениями издателя. Однако и после разрыва с ним эта тенденция не изменилась.

Воздерживаясь от выражения политических суждений, «Анналы» разделяли доминирующую в университетской среде точку зрения. В 1920-х гг. политическая безучастность университета вообще и деполитизация истории в частности стали фундаментальной нормой¹⁷¹. Активная граж-

портрету Жана-Поля Сартра в оккупации // НЛО. 2002. № 55. С. 258–281.

¹⁷⁰ Wessel M. «Honneur ou Patrie?» Lucien Febvre et la question du sentiment national... P. 139.

¹⁷¹ Charle C. La République des universitaires. P.: Seuil, 1994.

данская позиция поколения Моно, Лависса и Сеньбоса больше не являлась отличительным признаком профессии. «Во время, когда научные парадигмы позитивистской истории вступают в кризис, гражданская и критическая роль, которую они брали на себя, тем же образом уступает место культуре нейтральности»¹⁷². Молодые историки в основном проповедовали то, что О. Дюмулен назвал «деонтологией невовлеченности»¹⁷³.

Исследование интеллектуальных поколений Франции, проведенное Мишелем Виноком, также косвенно подтверждает этот вывод. В общей смене поколений автор выделил в качестве первой генерации французских интеллектуалов, осознавших свое социальное призвание, участников «дела Дрейфуса», родившихся во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг. Вторым в этом списке названо уже упомянутое выше поколение «детей войны» – неконформистов, ярко заявивших о себе в 1930-х гг., которые родились в первое десятилетие XX в. (поколение Броделя). Поколение Блока и Февра, принявшее на себя основной удар Первой мировой войны, и, видимо, исчерпавшее в ней свой гражданский потенциал, не вошло в этот перечень политически активных генераций¹⁷⁴.

Люц Рафаэль выделил на основе анализа «новостных» статей в «Анналах» три типа политического действия интеллектуала-гуманитария во Франции рассматриваемого периода. Первая категория – это исследователь, дающий советы деятелям политической сферы и верящий в способность элиты и государственных институтов находить решения социальным и политическим проблемам. Второй тип – исследователь-эмигрант, политически ангажированный, как сотрудники журнала Люси Варга или Франц Боркено, которые стремились социологически и исторически объяснять изучаемые феномены, не обращаясь к политическим элитам. Третья разновидность интеллектуала считает своим долгом политически нейтральные социальную экспертизу или научный комментарий, которые должны, не адресуясь к конкретным лицам, предлагать рациональные решения проблем общества¹⁷⁵.

Сами редакторы явно тяготели к третьему типу: в 1930-е гг. «"Анналы" соскальзывают к университетскому левоцентристскому конформизму»¹⁷⁶, – полагают К. Делакруа, Ф. Досс и П. Гарсиа. «Аксиологическая нейтральность» интеллектуалов логически объяснялась приверженностью концепции научности начала века, которая предполагала строгое разделение суждений, образованных на основе научной аргументации, и политических убеждений.

¹⁷² *Dumoulin O.* Le rôle social de l'historien. De la chaire au prétoire. P., 2003. P. 231.

¹⁷³ *Ibidem.* Marc Bloch... P. 173.

¹⁷⁴ *Winock M.* Les générations intellectuelles // Vingtième Siècle. 1989. № 22.

¹⁷⁵ *Raphaël L.* The Present as Challenge for the Historian... P. 31–32.

¹⁷⁶ *Delacroix C., Dosse F., Garcia P.* Les courants historiques en France... P. 121.

В «Анналах», как уже было сказано, разделение науки и политического действия служило и дополнительной опорой разрыва с методами, способом отстоять свою автономию. При этом они старались остаться «открытыми миру», опасаясь догматизма, отстаивали полезность истории для современных людей действия.

Этот демонстративный политический нейтралитет не отменял полностью идеологических ставок. Политическая неангажированность этого поколения историков не смогла окончательно зафиксировать разницу между беспристрастным научным и политически окрашенным суждением. Развод «науки и нации», как показал XX в., вообще глубоко проблематичен и практически неосуществим для историка. По выражению Кжиштофа Помиана, он порождает «внутренний конфликт научной истории, разрывающейся между своими когнитивными устремлениями и социальной ролью»¹⁷⁷, провоцируя непонимание между «левыми» социальными историками и широкой публикой, которая по-прежнему была верна концепции более традиционной и более патриотичной истории, практикуемой «правыми».

В 1990-х гг. политические ориентации движения «Анналов» были интерпретированы несколько иначе: если, по мнению О. Дюмулена, над Люсьеном Февром «деонтология невовлеченности» его поколения довлела полностью, то относительно Марка Блока «...с одной стороны, подчеркивается постоянная напряженность между необходимым уклоном, – условием научного дискурса, и желанием реагировать. С другой, – поддерживается глубокая совместимость этих двух поведений»¹⁷⁸.

Б. Мюллер показал, что, в отличие от Февра, у Марка Блока, который «замыкается в своем труде историка в стороне от схватки», «возрастало чувство бессилия» – «это чувство быть захваченным ролью историка».¹⁷⁹ Этот внутренний конфликт проявился в тематическом и эмоциональном контрасте двух книг, написанных в трагическое время: «Странного поражения» (1940) и «Апологии истории» (1942). Они выражают две различные ипостаси одного человека: гражданина – капитана армии в отставке в первой, и историка – профессора Сорбонны во второй, но следуя каждая своей логике, мало перекликаются.

Почти в тех же выражениях Робер Бонно писал, что «Анналы» были пойманы войной»: об этом свидетельствует и тематика «Странного поражения», и «Средиземноморье» Броделя, наиболее далекое, казалось бы, от перипетий событийной истории, в котором 450 страниц из 1100 автор, находящийся в немецком плену, посвятил описанию войны¹⁸⁰.

¹⁷⁷ Pomian K. L'heure des Annales...

¹⁷⁸ Dumoulin O. Marc Bloch... P. 174.

¹⁷⁹ Müller B. Marc Bloch et les années trente...

¹⁸⁰ Bonnaud R. Histoire et historiens depuis 68... P. 113.

Исподволь «тотальная история «Анналов» завоевывает историю-битву изнутри, превращая ее в экономическую историю войны, социальную историю армий...»

«Странное поражение» Марка Блока многократно и неоднозначно интерпретировалось потомками. В книге, по «горячим следам» и с невероятной эмоциональностью выявляя причины стремительного поражения Франции во Второй мировой войне, историк беспощадно воссоздает широкую ретроспективную картину краха Третьей республики, сползания страны, не сумевшей преодолеть упадок национального духа, к военной катастрофе. По его мнению, весомой причиной этой катастрофы были тяжкие воспоминания французов о Первой мировой войне, нанесшей стране огромный экономический ущерб. «Люди подумали, что лучше согласиться на все, чем вновь пережить такое обнищание»¹⁸¹, но не отдавали себе отчета, что существуют вещи похуже материальных разрушений.

Оценивая степень виновности различных слоев общества, автор констатировал, что ни одна из социальных групп французского общества не осознала масштабов угрозы. Буржуазия, встревоженная экономическим кризисом, недовольная и ожесточенная, замкнулась в своем эгоизме; рабочие, как и в мирное время, продолжали требовать большей зарплаты за меньшую работу, вместо того чтобы производить столь необходимое стране оружие; профсоюзы, движимые алчностью, продолжали подстрекать рабочих; социальные службы фактически прекратили свою деятельность еще в начале войны. Не поощаил автор и генералов французской армии, технически некомпетентных и слишком рано сложивших оружие.

Блок открыто обвинил нацию в трусости. «Без сомнения, некоторый кризис морального духа, наблюдавшийся у определенной категории лиц (как у офицеров запаса, так и у тех, кто участвовал в войне), имел гораздо более глубокие причины, чем мы осмеливались предположить. Также мы знаем, что этот недуг затронул не всех. Сколько было в этой среде проявлений смелости наряду с примерами слабости! ...Коллаборационизм стал... пробным камнем»¹⁸². «Я слышал, как они (коллаборационисты. – Н. Т.) утверждали, что нацисты не были по большому счету такими злыми и страшными, какими их представляют: мы оградили бы себя от многих страданий, если бы открыли им все двери, а не сопротивлялись неминуемому вторжению. Интересно, что сегодня думают подобные апостолы в голодной, напуганной и оккупированной стране»¹⁸³, – с горечью писал автор.

¹⁸¹ Bloch M. L'Étrange défaite. Temoignage, écrit en 1940. P., 1990; рус. пер.: Блок М. Странное поражение. Свидетельство, написанное в 1940 году. М., 1999. С. 148.

¹⁸² Там же. С. 125.

¹⁸³ Блок М. Странное поражение. С. 157.

Прямой упрек Блок адресовал французским интеллектуалам. «Все вышесказанное о слабостях, постепенно подточивших здоровье страны... о сомнительной и непоследовательной пропаганде, еще больше запутывающей наших рабочих, о нашей геронтократии, о недостатках армии уже давно обсуждалось в нашей стране, в основном, в домашней обстановке. Сколько же людей решилось сказать это во всеуслышание?»¹⁸⁴

Школы и университеты не смогли воспитать в младшем поколении уважение к национальным традициям и чувство патриотизма. Особую вину за упадок национального духа и ответственность за будущее автор возложил на историков своего поколения – бездеятельных фаталистов, покорно принимающих самую ужасную реальность. Искушением собственной вины стала для Марка Блока служба в армии, а затем – участие в Сопротивлении.

Историки, причастные наследию «Анналов», неоднократно отмечали важность «Странного поражения» для воспитания профессионального сознания историков. Для Пьера Губера «Странное поражение» стало квинтэссенцией творчества Марка Блока: это «...сильная, суровая и справедливая книга... над которой все еще должны размышлять, особенно в нашем нынешнем политическом зверинце, если только смогут понять»¹⁸⁵.

Петер Шетлер¹⁸⁶ и Ульрих Рольф¹⁸⁷ полагают, что история, написанная Марком Блоком, хоть и не является политической в прямом смысле слова, но прочитывается как история политического «в глубине».

Анализ биографии и книг Марка Блока, взятых вне всякого контекста традиции «Анналов», приводит Рольфа к оригинальным размышлениям об историографии XX в. в целом. Если историческая наука предыдущего столетия нашла себя в политической и национальной истории, исследовала логику происхождения, то в веке двадцатом она была одержима настоящим – с его колоссальной событийной наполненностью, непредсказуемостью ближайшего будущего, что формировало очень сложные, интенсивно мыслимые, но крайне неуверенные представления. Все исторические концепции этого столетия были наполнены тотальным чувством презентизма, и потому, независимо от характеристик мышления, любой «историк XX века составляет часть того образа, который пытается создать»¹⁸⁸.

Марк Блок был подлинным мыслителем настоящего, посвятив современным ему событиям «Записки о первой мировой войне» и «Странное поражение».

¹⁸⁴ Там же. С. 184–185.

¹⁸⁵ *Goubert P. Un parcours d'historien. Souvenirs 1915–1995. P., 1996. P. 144.*

¹⁸⁶ *Schöttler P. Marc Bloch et le XIXe Congrès international de sociologie...*

¹⁸⁷ *Raulff U. Marc Bloch...*

¹⁸⁸ *Ibidem. De l'origine à l'actualité... P. 35.*

С точки зрения У. Рольфа, уже в «Записках...» молодой Блок воспринимал войну как разновидность лаборатории, которая позволяет историку проверять эффективность восприятия и обработки исторической информации». Анализируя «Странное поражение», У. Рольф приходит к выводу о том, что Блок выступает в книге в качестве «свидетеля перед будущим трибуналом», но также видит «в событии, которым была война – с ее хаотической серией событий, характеризующихся катастрофическим возрастанием – вызов для исторического знания»¹⁸⁹.

Способ гражданского участия, характерный для Марка Блока, также стал вдохновляющим примером для «истории современности», определившейся как область исторических изысканий в конце 1970-х гг. Анри Руссо, доказывая «закономерность» интереса профессиональных историков к новейшему периоду прошлого, первым процитировал Блока: «...в «Странном поражении» Марк Блок проявляет себя как историк настоящего времени со сверкающей ясностью, он представляется там как историк, то есть как ученый, вооруженный критическим методом, обязанный интересоваться жизнью, и, значит, отбросить иллюзию, что прошлое мертво, но также как свидетель, который говорит о своем опыте и который оценивает свое собственное время»¹⁹⁰.

О. Дюмулена поразили иррациональные и эмоциональные измерения той привязанности к своей нации, которую испытывает Марк Блок в «Странном поражении», употребление глаголов «чувствовать» и еще более – «вибрировать», которые раньше были не вполне характерны для этого рационально мыслящего и скупого на эмоциональные признания автора. Он приходит к умозаключению, что у Марка Блока была своя концепция политического: «его политическая история проходит с необходимостью через историю социальную: Франция – это народ, и он в этом присоединяется к Мишле»¹⁹¹.

Годом позже, уже вступив в ряды Сопротивления и получив возможность действием реализовать свой гражданский долг, Блок в «Апологии истории» парадоксальным образом вернулся к прежней позиции отстраненной научной рациональности. Гражданская ответственность историка сводится здесь, по мнению Ж. Нуарьея, к двум основным идеям: «Первая состоит в постоянном отказе у Марка Блока смешивать ремесло историка и ремесло «прокурора», и это «...приводит его к отрицанию того..., что он называет "манией приговора", подразумеваемая толерантный, "понимающий" стиль мышления, далекий от поиска правых и виноватых. Вторая придает большое значение... тому, что

¹⁸⁹ Ibid.

¹⁹⁰ *Rouso H.* La hantise du passé: entretien avec Philippe Petit. P., 1998. P. 28.

¹⁹¹ *Dumoulin O.* Marc Bloch... P. 244–246.

можно назвать "профессиональной этикой", вынуждающей историка "держать отчет" перед своими читателями».

Историческое исследование всегда чувствительно к вопросам и проблемам общества, в котором оно укоренено. Знания о прошлом, согласно Блоку, должны быть еще и полезными, помочь человеку «жить лучше». Деятельность историка и общество связаны многими, с трудом поддающимися анализу, взаимосвязями: это цена за сложную работу перевода с одного языка на другой, которую историк вынужден производить, чтобы совместить научные занятия и вызовы мира, который его окружает.

В этой части его призвание имеет много общего с журналистикой. Но историк, вместо того, чтобы судить и обвинять (или оправдывать), старается «объяснять, мобилизуя орудия, которые совокупность социальных наук придумала, чтобы изучать социальный мир, и разыскивая ответы на вопросы, которые были разработаны коллективно специалистами рассматриваемой области»¹⁹². Именно «переводя» свои исследования на общедоступный язык, историк участвует в формировании коллективной памяти.

Таким образом, «гражданская» реакция историка опосредована его профессиональным опытом и сложным «искусством перевода» с научного языка на общедоступный. В этой связи можно было бы задать Ж. Нуарьелю, как минимум, один вопрос. Могут ли у историка, вне всякой связи с предметом его настоящего исследования, возникнуть независимые мысли, чувства и импульсы к немедленному действию, диктуемые совестью и чувством гражданского долга? Как историку реализовать эти, закономерные для каждого сознательного гражданина человеческие потребности, не предавая своего высокого профессионального реноме? Увы, социальная история по-прежнему не имеет ответов на этот вопрос.

В целом, можно согласиться с выводом О. Дюмулена о том, что деонтология исследователя и гражданское сознание Блока со временем переживают существенную эволюцию. От 1925 до 1934 г. он склонялся к «политике аполитизма», его письма и заметки выдают человека, полностью сосредоточенного на своей профессии. Но во второй половине 1930-х гг. его настигает эхо мировых событий, и постепенно «...радикальный разрыв историка и гражданина становится для него непереносимым. В час противостояния анализ социальных глубин не отвечает неизбежности выбора... «Странное поражение» становится первым поворотом, проясняя «прогрессирующее удаление от системы университетских ценностей»¹⁹³.

Эволюция политических воззрений Люсьена Февра тоже не столь проста, как могло бы казаться. Некоторые посмертные публикации

¹⁹² *Noiriel G.* Le statut de l'histoire dans « Apologie pour l'histoire » P. 17.

¹⁹³ *Dumoulin O.* Le rôle social de l'historien... P. 275–276.

«отцов-основателей» имели живописную судьбу: так, почти пятьдесят лет спустя, бумаги Марка Блока, захваченные гестапо и вывезенные Красной Армией, были случайно обнаружены в советских архивах. В 1996 г. на основе незавершенной и малоизвестной рукописи Люсьена Февра, найденной в нормандском замке Алексиса де Токвилля, была опубликована книга «Честь и Родина»¹⁹⁴. Архив Февра как-то попал в бумаги де Токвилля при переезде Шестой секции Высшей практической школы с улицы Варенн на бульвар Распай в Париже тридцатью годами раньше.

Фабула книги определилась в конце 1942 г.: на побережье Северной Африки в бою с британцами, выступая на стороне режима Виши, был убит юный моряк, один из сыновей Генриэтты Псишари, внучки историка Эрнеста Ренана. В то же самое время его родной брат сражался в армии генерала Леклера, в битвах за свободную Францию. Оба брата, находясь во враждебных армиях, подчинялись одному и тому же семейному девизу: «Честь и Родина». Драма семейства Псишари тронула Февра и стала для него поводом к рассуждению о политической идентичности французского народа. Основой для рукописи послужили его лекции в Коллеж де Франс, прочитанные уже после освобождения Франции, в 1955 г. Люсьен Февр решил издать эти материалы в виде монографии, однако не успел ее завершить.

В материалах к книге собраны статьи и выписки, формирующие позицию уже сложившегося мыслителя Люсьена Февра о том, как следует историку реагировать на злободневные политические вопросы.

Автор выступал против любой формы «ангажированной» истории, стремясь писать книгу «чистой истории», «истории, а не инквизиции». Февр стремился прояснить настоящее через историю, создать историю, «служащую жизни», заставить ее отвечать на вопросы, исходящие от современности. Тема «служения» истории обществу была, как известно, очень популярна у зрелого Февра. Его восхищали люди, которые в своей жизни сочетали действие и науку, никогда их не смешивая, могли быть одновременно внутри и снаружи мира науки, творить историю и писать ее одновременно, как это блестяще делал Фернан Бродель. Этот интерес выражала одна из рубрик в «Анналах» – «Историки, люди действия», предназначенная, чтобы показать историкам способ, которым они могут действовать в социальном мире.

Рукопись наглядно показывает, насколько сложно было автору найти равновесие между концепцией «чистой научной истории» и сложным послевоенным опытом, необходимостью реагировать на режим Виши и найти взвешенную формулу в духе не «судить», а «понимать». Во вступительной лекции декабря 1945 г. он предложил исследовать свой сю-

¹⁹⁴ Febvre L. *Honneur et Patrie*. P., 1996.

жет «с разумом, но также с братской сердечностью»¹⁹⁵, а в переработанном предисловии 1947 г. исправил эту фразу на «оживлять нежностью».

В этом же предисловии Февр объявил, что намеревается написать «книгу историка», выступающего как свидетель своей эпохи, которая, как он надеется, станет «книгой по истории», то есть объективным научным исследованием. Центральной проблемой для автора было стремление понять, почему национальное чувство во Франции выразилось двумя радикально противоположными способами в ходе войны и оккупации. Почему одни французы подчинились порядкам Петэна, а другие – сражались на стороне де Голля, руководствуясь столь разными концепциями долга по отношению к Родине?

Рассуждение осталось, по большей части, анонимным в отношении конкретных обстоятельств или лиц. Материалы книги не содержали личных воспоминаний или политического анализа, да и сами братья Псишари, воюющие во имя «одних и тех же слов», были изображены сугубо символически, как абстрактные образы гражданского противостояния и не обрели в повествовании психологических портретов. Здесь не обсуждались варианты поведения французов перед лицом немецкой Оккупации. Автор ни разу не писал о Соппротивлении, коллаборационизме, жестокостях войны или преследовании евреев. Правительство Виши также упомянуто только единожды во вводной лекции 1944 г. Исходная формула, озвученная заглавием, превращается в символическую бинарную оппозицию. Первая ее часть, – «честь», ассоциируемая с ненавистным Виши, – интерпретировалась автором как пережиток феодальной эпохи, а вторая, – «родина», – отождествлялась с наследием революции.

Февр противопоставил две формы национального чувства, расшифрованные через длинный ряд эпитетов: Родину – понятие «горячее», «плотское», «земное» и «коллективное», с одной стороны, и честь – понятие «холодное», «индивидуальное», «бесплотное», «потерявшее почву» и требующее формальной дисциплины. Родина, в духе Мишле, требует любви, а честь – всего лишь подчинения вышестоящему, расшифровывается вертикальной связью, которая не требует никакой эмоциональной симпатии. Прочитанный курс лекций, положенный в основу книги, насыщен исторической семантикой: Февр создал широкое ретроспективное полотно, цитируя множество авторов, чтобы показать, как в эпоху средневековья происходит у французов подъем чувства чести, которое всё более индивидуализируется и становится одним из источников французской национальной идентичности. После Революции понятие чести переживает радикальную трансформацию, и автор уже не сводит его к нормам феодального подчинения. Став частью современного национального чувства, «честь» приобрела позитивный смысл, смысл отказа

¹⁹⁵ *Febvre L. Honneur et Patrie. P. 50.*

от уродливого, чувствительности к красоте и чистоте. Неотъемлемой частью нового понятия чести, по Февру, стала и «сила действия, внутренний голос, который не выносит промедления, заставляет реагировать немедленно»¹⁹⁶, – полагает исследователь М. Вессель, видимо, имея в виду психологическое состояние, на русский язык переводимое словом «совесть» и не имеющее точного аналога во французском.

Постепенно понятие «родины» в коллективном самосознании неразрывно связалось с понятием «нации», а «государство» пополнило этот семантический ряд как основа, «механика, безразличная к любому моральному требованию». И все же метаморфозы французской идентичности не отменили былого противостояния, и в ситуации второй мировой войны автор свел национальное чувство к двум типическим случаям, символизируемым прежними понятиями: приверженца Виши он ассоциировал с «Честью», голлиста – с «Родиной».

Является ли данный тип символического рассуждения полезным примером «служения истории» жизни, против которого, кстати, решительно восставал молодой Февр¹⁹⁷? Или это была недопустимая, с гражданской точки зрения, и совершенно неубедительная, с точки зрения научной, попытка оправдания преступного режима Виши? Рукопись осталась незавершенной, и оставляет возможности для самостоятельных выводов.

Большие трансформации в восприятии политической современности, которые переживали сами «отцы-основатели», многочисленные «фигуры умолчания» в их интеллектуальном наследии оставляют пространство для интерпретаций. Дилемма интеллектуального дистанцирования ученого-историка и его способа гражданского действия по-прежнему не находит непротиворечивого объяснения. Очевидно, есть ситуации выбора и решения, подсказываемые сердцем, из которых невозможно сформировать обязательный императив профессиональной этики. Не всякий хороший историк обладает активной гражданской позицией, а пример Марка Блока остается уникальным... Современная французская историография, поставленная перед необходимостью реагировать на новое социальное требование – осуществлять историческую экспертизу по преступлениям, не имеющим срока давности, продолжает нравственный и интеллектуальный поиск, пытаясь определить сферу своей гражданской ответственности¹⁹⁸.

¹⁹⁶ Wessel M. «Honneur ou Patrie?» Lucien Febvre et la question du sentiment national... P. 131.

¹⁹⁷ «История, которая служит – это история-рабыня» (Febvre L. L'histoire dans le monde en ruines...).

¹⁹⁸ См. раздел 3.4.

ДВИЖЕНИЕ «АННАЛОВ» В 1950–1970-Е ГГ.: СОЗДАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ

2.1. «ВТОРЫЕ АННАЛЫ»: ЭПОХА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ДВИЖЕНИЯ

2.1.1. «Тридцать славных лет» в истории социальных наук

В послевоенный период движение «Анналов» вступило в новую фазу развития, которое было представлено поколением, которое иначе определяло приоритеты исторического исследования и реагировало на вызовы социальной среды. Именно в отношении этой эпохи может быть впервые поставлен вопрос о способах трансляции традиции «Анналов», о том, была ли у приобретающего действительно массовый размах движения оригинальная исследовательская парадигма, позволяющая производить особый тип исторических изысканий.

Исследователи, занимающиеся творчеством персоналий или историографией «Анналов» в целом, как правило, приходят к отрицательному выводу: со времен Февра и Блока термины «тотальной истории» или «истории-проблемы» выражают определенную дисциплинарную стратегию, но не несут в себе революционной по сути методологии исследования. Манифесты «Анналов» не отсылают к определенному концептуальному содержанию, и уж тем более, не опираются на какую-либо философскую доктрину или абстрактную формулу. Поэтому, чтобы объяснить беспрецедентный последующий успех движения, необходимо привлекать другие типы объяснения, более характерные не для традиционной истории идей, а для современной социологии науки. Фокусируясь на параметрах социального укоренения науки, ее лабораторной жизни, властных отношениях среды¹⁹⁹, социология науки позволяет с большей очевидностью оценить сложность феномена наступающей эпохи Броделя, в которой «Анналы» переживают фазу широкой институционализации и международного признания.

¹⁹⁹ *Pestre D. Les sciences et l'histoire aujourd'hui // Le Débat. 1998. № 102. P. 53–68.*

Формируя совокупный вектор движения, интеллектуальная стратегия «Анналов» слагалась из разнородных решений, применяемых отдельными людьми в конкретных жизненных ситуациях. Столь масштабное действие не может объясняться только в понятиях надуманных или реальных концептуальных антагонизмов и тематических предпочтений. Его необходимо осмыслять «...в качестве ситуаций, представляющих зону интерференции между индивидуальными прогнозами каждого из агентов и гаммой возможного выбора, в зависимости от вариаций интеллектуальной конъюнктуры»²⁰⁰, – писала Д. Джемелли, автор интеллектуальной биографии Фернана Броделя. В отсутствие этого параметра интерпретации есть риск переоценить «парадигматические эффекты», следуя сложившимся стереотипам, пойти по пути упрощения, занимаясь идентификацией линий интеллектуальной и стратегической преемственности, которые в действительности складывались спонтанно и противоречиво.

Изначально лидерство «Анналов» в общем процессе роста социальных наук, который сопровождался и подпитывался идейным и экономическим кризисом 1930-х гг., по мнению Джемелли, было всего лишь одной из тенденций развития. Ослабление социологии Дюркгейма и отсутствие других идейно сильных течений «благоприятствовали появлению исключительной конъюнктуры, которой «Анналы» не преминули воспользоваться, применяя «эпистемологическую лимфу» других дисциплин»²⁰¹.

«Анналы» в межвоенный период были одним среди многих проявлений влиятельного тренда, в котором проблемы настоящего и прошлого интерпретировались сквозь призму социальной науки. История представлялась местом синтеза, лабораторией будущей «междисциплинарной парадигмы». Корни этого стремления скрывались не только «во внутренней кухне» «Анналов», они уходили в интеллектуальную атмосферу 1930-х гг., общим производным которой стала идея общества, рассматриваемого как конкретная, наблюдаемая целостность, как экспериментальная лаборатория по преобразованию социального. Лоран Мучиелли в статье «У истоков Новой Истории во Франции: интеллектуальная эволюция и образование поля социальных наук» подчеркивает, что движение «Анналов» имело несомненную преемственность и мощную опору в отношениях с широко представленной экономической и социальной историей первой трети XX в.²⁰²

²⁰⁰ Gemelli G. Fernand Braudel... P. 139.

²⁰¹ Ibid. P. 140.

²⁰² Mucchielli L. Aux origines de la nouvelle histoire en France... Aux origines de la nouvelle histoire en France: l'évolution intellectuelle et la formation du champ des sciences sociales.

С самых своих истоков неуловимая «парадигма Анналов» имела негативный характер, с легкостью объясняя, чем она НЕ является через отрицание в манифестах собирательного образа «историзирующей истории», но затрудняясь ясно выразить, чем же исторические исследования, выполненные в прогрессивном «духе Анналов», радикально отличаются от традиционных исследований, основанных на историческом методе.

Второе поколение «Анналов» также оказалось в плену «эффекта парадигматической иллюзии», стремясь произвести легитимацию, усвоить и расширить интеллектуальное наследие «отцов-основателей» через образование научного сообщества, которое бы было в состоянии транслировать традицию далее. То, что раньше представлялось разновидностью «интеллектуальной эпидемии», должно было стать устойчивым, хроническим состоянием профессии, по образному выражению Д. Джемелли. Отсюда и продвижение усилиями Фернана Броделя «золотой легенды» об Анналах, которая наделила характером научной парадигмы движение, воспользовавшееся в предвоенный период стечением благоприятных обстоятельств: определенной интеллектуальной конъюнктуры, поддерживаемой волей и харизмой двух талантливых историков, а также общего контекста взаимного притяжения истории и комплекса нарождающихся социальных наук.

Статистика докторских диссертаций, защищенных по истории в этот период, также не подтверждает доминирования какой-либо «парадигмы Анналов»: подавляющее их большинство во Франции были написаны в 1950–1960-х гг. в лучших традициях Сорбонны, отдавая явное предпочтение истории международных отношений или колониальным сюжетам²⁰³.

Но парадокс остается: хотя в специальных исследованиях исследовательская парадигма «Анналов» никак не конституируется, большинство авторов, приступая к обобщениям, продолжают продвигать идею преемственности и разрывов между различными поколениями, измеряют «верность» потомков заветам отцов-основателей, как если бы эта устойчивая парадигма в действительности была. Школа «Анналов», как образ обновления исторической науки в XX в., продолжает ясно главенствовать в периодике и немногочисленных, предназначенных, главным образом, студентам, обобщающих историографических штудиях²⁰⁴.

Но ясность – почти всегда путь упрощения. И потому вернемся к той идее, что пытается пробиться на поверхность сквозь общий фоновый шум. *Производство «Анналов» может рассматриваться как результат инкорпорации предыдущей парадигмы (к тому же отри-*

²⁰³ Noirielle G. Qu'est-ce que l'histoire contemporaine... P. 135.

²⁰⁴ См., напр.: Delacroix C., Dosse F., Garcia P. Les courants historiques en France... P. 279.

цающий память о своем родстве) и определенной интеллектуальной конъюнктуры, которую «Анналы» после Второй мировой войны разместили в центре своей институциональной и идейной стратегии, добившись несомненного международного признания.

Первым параметром, знание которого необходимо для понимания последующего триумфа «школы «Анналов», является характеристика самой эпохи. Послевоенное время, отмеченное настроением обновления и реконструкции, вызвало подлинный расцвет социальных наук во Франции. Значительные и постоянно возрастающие возможности для внедрения новых научных проектов предоставляло государство, которое стремилось создать на руинах старого мира эффективные и рациональные механизмы управления. Центром преимущественного внимания становилась экономическая сфера, – главный распорядитель социального прогресса, – вступавшая в фазу своей глобализации, – и потому умножались именно те научные коллективы, которые были способны обеспечить ее планомерный рост и знание необходимых макроэкономических и макросоциальных индикаторов.

Эту цель обеспечивало создание целого ряда институтов по профилю социальных наук. Сформированный еще в довоенный период Национальный центр научных исследований (Centre nationale des recherches scientifiques (CNRS)) стал подлинным координатором и вдохновителем научной жизни. Были созданы Национальные институты демографических, и позже – статистических исследований, превращая демографию и статистику в инструменты политической власти. Настоящий «бум» переживала сфера высшего образования: количество студентов увеличилось от 76 в 1939 до 136 тыс. в 1950, удвоилось в 1960 и достигло 637 тыс. человек в 1970 г.¹ В соответствии с возрастающим спросом вводились дополнительные должности в университетах и специальности образования, часто в русле социальных дисциплин, воплощающих идею новизны.

Статистика представлялась панaceей и профилактикой всех социальных недугов, и на основе определенных ею «социoproфессиональных категорий» с 1954 г. во Франции регулярно проводятся переписи населения. Был создан институт прикладной экономической науки, где присутствовало направление исследований по истории французской экономики, руководимое Жаном Маршевски.

Социология (до той поры, – незначительная специализация в рамках основного курса философии) после целой серии неудачных попыток проникнуть в круг академических дисциплин начинала постепенно выходить из институционального тупика вместе с созданием в 1946 г. в CNRS Центра социологических исследований под руко-

¹ Ibid. P. 151.

водством Жоржа Гурвича. Наконец, в 1947 г. первой из социальных наук обрела самостоятельное право на преподавание в университете психология.

Свой импульс этому колоссальному росту социальных наук дает и международная сфера: ЮНЕСКО сформировала заказ на проведение во Франции целого комплекса социальных исследований. Во имя благой цели Люсьен Февр, как официальный представитель Франции в этой организации, создал специальную консультативную комиссию и предложил «составить список вопросов, чтобы заинтересовать социальные науки». ЮНЕСКО, делая упор на «отставание» Франции в этой области, финансировала публикации и инициативные проекты, создала в 1949 г. Международные ассоциации социологии и сравнительного права, а также Французскую ассоциацию политической науки².

Рост социальных наук на фоне общего экономического подъема «тридцати славных лет»³ продолжился увеличивающимися темпами и в 1960-х гг. Инициатива государства и международных организаций была подхвачена предприятиями и профсоюзами, формируя устойчивый социальный заказ, умножая проекты, анкеты, институты. От социальных наук требовали конкретных и полезных знаний. К концу 1950-х гг., начиная с избрания в Сорбонну Гурвича в 1948 г., социальные науки завоевали твердыню французского университета: открылся лицензиат⁴ по экономике, лицензиат и докторантура по социологии в 1958 г. Трансформировались названия – факультеты словесности стали факультетами словесности и гуманитарных наук, в 1959 г. – факультеты права были преобразованы в факультеты права и экономических наук.

Эта экспансия социальных наук в университете становилась фактором сильного давления на историю, как науку традиционную и по-прежнему институционально доминирующую, создавая очаги большой напряженности на институциональном уровне и влияя на базовые ориентации, в том числе, в поиске новых определений своего предмета. Историю снова, как и полвека назад, оспаривали как главную науку о социальном. Но ее положение оказалось достаточно прочным, более того, в 1945–1967 гг. историки также увеличили свой профессиональный корпус в 2,5 раза⁵.

Была угроза и для общественного первенства истории – социальные науки завладевали все большими издательскими тиражами и монополизировали право выступать с «экспертными» мнениями по поводу крупных общественных событий. Наконец, зазвучавшие в унисон

² *Delacroix C., Dosse F., Garcia P. Les courants historiques en France... P. 152.*

³ Устоявшееся во французском языке выражение, означающее период послевоенной реконструкции и экономического роста второй половины 1940-х – начала 1970-х гг.

⁴ Начальная ступень университетского образования – два первых года обучения.

⁵ *Delacroix C., Dosse F., Garcia P. Les courants historiques en France... P. 153.*

настроениям читательской аудитории, невероятным успехом пользовались несколько интеллектуальных шедевров, подрывающих издательскую монополию истории: «Курс общей лингвистики» Фердинана де Соссюра, «Введение в психоанализ» Зигмунда Фрейда (обе книги созданы еще в начале века) и «Печальные тропики» (1955) Клода Леви-Стросса.

Другой полюс, являвшийся источником социального динамизма в Европе в самом широком смысле, располагался по ту сторону Атлантики. В послевоенную Европу прибыли не только инвестиции по «плану Маршала», но также мода на все «американское», включая методы и технологии исследования американских социальных наук. Рентабельность, рациональность, прагматизм становились целями французских социальных наук, желающих достигнуть в общественном строительстве американской эффективности. Социология и психология сделались неотъемлемыми частями политики европейской модернизации, в первую очередь, в мире труда. С этой целью – избегать случайных конфликтов на производстве, повышать мотивацию сотрудников и т.д. – создавались множество школ менеджмента. Вполне очевидно, что социальные науки были лучше, чем история, ориентированы, чтобы ответить на подобный социальный заказ.

В 1946 г. «Анналы социальной истории» отреагировали на веяния времени введением подзаголовка «Экономики, Общества, Цивилизации», стремясь воплотить в жизнь проект синтеза между различными социальными науками, где историки были бы координаторами. Директором журнала остался Люсьен Февр, его окружал комитет редакции, состоявший из Фернана Броделя, который стал руководителем «Анналов» с 1947 г., Шарля Моразе, Жоржа Фридмана и Поля Лейо, – «старой гвардии» предвоенной эпохи. В редакцию влились и новые сотрудники, пришедшие из разных направлений социальных наук: историки – Губер, Крузе, Фолен, Ломбар, Ренуар; географы – Гуру, Вион, Менье, и экономисты – Беттельхейм, Фурастье.

2.1.2. Опыт институционализации движения «Анналов» и его стратегии власти

В историографии повествование о событиях, способствовавших созданию «Анналами» собственных институтов, не акцентировало тот факт, что успех «империи Броделя» стал возможен благодаря деятельности других его коллег. Между тем, подробный анализ, предпринятый Бриджит Мейзон на основе французских и американских источников в книге «У истоков Высшей школы исследований по социальным наукам: роль американского мецената: (1920–1960)»⁶, показал сложность

⁶ Mazon B. Aux origines de l'Ecole...

и многофакторность этого процесса, в котором Бродель, равно как и Февр, начали играть ведущие роли отнюдь не с первого часа.

Первоначально о проекте центра будущих социальных наук во Франции еще в 1942 г. мечтали в американской эмиграции социологи Гюстав Коэн, Анри Грегуар и Жорж Гурвич, работавшие в «Свободной школе высших исследований» Университета французского языка Нью-Йорка (*L'École Libre des Hautes Études*)⁷. Этот будущий институт социологии должен был, по замыслу авторов проекта, решать проблемы послевоенной европейской реконструкции, развивать демократию и экономику с элементами планирования.

После войны, в 1946 г. в рамках Центра социологических исследований CNRS Жорж Гурвич собирал команду исследователей, планируя открыть новую, шестую по счету, секцию Высшей практической школы⁸ для развития социологии. Однако позиции социологии были ослаблены: Морис Альббакс умер в депортации в 1945 г., Марсель Мосс ушел в отставку с поста в Коллеж де Франс. Инициатива ускользала из рук дюркгеймианцев в пользу исследователей, тяготеющих к «Анналам». Под эгидой историков Шестая секция (социальных наук и экономики) была открыта спустя два года, и в нее вошли многие предполагаемые участники проекта Гурвича. «Реализация Шестой секции есть фактически продукт сложной ткани исторических и конъюнктурных причин, равно как и результат идейного обмена в недрах сети отношений», – писала Бриджит Мэйзон⁹.

У истоков нового института стояли конкретные лица и организации. Со стороны французского правительства это был физик Пьер Оже, сотрудник Министерства национального просвещения, ответственный за сферу высшего образования, который обеспечил продвижение проекта. Шарль Моразе – представитель редакции «Анналов», тридцати-

⁷ Где ожидался и приезд Марка Блока, но он отказался эмигрировать и вступил в Сопротивление.

⁸ Созданная в 1868 г., Высшая практическая школа предназначалась не только для распространения исследовательских практик в университетском социуме, но также для демократизации системы образования. Первоначально она подразделялась на четыре секции: математики, физики и химии, естественных наук и физиологии, исторических и филологических наук. В 1886 г. была образована пятая секция наук о религии, и, наконец, в 1947 г. возникла шестая секция экономических и социальных наук. Позднее первая и вторая секция были расформированы, перебазирувавшись в университеты Парижа и CNRS, шестая – преобразована в Высшую школу исследований по социальным наукам (1975). В настоящее время Высшая практическая школа включает в себя три секции: наук о жизни и Земле (бывшая третья); исторических и филологических наук (четвертая), наук о религии (пятая секция); а также Европейский институт наук о религиях.

⁹ *Mazon B. Aux origines de l'École....* P. 81.

летний «агреже»¹⁰, специалист по экономической истории, сумел удержать начинание под контролем историков и фактически его реализовал. Американский фонд Рокфеллера, также привлеченный усилиями Шарля Моразе, участвовал финансовыми дотациями.

Весной 1947 г. в первом проекте в качестве руководителей исследованиями VI секции Высшей практической школы фигурировали четыре представителя «Анналов» – Фридман, Бродель, Моразе, Линхардт, а также не входящий в редакцию, но достаточно близкий к ней Лабрусс. Люсьен Февр не принимал участия в первых опытах по созданию VI секции, поскольку не верил в их успех. Однако в качестве руководителя был необходим историк, работавший в Высшей практической школе, и на эту должность уже планировали пригласить другого видного ученого – Курнера. Февр также являлся тогда сотрудником V секции наук о религии в Практической школе, но был очень занят историей протестантизма, изданием Французской энциклопедии, работой в ЮНЕСКО, президентством в Комиссии социальных наук и Межминистерской комиссии по научным исследованиям. Только осенью 1947 г. на редакционном собрании в «Анналах» Моразе убедил Февра включиться в работу, используя аргумент, что без авторитетного лидера новая секция «обязательно достанется Гурвичу», а вместе с ней к социологам переместится и лидерство в социальных науках¹¹.

В процессе обсуждения Моразе и Февр категорически отказались разделять в проекте историю и другие социальные науки. Параллельно Моразе, ссылаясь на свое обещание создать «Организацию друзей «Анналов», данное когда-то лично Марку Блоку, образовал Ассоциацию Марка Блока, куда вошли около 30 представителей университетского социума. Так было создано первое объединение историков вокруг новаторской деятельности «Анналов», вышедшее за рамки редакционной работы.

Наконец, скромный бюджет секции, который никогда не был бы сверстан без денег фонда Рокфеллера, был утвержден, и 17 марта 1948 г. состоялся организационный сбор, на котором Февра избрали президентом, а он, в свою очередь, назначил секретарем секции Фернана Броделя. По поводу американских связей «команды Февра», молодой географ, секретарь Альбера Деманжеона Жан Готманн написал следующее: «Субсидия Фонда новой секции Практической высшей школы исследований, руководимой Люсьеном Февром, значительно подняла их престиж и их мощь. Некоторые ненавидят эту группу от всего сердца....; но все думают, что лучше сохранять пристойные лич-

¹⁰ Agrégation – квалификационный экзамен во Франции, дающий право на преподавание в лицее (старших классах средней школы).

¹¹ Mazon B. Aux origines de l'Ecole.... P. 90.

ные отношения с командой, которая получает «миллионы Америки» (я слышал это выражение от одного старого профессора в Сорбонне)¹².

Рокфеллер спонсировал чуть более четверти общего бюджета секции (1200 млн франков из 4400 годового бюджета, с 1948 г. – 1800 млн). Французское государство платило лишь зарплату руководителям исследований, переводя ее, вместе с преподавателем, из бюджета одной секции Высшей практической школы в другую, американские же деньги давали возможность развития.

Несмотря на отсутствие собственной резиденции, секция расширялась удивительно быстро. К 1951 г. она насчитывала уже 32 руководителя, в том числе историков – 11, экономистов – 10, социологов, психологов, антропологов – 11. Из них 3 человека были представителями факультетов словесности, 9 – права, 2 – Коллеж де Франс, 3 – Четвертой и Пятой секций Высшей практической школы, и еще 3 – трех других научных центров¹³. Февр гордился фактом сотрудничества столь разнообразных институтов. Основным критерием отбора на должности руководителей исследований, установленным в самом начале Пьером Оже и Шарлем Моразе, независимо от длительности университетской карьеры, была компетентность. Фонд Рокфеллера поощрял, со своей стороны, молодость претендентов на должности, а также участие в конкурсе специалистов, ведущих экономические или социальные исследования на самых передовых рубежах науки. Позже корпоративная солидарность восторжествовала, поскольку Февру и Броделю необходимо было придать своему заведению «университетскую легитимность». После первых четырех избранных – Бетерхейма, Ломбарда, Романо, и Форасте, имевших определенные сложности академической карьеры, остальные научные руководители первых лет были классическими университетскими представителями. Многие из них получали доступ к самостоятельному преподаванию впервые¹⁴.

Февр мечтал об исследовательских лабораториях, о грандиозных коллективных проектах, которые должны были прийти на смену индивидуальному виду работы¹⁵. Такого типа «руководителя команды» он увидел в Фернанде Броделе, которому и перепоручил все заботы по обустройству VI секции, явно готовя себе преемника в его лице, и, тем самым, обойдя вниманием фактического вдохновителя секции Шарля Моразе. Его сочли слишком юным для выполнения «представительских» функций. Февр высоко ценил и исследовательские качества Бро-

¹² Ibid. P. 95.

¹³ Mazon B. Aux origines de l'École... P. 103–104.

¹⁴ Ibid. P. C. 106.

¹⁵ Февр Л. Коллективные исследования и будущее науки // Февр Л. Бои за историю... С. 48–53.

деля, своего коллеги и близкого друга, наделяя его работы революционным для дисциплины значением. Когда в VI секции открылся Центр исторических исследований, его директором также был назначен Фернан Бродель. С этого момента исследовательские приемы «Анналов» начала завоевывать свои лидирующие позиции в историографии.

Шарль Моразе, верный своему первоначальному плану, организовал Центр экономических исследований. Центр социологических исследований в VI секции был создан только в 1958 г., поскольку социология была представлена в CNRS, и этот центр был основным соперником анналистов по продвижению инновационных проектов. Однако Жоржа Гурвича и Фернана Броделя, при всей конкуренции их дисциплин и институтов, связывали, с момента встречи в Бразилии в 1947 г., узы дружбы. У двух институтов были совместные исследования, в которых участвовали Габриэль Ле Бра и Жорж Фридман, научные исследования Гурвича неоднократно публиковались издательством VI секции.

Финансы Центра исторических исследований Шестой секции поначалу были очень скромными. Их хватало на содержание маленького секретариата, состоящего из архивиста-палеографа и двух секретарей, занятых изучением документов по экономической истории XVI–XVII вв. Возрастающее значение CNRS позволило Броделю приглашать все больше стажеров и исследователей, количество которых достигло 12 человек в 1952–1953 гг. В это время основной интерес Броделя сосредоточился на подборе молодых исследователей и работе с ними: «программой, объединенной вокруг его команды, было конкретное и полное описание экономических структур и конъюнктуры в XVI–XVII вв.»¹⁶

По окончании первой финансовой программы, предназначенной для продвижения экономических исследований, в 1951 г. Фернан Бродель договорился с американцами о втором гранте на развитие экономической истории, главным образом, на проведение междисциплинарных коллоквиумов и командировки сотрудников в европейские архивы. Сам Бродель как директор Центра исторических исследований открыл серию исследований о портах, трафиках, дорогах, международных экономических обменах рубежа XV–XVI вв.

При всем значении этих финансовых дотаций, речь не шла об «американских миллионах», как о том говорили недоброжелатели: с 1948 по 1954 г. на развитие VI секции Высшей практической школы Фондом Рокфеллера было потрачено всего 44,5 тыс. долларов¹⁷.

В развитии отношений с американскими спонсорами Фернан Бродель проявил себя как незаурядный предприниматель и настоящий дипломат, «...он смог установить научное предприятие, целью кото-

¹⁶ *Raphaël L.* Le Centre de recherches historiques... P. 23.

¹⁷ *Mazon B.* Aux origines de l'École... P. 113.

рого было встраивание доминирующих интернациональных моделей во французскую систему...»¹⁸ Однако этот процесс имел также заинтересованность противоположной стороны: из-за комплекса причин, связанных с «холодной войной», но также из-за кризиса прежних концепций американской идентичности и внешней политики, начиная с 1960-х гг. крупные американские фонды по-новому формулировали свои программы влияния в Европе. Они все больше адаптировались к специфике европейской культуры и институтов, развивая отношения кооперации, а не колонизации, что, в частности, воплощалось в программе исследования «культурных ареалов», поддержанной политиками. Ее целью было усиление «евроатлантической оси», основанной на общей, стабильной и автономной (по отношению к советской континентальной мощи) Европе. Эти геополитические задачи требовали ускоренного выравнивания «культурных асимметрий», усиления атлантических международных связей национальных элит. Фернан Бродель оказался в этом отношении исключительно деятельным, позволив французскому интеллектуальному полюсу значительно увеличить свою аудиторию за границей. Работы VI секции распространялись благодаря сети отношений, все более прочной и разветвленной, как в провинции, так и за границей, прежде всего, в странах Средиземноморья, но также в социалистической Польше, где будут в 1957–1958 гг. организованы два коллоквиума, в Северной и Южной Америках.

Положение Броделя как организатора новых форм интеллектуального сотрудничества было непростым, вынуждающим к политическому лавированию. В 1950-х гг., в фазе обострения «холодной войны» американцы тщательно отслеживали, чтобы их финансовая помощь не оказалась в руках у коммунистов. Во Франции той эпохи удовлетворить такое требование было трудно, потому что коммунистические идеи разного толка были чрезвычайно популярны, многие интеллектуалы демонстрировали приверженность марксизму, и стратегически было важно сберечь в глазах подрастающего поколения репутацию политически свободного учреждения. Идеологически нейтральный Бродель обещал американским партнерам, что случайное участие коммунистов в исследованиях никак не скажется на идеологической ориентации учреждения, и Фонд Рокфеллера снова выделил VI секции 60 тыс. долларов в 1955 г. Однако при этом Люсьен Февр был официально уведомлен, что условия финансирования будут пересмотрены, если Бродель решит покинуть институт¹⁹. Маневрируя, но все же не идя на поводу у грантодателей, Бродель сумел сохранить в составе сотрудников секции сторонников марксизма. Так, в 1948 г. он ввел в штат Шар-

¹⁸ *Gemelli G. Fernand Braudel... P. 22.*

¹⁹ *Mazon B. Aux origines de l'École... P. 130.*

ля Беттельхейма, специалиста по советской экономике, весьма далекого от понимания задач послевоенного атлантизма, позднее обеспечил работой Анни Крежелль, Клода Фрию, Жоржа Опта и ряд других.

В 1956 г., после поездки в США, Бродель предложил новый проект исследований, опирающийся на «area studies» американских университетов, – междисциплинарную инициативу, сочетающую методы истории, экономики и социологии. Бродель полагал, что американские исследователи не смогут реализовать идею «культурных ареалов» так, как она того заслуживает, поскольку, повинувшись прагматической перспективе сегодняшнего дня, они оставляют за кадром исследования три фундаментальных параметра – философию, историю и географию. Он верил, и в этом его поддерживал один из ближайших друзей и сподвижников Клеменс Хеллер, американец, прочно обосновавшийся в Париже, – что этот проект отлично реализуется в VI секции. Переговоры о финансировании с фондом Рокфеллера длились почти год, и условия были выдвинуты жесткие: спонсоры отказались финансировать исследования марксистов Этьена Бала и Жана Шезно. В итоге их перевели в ту часть бюджета, что финансировалась со стороны Министерства национального просвещения. Проект имел успех, и почти каждый следующий год в VI секции открывались новые исследовательские центры, всего более 20²⁰. Этой эволюции способствовало и смещение интересов в структуре исследования: если раньше в Секции доминировали преподаватели «среднего звена», то теперь приоритет отдавался коллективным инициативам, не связанным напрямую с образованием. В 1958 г. VI секция имела 67 постов руководителей исследований, а в 1960 г. – уже 80. И снова Бродель стал брать на работу оригинальных ученых «с плохими дипломами», принимая своего рода эстафету у V секции Высшей практической школы, занимавшейся религиозными исследованиями, которая ранее имела репутацию единственного прибежища «интеллектуального радикализма» в академическом социуме²¹.

В конце 1955 г. Бродель проникся идеей нового проекта интеграции социальных наук. Сначала речь шла о факультете социальных наук в Сорбонне, ядром которого должна была стать VI секция. Однако предложение реформировать университет было встречено в штыки со стороны факультетов права и словесности, разглядевших суть империалистического замысла анналистов. Юристы и филологи объединились в первый и единственный раз, забыв о своих внутренних распрях, чтобы вместе противостоять Броделю. Другая критика исходила от политически ангажированных интеллектуалов: критикуемый «слева» ФКП за

²⁰ Revel J., Wachtel N. (éd.) Une école pour les sciences sociales... P. 22.

²¹ Knauppi N. French Intellectual Nobility. Institutional and Symbolic Transformations in the Post-Sartrean Era. N.Y., 1996. P. 72.

пособничество американскому империализму, Бродель представлялся революционным возмутителем академического спокойствия историкам «правым», привязанным к концепции традиционной истории.

Однако Бродель быстро пересмотрел свои намерения, поддержав идею нового заведующего Общим управлением высшего образования Министерства национального просвещения Гастона Бержера создать Национальный институт социальных наук. Этот проект был даже перспективнее предыдущего, давая свободу от закостенелых традиций университета, в том числе – в выборе преподавателей. Но Бержер планировал создать такой институт на четырех равных основаниях, которыми должны были стать Национальный фонд политических наук, VI секция, факультет словесности (руководимый давним оппонентом Броделя, но отнюдь не ретроградом, основателем современной истории международных отношений Пьером Ренувеном) и факультет права.

Проект обсуждался в обстановке самой жесткой конкуренции, в центре критики находилась VI секция, которую коллеги, открыто называвшие Броделя «новым Людовиком Четырнадцатым», обвиняли в «научном и университетском империализме». Факультет словесности беспокоила гегемония историков, руководимых Броделем, его исключительное влияние на формирование студентов (он стал с середины 1950-х гг. председателем жюри агрегации по истории). Даже Гастон Бержер, пытающийся учесть интересы всех сторон, стал склоняться к мысли, что экспансию VI секции надо умирить.

Пьер Ренувен, имея, как утверждают многие современники, сложные отношения с Фернаном Броделем, не был враждебен всякой инициативе в сфере социальных наук и видел в проекте Броделя возможность изучать «тотальные социальные феномены на «перекрестке» социальных наук, «интеллектуальную попытку доктринального союза». Именно Ренувен поддержал в 1956 г. новый, менее амбициозный, по сравнению с проектом Бержера, вариант Дома социальных наук, который уже не претендовал на статус образовательного учреждения, и, стало быть, не угрожал интересам Сорбонны. Однако он оспаривал его название.

«...История не является, по мнению Ренувена, социальной наукой. Она исследует конкретные события и типы развития. Термин социальных наук слишком ограниченный, чтобы включить в себя историю, а термин гуманитарных наук слишком пространственный; он содержит в себе, к примеру, филологию, которая не будет представлена в "Доме". Значит, пусть будет выбран термин менее обычный: термин Наук о Человеке», – вспоминал Ф. Ситтон, представитель Фонда Форда, выразившего готовность принять на себя часть финансовых обязательств²². Также существует версия, что идея такого названия в ходе

²² Цит. по: *Mazon B. Aux origines de l'École...* P. 149.

дискуссий 1957 г. могла быть подана самим Фернаном Броделем, в память о гуманистическом пафосе «отцов-основателей» (Февр скончался в 1956 г.).

В конечном, согласованном варианте, на создание Дома наук о человеке французское правительство выделило 2 млн долларов, Фонд Форда – еще 1 млн²³. Броделя почти единодушно избрали главой администрации будущего Дома. Тем самым подразумевалось, что MSH (La Maison des Sciences de l'Homme) станет ответвлением и продолжением VI секции, то есть движения «Анналов».

Проект воплощался в жизнь мучительно и долго, почти семнадцать лет. Летом 1958 г. с большими сложностями подобрали место для строительства – территорию бывшей тюрьмы на перекрестке улицы Шерш-Миди и бульвара Распай, той самой, где в свое время томился в незаслуженном заточении капитан Дрейфус. Министерства юстиции и Национального просвещения вели нескончаемые переговоры о передаче территории. Саму тюрьму разрушили в 1961 г., закончили постройку здания – в 1969, и только к 1975 г. все его помещения оказались заняты. Дом по адресу: бульвар Распай, 54 стал отныне резиденцией для всех учреждений, связанных с «Анналами», – бывшей VI секции, а с 1975 г. – высшей школы исследований по социальным наукам, Дома наук о человеке, а также редакции самого журнала.

Таким образом, внедрение в жизнь Дома наук о человеке стало результатом личных и очень трудоемких усилий Фернана Броделя и двух его ближайших помощников – Клеменса Хеллера и Рене Марзоччи. Это отчетливо понимал и сам Бродель, сказавший в одном из многочисленных интервью по случаю своего 80-летия: «Я нахожусь сейчас в этом Доме, который без меня никогда не был бы построен»²⁴.

Бриджит Мэйзон утверждает, что при всем значении личных талантов Фернана Броделя как организатора, первым планом подобного рода был, еще в конце 1929 г., проект Марселя Мосса, а после него существовали еще несколько. Однако аналогичные проекты социологов или этнологов были обречены на провал, потому что почти все ключевые административные посты в сфере государственного образования и науки, со времен Третьей Республики занимали... историки²⁵. История исторической науки во Франции завершила свой очередной цикл, и «методическая школа», крепостью заложенных ею основ, в который раз помогла не помнящим родства потомкам освежить древнюю музу своего ремесла.

²³ Ibid. P. 157.

²⁴ Braudel F. Les 80 ans du «pape» des historiens // L'histoire. 1982. № 48. P. 71.

²⁵ Mazon B. Aux origines de l'Ecole... P. 166.

Фернан Бродель – человек-легенда

Фернан Бродель стал создателем и властелином уникальной интеллектуальной империи в области социальных наук. Почти все его ученики, друзья, помощники и родственники, так или иначе, отмечают его колоссальную личную харизму. Об этом свидетельствует и количество данных ему прессой и коллегами прозвищ – «Папа истории», «Император», «Империалист», «Людовик XIV», «Сюзерен», «Патрон». «Он... руководил как суверен, как руководитель государства», – вспоминал один из ближайших помощников и учеников, Марк Ферро²⁶. Он «посвящал в рыцари» своих вассалов, он давал им полномочия на многочисленных участках территории, которой правил. Его поступки, в свою очередь, быстро обрастали легендами внутри профессионального сообщества.

«Трудный характер» Броделя является особой темой для историографов, биографов и очевидцев. «Бродель был тираном, добродушным и едким: острые зубы, бездонное сердце, невыносимая несправедливость и невероятная доброжелательность. Самый человечный из людей, лучший, если принимать его капризы, унижения и насмешки», – написал историк Робер Бонно²⁷. Как многолетний критик исторических сочинений, он сетует на то, что биографы Броделя, – Д. Джемелли и П. Дэкс²⁸, почти одновременно издавшие свои книги, – при всей объемности монографий не написали о неприятном в личном опыте Броделя, чтобы не потревожить его легендарную память.

Между тем судьбу Фернана Броделя трудно назвать легкой. В отличие от Марка Блока и Люсьена Февра, представителей университетских династий, Бродель имел сложное социальное происхождение: мать (дочь коммунара, о чем в семье вспоминать не любили), работавшую простой официанткой в парижском ресторане, и отца – учителя математики, деплотичного и скорого на расправу; старшего брата-моряка, любимца родителей, которого уже взрослый Бродель насмешливо звал «Адмиралом». «Адмирал», в свою очередь, видимо, ревнуя к славе младшего брата, уничтожил все бумаги детства и юношеские стихи Фернана.

Свое детство с 7-летнего возраста Фернан Бродель провел у бабушки в Лотарингии. Он мечтал стать врачом, но властный и жестокий отец запретил ему обучаться медицине. В итоге, получив образование историка, Фернан сразу же ускользнул из-под родительского надзора, и с 1923 по 1932 гг. вообще не работал во Франции. Большую часть этих лет он провел в Алжире, где женился на дочери французского колониста, но, по собственному признанию, так ничего и не понял в колониализме и его проблемах, чреватых распадом империи. В 1932–

²⁶ *Ferro M. Laboratoire des Annales // Magazine littéraire. 1984. № 11. P. 25.*

²⁷ *Bonnaud R. Braudel le patron // Bonnaud R. Histoire et historiens depuis 68... P. 46.*

²⁸ *Gemelli G. Fernand Braudel...; Daix P. Braudel...*

1935 г. он работал в лицеях Парижа, в 1935–1937 г. – в Бразилии, где полюбил азартные игры, а в 1937 г. в ходе морского круиза подружился с Люсьеном Февром, который отныне стал для него источником постоянной поддержки и вдохновения. По возвращении Бродель получил должность в IV секции Высшей практической школы исследований, и стал активно сотрудничать в «Анналах». С того же времени он начал писать и для «Исторического журнала», где близко познакомился с уже пожилым и по-прежнему экстравагантным, также оказывающим ему покровительство, Шарлем Сеньобосом, которого Бродель «...научился любить, но над которым никогда не переставал смеяться»²⁹.

Большую часть Второй мировой войны Бродель провел в немецком концентрационном лагере для пленных офицеров, и с этого момента его характер, еще раз подтверждая несомненную харизму обладателя, может быть описан сквозь призму курьезных случаев, рассказанных близкими.

О войне, от супруги Поль Бродель: «Бродель имел привычку, если не сказать, манию, повторять: "Я всегда в жизни был везучим". И однажды я ему возразила: "Как же, а война?", он мне ответил: "Ну, смотри! Меня отправили из Майнца в Любек в наказание. Так вот, Майнц бомбили первый раз немного погодя после моего отъезда. А Любек разбомбили, весьма изрядно, но перед моим прибытием. И в последний раз!"»³⁰

Об экзаменах и защитах: с 1950 по 1955 г. Фернан Бродель расширил свое влияние, участвуя в жюри по агрегации историков. Тем самым появилась возможность реализовать давнюю мечту «отцов-основателей» «Анналов», желавших радикального изменения классических университетских структур и системы образования вообще.

Мишель Вовель передавал свои впечатления от этих жюри, вспоминая о том, как Бродель говорил кандидатам с оттенком презрения, что их работы «недостаточно пахнут навозом»³¹ (подобно тому, как в свое время Февр критиковал «Феодальное общество» Блока за отсутствие связи с землей). «Почему такая маленькая местность! – сердился Бродель, ознакомившись с содержанием знаменитой диссертации Пьера Губера про Бовези»³². «Но ведь вы же замкнулись в фазе Б!» – воскликнул Бродель, обсуждая тему диссертации Мориса Агюлона³³.

²⁹ *Bonnaud R.* Braudel: la niche et la statue // *Bonnaud R.* Histoire et historiens depuis 68... P. 51.

³⁰ *Braudel P.* Braudel en captivité // *Carmignani P. (dir.)* Autour de F. Braudel... P. 16.

³¹ *Vovelle M.* Plutôt labroussien que braudelien // *Espaces Temps.* 1986. № 34–35. P. 16–19.

³² *Bonnaud R.* Goubert, Le Goff et le concept // *Bonnaud R.* Histoire et historiens depuis 68... P. 79.

³³ *Agulhon M.* Vu des coulisses // *Nora P. (dir.)* Essai d'ego-histoire... P. 30. Фаза Б – двадцатилетний экономический цикл упадка, приходящий на смену фазе А – фазе подъема в классификации Франсуа Симиана.

Марк Ферро вспоминает о том, как был восемь (!) раз подряд «завален» Броделем на агрегации³⁴. Суровый и насмешливый экзаменатор, Бродель пытался открыть высшее образование для экономической истории, использующей техники соседних социальных наук³⁵. Однако принципиальных изменений конкурса не произошло³⁶, он достиг только введения нового устного испытания в конкурсе, посвященном объяснению исторических документов. После отставки Броделя система подготовки преподавателей вышла из-под влияния «Анналов».

Часть историй Марка Ферро, связанных с редакционной работой «Анналов», касаются знаменитых «телефонных звонков Броделя». Ферро рассказывал, что Клеменс Хеллер порекомендовал его Броделю в «Анналы» на бывшее место Мандру – секретаря редакции. Ферро отказался от лестного предложения, объяснив, что после провала на агрегации Пьер Ренувен нашел ему работу в CNRS, и поскольку Ренувен с Броделем находятся в плохих отношениях, он не может работать в «Анналах». Бродель вскипел, потому что «не выносил, когда ему противоречили, он был очень авторитарным», позвонил Ренувену, пересказал ему содержание разговора, и Ренувен сказал, что не возражает. «Так я был призван в "Анналы"»³⁷.

Описывая годы своей работы секретаря (1963–1968) в «Анналах», Ферро вспоминает, что практически один делал всю редакционную работу, пытаясь представить в журнале максимально широко спектр идейных позиций. Он испытал панику, когда Бродель разглядел в номере об антропологии Леви-Стросса, сверстанном для печати, статью Жана-Франсуа Лиотара под названием «Индийцы роз не собирают», и спросил, о чем пишет этот автор. «Я должен признаться, что эта статья не была мне самому понятна полностью... Я ответил: "Индийцы не рвут роз, потому что там не такая культурная система, как наша". Мой анализ не зашел слишком далеко, был совсем коротким. И я очень рисковал. Сделал я, значит, номер о Леви-Строссе, со статьей Лиотара, и когда Бродель прочитал номер, он меня спросил: "Но что все-таки значит этот текст?" И тогда я почувствовал, что мой последний час настал... Я объяснил ему, что это была точка зрения на связи между западной и незападной культурами, которые проявляются, без сомнения, в этом тексте, трудном для понимания, но кажущемся новаторским. Он мне сказал: "Я ничего в нем не понял. В конце концов, Леви-Стросс.

³⁴ Le témoignage de Marc Ferro sur Fernand Braudel. Recueilli par Jean Sagnes // *Carmignani P. (dir.) Autour de F. Braudel...* P. 77.

³⁵ *Braudel F. Rapport du concours 1953* // *Bulletin de l'Association des professeurs d'histoire-géographie*. 1953. P. 226–284.

³⁶ *Bauvois-Cauchepin J. Enseignement de l'histoire et mythologie nationale. Allemagne-France du début du XXe siècle aux années 1950*. Bern, 2002. P. 49.

³⁷ Le témoignage de Marc Ferro... P. 77.

он-то что об этом думает?" Об этом я тоже ничего не знал. Я не носил статью о Леви-Строссе Леви-Строссу, естественно. Бродель берет тогда свой телефон, вы знаете, он всегда так делал, и звонит Леви-Строссу. Он говорит: "Алло, вы читали номер 'Анналов'?" "Да." "Который Ферро сделал про Вас?" "Да, да". "Что Вы думаете о статье Лиотара?" (Я слышал, потому что мне дали трубку). "Это лучшая из всех". Ах! У невинных развязаны руки!"³⁸.

2.1.3. «Геоистория» против структурной антропологии: дискуссия Броделя и Леви-Стросса о больших длительностях

Создатель институтов, позиционирующих себя как продолжение традиции «Анналов», и человек действия по складу характера, Фернан Бродель известен миру прежде всего как автор оригинальных исторических произведений. Его диссертация, опубликованная в 1949 г. под заголовком «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II», продолжила диалог истории и французской гуманитарной географии в традиции книги «Земля и человеческая эволюция» Люсьена Февра³⁹. В ней диалектика пространства и времени стереоскопически представлена в виде нескольких режимов исторических длительностей, каждый из которых имеет свой предмет и задачи исследования: «На поверхности – событийная история, которая вписывается в короткое время, ...посередине – конъюнктурная история, которая следует более медленному ритму...; в глубине – структурная история большой длительности, которая охватывает века»⁴⁰.

Колоссальная по масштабу обобщений монография посвящена историко-географическому комплексу Средиземноморья, которое само представлено в качестве активного действующего лица, формирующего разнообразные циркуляции климатических условий, природных ресурсов, людей, экономических систем и цивилизаций. Но, отдавая должное принудительному влиянию географической среды и тщательно описывая ее, Бродель подчеркивает, что именно деятельность человека, создающего морские и сухопутные трафики, города и рынки, придает Средиземноморью целостность. На этом среднем уровне «конъюнктурной» истории можно наблюдать привычный для «вторых Анналов» формат исследования: создание, рост и упадок социально-экономических систем, кровопролитные войны, политические интриги, формирующие арену международной жизни. И лишь

³⁸ Le témoignage de Marc Ferro... P. 84.

³⁹ Braudel F. La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. P., 1949; рус. пер.: Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. М., 2002.

⁴⁰ Ibidem. Ecrits sur l'histoire... P. 112–119.

«быстрое время» событийной истории воспринимается Броделем как незначительное, подобное «мелкой ряби на поверхности моря».

Монументальный трехтомный труд Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.»⁴¹ развивает тему глобальной «геоистории». Разделив своей предмет на различные уровни исторической действительности, Бродель по отдельности подвергает анализу материальную цивилизацию, обретающую форму в структурах социальной повседневности; рыночную экономику, основанную на конъюнктурных циклах «игр обмена»; и сферу капитализма, образующую «время мира». За пределами этой величественной архитектуры остаются политические процессы, императивы культуры и религии, но обилие используемых автором междисциплинарных подходов, богатство привлекаемой фактологии делают это исследование источником многих последующих междисциплинарных заимствований и идейной основой для дискуссионной стратегии Броделя в полемике с Леви-Строссом.

Структуралистский вызов

Сама дискуссия получила у французских историографов название «структуралистского вызова». Научное понятие структуры и связанная с ним исследовательская модель были определены лингвистом Фердинандом де Соссюром еще в начале XX в. В середине столетия структурализм был воспринят всеми гуманитарными науками: антропологией (Клод Леви-Стросс), литературной теорией (Роланд Барт), психоанализом (Жак Лакан)⁴². Утверждающий логику синхронии в отрыве от всякой попытки историзации и практикуемый маститыми исследователями, данный подход представлял собой серьезную угрозу для исторической дисциплины.

На рубеже 1950–1960-х гг. первенство истории среди социальных наук оспорил Клод Леви-Стросс, намеревавшийся в рамках своей структуралистской программы, – обобщенной семиологии, – осуществить объединение всех гуманитарных наук. Еще в 1949 г. он воспроизвел основные тезисы дискуссии Симиана-Сеньобоса 1903 г., вновь поднимая вопрос о лимитах и назначении исторического метода⁴³.

Историк, согласно Леви-Строссу, изучает базовый уровень реально-го, но его единственный, сугубо эмпирический план наблюдения делает его неспособным к моделированию. Он не имеет доступа к тем глубинным структурам общества, которые почти аннулируют диахро-

⁴¹ Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme*. P., 1979. 3 t.; рус. пер.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика, капитализм 15–18 вв.: В 3 т. М., 1986–1992.

⁴² Dosse F. *Histoire du structuralisme*. P.: La Découverte, 1991–1992. 2 t.

⁴³ Levi-Strauss C. *Histoire et ethnologie* // *Revue de Métaphysique et de Morale*. 1949. № 3–4. P. 363–391.

ническое измерение истории. Историк обречен жить в непрозрачности бесформенного описания, в хаосе случайного совпадения, и только антрополог (этнолог) может распознать глубинную бессознательную основу социальных практик.

История и этнология, в интерпретации К. Леви-Стросса, близки по своим институциональным позициям, предмету и методам. Но их разделяет эмпиризм истории, с одной стороны, и концептуальность этнологии, с другой. «...История организует свои данные по отношению к сознательным формам, этнология – по отношению к бессознательным условиям социальной жизни»⁴⁴. Таким образом, только этнология, или структурная антропология имеет доступ к бессознательному уровню человеческого общества и проникает в пограничные сферы ментального универсума.

Со временем в ходе диалога с философом Ж.-П. Сартром Леви-Стросс сделался еще более суровым по отношению к истории, которую он представляет только как выражение мифа в книге «Первобытное мышление» 1962 г. Он обличает увлечение экзистенциальной философией историей как попытку восстановить иллюзию преходящего и пристрастного: любая история может быть только частичной и не владеет искусством перехода к сколько-нибудь значимому синтезу. «Ее так называемое историческое постоянство обеспечено только посредством неверных следов»⁴⁵.

Со стороны историков вызов принял Фернан Бродель, противопоставив Леви-Строссу обновленное идейное наследие первых «Анналов». Он вывел стратегию истории как объединительницы гуманитарных наук на еще более высокий уровень притязаний, адаптируя свою программу к единому междисциплинарному⁴⁶, если не сказать, адисциплинарному, проекту.

Анализируя общий подъем конкурентных социальных наук, Бродель постулировал необходимость открывать границы между дисциплинами, разбивать стены, созданные каждой из них, выступал сторонником свободного обмена идеями, при объединяющей и главенствующей роли истории. Осознавая потенциал интеллектуальной экспансии новых научных специализаций, в своей первой лекции 1950 г. в Коллеж де Франс, он произнес: «Мы присутствовали при рождении, возрождении и расцвете, в течение 50 лет, серий империалистических гуманитарных наук»⁴⁷.

⁴⁴ *Ibidem*. Anthropologie structurale. Paris, Plon, 1958. P. 9–39; рус. пер.: Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 2001.

⁴⁵ *Ibidem*. La pensée sauvage. P.: Plon, 1962. P. 345; рус. пер.: Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994.

⁴⁶ Hexter J. F. Braudel and the monde braudélien... P. 499.

⁴⁷ Braudel F. Ecrits sur l'histoire. P.: Flammarion, 1969. P. 31

Бродель был искренне убежден в необходимости защищать идентичность исторической науки перед лицом эфемерных рождений и возрождений юной поросли других гуманитарных наук и преемственность традиции «Анналов» внутри самой дисциплины. По отношению к внешним наукам дискурс Броделя остался двойственным: с одной стороны, необходимо сохранять доминирующую позицию истории перед лицом возобновляющихся претензий на лидерство, с другой, – «приручить» этих амбициозных соседей. И потому он утверждал единство этих наук о человеке: так, согласно его выражению, «социология и история есть одно и то же приключение духа»⁴⁸. Одновременно Бродель обличал теоретические слабости той же социологии, иногда слишком открыто восстававшей против господства историков.

VI секция была для Броделя решающим инструментом в более широком процессе поглощения социальных наук историей. «Нужно хорошо понимать, в чем состоит урок «Анналов», школы «Анналов»... Это то, что все гуманитарные науки инкорпорированы в историю и становятся вспомогательными науками»⁴⁹, – признал сам Бродель в последнем интервью 1985 г. По выражению М. Ферро, он рассматривал движение «Анналов» и его попутчиков «...как единственных, делающих научную, экспериментальную историю, способную объяснять не-идеологические феномены», и вел самую бескомпромиссную борьбу против всех остальных. «...Он вел войну против всех других форм истории, шла ли речь о католических историках, имеющих посты в "Сьянс По" (Национальный фонд политических наук. – Н. Т.), шла ли речь об историках нации, которые располагались в Сорбонне... и т.д.»

По мнению соратников, эта война была, скорее, сродни военному походу, чем соревнованию идей, поскольку Бродель «...завоевывал территории... Он говорил: «Мы завоевали университет Страсбурга», «Мы хозяева в Буэнос-Айресе», «Романо объедет Латинскую Америку», «Мы стойко держимся в Центральной Европе и, особенно в Польше, которая является нашей основной базой, также как и Италия; в России – я поеду, посмотрю, как там все происходит»⁵⁰.

Основным катализатором воли Броделя к распространению своей профессиональной практики была вера в «настоящую» науку, но многие университетские профессора рассматривали его деятельность как разновидность институционального империализма, отрицающего все прочие перспективы развития. И отчасти, признавал Марк Ферро, оппоненты Броделя были правы. «...Я помню, что когда я предлагал статью Дюрозеля, он сделал гримасу, тогда как Дюрозель был очень тонкий человек, который,

⁴⁸ Braudel F. *Ecrits sur l'histoire*. P. 105.

⁴⁹ *Ibidem*. Une leçon d'histoire, Châteaunvallon. P., 1986. P. 222

⁵⁰ Le témoignage de Marc Ferro... P. 81.

более того, имел идеи в международной политике, но идея сотрудничать со Сьянс По, с Сорбонной, ему не нравилась. Они были для него запретной зоной, и, с этой точки зрения, он был немного капризным»⁵¹.

Четкий ответ на вызов, брошенный Клодом Леви-Строссом, был дан Фернаном Броделем в статье-манифесте «История и социальные науки: большая длительность», которая появилась в «Анналах» в 1958 г.⁵² В течение этого года, как утверждал сам Бродель, он вел долгие дискуссии с Леви-Строссом, к которому испытывал пиетет. Он мог указывать на «ошибки» социологам, но избегал полемизировать напрямую с Леви-Строссом, несмотря на ситуацию еще более упорной теоретической конкуренции.

В статье он сначала упомянул о несомненных достижениях соперника, который смог расшифровать тайный язык элементарных структур родства, мифа, экономических обменов. «Дирижер Бродель, имевший привычку смотреть свысока на эти молодые империалистические науки, соглашается один раз оставить свой пюпитр, и даже упомянуть "нашего гида", говоря об антропологии, не соглашаясь, однако, отдать ей свой фартук»⁵³, иронизируют К. Делакруа, Ф. Досса и П. Гарсиа. Бродель осознавал привлекательность антропологического дискурса, обладающего, как и история, свойствами обобщения. При этом антропология опиралась на математические методы, на моделирование, иллюстрируя новые возможности доступа к социальному бессознательному, и, в перспективе, была способна завоевать на поле социальных наук решающее превосходство.

Бродель парировал это вызов, обновляя и усваивая достижения структурной антропологии, через теоретическое обоснование множественности режимов исторического времени. Программе Леви-Стросса он противопоставил главное оружие историка – время, но не в банальной связке события и его датировки, а в понятии «большой длительности», которое охватывает собой все, что можно помыслить в истории человечества, вплоть до геологических структур ландшафта. Именно вокруг *longue durée* он предложил произвести реорганизацию всех социальных наук. Любое явление может быть установлено, только пройдя проверку «долгим временем», и поскольку хронология осталась главным параметром исследования, историк сохраняет здесь свое первенство. Бродель представляет конституирование больших длительностей как «коперниканскую революцию» в исторической дисциплине, которая должна позволить всем наукам о человеке говорить на одном языке.

⁵¹ *Ibid.* P. 81.

⁵² Braudel F. Histoire et sciences sociales: la longue durée // Annales ESC. 1958. № XIII. P. 725–753.

⁵³ Delacroix C., Dosse F., Garcia P. Les courants historiques en France... P. 172.

Одновременно «короткое» время индивида и единичного события он оценивает в критическом контексте Франсуа Симиана и снова подтверждает его малое значение для междисциплинарных гуманитарных изысканий.

Социальные науки имеют только две возможности вырваться из-под контроля истории, согласно Броделю. Первая возможность – это «внутри-временная» перспектива, которая ограничивается пространством новостей, «сверхкороткого времени», вырезанного из всякого длительного контекста. Это – случай социологии, задачи которой слишком ограничены, чтобы беспокоить историка. Вторая возможность – «надвременное» пространство, предмет структуралистских исследований «слишком длительных», «космически» значимых образований.

Бродель позаимствовал у Леви-Стросса понятие структуры, но наделил его несколько иным смыслом. В броделевском дискурсе структура – это остов, архитектура, монтаж определенной целостности, всегда вписанный в конкретную реальность и наблюдаемый. Единственный способ обнаружить структуры в истории – это измерить их длительность. В этом намерении наблюдать и описывать его концепция остается верной традиционной историографии.

Примером такого исследования служит уже упомянутая диссертация Броделя, в которой научно наблюдаемые структуры Средиземноморья представлены как сумма всех сетей отношений, дорог, трафиков, вся совокупность движений, которые оживляют пространство. Предприятие Броделя «открыло двери» для каждой отрасли социального знания; он стремился найти применение каждому в этой большой лаборатории гуманитарных наук. Такая унификация исследовательского поля должна была превзойти все расхождения и границы, располагая в центре историков как специалистов «по длительностям».

2.1.4. Камиль-Эрнест Лабрусс как основоположник французской квантитативной истории

Экономическую и социальную историю эпохи триумфа французской исторической мысли слишком часто отождествляют с движением «Анналов» и Фернаном Броделем, не воздав должное человеку, который оказался непосредственно причастен к разработке понятия «*longue durée*», а также вооружил методом и привел к успеху целое поколение французских историков, составивших впоследствии основу и гордость «третьих Анналов». С 1946 г. преемником Марка Блока на посту заведующего кафедрой экономической истории в Сорбонне стал Эрнест Лабрусс, существенно изменивший за четверть века своей педагогической практики рельеф историографического пространства во Франции.

Современные исследователи часто пишут в обобщающих трудах о парадигме Броделя-Лабрусса, тем самым присоединяя последнего к

движению «Анналов». Однако, несмотря на значительный опыт сотрудничества и несомненное родство многих позиций⁵⁴, Бродель неизменно критиковал «лабруссову модель» за приверженность перспективе политической событийности в истории. В статье 1958 г. слегка раздраженно он написал о Лабруссе: «Его доклад "Как рождаются революции?" на Международном конгрессе в Париже в 1948 г. стремится связать... экономический патетизм короткого времени (новый стиль) с политическим патетизмом (очень старый стиль), патетизмом революционных дней. Вот вам снова короткое время и по самую шею»⁵⁵.

Внимательный читатель «Анналов» с самого начала, Лабрусс стал публиковаться в журнале лишь в 1940-х гг. Но свою должность руководителя исследований в IV секции Высшей практической школы в 1938 г. он получил благодаря поддержке Марка Блока. По мнению Мориса Эмара, державшийся особняком и не имевший именитого наставника, Эрнест Лабрусс со всей оригинальностью его подхода не был по достоинству оценен основателями «Анналов». Февр «открыл» для себя Лабрусса довольно поздно, в 1947 г., приняв его в коллектив VI секции. Но руководитель «Анналов» «...сделал ставку на Броделя, несмотря на сомнения Марка Блока. Ни тот, ни другой не ощутили, что надо было ставить на Лабрусса: людям свойственно ошибаться, даже самым великим. Лабрусс и Бродель были оба вскоре признаны: они также поняли, что призваны разделить власть в 1950–1960-х гг.»⁵⁶

Судьба Эрнеста Лабрусса в истории была нетипичной. Журналист и адвокат по профессии, он не был выпускником Высшей нормальной школы⁵⁷, и дважды провалился на агрегации по экономике. Лабрусс начал изучение истории перед Первой мировой войной, был учеником Альфонса Олара и написал диплом по истории Революции. Но политические пристрастия привели его в журналистику (к сотрудничеству с «Юманите» и «Попюлер»), потом в экономику. Только идейный разрыв с ФКП в 1924 г. заставил его направить мощь интеллекта на научное исследование. По этому поводу Фернан Бродель выразился следующим образом: «Я могу сказать это Эрнесту Лабруссе: он нас лишил второго Жана Жореса. Одна история от этого выиграла»⁵⁸.

В 1932 г. он защитил диссертацию по экономике о движении цен и доходов во Франции XIX в. на факультете права под руководством

⁵⁴ Это и работа в Шестой секции, и руководство изданием многотомного труда об экономической и социальной истории во Франции (*Braudel F., Labrousse E. (dir.) L'Histoire économique et sociale de la France. P. 1976–1982.*)

⁵⁵ *Braudel F. Histoire et sciences sociales... P. 750.*

⁵⁶ *Aymard M. Introduction // Borghetti M. N. L'oeuvre d'Ernest Labrousse... P. 11.*

⁵⁷ Традиционно считавшейся лучшей «кузницей» гуманитарных кадров.

⁵⁸ Цит. по: *Goubert P. Un parcours d'historien... P. 142.*

Альбера Афталюна⁵⁹, изучив административную статистику Старого порядка по методу Франсуа Симиана. Последний, в интерпретации Лабрусса, впоследствии дал толчок развитию экономической истории, ассоциируемой со школой «Анналов».

Вопреки стереотипу, экономическая история обрела институциональную базу уже в последние десятилетия XIX в., практикуемая признанными экономистами: Эмилем Левассером, автором работ по истории французского населения и рабочего класса, а также Альбером Афталюном, который опубликовал множество работ по истории экономических кризисов во Франции. Под их влиянием некоторые историки, такие, как Филипп Санияк, пытались применять статистические подходы. Однако эти попытки провалились, поскольку количественные техники традиционно рассматривались как противоречащие историческому методу⁶⁰.

В указанный период, как уже было написано выше, история воспринималась как герменевтическая наука контекста, требующая исследования прошлого «по следам». Статистический подход, напротив, основан на работе абстрагирования, создании некой «выжимки», формирования однородных фактологических серий. Кроме того, существовали серьезные сомнения (выражаемые, в частности, Шарлем Сеньобосом) в надежности источника – тех административных категорий и выкладок, что были созданы службами общей статистики Франции. Необходимо было учитывать с большой гибкостью особенности различных социальных сред, регионов, эпох и т.д.

Приверженец социальной истории, Анри Озе полностью разделял эту точку зрения⁶¹. Согласно ему, статистические методы законны в экономике, но в истории с ее долговременной перспективой случайность обстоятельств доминирует над экономической жизнью. Поскольку сам Озе и был законодателем метода в экономической истории вплоть до конца 1930-х гг., нужно было ждать смены научного поколения для введения новой исследовательской программы, которой и станет проект Лабрусса.

О родоначальнике этой программы – Франсуа Симиане – в историографии писали несоразмерно мало, учитывая всю степень его влияния на развитие социальных наук во Франции⁶². Агреже по философии, профессор Национальной консерватории искусств и ремесел, Коллеж де Франс, президент Статистического общества Парижа, Франсуа Симиан посвятил свой талант экономиста проблеме доходов служащих.

⁵⁹ *Labrousse E. Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIIIe siècle. P., 1933. 2 t. Rééd. P., 1984.*

⁶⁰ *Noiriel G. Qu'est-ce que l'histoire contemporaine... P. 66.*

⁶¹ *Hauser H. (dir.) Recherches et Documents sur l'histoire des prix en France de 1500 à 1800. P., 1936.*

⁶² *Gillard L., Rosier M. (dir.) François Simiand (1873–1935)...*

обобщив ее в своем главном труде – «Зарплата, социальная эволюция и деньги. Опыт экспериментальной теории заработной платы»⁶³.

Параллельно он продолжал эпистемологическую полемику с философами-«спиритуалистами», отрицавшими саму возможность социальной науки. Это побудило его доказывать, что экспериментальный метод приложим к социальным наукам. На фронте экономической теории он противопоставил свое учение абстрактной математике, ратуя за экономику, открытую истории и социологии. В споре с историками Симиан занимался оправданием количественных методов при изучении прошлого.

Симиан боролся против «объяснения через удачный пример», которое подталкивает историков постулировать, не доказывая, репрезентативность казуса, который они изучили. Статистические методы позволяют производить настоящие эксперименты, высчитывать частоты, коэффициенты совпадения, благодаря которым исследователь способен устанавливать отношения универсальных форм, уверял автор.

Теоретические доводы он подкреплял собственными эмпирическими исследованиями по истории денег и заработной платы во Франции. Общая их идея может быть сведена к тому, что на протяжении XIX–XX вв. доходы служащих росли параллельно увеличению прибылей в экономике, что Симиан связывал с развитием валютных средств, в частности, с открытием золотых шахт в Америке и Южной Африке. Но внутри этого процесса он обнаружил циклические движения, чередующие периоды процветания (фазы А) и спада (фазы Б). Симиан пришел к выводу, что экономический кризис начала 1930-х гг. произошел из-за наложения конъюнктурного кризиса и смены цикла (фазы А на фазу Б), что сравнимо с моментом аналогичного кризиса последней четверти XIX в.

Именно здесь мы можем впервые обнаружить знаменитую «броделевскую» градацию времен: в движения «большой длительности» многолетнего подъема зарплат и цен вписываются движения «средней длительности» (фазы А и Б, которые образуют двадцатилетние циклы), и конъюнктурные элементы (короткое время). Симиан показал неразрывную связь экономических факторов и их социально-политического контекста. Так, флуктуации цен и зарплат могут повлиять на социальные требования рабочих, и наоборот, стачки рабочих могут иметь экономические результаты в виде удорожания производства.

С момента создания «Анналов» Люсьен Февр пытался познакомить историков с плодотворной мыслью Симиана, однако тщетно: слишком абстрактный язык экономиста был им непонятен. Историк Жорж Лефевр не без оснований обвинял Симиана в отсутствии человека в его исследованиях, в абсолютизации математических расчетов, в том, что его иссле-

⁶³ *Simiand F. Le Salaire, l'évolution sociale et la monnaie. Essai de théorie expérimentale du salaire. P., 1932.*

дования оперируют показателями номинальной, а не реальной зарплаты, в отказе учитывать циклические и сезонные экономические колебания и т.д. Мало склонный к компромиссам, сам Симиан не прилагал никаких усилий к объяснению своего метода историкам и отказался, в конечном итоге, от предложений сотрудничества с «Анналами».

Без Эрнеста Лабрусса, выполнившего трудное усилие «перевода», труды Симиана не сыграли бы своей роли в истории. Владеющий языком экономистов и углубленно изучивший мысль Симиана, в том числе посещавший его семинары в Высшей практической школе, Лабрусс смог обратить этот метод на пользу своему исследованию.

Однако, по его воспоминаниям, историки сдержанно восприняли подобное начинание. «Мы – в 1932 году, "Анналы" только начались. Нет еще когорты историков с хорошей экономической культурой», – вспоминал он в интервью 1980 г.⁶⁴ Но постепенно, и, в немалой степени, благодаря участию историка Жоржа Лефевра, работа Лабрусса начала привлекать внимание профессионалов.

Как и следовало ожидать, исследования Лабрусса снискали жесткую критику Анри Озе, который упрекал автора за избыточное доверие к старорежимным административным источникам. Лефевр настаивал, что диссертация обогащает исследование причин Французской революции, и что Лабрусс исследует свой сюжет как настоящий историк, ставя конкретные исторические вопросы. Хотя он и использовал данные, которые могут быть сведены в серии, они способны обогатить «факты чисто событийные, как говорит Симиан, которых... статистика избегает»⁶⁵. Таким образом, приверженность традиционной событийности, характеризующая «отца-основателя» французской количественной истории, стала в тот момент решающим аргументом, чтобы Лабрусса восприняли в сообществе историков.

Рецепции метода Лабрусса способствовал также его тематический выбор: Французская революция занимала центральное место в исторических исследованиях. Его целью было связать события в долгосрочной перспективе, исследовать эволюции структур и найти революционному разрыву времен научное объяснение. Эта работа с самого начала являлась исторической: Лабрусс не искал причины экономических флуктуаций, он определял их исторические – социальные и политические – последствия в широкой событийной канве. Он стремился открыть и поставить под строгий контроль, осуществляемый экспериментально, новые источники, но так, чтобы и человек не исчезал из его трудов. «Одним словом, – резюмировали Жан-Ив Гренье и Бернар

⁶⁴ *Labrousse E. Entretien avec Ernest Labrousse // Actes de la recherche en sciences sociales. 1980. № 32/33. P. 111–127.*

⁶⁵ Цит. по: *Noiriel G. Qu'est-ce que l'histoire contemporaine... P. 70.*

Лепти, – «разница между Симианом и Лабруссом... заключалась в двух наклонностях духа: одна более абстрактная, и, возможно, более философская... другая более конкретная». О диссертации Лабрусса почти не дискутировали, потому что «проект экономиста оставался мало приемлемым для историков, которые не располагали ни достаточным инструментарием, ни основами знакомства с этими вопросами»⁶⁶.

Его программа выделяла повторяемые феномены, определяя в них причинно-следственные связи: «Повторяемое имеет здесь больше человеческой ценности, чем случайное. В экономической истории, в отличие от того, что наблюдается в других областях истории, все, что есть важного – повторяемо», – писал Лабрусс в диссертации по истории кризиса французской экономики в предреволюционный период (1944)⁶⁷.

Это исследование внесло значительный вклад в развитие прежней темы – причин Французской революции. Споря с Жоресом и Матьезом и присоединяясь к Мишле, Лабрусс настаивает на том, что революционные потрясения являлись восстанием нищих. Главную роль в них сыграл экономический кризис, усиленный неурожаем, который вызвал рост цен на зерновые. Опираясь на статистику XVIII в., историк разработал цифровые серии об изменении цен, урожаях, промышленных товарах, торговле. В ответ на традиционные упреки в недостоверности данных источников, Лабрусс защищался ссылками на надежность статистических методов, на закон «компенсации погрешностей», на тесты совпадения. В обществах, где доминирует сельская экономика, неурожай, экстремальный рост цен на хлеб действительно могут спровоцировать системный кризис. Лишь по мере развития экономики вызревает другой, индустриальный тип кризиса, такой, как кризис 1929 г., с другим комплексом причин и следствий.

Модель оказалась действенной и стала настоящей исследовательской парадигмой для трех поколений молодых историков. «Вся французская историческая школа есть школа Лабрусса», – подчеркнул Пьер Шоню. «Мысль Лабрусса так инкорпорирована в нашу практику истории, обработку материалов и концептуализацию дискурса, что... был забыт первоисточник: она стала неотличима, потому что победила»⁶⁸.

В 1955 г., выступая на конгрессе исторических наук в Риме, Лабрусс ясно показал связь своей экономической модели с социальной историей, более явно присоединяясь к начальным ориентациям «Анналов». Его доклад «Новые пути к истории западной буржуазии в XVIII и

⁶⁶ Grenier J.-Y., Lepetit B. L'expérience historique. À propos de C.-E. Labrousse // *Annales ESC*. 1989. № 6. P. 1341.

⁶⁷ Labrousse E. La crise de l'économie française à la fin de l'Ancien Régime et au début de la Révolution. P., 1944. P. 171–172.

⁶⁸ Chaumu P. Conjoncture, structures, systèmes de civilisation // *Conjoncture économique, structures sociales. Hommage à Ernest Labrousse*. P., 1974. P. 21–22.

XIX веках (1700–1850)» дал толчок знаменитым коллоквиумам в Сен-Клу в 1960-х гг., где основным оппонентом приверженцев лабруссовой парадигмы становится другой влиятельный историк, сторонник «институционального» подхода Ролан Мунье.

Марксистскому «экономическому» подходу, защищаемому Лабруссом, Собулем и Домар, Мунье противопоставил тот факт, что социальная иерархия в XVII в. не может быть сведена к профессиональным занятиям или к объемам личных состояний, поскольку все еще базируется на системе феодальных сословий, а не экономических классов.

Дискуссия в Сен-Клу позволила Лабруссу наиболее ясно выразить свой метод. По сути, он развивал видение истории, которое совпадает с подзаголовком «Анналов» – «экономики, общества, цивилизации». Лабрусс с энтузиазмом говорил о новой социальной истории, которая идет рука об руку с обновленной экономической историей и развивающейся социологией. И объектом этой истории – помимо изучения социальных групп и их связей, – является исследование взаимодействий между тремя основными уровнями человеческого бытия: экономическим, социальным и ментальным⁶⁹.

В логике Лабрусса, импульс к развитию чаще всего возникает в наиболее динамичной экономической сфере и передается в область социального, хотя изредка наблюдается и противоположный эффект. Сфера социального, как правило, оказывает сопротивление экономическим новациям. Далее реакция передается в ментальную сферу, где процессы «торможения» нового наиболее сильны, поскольку «ментальность среды меняется медленнее, чем сама среда». Ментальность наиболее консервативна, в этой сфере проявляют себя наибольшие длительности истории, и потому Лабрусс приглашает историков от «движений» повернуться лицом к «сопротивлениям», от «инфраструктуры» к «суперструктуре», от «базиса» к «надстройке». Последовательное и совокупное изучение всех трех уровней человеческого бытия и есть Лабруссова матрица, совпадающая с матрицей вторых «Анналов».

Модель «Броделя-Лабрусса», пережив фазу триумфа, подверглась жесткой критике на рубеже 1970–1980-х гг. и после была предана забвению. Лабрусс умер в 1988 г., незадолго до празднования двухсотлетия Революции, и в новом «Критическом словаре Французской революции», изданном по случаю юбилея, не было помещено ни одной (!) ссылки на его труды. Еще недавно его новаторский подход, казалось, исчез из исторического исследования: менялась идейная конъюнктура, снизилось влияние марксизма на социальные науки, истощилась сериальная история.

Новый, хотя и не всеобщий, интерес к «парадигме Лабрусса» начал просыпаться уже в конце 1980-х гг., начиная с уже упомянутой статьи

⁶⁹ Labrousse E. (*dir.*) Histoire sociale: sources et méthodes. P., 1965. P. 4.

Жана-Ива Гренье и Бернара Лепти «Исторический опыт. По поводу К.-Э. Лабрусса»⁷⁰. Авторы статьи указывали на многие ценные качества исследователя, не присущие прочим участникам и попутчикам движения «Анналов». Он действительно был основоположником «...очень французской историографии по выбору своего объекта, по своему вхождению в институциональный и университетский национальный контекст и по своей роли проводника для многих поколений историков гексагона»⁷¹, — заметила автор интеллектуальной биографии Лабрусса М. Н. Боргетти.

Гренье и Лепти назвали целью обращения к его творчеству стремление «...заставить Лабрусса играть против Лабрусса, и разыскать в первых сочинениях мэтра» ключ к пониманию его методологических изысканий. Авторы отметили скрупулезное внимание Лабрусса не к результатам своего исследования (очень обстоятельно изложенным), а к методу, который позволил их достигнуть.

Сопрягая общую и прикладную методологию, Лабрусс, в отличие от прочих представителей социальной истории, много внимания уделял рефлексии о методе. Однако прикладные аспекты — техники создания и обработки фактологических серий — спрятали фундаментальную теоретическую основу. Фактически ему удалось достичь одновременно гораздо большего количества целей: предложить объяснительную схему Французской революции, установить движение цен и доходов в ходе XVIII в. и, чтобы обеспечить единство проекта, придать сложности частных движений экономической конъюнктуры смысл, порядок и значение⁷². Однако историк не объяснял базовых основ своего подхода, скупно ссылаясь на основателей данной техники А. Афтальяна, прибегавшего к экспериментальному методу, и Симиана, установившего нормы его употребления в истории.

Заслугой этой широко распространившейся исследовательской практики стало изменение самого понятия исторического факта. Экспериментальная история предполагает его скрупулезную конструкцию. Там, где позитивистская история искала «истинный» факт, основное условие провозглашенной объективности, экспериментальная количественная история выделяет факт «чистый», который позволяет конструировать объект и выявлять принцип воспроизводства повторяемых событий — фактор, объясняющий формирование определенной причинно-следственной цепи. Реализуется непреложная закономерность: из разрозненных исторических событий выделяется, на базе однотипных повторяющихся явлений, «чистый» экспери-

⁷⁰ Grenier J.-Y., Lepetit B. L'expérience historique... P. 1337–1360.

⁷¹ Borghetti M. N. L'oeuvre d'Ernest Labrousse... P. 16.

⁷² Grenier J.-Y., Lepetit B. L'expérience historique. À propos de C.-E. Labrousse... P. 1343.

ментальный факт; в итоге определяется объясняющий фактор. При этом все звенья цепи, согласно Лабруссу, сохраняют некоторую внутреннюю автономию, органично располагаясь в собственной исторической среде.

В результате объединения «чистых» фактов, очищенных от шелухи случайных обстоятельств и адаптированных к объекту эксперимента, устанавливается стабильная серия, нейтрализуются все факторы, которые могут поколебать ее однородность. Именно эта особенность «деиндивидуализации» истории дала основу для критики модели, когда она была уже многократно использована и изрядно упрощена эпигонами. Между тем именно Эрнест Лабрусс предостерегал против опасности редуций в историческом исследовании и настаивал на тщательной контекстуализации каждой серии.

Сама по себе, такая задача крайне трудна. «Различение между качественным и количественным, поясняет М. Н. Боргетти, – сопрягается множеством оппозиций: видимость – реальность, описательное – зацифрованное, комментарий – статистика... что предполагает довольно гибкое видение информационных возможностей источника и их обработки. Эта гибкость и это интерактивное использование – цифры не говорят (или говорят плохо) без их контекста, качественное зависит от количественного и наоборот – порывает с довольно жестоким противостоянием, которое иногда характеризует эпистемологические дебаты по этим вопросам»⁷³. Необходимо отметить, что в знаменитых дискуссиях, оспаривавших достоверность социально-экономической истории, которые были открыты Лоуренсом Стоуном и Карло Гинзбургом, возобладали карикатурные определения цифры и количественного⁷⁴.

Реактуализация творчества Лабрусса вызвана во многом поисками научной легитимности в истории и одновременно – пришедшим осознанием того, что всегда существуют границы, за которыми любая модель становится неприемлемой. В определенном смысле, пример Лабрусса может служить образцом методологического построения научной модели, достойным подражания. Она утверждает требование объективности и тщательное построение системы доказательств, где просматривается и четкий принцип демонстрации материала, и постоянная связь между постановкой проблемы и ее решением, и стремление к использованию ясной терминологии⁷⁵.

⁷³ *Borghetti M. N. L'oeuvre d'Ernest Labrousse... P. 167.*

⁷⁴ *Stone L. Retour au récit, ou réflexions sur une nouvelle vieille histoire...; Ginzbourg C. Signes, traces, pistes: racines d'un paradigme de l'indice // Le Débat. 1980. № 6. P. 3–44.*

⁷⁵ *Borghetti M. N. L'oeuvre d'Ernest Labrousse... P. 265.*

2.1.5. Ученики Лабрусса

Лабрусс воспитал целую плеяду учеников, которые применили его модель. С его деятельностью связан расцвет «региональных диссертаций», посредством которых его ученики, в общей сложности двадцать человек, начинали свои блестящие карьеры. В их числе будущие анналисты Пьер Губер, Пьер Вилар, Эммануэль Ле Руа Ладюри, Морис Агюлон, Жорж Дюби, Пьер Шоню, Мишель Вовель, Ален Корбен и другие⁷⁶.

Свою работу с учениками Лабрусс начинал в полном соответствии с рекомендациями историков-методистов: от тезиса к синтезу, от монографии – к коллективному труду. Большую роль в утверждении этой программы, по свидетельству многих, сыграл один из старших его учеников, Пьер Вилар. Впрочем, по сравнению с методистами, просматривались и явные новшества. «В определенной мере, благодаря квантитативному подходу современная история освобождается от господства герменевтических умозаключений, выработанных изначально для древних периодов, которые оставили малочисленные и трудные для дешифровки следы. ... Триумф квантитативной истории установил окончательно идею, что историк не обязан изучать все архивы, которые касаются данного периода или темы. Он должен их выбирать в зависимости от вопросов, которые ставит»⁷⁷, – писал Ж. Нуарьель.

Идеей первого коллективного сочинения, руководимого Лабруссом, стала гипотеза, что экономические кризисы во Франции вплоть до 1870 г. имели смешанную природу, поскольку аграрная культура

⁷⁶ *Goubert P.* Beauvais et les Beauvaisis de 1600 à 1730. P., 1960; *Baehrel R.* Une croissance: la Basse-Provence rurale. P., 1961; *Dupeux G.* Aspects de l'histoire sociale et politique du Loir-et-Cher. P., 1962; *Vilar P.* La Catalogne dans l'Espagne moderne, recherches sur les fondements économiques des structures nationales. P., 1962; *Le Roy Ladurie E.* Les paysans de Languedoc. P., 1966; *Deyon P.* Amiens, Capitale provinciale, étude sur la société urbaine au XVIIe siècle. P., 1967; *Aguillon M.* Pénitants et Francs-Maçons de l'ancienne Provence. P., 1968; *Daumard A.* La bourgeoisie parisienne de 1815 à 1848. P., 1969; *Garden M.* Lyon et les Lyonnais au XVIIIe siècle. P., 1970; *Aguillon M.* La République au village. P., 1970; *Bois P.* Paysans de l'Ouest, des structures économiques et sociales aux options politiques depuis l'époque révolutionnaire. P., 1970; *Duby G.* La société au XIe et XIIe siècles dans la région mâconnaise. P., 1971; *Lebrun F.* Les hommes et la mort en Anjou aux XVIIe et XVIIIe siècles. Essai de démographie et de psychologie historiques. P., 1971; *Fossier R.* Histoire de la Picardie. Toulouse, 1974; *Corbin A.* Archaïsme et modernité en Limousin au XIXe siècle, 1845–1880. P., 1975; *Perrot J.-C.* Genèses d'une ville moderne. Caen au XVIIIe siècle. P., 1975; *Castan Y.* Honnêteté et relations sociales en Languedoc. P., 1975; *Joutard P.* La Légende des Camisards, une sensibilité au passé. P., 1977; *Vovelle M.* Piété baroque et déchristianisation en Provence au XVIIIe siècle. P., 1978; *Chaunu P.* La mort à Paris. XVIe, XVIIe, XVIIIe siècles. P., 1978; *Dupâquier J.* La population rurale du Bassin parisien à l'époque de Louis XIV. P., 1979. Данные приведены по: *Delacroix C., Dosse F., Garcia P.* Les courants historiques en France... P. 166–167;

⁷⁷ *Noiriel G.* Qu'est-ce que l'histoire contemporaine... P. 70;

продолжала играть в экономике важную роль⁷⁸. Эти кризисы сочетали прежние характеристики (повышение цен на сельскохозяйственные продукты вызывало дефицит продовольствия), и современные (кризис сбыта, главным образом, в текстильном секторе). Исследования первых учеников проверяли и уточняли гипотезу.

Другие докторанты Лабрусса образовали более многочисленное направление, формирующее подъем региональной истории. Расцвет ее был вполне закономерным. В провинции множились должности, занимаемые молодыми историками, которых французская образовательная система побуждала начинать свои докторские диссертации параллельно их работе в средней школе. По практическим соображениям, в том числе, из-за близости источников, они часто склонялись в пользу исследований о том регионе, к которому были привязаны работой. К тому же свой заказ формировали и региональные движения, утверждающие свою самобытность через осознание локальной истории и культуры.

Кроме того, хотя сам Лабрусс уделял наибольшее внимание истории цен, его модель вдохновила большое количество исторических исследований экономических организаций и процессов, в первую очередь, истории банков. Б. Жилю удалось доказать более ранее, чем полагал мэтр, появление кризисов современного типа⁷⁹. Работы о процессах индустриализации⁸⁰ отметили новые черты, не характерные для кризисов «аграрного» образца. В кризисах нового типа отмечалось падение, а не рост цен на сельскохозяйственную продукцию, к переходу от фазы А к фазе Б побуждали новые факторы. В частности, в 1882 г. экономический кризис был спровоцирован биржевой паникой, которая привела к банковским потерям и закончилась параличом индустрии.

Необходимо упомянуть также о рождении исторической демографии, которая оказала колоссальное влияние на развитие французской квантитативной истории и в немалой степени способствовала утверждению «матрицы Лабрусса». Расцветом этой новой области исследований историки были обязаны внедрению «метода Флери-Анри».

Его изобрел демограф Луи Анри, профессор Политехнической школы Парижа, который решал свои специальные задачи и изначально был далек от проблематики исторической науки. Пытаясь понять эволюции деторождения в XX в., он нуждался в построении ретроспективного ракурса проблемы и задался вопросом, как восполнить нехватку источников тех периодов истории, когда переписей населения

⁷⁸ *Labrousse E. (dir.) Aspects de la crise et de la dépression de l'économie française au milieu du XIXe siècle, 1841–51. P., 1956.*

⁷⁹ *Gill B. La Banque et le Crédit en France de 1815 à 1914. P., 1959.*

⁸⁰ *Léon P. La Naissance de la grande industrie en Dauphiné (fin du XVIIe siècle – 1869). Gap, 1954; Néré J. La Crise économique de 1882 et le mouvement boulangiste. P., 1959; Bouvier J. Naissance d'une banque: le Crédit Lyonnais de 1863 à 1882. P., 1961.*

еще не проводилось. С помощью архивиста М. Флери Анри открывает источник, который ему позволил восстановить характеристики прежних состояний населения – церковные приходские книги⁸¹. Новый источник и техника его статистической обработки стали незаменимым подспорьем для целого поколения историков. Избранный в 1960 г. профессором университета в Канне, Пьер Шоню так планировал свою работу со студентами: «Я буду им преподавать метод Флери-Анри... Действительным изменением количественной истории будет, в конечном итоге, историческая демография, поскольку ее можно стало считать, и первое, что нужно сделать – это все же посчитать людей. Это историческое ядро»⁸².

Образцовый ученик Лабрусса Пьер Губер начал свою работу о Бове с публикации в «Анналах» статьи о демографических проблемах региона⁸³. В его диссертации «Бове и бовезийцы с 1600 по 1730 гг.»⁸⁴ приходские книги стали основным источником. «Метод Анри» позволил анализировать жизнь народных масс, которые классическая историография, замороженная великолепием Версальского двора, полностью игнорировала. Использование приходских книг подчас приводила к удивительным открытиям, таким, например, как практика позднего брака во Франции Старого порядка. Вопреки свидетельству литературных источников, относительно поздний – 25–27 лет для девушки – возраст вступления в брак был решающим средством контроля рождаемости, повышая планку репродуктивного периода⁸⁵.

Монографии докторантов должны были, с использованием самых современных техник квантитативной истории, иллюстрировать модель Лабрусса. Однако эта исследовательская парадигма, как и всякая другая, имела свои пределы.

Большинство учеников вспоминает об Эрнесте Лабруссе с пиететом. Пьер Губер написал о своем учителе с восхищением: «Он появился как что-то ослепительное, в одном из наиболее унылых залов унылой Сорбонны... Я убежал из Бове на один рабочий день, чтобы поехать его послушать: экономика, статистика, цены и доходы, циклы, интерциклы, движения большой длительности (Бродель еще ничего не изобрел), все основано на живых людях: рантье, тружениках, людях ручного труда, виноградарях... Еще более содержательные, если такое

⁸¹ *Fleury M., Henry L.* Des registres paroissiaux à l'histoire de la population. Manuel de dépouillement et d'exploitation de l'état civil ancien. P., 1956.

⁸² *Chaunu P.* L'instant éclaté. Entretien avec François Dosse. P., 1994. P. 227.

⁸³ *Goubert P.* En Beauvaisis. Problèmes démographiques du XVIIe siècle // *Annales ESC*. 1952. № VII. P. 453–468.

⁸⁴ *Goubert P.* Beauvais et les Beauvaisis de 1600 à 1730...

⁸⁵ *Poussou J.-P.* La démographie historique // *Bédarida F.* (dir.) L'histoire et le métier d'historien en France (1945–1995). P., 1995. P. 328.

возможно, фразы и речь: особый вид красноречия, мастерского, запоминающегося и, однако, достаточно теплого»⁸⁶.

Мишель Вовель также выражал признательность Лабруссу: «Люди моего поколения были разделены, больше, чем это проявлялось, на две команды: лабруссиянцев и бродельянцев. Я был учеником Э. Лабрусса, потому что те, кому было по 20 лет в 50-е годы (я 33 года рождения и прошел агрегацию в 1956), и кто желал встать на путь марксистской истории, или, более широко, истории социальной, были привлечены этим подходом квантитативной истории Лабрусса, и, одновременно, точной социальной историей, поддающейся научной презентации»⁸⁷.

Модель идеально подошла местечку Луар-э-Шер, изучавшемуся Жоржем Дюпё⁸⁸, который намеревался, благодаря статистическим методам и соединению трех уровней, экономического, социального и политического, предложить тотальную историю этого департамента. Целью исследования было установление момента, когда кризисы «низкого потребления» сельскохозяйственного типа сменяются кризисами перепроизводства индустриального образца. Дюпё показал, что изучаемый им регион затрагивался кризисами смешанного типа вплоть до 1866 г., в ходе которых инфляционный рост цен в сельском хозяйстве сочетался с периодами индустриальной депрессии.

Некоторые диссертанты не были полностью удовлетворены содержанием своей работы. Ален Корбен, написавший работу о жителях Лимузена в XIX в., вспоминал: «Эрнест Лабрусс распределял, в действительности, регионы, как это мог бы делать министр внутренних дел. В этом распределении я, значит, получил во владение Лимузен. Речь шла, разумеется, о приложении «лабруссовой» схемы, об изучении социальных структур, потом движения цен, рент, прибылей, жалования, чтобы из этого вывести политическую деятельность и ментальное поведение населения. К сожалению, лимузенцы XIX века почти не поддавались счету. Статистическая ментальность не характеризовала регион»⁸⁹.

Именно в недрах этого поколения историков-лабруссиянцев, включая, прежде всего, самого Корбена, впечатленных квантитативной строгостью, нашлись, после коллоквиумов в Сен-Клу, желающие произвести поворот к истории культурной и антропологической. Неудовлетворенные узкими рамками региональной социографии и технологиями классификации, они модифицировали метод Лабрусса, провозгласив «сериальную» историю, речь о которой пойдет ниже.

⁸⁶ *Goubert P.* Un parcours d'historien. P., 1996. P. 134–135.

⁸⁷ *Vovelle M.* Plutôt labrussien que braudelien... P. 16

⁸⁸ *Dupeux G.* Aspects de l'histoire sociale et politique du Loir-et-Cher...

⁸⁹ *Corbin A.* Désir, subjectivité, l'impossible synthèse // *EspacesTemps*. «Le temps réfléchi». 1995. № 59/60/61. P. 41.

Не будем забывать, что вопреки иллюзии полного доминирования, увлечение количественными методами в истории не снимало традиционных противоречий в университетской среде и не привело к радикальной трансформации исследовательских и педагогических практик в ремесле историка. Идеологическое противостояние французского интеллектуального мира органичным образом сочеталось с разными тематическими и методологическими предпочтениями. Если Лабрусс и связанное с ним движение «Анналов» тяготели к «левому» полюсу французских интеллектуалов, то их противники часто принадлежали к консервативному, католическому крылу, защищая при этом герменевтическую, событийную концепцию истории. Против «Анналов» восстали, в частности, историки нового времени. Желая создать противовес влиянию «Анналов», Шарль-Эдмон Пута в 1950-х гг. возобновил издание «Журнала новой и новейшей истории», и в обращении к читателям впервые упрекнул анналистов в том, они создают карикатуры на прочие исторические течения⁹⁰.

В международных исследованиях третий (наряду с Броделем и Лабруссом) столп французской историографии этого периода – Пьер Ренувен – был также в оппозиции к «Анналам»⁹¹. Именно его направление исследований и тематика останется *de facto* доминирующим в системе образования⁹². Будущий основоположник современной политической истории Рене Ремон в диссертации о специфике общественного мнения не использовал статистических методов⁹³. Наконец, один из самых влиятельных историков, привлекавших демографические методы, Луи Шевалье, который занимался «качественной» демографией, сожалел о том, что при пренебрежении прочими причинами в историческом исследовании рассматриваются только экономические гипотезы, выступая против обычаев абстрактной квантификации⁹⁴.

Однако идейное и институциональное противостояние не исключало плодотворного взаимодействия: Ренувен способствовал созданию Дома наук о человеке и настоятельно советовал своим студентам посещать лекции Броделя, тот, в свою очередь, иллюстрируя идею «*longue durée*», с удовольствием цитировал работу Альфонса Дюпрона о многовековой мифе «крестового похода» в Европе, несовместимую с практиками квантификации. С «Анналами» сотрудничал крайне правый по

⁹⁰ Pouthas C.-E. Présentation... P. 1.

⁹¹ Renouvin P. Histoire des relations internationales. P., 1953–1958. 8 vol. T. 1: Le Moyen Age, 1953.

⁹² Noiriel G. Qu'est-ce que l'histoire contemporaine... P. 135.

⁹³ Remond R. Les États-Unis devant l'opinion française 1815–1852. Saint-Just-la-Pendue, 1962. 2 vol.

⁹⁴ Chevalier L. Classes laborieuses, classes dangereuses à Paris pendant la première moitié di XIXe siècle. P., 1978 (1re éd. 1958).

своим убеждениям и также далекий от количественной истории Филипп Арьес.

Таким образом, впервые понятие времени «большой длительности» употребил в исследовании Франсуа Симиан, распространил среди историков Эрнест Лабрусс, определил и сделал «фирменным знаком» движения «Анналов» Фернан Бродель. Близкий Лабруссу, он часто по-рицал последнего за то, что тот был чересчур «узником событийной истории», и что его «долгое время» экономического цикла слишком коротко – всего около полувека.

С понятием времени большой длительности Бродель связывал и социальную функцию историка, который должен помочь людям освободиться от симптомов, довлеющих над их существованием, и заново «воссоздать» свое прошлое. Эта концепция долгого времени уже превосходила пространство статистики и количественных методов. Но именно взаимодействие перспективы «долгого времени» Броделя и модели Лабрусса дало место сериальной истории, которая, по утверждению одного из ее авторов Пьера Шоню, «обобщает все квантитативные истории», превосходя их.

Введение «*longue durée*», плюрализация исторического времени по схеме, заимствованной у Симиана (структура–конъюнктура–событие), где последнее, короткое время, проходило, как незначительное, таило в себе, в действительности, большую потенциальную опасность. Целостное, спонтанное время истории превратилось в конструкт, потеряло свою долю сакральности, утратило непосредственную связь с искусством датировки и прочими атрибутами исторического метода, а значит, перестало быть монополией историков.

Ответ Броделя структурной антропологии, направленный на удержание историей главенствующего среди гуманитарных наук положения, имел разноречивые последствия, которых «папа истории» предвидеть не мог. История сохранила центральное место в социальных науках, но ценой метаморфозы, которая повлекла за собой радикальные перемены. Не сумев дестабилизировать историю как институт, Леви-Стросс трансформировал ее «изнутри», оживив те сюжеты, которые «первые» и «вторые» «Анналы» отвергали: династические союзы, отношения родства и брака, элементарные повседневные навыки. Сформировался настоящий перекресток гуманитарного знания, уничтоживший оппозицию некогда непримиримых полюсов. История сделалась антропологической, антропология – исторической. Следует признать, что, по иронии судьбы, Фернан Бродель, часто выражавший недовольство тематическими и методологическими ориентациями третьего поколения «Анналов», сам, не желая того, подготовил изменения исторического дискурса.

2.2. «ТРЕТЬЕ ПОКОЛЕНИЕ» «АННАЛОВ» ИЛИ «НОВАЯ ИСТОРИЯ»

2.2.1. Новый социальный контекст и «Новая история»

В конце 1960-х – 1970-е гг. движение «Анналов» переживало свой «золотой век», если считать мерилом успеха всевозрастающую, приобретающую мировой масштаб аудиторию почитателей, которые открывали для себя многочисленные произведения наследников легендарной традиции. Это обширное историографическое производство получило название (и самоназвание) «Новой истории»⁹⁵. Настаивая на новизне своих начинаний, «третьи Анналы» подчеркивали революционный по размаху обновлений характер исследований и преемственность с первыми полемическими манифестами Февра, противопоставившими традиции «историзирующей истории» свое видение «новой исторической науки», основанной на конструировании гипотез и междисциплинарном сотрудничестве⁹⁶.

Французская «новая история», по справедливому наблюдению И. Олабарри, может рассматриваться и как часть более широкого общеевропейского формата институционализации национальных исторических школ, которые, отождествляя свою деятельность с идеей научной новизны и акцентируя свое отличие от сторонников «ранкеанской парадигмы», существенно изменили исследовательские практики историков во второй половине XX в.⁹⁷

«Новая история» 1970-х гг. определяла свой объект исследования, подтвердив неприятие «трех идолов» традиционной истории: политического, индивидуального и «поиска истоков», что также указывало на связь с программой «первых Анналов». Явной инновацией по отношению к последним была приверженность «концептуальным формам истории», конструированию логических гипотез, предшествующих работе с источниками. Одновременно «Новая история» приветствовала в своих манифестах все революционные начинания в исследованиях, стремясь, не без воздействия идей Мишеля Фуко, осуществить подлинный «эпистемологический разрыв» с предшествовавшими ей формами знания.

Сформулировав собственную стратегию исследований, опирающуюся, в самом общем виде, на достижения и просчеты практик струк-

⁹⁵ *Le Goff J., Chartier R., Revel J. (dir.) La Nouvelle Histoire...* Это издание – энциклопедия-манифест современных направлений развития исторической науки в духе «Анналов».

⁹⁶ *Февр Л.* История или политика России? // *Февр Л.* Бои за историю... С. 54–61; *Он же.* История современной России // Там же. С. 62–66; *Он же.* Историзирующая история // Там же. С. 67–71.

⁹⁷ *Olabarri I.* «New» New History: a Long Duree Structure // *History and Theory.* 1995. Vol. 34. № 1. P. 1–29.

турализма в гуманитарных науках, «новая история» нашла способ сочетать изучение постоянств, свойственных структурам, с исследованиями хронологических трансформаций.

Для понимания ориентиров «Новой истории» необходимо оценить социальный и идейный контекст эпохи. К рубежу 1960–1970-х гг. все гуманитарные среды были захвачены интеллектуальной модой на этнологию. Неподдельный интерес вызывали другие цивилизации, их резистентность по отношению к структурам и идейным константам западного общества. Полновесные экзотические образы Другого, подъем колониальной истории, осознание многообразия ценностных ориентаций человечества подтачивали привычные европоцентрические схемы. В «этнологическом повороте» гуманитарных наук можно усмотреть и следствия социально-политических сдвигов: в начале 1960-х гг. Французская империя потеряла свои владения в черной Африке, проиграла войну в Алжире. Западные интеллектуалы, в большинстве своем «левые», стремились поддержать антиколониальную борьбу «третьего мира»⁹⁸, и их фокус восприятия от прошлого, по преимуществу, Европы постепенно перемещался к рубежам экзотических для европейца пространств.

Возвращаясь в метрополию, профессиональные этнологи с удивлением обнаружили в сознании и быте западного общества свои «внутренние колонии», «островки дикости», архетипы культуры, неподвластные переменам. Антропологический дискурс об инвариантах бытования «холодных обществ» покинул тропики, утверждаясь в умеренных широтах Северной Атлантики. Свежесть и острота этого восприятия, позволяющего обнаружить сгустки прошлого в современной жизни, экзотизм внутри самих себя быстро покоряли соседние дисциплины⁹⁹. Появились новые междисциплинарные проекты по проблемам народной памяти, руководимые историками. Характерным примером является исследование в Плезеве, возглавляемое Андрэ Бюргьером¹⁰⁰, где местное бретонское население сообще изучалось различными социальными науками.

Другим фактором влияния на французскую историографию является смена рыночной конъюнктуры, произошедшая в начале 1970-х гг.: общий экономический рост истощился, уступая место мировому кризису, ввергнушему индустриальный мир в состояние спада, инфляции и безработицы. Категории рентабельности и рациональности.

⁹⁸ *Sévilla J. Les coloniaux, ces criminels // Sévilla J. Le terrorisme intellectuel. P. 2004. P. 34–50.*

⁹⁹ «Историк-анналист надевает ботинки этнолога», – цитата из: *Delacroix C., Dosse F., Garcia P. Les courants historiques... P. 197.*

¹⁰⁰ *Burquière A. Bretons de Plouzévet. P., 1975.*

некогда вдохновлявшие поколение Лабрусса, потеряли свою привлекательность. Запад открыл для себя потаенный шарм древних времен, ностальгию о потерянном веке, о «прекрасной эпохе», закончившейся с началом Второй мировой войны. Заимствуя у этнологов инструменты анализа, историки пытались выведать у прошлого самые сокровенные тайны, традиционно не обсуждаемые в историографии. Носителями смысла стали «изгнанные» объекты, воскрешая в исследованиях девиантные социальные группы: средневековых маргиналов, волшебников, сумасшедших.

Историк утратил чувство становления, перспективу общественного развития, замыкаясь в неподвижном настоящем: «Есть знак, который я нахожу обнадеживающим... Это конец прогрессизма», – выразился о современной эпохе Филипп Арьес, сторонник французского Алжира и человек крайне правых убеждений¹⁰¹. Пытаясь приобщиться к доиндустриальным культурам, историки игнорировали эпохи больших перемен и сосредотачивались на повседневной памяти «маленьких людей». Это исследование стало более персональным, более локальным, в нем редко появлялись коллективные инициативы.

Специальные тематические номера «Анналов» позволяют уловить смену перспективы¹⁰², отметили К. Делакруа, Ф. Досс и П. Гарсиа. Если в 1950-х гг. взгляд редакторов был прикован к основам роста, техническим сдвигам, преобразованиям, то в 1970-е гг. на первый план вышли традиционализм, инертность, сопротивляемость социальных систем. Так, специальный номер «Анналов» о Латинской Америке, вышедший в 1948 г., комментировал, с позиций европейской рациональности, факторы социально-экономического роста в динамичных Бразилии, Аргентине и Мексике, оставляя за гранью рассмотрения социально инертную континентальную часть Андов. Статьи повествовали о трафиках, портах, коммерции, прибрежной зоне, воспринимаемой как продолжение Европы. Спустя ровно тридцать лет «Анналы» вновь обратились к теме Латинской Америки, и рассмотрели прошлое континента сквозь призму антропологического подхода. Показательная в плане выбора ракурса статья Натана Ваштеля, к примеру, демонстрировала традиции империи Инков в контексте колонизации, феномены аккумуляции, символические репрезентации.

Похожая эволюция наблюдается и в специальных номерах об Италии. В 1950-х – в центре внимания находились торговые итальянские города, процессы роста, обмена, развития капитализма, в середине 1960-х – акцент был перенесен на патриархальный мир земли, сопротивляющийся переменам.

¹⁰¹ Ariès P. Historien du dimanche. P., 1979. P. 212.

¹⁰² Delacroix C., Dosse F., Garcia P. Les courants historiques... P. 198–199.

Май 1968 года: событие-разрыв

Из событий социального характера необходимо отметить влияние на дискурс гуманитарных наук французской «революции мая 1968 г.», во многом предопределившей максимализм и броскость теоретических манифестов истории первой половины 1970-х. В ходе социальных потрясений 1968 г., начавшихся со студенческих волнений в Нантерре, все механизмы культурной репродукции западного общества – семья, школа, медиа – были поставлены под сомнение. Франция переживала глубокий, как тогда казалось, разрыв с предшествующей траекторией своего развития, который невозможно игнорировать, рассуждая о любых нововведениях данного периода. Долгие годы упоминание «Май 1968» служило лишь «фигурой умолчания» для обозначения недавнего социального бунта, без серьезного анализа его последствий. И лишь празднование тридцатилетней годовщины этого события вызвало во французской историографии и публицистике новую, рефлексивную разработку темы. Автор книги «Май 1968. Невозможное наследие» Жан-Пьер Ле Гофф¹⁰³ и его издатель Франсуа Жез в беседе, проведенной в 1998 г. журналом «Ле Деба», обсуждали «неосознаваемое наследие, которое проходит через поколения и даже политические объединения»¹⁰⁴, превращая легендарное и уже подзабывшееся событие в значимый рубеж национальный памяти.

С точки зрения автора книги, май 1968 г. был вытеснен из общественного сознания так, как будто его никогда и не было. 1980-е гг. стали «либерально-анархистскими», бывшие левые становились успешными правыми, французская общественная мысль сделала кардинальный поворот в сторону нового социального конформизма, не осмыслив критически предшествующий период. На рубеже 1960–1970-х гг. повальное увлечение французской интеллигенции марксистскими и революционными идеями закончилось полным провалом их политического проекта и странной амнезией самих обстоятельств происходившего.

Подобная коллизия произошла потому, полагают участники интервью, что французские интеллектуалы так и не освободились от прежних стереотипов сознания. «Посмотрите на тех, кого называют «новыми философами»: они сожгли то, что они некоторое время назад обожали, содержание их дискурса перевернулось, но остался тот же самый способ мысли и схематического дискурса, тот же тип проклятия, что и у гошцизма¹⁰⁵, который жаждет искупления»¹⁰⁶. Рассуждая о специфике

¹⁰³ *Le Goff J.-P. Mai 68. L'héritage impossible. P., 1998.*

¹⁰⁴ *Mai 68: de la commémoration au retour critique. Entretien avec François Gèze et Jean-Pierre Le Goff // Le Débat. 1998. № 100. P. 135.*

¹⁰⁵ От фр. «le gauche» – левый.

¹⁰⁶ *Ibid. P. 140.*

движения левых, столь значимого для интеллектуальной жизни Франции 1950–1970-х гг., авторы выделили в нем политическое – немного театральное, демонстративно революционное и истощившее себя к концу обозначенного периода, и культурное движение – стремление жить по-другому, культивировать новые ценности человеческой жизни и поведения, касалось ли это сферы отношений, бизнеса или природы. Культурный гошизм реализовался, но ценой деполитизации общества и утверждения в нем фигуры индивидуалиста, который часто пренебрегает принятыми во Франции формами гражданского действия.

Авторы считают идеологами этого движения философов, пришедших с разных горизонтов структурализма – Альюссера, Фуко, Делеза. Так, читатели Фуко усвоили из его книг не необходимость рационально размышлять о деятельности государства, или о социальных группах, подавленных обществом, но пришли к отрицанию самой необходимости государства как репрессивного аппарата. «Мы стали неспособны понимать место и статус Государства как гаранта цивилизованности общества и социальной связи с культурой, которая у нас есть. Это отрицание государства продолжается в следующем периоде и питает логически это либерально-анархистское течение»¹⁰⁷. Фантасмагория и неприятие власти, радикальное утверждение автономии, которая разрушает опоры управления, не может больше позиционироваться как самодостаточная, поскольку любая автономия зиждется на оппозиции и самоопределении. В итоге создается общество «индивидов в процессе вечного блуждания».

Таким образом, Франция мая 1968 г., утверждавшая радикальное изменение в отношениях со «старым миром», сумела преодолеть кажущийся разрыв, итогом которого стало лишь некоторое раскрепощение общественного сознания, включая сферу гуманитарных исследований. Историки Жак Ле Гофф и Никола Русселье прямо указывают на май 1968 г. как причину трансформации исторического дискурса 1970-х гг.¹⁰⁸

Социальный протест против общества потребления позволил задаться вопросом о конкретных формах материальности прошлого. Политическая власть переживала перемены на уровне повседневной жизни, моральных устоев, семейных отношений, социальной роли женщин. Демократизировалась законодательная сфера, было введено избирательное право с 18 лет, уравнивались права в браке, издавались законы о контрацепции и абортах. Новые исследования стремились выявить историческую глубину этих трансформаций, занимаясь вопросами функционирования семьи, социальной роли и образа ребенка, воспитательных и карательных механизмов в обществе, методах регу-

¹⁰⁷ Ibid. P. 145.

¹⁰⁸ *Le Goff J., Roussellier N. Préface // Bédarida F. (dir.) L'histoire et le métier d'historien en France 1945–1995... P. 12.*

лирования рождаемости. Новая свобода поведения, быстро получившая ярлык «сексуальной революции», расширила границы исследования за счет истории тела, запахов, гигиены, любовных отношений. Процессы урбанизации, в считанные десятилетия уничтожившие традиционный крестьянский уклад, подъем регионального и экологического движений в 1970-е гг. также подпитывали интерес к средневековью и традиционному обществу Франции.

«Поколение, разочарованное историей»

Питер Берк справедливо пишет о крайнем тематическом разнообразии «третьего поколения» «Анналов», в котором ни одна из позиций не доминирует явно, где одни историки, следуя заветам Люсьена Февра, пишут «историю чувств» – праздников, страха, смерти, воображаемого, – другие ею пренебрегают, возвращаясь к политической истории и истории событий, некоторые практикуют количественную историю, другие борются против нее¹⁰⁹. Однако, если посмотреть на «третьи Анналы» с точки зрения его социально-психологических характеристик, выявляется их примечательное единство, не характерное для знаменитого движения ни до, ни после них.

О третьем поколении, как о наиболее многочисленном и социально однородном в истории «Анналов», пишет Д. Джемелли¹¹⁰. Эта генерация историков, чаще всего получавших образование в кузнице национальных элит – Высшей нормальной школе, на рубеже 1940–1950-х гг. была отмечена идеологией самого непримиримого сталинизма. К 1960-м гг. после венгерских событий¹¹¹ поколение переживало жестокое разочарование в революционной идеологии и последующую идейную депрессию, напроочь отбившую у многих желание заниматься абстрактным социальным теоретизированием, о чем ясно написал Франсуа Фюре¹¹². «Пражская весна» 1968 г., восприятие работ Александра Солженицына, и, наконец, ввод советских войск в Афганистан закрепили неприятие марксизма-ленинизма. Потеря идеологических ориентиров у этого поколения была усилена процессами деколонизации, потрясающими устои привычного мира метрополии, что предопределило крайнее разнообразие ценностных ориентаций и направлений в исследованиях. И все же именно анналисты данного поколения впоследствии образовали одновременно дружескую и идеологическую сеть влияния, отличающуюся высоким уровнем внутренней сплоченности.

¹⁰⁹ *Burke P.* The French Historical Revolution: the Annales School... P. 66.

¹¹⁰ *Gemelli G. Fernand Braudel...* P. 164.

¹¹¹ Подавление Советским Союзом антисоветского мятежа в Венгрии в 1956 г.

¹¹² *Furet F.* Les Intellectuels français et le Structuralisme // *Preuves*. 1967. № 192.

Поначалу именно революционная активность толкала юных историков осуждать любые проявления американского империализма во французской культуре, что оборачивалось нападками на Броделя и его политику. В определенном смысле, их действительно можно назвать «поколением, разочарованным историей»¹¹³. Проект «тотальной истории» для большинства людей, видевших крах идеологий и кризис национальной культуры, неразрывно связанной с самим образом истории, оказался неубедительным и в принципе невозможным. «Третье поколение» сместило хронологическую перспективу, свойственную ранним «Анналам», к более поздним эпохам, и почти никто из них не увидел в творчестве Броделя новую перспективу синтеза. Значительная их часть были диссертантами Лабрусса, и лишь очень малое число «новых историков» считало себя учениками Броделя. Как правило, к последним относили себя слушатели его первых семинаров в Шестой секции Высшей практической школы и курсов по агрегации, такие как Фредерик Моро, Пьер Шоню, Ругьеро Романо и Марк Ферро, не говоря уже о многих иностранных учениках. Отдавая мэтру должное, самые влиятельные представители «Анналов», такие, как Ле Гофф или Ле Руа Ладюри, оказались в орбите его непосредственного влияния уже состоявшимися историками и не могут рассматриваться как его идейные потомки.

Сам Бродель в многочисленных интервью последних десяти лет жизни жаловался на интеллектуальное одиночество. Да и его преемники не стремились завуалировать произошедший идейный разрыв – даже в некрологе, ему посвященном, редакция «третьих Анналов» отметила, что Бродель развивал проект глобальной истории, интегрирующий вклад всех гуманитарных наук, а они посвятили себя более локальным экспериментам, которые выполняются на основе прикладных методик и междисциплинарных достижений.

Этот же «эффект рассеивания» можно наблюдать и на институциональном уровне. Никто из историков «третьих Анналов», снискавших, как поколение, лавры невероятной известности, не поднялся до высот «папы» истории. Движение «Анналов» безнадежно утратило президентство в жюри по агрегации, позволявшее оказывать определяющее влияние на преподавание истории в школе, а любимое детище Броделя – Дом наук о человеке – утверждался как институт хоть и влиятельный, обладающий статусом государственного значения, но вполне автономный, не имеющий «имперских» амбиций своего родоначальника.

К началу XXI в. Дом наук о человеке окружен целой сетью, насчитывавшей во Франции восемнадцать филиалов¹¹⁴. Все они отличаются разной структурой, имеют различную тематическую направленность,

¹¹³ Gemelli G. Fernand Braudel... P. 165.

¹¹⁴ См. приложение 1.

подчиняясь нескольким базовым принципам, закрепленным в Хартии Дома наук о человеке. Они группируют исследователей разного профиля вокруг определенного проекта, поощряя самую широкую междисциплинарность; побуждают к развитию новаторские начинания, уделяют большое внимание молодым ученым, стимулируют связи между исследованием и преподаванием, стремятся к развитию крупных интернациональных и коллективных инициатив¹¹⁵.

Таким образом, Дом наук о человеке сумел сохранить в качестве основных принципы научной организации, сформулированные некогда Февром и Броделем: коллективность, дисциплинарность, инновационность. Однако биографы Броделя обвиняют «третье поколение» в растрате щедрого броделева наследства, вся сложность которого имела не столько интеллектуальную, – учитывая отсутствие настоящей школы учеников, подобной Лабруссовой, – сколько стратегическую природу, давшую замечательный импульс развитию гуманитарных наук. «...Бродель оставил в наследство своим преемникам целый мир. Эти последние, разве смогли они разыскать дорогу большой истории? Или преуспели, по крайней мере, сохранить контроль над культурным макрокосмом, который, как макрокосм глобальной экономики, кажется подчиненным процессу полицентричной дифференциации?»¹¹⁶, – риторически вопрошает Д. Джемелли.

2.2.2. Исторический материализм и «новая история»

Несмотря на все перипетии политической жизни, необходимо отметить то несомненное и принудительное влияние, которое оказал исторический материализм на формирование личностей «новых историков» и их исследовательские стратегии.

В 1950-х гг. многие историки отождествляли свою судьбу с Французской коммунистической партией, политическая мощь которой способствовала распространению марксизма. Как анекдот во французской историографии пересказывается история экзамена по агрегации 1952 г., в котором принимали участие в основном молодые члены партии – Клод Меслиан, Пьер Дейон, Жан Дотри, Жан Николя, Франсуа Фюре, Робер Бонно, Жак Шамба, Дени Рише, Эммануэль Ле Руа Ладюри. Во время подсчетов результатов Фюре и Шезно с юмором заметили, что надо было все-таки оставить несколько мест для буржуазии¹¹⁷.

До 1960-х гг. марксизм проникал в историческую дисциплину через экономическую историю, часто (но отнюдь не всегда) соединяя в дис-

¹¹⁵ Хартия Дома наук о человеке. Режим доступа: <http://www.unicaen.fr/mrsh/reseaumsh/msh.php>. 16.04.07.

¹¹⁶ Gemelli G. Fernand Braudel... P. 168.

¹¹⁷ Delacroix C., Dosse F., Garcia P. Les courants historiques... P. 189.

сертациях ссылки на политэкономия Маркса и «Анналы». Характерным примером являются работы Жана Бувье о банке «Лионский кредит» или Пьера Вилара о Каталонии в эпоху Нового времени в начале 1960-х гг. Постепенно границы такой «сдвоенной» истории расширялись, передвигаясь от изучения «базисных» исторических оснований – экономической инфраструктуры, к «надстроечным» – ментальной суперструктуре. Начиная с 1970 г., интеллектуальный еженедельник ФКП «Ле нувель критик» регулярно публиковал беседы с историками, которые одновременно выступали как новаторы своей профессии, ассоциируемые с «Анналами», и марксисты – Жаном Бувье, Робером Мандру, Пьером Левеком, Ги Буа, Жоржем Дюби.

Утверждение марксизма в исторических исследованиях проходило под большим влиянием философа Луи Альтюссера, который в 1961–1962 учебном году вел семинар о молодом Марксе в Высшей нормальной школе Парижа. В следующем году он развил тему, размышляя о генезисе структуралистской мысли и обнаруживая несомненную преемственность между Монтескье, Марксом, Леви-Строссом и Фуко. В 1964 г. он ориентировал свой семинар на коллективное прочтение «Капитала» Маркса, по итогам которого были изданы коллективная публикация «Читая "Капитал"»¹¹⁸ и сборник статей самого философа¹¹⁹.

Эти семинары стали прибежищем свободы, где криковались и традиционный университетский истеблишмент, и деятельность компартии Франции. В этот период структурализм по всем фронтам – от литературоведения до социологии – превратился в средство обличения во имя научной строгости «власть предрержащих», «темных сил», которые угнетают массы «доминируемых». Альтюссер к этой структуралистской программе добавил свое прочтение классика исторического материализма, акцентируя тот факт, что Маркс пережил в 1845 г. серьезный эпистемологический разрыв, разделивший творчество «молодого» мыслителя, еще приверженного гегельянскому идеализму, и «зрелого», «научного» автора судьбоносной теории, превратившей марксизм в подлинную «науку научности наук». Таким образом, Альтюссер усматривал в марксизме начало всех структуралистских концепций, от Фрейда до Соссюра, стремясь обобщить, наконец, все формы современной рациональности в едином философском синтезе.

Среди молодых слушателей-историков у Альтюссера нашлись оппоненты. Даже самые последовательные приверженцы марксизма в третьем поколении «Анналов» усвоили практику творческого, а не догматического понимания детерминистических схем. В русле марксизма работали Мишель Вовель и Робер Мандру, специалисты по истории

¹¹⁸ Althusser L. (dir.) Lire le Capital. P., 1965.

¹¹⁹ Ibidem. Pour Marx. P., 1965.

ментальностей, и Пьер Вилар, которые стремились через конкретно-историческое исследование адаптировать к своим задачам концептуальную схему марксизма.

В специальном разделе «Марксистская история, история в процессе создания» знаменитого трехтомника «Заниматься историей»¹²⁰, разъяснявшего методологические позиции «третьих Анналов», Пьер Вилар напомнил читателям, что сам Маркс не был историком, и что его глобальные умозаключения исторического порядка помещались в перспективу мышления экономиста. Следовательно, эта схема не может служить готовой моделью для решения задач историка, она требует дополнительного осмысления и адаптации. С точки зрения автора, интеллектуальное наследие Маркса хорошо коррелирует с традицией «Анналов», сделавших своей особенной чертой квантификацию данных, помещение фактов в широкий пространственный контекст, проект тотальной истории. Необходимо лишь проверять теоретические понятия практикой, не впадая в крайности идеализма или эмпиризма.

В испанском богословии XVI в. Вилар находит зарождение макроэкономической теории, показывая этим примером, что лишь в исторической перспективе возможно объединение социальных наук. Через историзацию различных данных человеческой жизни, через последовательное наблюдение конкретных изменений, марксизм делает такой синтез возможным¹²¹. Вилар не разделял преувеличенного сциентизма интерпретаций Альтюссера: «Я не верю, что марксизм был в моем образовании историка политико-моральным условием *a priori* и, еще меньше, слепым законом. Мой выбор был, скорее, выводом из моего исследования, а не являлся его отправной точкой. Полвека наблюдений за миром мне внушили, что идеологические, по существу, иногда доходящие до одержимости предубеждения гораздо в большей степени сообщаются интеллектуальными антимарксистскими конструкциями, чем марксистскими»¹²².

Ги Буа в диссертации исследовал кризис феодализма на примере аграрной экономики и демографии средневековой Нормандии¹²³, рассматривая его как глобальный кризис общества. Историк использовал здесь методологию «обратного перевода», предусматривающую три уровня анализа. Сначала «макроэкономически» изучаются крупные экономические и демографические параметры, чтобы выделить основные результаты, не фиксируясь на механизмах. Второй уровень

¹²⁰ Vilar P. Histoire marxiste, histoire en construction // Le Goff J., Nora P. (dir.) Faire de l'histoire. P., 1974. 3 t. T. 1. P. 169–209.

¹²¹ Ibidem. Une histoire en construction: approche marxiste et problématiques conjoncturelles. P., 1982. P. 382–425.

¹²² Ibid. P. 9.

¹²³ Bois G. Crise du féodalisme : économie rurale et démographie en Normandie du début du XIVe siècle au milieu du XVIe siècle. P., 1976.

«микроанализа» исследует социальные связи и производственные отношения между отдельными секторами экономики. На третьем этапе происходит возврат к хронологии демографической и экономической эволюции в рассматриваемый период и вносятся необходимые уточнения. Автор предостерегал лишь против механического упрощения задачи и «методологически неприемлемого» соскальзывания с уровня описания на уровень объяснения¹²⁴.

В разделе «Марксизм и Новая история» энциклопедии «Новая история» Ги Буа утверждал, что последняя как раз и развивает центральные тезисы исторического материализма: Маркса можно рассматривать как первого в истории практика количественных методов, добравшегося до самых глубин экономической структуры человеческого общества. Квантитативная история Лабрусса была многим обязана Марксу, а такие термины, как «способ производства» или «идеология» прочно вошли в профессиональный обиход¹²⁵.

Симптоматически был отмечен марксизмом и путь Жоржа Дюби, продвигавшегося от изучения экономики, через социальное – к воображаемому. Все три параметра для него неразрывно связаны: «Общество формирует целостность. Я не считаю возможным отделять политическое от экономического или от культурного. Это такое соединение, которое обязывает собирать все виды информации»¹²⁶. Дюби находил понятие феодализма плодотворным и адекватно обобщающим социально-экономические структуры Средневековья и утверждал, что рост производительных сил был детерминирующим фактором в становлении феодальных экономических классов¹²⁷.

Принадлежность к определенному типу производства он объяснял также фазы роста и стагнации в экономике. Например, он связывал крушение монархии Каролингов с невозможностью обеспечить развитие производительных сил, конъюнктурой недостатка денежной массы, локально замкнутыми типами социальной организации.

Однако Дюби сомневался в функциональности упрощенной схемы, подразделяющей общество на «базис» и «надстройку», отметили К. Делакура, Ф. Досс и П. Гарсия¹²⁸. На его взгляд, самые примечательные объекты исторической практики располагаются на уровне взаимодействий, не поддающимся простым причинно-следственным объяснениям. В каждый конкретно-исторический период существуют бесчисленные и неразделимые соединения ментального и материаль-

¹²⁴ Ibid. P. 387.

¹²⁵ *Ibidem*. *Marxisme et Histoire nouvelle // Le Goff J., Chartier R., Revel J. (dir.) La nouvelle histoire...* P. 375.

¹²⁶ *Duby G. L'exercice de la liberté // Magazine littéraire. 1982. № 189.*

¹²⁷ *Ibidem*. *Guerriers et paysans. P., 1973.*

¹²⁸ *Délacroix C., Dosse F., Garcia P. Les courants historiques en France...* P. 387.

ного. Отношения производства являются фундаментальной нормой, но сфера социальных отношений также способна повлиять на экономику. Если в средневековом обществе утверждается модель расточительного потребления для аристократии, то это неизбежно стимулирует производство роскоши и усиливает социальную роль торговцев. Равным образом, узы родства являются основой феодального общества – Дюби замечал, что большинство социальных метафор Средневековья безостановочно отсылают к семье¹²⁹. Налоговое бремя объяснялось автором в контексте концепции взаимных даров Марселя Мосса, созданной для характеристики общества, еще не имеющего денег.

Таким образом, чтобы «восстановить» определенный сектор прошлого, необходимо использовать самую разнородную информацию. Дюби стремится извлекать из марксизма познавательную ценность, не признавая никаких политических обязательств.

Столь же творчески к интуициям Маркса подходил Мишель Вовель. В книге «Идеологии и ментальности»¹³⁰ он ввел различие этих двух понятий. Марксистской конструкции термина «идеология», как концептуализированного отражения практики, Вовель противопоставил свое видение ментальности как более сложного, спонтанного и неопределенного эмпирического феномена. Он изображал два измерения, как дополняющие друг друга, и искал пути их соединения. История ментальностей в видении Вовеля не превращается в подход по изучению идеологии, но всячески стремится к возможному расширению поля исследования.

Даже после краха всех политических иллюзий большинство «новых историков», так или иначе, были отмечены наследием марксизма, позволяющим, при всем многообразии и дробности сюжетов, сохранять общие ориентиры тотальной истории. Филипп Кэррэд, исследуя поэтику (коды, процедуры и правила в построении текста) литературного производства «Новых историков», отмечает, что терминология Маркса прочно, хотя и подспудно, встроилась в систему мышления анналистов. Авторы заимствуют его понятия («классы», «производительные силы», «идеология» и т.д.), но помещают в кавычки. Такой скрытый способ цитирования противоречиво обозначает как структурированное по Марксу пространство смысла, так и дистанцию автора, принятую в отношении данной схемы¹³¹.

2.2.3. Эгоистории – автопортрет «третьего поколения»

Незаменимым подспорьем для социальной характеристики «третьих Анналов» стал проект, осуществленный Пьером Нора в издательстве «Галлимар» – «Эссе эгоистории», который собрал автобиографии

¹²⁹ Duby G. Dialogues, entretiens avec Guy Lardreau. P., 1980. P. 180.

¹³⁰ Vovelle M. Idéologies et mentalités. P., 1992.

¹³¹ Carrard P. Poétique de la Nouvelle histoire... P. 177–178.

ведущих историков поколения¹³². По сути, за несколькими исключениями, со времен Жюлья Мишле французская историография не поощряла амплуа яркой субъективности автора, стремясь к научной строгости. По замыслу создателя, «эгоистории» должны были сформировать портрет его сверстников – целого поколения историков, которые родились во второй половине 1920-х гг., учились накануне или вскоре после Второй мировой войны, сочетая в себе традиции Сорбонны и «Анналов», и были отмечены тенью, отбрасываемой «холодной войной». Не только как историкам, но и как свидетелям своей эпохи, им предстояло по возможности искренне определить собственное место в истории¹³³.

Личные истории Мориса Агюлона, Пьера Шоню, Жоржа Дюби, Жака Ле Гоффа, Пьера Губера, Мишель Перро (единственной женщины среди авторов), Рауля Жиранде и Рене Ремона (всего лишь двух авторов, не связанных с «Анналами») снискали отклик как во французской историографии¹³⁴, так и в зарубежной¹³⁵.

В дискуссии, организованной в 1988 г. журналом «Ле Деба», говорилось о стремлении редакторов оценить новый жанр, дающий личное свидетельство одного интеллектуального поколения и позволяющий измерить глубину различия между отдельными поколениями в профессии.

Франсуа Досс¹³⁶ оценил эгоистории как возвращение того вытесненного, нереализованного потенциала автора, который образовался в сциентистскую эпоху. В этот момент само сознание человека, пользуясь метафорой Леви-Стросса, считалось «препятствием для наук о человеке». Возвращение автора Досс связал с общим подъемом биографии, рефлексии об индивиде, дающей место «парадигме методологического индивидуализма», и назвал книгу попыткой диалога «индивидуума-историка» со своим временем. Через эти индивидуальные ретроспекции можно пережить существование поколения, сообщества историков, которые показывают одновременно свою принадлежность к профессиональной корпорации и приверженность различным жизненным позициям.

Досс отметил несомненный разрыв опыта с более молодым поколением историков, для которого хуже складывалась кадровая ситуация, большинство было вынуждено работать в школе, что оставляло мало времени для научных занятий. Поколение «эгоисториков» имело боль-

¹³² *Nora P. (dir.) Essai d'ego-histoire...*

¹³³ *Трубникова Н. В.* Эгоистории как автопортрет «третьего поколения» французской исторической школы «Анналов» // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2011. № 1 (7). С. 182–185

¹³⁴ *Autour de l'ego-histoire // Le Débat.* 1988. № 49.

¹³⁵ *Popkin J.* Historians on the Autobiographical Frontier // *American Historical Review.* 1999. № 104 (3). P. 178–183.

¹³⁶ *Dosse F.* Une égoïstoire? // *Le Débat.* 1988. № 49. P. 122–124.

ше исследовательских возможностей и обладало большим влиянием в средствах массовой информации. Однако они были обязаны выполнять «...этот обязательный обряд посвящения, каким была монументальная диссертация, обрекающая на аскезу в течение, как минимум, десяти лет».

Автор обратил внимание на разнообразие политических пристрастий у «эгоисториков». Однако все они были «отмечены коммунизмом» и покончили с ним, «страстно желая сжечь то, чему были привержены вчера». В отличие от них, следующее поколение отчетливо понимало репрессивный характер советской системы и не испытали подобного идейного кризиса.

Итак, эгоистории представлены, в основном, третьим поколением «школы Анналов». В воспоминаниях легко обнаруживается важность двух харизматических фигур, которые доминировали во французской историографии: Эрнеста Лабрусса, чье значение неизвестно широкой публике из-за факта его дистанцированной связи с Анналами, и Фернана Броделя, который, напротив, выполнял центральную роль устроителя, распределяющего власть среды «Анналов», «посвящающего в рыцари». Измерение этой «зоны Анналов» обнаруживается на каждом шагу эгоисторий, она предстает как интеллектуальная сеть, сеть солидарности, источник групповой идентичности. Даже те среди авторов, кто остались внешними для «Анналов», – Рауль Жирарде и Рене Ремон – признают их притягательность. «Анналы» представляют собой своеобразный полюс сообщества историков, «третий путь», проложенный сквозь традиционную бинарную связку «левых-правых». «Позади индивидуальных путей, – заключает Франсуа Досс, – находятся... материалы для конструирования истории историков, которая стала бы основательным отражением ментального инструментария эпохи»¹³⁷.

Жак Ревель¹³⁸ писал, что для него представляют интерес ««эгоисторики»» в группе, и потому жаль, что истории этих успешных представителей поколения не были дополнены историями представителей менее успешных. Его удивили несколько общих особенностей. Во-первых, большое внимание уделяется деталям детства и юности, где главным ориентиром оказалась память о Первой мировой – Великой войне. Именно она является фоном и точкой отсчета для всех происходящих событий. Во-вторых, в этих воспоминаниях заметен эмоциональный план, всегда связанный с Родиной и религией. Именно здесь просматриваются «тонкие душевные струны» будущих историков. В-третьих, большое внимание уделено университету и начальным ступеням карьеры. Почти все из них отмечали важность в их формировании «первых» и «вторых» Анналов. В-четвертых, относительное

¹³⁷ *Dosse F. Une égoïstoire? P. 124.*

¹³⁸ *Revel J. Groupe avec paysage // Le Débat. 1988. № 49. P. 130–133.*

невнимание к периоду своей зрелости: они мало и поверхностно написали о времени своего профессионального успеха, как если бы эти годы не имели большой важности. Авторы не склонны рассуждать о состоянии и перспективах современного общества, не комментируют возросшего интереса общества к истории, не прогнозируют будущее.

Робер Бонно, комментируя ситуацию автобиографической лихорадки, возникшей после публикации Пьера Нора, охарактеризовал жанр эгоисторий как величину двойственную, с неизмеренной пока эвристической глубиной¹³⁹. Лучше ли память историка, чем память любого другого человека, и если лучше, то до какой степени? Он привел в пример автобиографическое интервью Поля Вейна¹⁴⁰: если автор знает об античности больше, чем его читатели, должны ли они доверять ему, когда он делится своими воспоминаниями об антиколониальном движении эпохи алжирской войны? Если он являлся близким другом Мишеля Фуко, стоит ли принимать без доказательств те детали, которые он сообщает о жизни последнего?

Не погружаясь в рассуждение о познавательных возможностях эгоисторий, О. Дюмулен¹⁴¹ выявил в них следующее типологическое родство. Судьбы Жака Ле Гоффа и Пьера Губера представляют собой характерный пример жизни историка «третьего поколения». Их детство между набожной матерью и отцом-антиклерикалом воплощало решающий разрыв III Республики с наследием старой Франции. Большинство из них являлись внуками крестьян, прошли через обязательный этап престижной Высшей Нормальной Школы и экзамен по агрегации. Все объясняли свою приверженность категориям исторического анализа впечатлениями детства. Все избегали рассуждать о своей среде в категориях прагматической социологии: о доступе к власти, о стратегиях и тактиках, габитусах и сетях, отдавая предпочтение случайным или забавным историям из своей биографии, психологическим переживаниям. О вершине своей карьеры, глобализации международных обменов, улучшении системы архивов писали только вскользь. Все «эгоисторики» посещали одних мэтров – Лабрусса и Броделя, отдали должное отцам основателям – Февру и Блоку, повторили немного из «семейного альбома» истории – о раздорах Блока и Февра в годы войны, об удалении из редакции Робера Мандру, о «битвах» Броделя и Ренувена. Дюби, Шоню, Агюлон воспроизвели одни и те же этапы повествования: учителя, диссертация, университет, май 1968 г., ученики, поездки за границу и, наконец, для некоторых, общественные обязан-

¹³⁹ *Bonnaud R.* Autocritique au Collège // *Bonnaud R.* Histoire et historiens depuis 68... P. 96.

¹⁴⁰ *Veyne P.* Le Quotidien et l'Intéressant. Entretien avec Catherine Darbo-Peschanski. P., 1995.

¹⁴¹ *Dumoulin O.* Le rôle social de l'historien... P. 322–323.

ности. Общим идейным фоном всех эгоисторий признавались традиционный культ и поэзия кропотливого труда, опыт архивов, необходимость находить общий смысл в конгломерате разрозненных фактов.

Ко всему вышесказанному добавлю еще несколько примечательных с моей точки зрения подробностей, характерных для эгоисторий, если рассматривать их по отдельности.

Морис Агюлон¹⁴² – единственный среди ««эгоисториков»», кто провел психологическую ретроспекцию отношений своего поколения с коммунистическими идеологиями (ленинизмом, сталинизмом, троцкизмом). Он напомнил, что во Франции коммунистическая пропаганда была тесно связана с темой Сопrotивления и победой над фашизмом. «Мы были сами активными, единственно эффективными, единственно верными в борьбе за Родину». Вторая причина влияния коммунистов на послевоенную молодежь имела моральное происхождение. Они обладали культурой толерантности, остерегаясь открыто проповедовать большевизм, выступали от имени республиканской демократии, утверждали «чистую» демократическую мораль на фоне «нечистой» морали социалистов.

Рассуждая о причинах сначала «сталинизации», затем «десталинизации» своего поколения, автор пришел к выводу, что не всем его сверстникам удалось «десталинизироваться» по-настоящему. «Я предпочел бы сказать..., что настоящая десталинизация – это то, что сопровождается новым завоеванием критического духа. Надо «дефанатизироваться», а не только менять тип фанатизма. Такая страстная ненависть к коммунизму кажется немного избыточной у того, кто имел противоположное чувство; такое почтение к новому верховному лидеру кажется достаточным для обнаружения в нем замены Сталину»¹⁴³.

Агюлон разделил всех французских интеллектуалов, переживших «прививку» коммунизма, на четыре категории. Первая из них, составляющая большинство, увидела в коммунизме квинтэссенцию политического сознания и, разочаровавшись в нем, отказалась от политики вообще. Вторая группа увидела в коммунизме вселенское Зло, позабыв, что таким же Злом может быть фашизм, капитализм, нищета... «Делая из коммунизма единственное зло, или, по меньшей мере, главное зло, они остаются в политике, чтобы выступать за «правых». Это самая заметная категория»¹⁴⁴. Третья и четвертая категории увидели в коммунизме зло, не забывая, что есть и другие формы зла. Они остались в политике, и остались «левыми». Некоторые из них – это третья группа, к которой Агюлон отнес и себя самого, полагают, что

¹⁴² Agulhon M. *Vu des coulisses* // Nora P. (dir.) *Essai d'ego-histoire...* P. 9–59.

¹⁴³ *Ibid.* P. 56.

¹⁴⁴ *Ibid.* P. 57. К этой группе «самых заметных», несомненно, относился Франсуа Фюре.

«коммунизм стал злом, начиная с Ленина, с уничтожения всеобщего избирательного права», оставаясь сторонниками демократического социализма. Четвертая группа думает, что коммунизм стал злом с приходом Сталина, что сам принцип был хорош, и безнадежно пытаются выстроить концепцию «большевизма без Сталина». Таким образом, Агюлон, выступая в качестве свидетеля эпохи, подтвердил вывод о колоссальной роли революционных идеологий для формирования базы исследований, которые проводились «третьими Анналами».

Один из столпов движения «Анналов», Жорж Дюби рассуждает о том, существует ли вообще пресловутая «школа Анналов», и пришел к выводу, что сегодня ее однозначно нет. Еще видны их институты, и наследники, которые их занимают. Эти институты сейчас полностью выполнили свои функции, распространили и развили повсюду идеи и методы «ранних Анналов», обновляя историческое исследование во всем мире, но эта миссия уже состоялась¹⁴⁵.

Жак Ле Гофф¹⁴⁶, напротив, не рассматривал миссию «Анналов» как выполненную, и наиболее ясно из всех «эгоисториков» отождествил свою профессиональную судьбу с движением, достаточно откровенно рассказывая о непонимании старших коллег и своих разочарованиях. Самое в них «жестокое было открыть, при исполнении власти и, особенно, при упадке этой власти, Фернана Броделя, в котором человек не был на высоте историка. Это несколько не повлияло на глубокую признательность, которую я к нему испытываю, но немного пошатнуло его образ. Он не единственный в этой категории высокомерных великих людей, к которым я не могу испытывать восхищение всецело»¹⁴⁷.

Кроме того, Жак Ле Гофф единственный написал о «странном поражении» Франции во Второй мировой войне. «Петэн – самое большое пятно на истории Франции. ...Нужно говорить, нужно говорить громко, нужно, чтобы наши дети это знали, нужно, чтобы поколения, которые его не знали, могли узнать и понять, каким позором был режим Виши. Нужно, чтобы никогда не предпринималась «реабилитация» того, кто допустил этот позор, главного ответственного за этот стыд. История не должна заглушать гражданина»¹⁴⁸.

Жанр «эгоисторий» историков бы воспринят как несомненно полезное изобретение, которое позволяет проникнуться «человеческим изменением» исторической науки, понять факторы, оказывающие влияние на формирование судеб и исследовательских ориентаций признанных

¹⁴⁵ *Duby G. Le plaisir de l'historien // Nora P. (dir.) Essai d'ego-histoire... P. 109–138.*

¹⁴⁶ *Le Goff J. L'appétit de l'histoire // Ibid. P. 173–239.*

¹⁴⁷ *Ibid. P. 238.*

¹⁴⁸ *Ibid. P. 205.*

мэтров, и дает возможность сравнить различные ипостаси историка как свидетеля своего времени и специалиста по прошлому.

2.2.4. Экспансия «Новой истории»

Возвращаясь к теме сложных отношений Фернана Броделя и его наследников в «Анналах», стоит упомянуть, что само название «Новой истории» казалось ему и его команде изрядным преувеличением. «Новая история» – это всё люди «Анналов», – отметил Марк Ферро. – В действительности, СМИ наделили эту группу эпигонов таким термином, вся новизна исходила, скорее, из преподавания Броделя. И отсюда появился развод, Бродель неодобрительно относился к «новаторам» Новой истории, которые, по сути, были... его детьми, или, по меньшей мере, они были детьми Высшей школы исследований. Поскольку они все вышли оттуда... некоторые были недовольны, что термин «Новая История» развёдился с персоной Броделя. Отсюда и развод, который начал рождаться между Броделем и его преемниками»¹⁴⁹.

Между тем формирующийся «холдинг Анналов» (по выражению Жана Шезно), весьма дорожил своей «гегемонией репутации» и имел свой список канонических текстов, ставших частью традиции почти ритуального упоминания для всех его членов. В качестве «идейных доноров» движения были выбраны Вольтер, Мишле, Гизо, неизменные Блок и Февр, сам Бродель, а также «избранные» попутчики первых и вторых «Анналов» – Берр, Пиренн и Симиан. «Новые историки» восприняли у Л. Февра и Ф. Броделя и традицию гонений на историков-позитивистов. Однако вне пространства ритуальных упоминаний, в научных статьях и интервью многие из них выражали значительно большую, по сравнению с предшественниками, лояльность в отношении поколения Сеньобоса, хотя и не придавали интеллектуальной реабилитации историков-методистов принципиального значения.

По мнению Э. Ле Руа Ладюри, «французская историография в целом осталась верна эмпирической традиции, я бы даже сказал, верна позитивистскому стилю, если бы его не держали так долго как антагонистический к духу Анналов и как синоним событийной истории, в реальности, я расцениваю эту синонимию как спорную»¹⁵⁰.

«Даже если инновация по отношению к прошлому является реальной – императив проблематики стал главным, критика источников подчинилась проблематике, – ...объявленный разрыв между так называемой позитивистской школой и методом, вдохновленном «Анналами», скрывает... определенную преемственность, жесточенность, которая скорее была вектором обновления, ...чем желанием начать

¹⁴⁹ Le témoignage de Marc Ferro sur Fernand Braudel... P. 77.

¹⁵⁰ Le Roy Ladurie E. L'historien, le chiffre et le texte. P., 1997. P. 335.

с чистой страницы... В действительности, изменение с 1945 г. было больше в распространении ремесла, чем в его определении»¹⁵¹, – писали Ж. Ле Гофф и Н. Русселье в программно важном коллективном труде, изданном Домом наук о человеке, «История и ремесло историка во Франции в 1945–1995 гг.»

М. Агюлон утверждал, что с тех пор, как он стал достаточно известен, его самого отнесли к приверженцам «школы Анналов», но он никогда не отказывался от своего уважения к Ш. Сеньобосу и считал избыточной горячность Февра на его счет¹⁵².

И все же «золотая легенда» об «Анналах», утвердившаяся в 1940–1960-е гг. усилиями Люсьена Февра и Фернана Броделя, существенных изменений в этот период не претерпела. «Попытаемся быть справедливыми в отношении идеализированной версии, которую течение «Анналов» дает о своих началах и триумфах, – не без иронии написали Г. Бурде и Э. Мартен, авторы популярной книги «Исторические школы». – Эпическое возвеличивание может быть понято со стороны тех, кто, как Жак Ле Гофф, всегда располагаются в горниле битвы против самых консервативных секторов исторической дисциплины. Самоудовлетворенность и вечное упоминание нескольких великих фигур могут, однако, только раздражать исследователей, которые не имеют доступа к этой кооптированной меритократии и которые отказываются видеть свою почтенную дисциплину подчиненной закону «star system»¹⁵³.

Сама марка «Новой истории» по-французски многим исследователям, действительно, показалась неоправданно амбициозной и вызвала поток мотивированной критики. Голландский исследователь В. ден Боер не согласился с тем, что предложенный молодыми представителями редакции «свежий» дискурс об «Анналах» как средоточии всяческой инновации носит объективный характер. На его взгляд, «новые историки», уже прочно вошедшие в когорту французской «интеллократии», для поддержания своего и без того основательного положения воспользовались хорошо известным в истории науки механизмом, который можно назвать «феноменом эпической концентрации». Он «...состоит в том, чтобы распределить в истории науки изобретения многих ученых среди малого их количества... среди себя самих»¹⁵⁴. В действительности, во Франции, как и в других странах, появлялись программы, вдохновленные идеей обновления, но сложившиеся еще до создания «Анналов» или параллельно им (например, школы Пьера Ренувена или Ролана Мунье). Восприняв по-

¹⁵¹ *Le Goff J., Rousselier N. Préface // Bédarida F. (dir.) L'histoire et le métier d'historien en France... P. 7–8.*

¹⁵² *Agulhon M. Vu des coulisses // Nora P. (dir.) Essai d'ego-histoire... P. 54.*

¹⁵³ *Bourdé G., Martin H. Les écoles historiques... P. 253.*

¹⁵⁴ Цит. по: *Ibid.* P. 202.

пулярные в научной среде теории, Марк Блок и Люсьен Февр смогли превратить их в «стратегию успеха». Реализуя ее, преемники сумели создать мощную институциональную базу, должности и публикации. Однако «новые историки», организовав собственное историографическое производство, уже автоматически рассматривают «дух «Анналов» как абсолютную парадигму, источник любого обновления профессии, а не одну из тенденций общего роста исторической науки¹⁵⁵.

Между тем, отказавшись от амбиций «тотальной истории», присущих движению ранее, «Новая история», напротив, потеряла объединяющие свойства для коллективной исследовательской стратегии, которые и дают пресловутую «парадигмальную» устойчивость. Самой характерной чертой этого историографического производства большинство исследователей называют «раздробление», фрагментацию тематического поля истории¹⁵⁶.

Еще в 1971 г. Пьер Нора открыл в издательстве «Галлимар» «Библиотеку историй», подчеркивая текущие эпистемологические изменения. Сам заголовок соответствовал намерению разделить понятие истории на различные тематические русла. Историю отныне предстояло писать во множественном числе и без заглавной буквы, она отказывалась от возможностей синтеза и погружалась во множественные объекты без границ. Во введении Нора дает следующую характеристику историографического процесса: «Мы переживаем распад истории... Анализ экономик и обществ продолжается сегодня исследованиями материальных культур, цивилизаций и ментальностей. Политическая жизнь расширяет свой горизонт до механизмов власти. Квантитативные методы предлагают более уверенные основы для развития перспектив демографии, экономики, культуры. Текст больше не царствует среди документов, ненаписанное – археологические следы, образы, устные традиции – расширяют домен истории. Человек в целом, с его телом, его питанием, его языками, его репрезентациями, его техническими и ментальными инструментами..., весь этот материал, которым ранее пренебрегали, стал хлебом историков»¹⁵⁷.

В этой коллекции под руководством Нора и Ле Гоффа вышла в 1974 г. упоминавшаяся ранее трилогия «Заниматься историей»¹⁵⁸. Стратегия «вольных стрелков» позволяла пользоваться методами молодых гуманитарных наук, расширять поле эксперимента, чтобы обновить историю предельной, – как выяснится позднее, – ценой отказа от своего единства и глобальных перспектив.

Николь Фреско вычислила индексы цитирования в данном сборнике, показывающие, до какой степени история «открылась» для других

¹⁵⁵ Bourdè G., Martin H. Les écoles historiques... P. 203.

¹⁵⁶ Dosse F. L'Histoire en miettes...; Burke P. The French Historical Revolution...

¹⁵⁷ Nora P. Présentation de la collection «Bibliothèque des histoire». P., 1971.

¹⁵⁸ Le Goff J., Nora P. (dir.) Faire de l'histoire...

социальных наук: Мишель Фуко, Люсьен Февр и Луи Альтюссер цитировались в нем 6 раз, Макс Вебер, Клод Леви-Стросс, Фернан Бродель, Эммануэль Ле Руа Ладюри – 5 раз, Карл Маркс и Зигмунд Фрейд – 4 раза, Раймон Арон и Поль Вейн – 3 раза, Жюль Мишле – 2 раза. Итого – всего 5 историков из двенадцати самых цитируемых авторов в книге историков, написанной об истории¹⁵⁹.

Открытость другим наукам дала новые исследовательские горизонты, но за подтверждение своей лидирующей позиции пришлось заплатить утратой единства временной перспективы, свойственной историкам, и растворением среди других дисциплин. История, вслед за прочими гуманитарными науками, переживала «смерть человека». Фокус исследования перемещался от гуманистической перспективы с человеком, как носителем смысла и действия в центре, на объективные условия, довлеющие над его действием. Человек маргинализировался в историческом исследовании как наименее управляемая переменная величина, только затрудняющая задачи количественной (по преимуществу) истории. Множественность режимов исторического времени, некогда предложенная Броделем, у значительной части его идейных потомков приняла форму сериальной истории, ставя под сомнение саму идею исторической глобальности¹⁶⁰. В исторической науке, по словам Жака Ревеля, горизонт исследования стал «теперь горизонтом не тотальной истории, но... конструкции»¹⁶¹.

Увенчала становление историографической модели «третьих Анналов» манифест-энциклопедия «Новая история», опубликованная накануне 50-летия журнала. Анналисты представили себя носителями «новой истории», превосходящей все границы, в том числе, лимиты самого журнала, и одновременно – преемниками легендарной традиции. По замыслу создателей, это был словарь, суммирующий все обновления, произошедшие в исторической науке с 1929 г. Однако юбилей не был единственным мотивом публикации. Она провозглашала фазу триумфа «движения Анналов», была актом его самопрославления. Главный редактор энциклопедии – Жак Ле Гофф – ясно призвал своих сторонников к завоеванию новых высот, выбирая в качестве главной задачу популяризации истории¹⁶².

Завоевание высот медиа-бизнеса

Управляя институциональной и интеллектуальной вотчиной Фернана Броделя, его наследники сумели выйти за тесные рамки профес-

¹⁵⁹ Цит. по: *Delacroix C., Dosse F., Garcia P.* Les courants historiques... P. 230.

¹⁶⁰ *Pomian K.* L'Ordre du temps. P., 1984.

¹⁶¹ *Revel J.* Une oeuvre inimitable // *Espaces Temps.* «Braudel dans tous ses états». 1986. № 34–35. P. 13.

¹⁶² *Le Goff J., Chartier R., Revel J. (dir.)* La Nouvelle Histoire... P. 12.

сии, завоевывая самую широкую читательскую аудиторию и высоты медиа-бизнеса. «Анналисты занимают все сильные места в обществе средств массовой информации. Новый историк сделался коммерсантом в той же степени, что и ученым, рекламщиком и управленцем. Он контролирует все уровни сетей распространения исторических работ»¹⁶³, – писал Ф. Досс в статье «Разделенные наследники». Представители движения «Анналов» руководили большинством во множестве издаваемых исторических коллекций, которые прочно вошли во Францию в культуру массового читательского досуга.

До 1960-х г. мир историков был достаточно замкнутым, кроме того, они еще четко подразделялись на «ученых» и «популяризаторов». Последние обеспечивали легкое чтение для любителей занимательных рассказов и исторических анекдотов, и, как правило, не работали в университете¹⁶⁴. Лишь малое число ученых историков (и, конечно, связанных с «Анналами») – Бродель, Шоню, Губер и Ле Руа Ладюри – составили в этот период исключение в списке популярных авторов. Но они обращались к избранной публике, прежде всего к студентам, исследователям и просвещенным любителям, а не поклонникам журналистики.

Ситуация начала меняться в 1960-х, когда граница между журналистикой, популяризацией и исследованием постепенно размывалась. Журналисты, делающие репортажи о недавних событиях, стали называть себя «историками момента», авторами жанра «немедленной» истории, а популярная историческая литература из истории анекдотов превращалась в стремящиеся к объективности исследования прошлого. В 1970-е гг. история и журналистика сближаются окончательно: в энциклопедию «Новая история» был помещен раздел о «сиюминутной» истории, посвященный «времени новостей», который написал журналист Жан Лакутюр.

«Серьезные» гуманитарные науки также становились все ближе к своему читателю, и не историки изначально были лидерами нововведений и объемов продаж в этом сегменте издательского дела. Скорее, ими стали Леви-Стросс с «Печальными тропиками» и Фуко с монографией «Слова и вещи», порвавшие с условностями как классического романа, так и строгого научного исследования. Однако «социальный заказ» на историю был очень сильным, и вскоре ученые историки впервые начали затмевать «популяризаторов» в политике изданий.

В середине 1960-х поколение 1925–1935 гг. рождения, ассоциируемое с «третьими Анналами», вошло в издательское дело и фактически монополизировало рынок популярных изданий. За бортом медиа-бизнеса, привязанного к «Анналам», остались фундаментальные работы

¹⁶³ *Dosse F.* Les héritiers divisés // Lire Braudel. P., 1988. P. 160.

¹⁶⁴ *Rieffel R.* Les historiens, l'édition et les médias // *Bédarida F. (dir.)* L'histoire et le métier d'historien en France 1945-1995... P. 58–59.

Ролана Мунье, Пьера Ренувена или Луи Шевалье, которые не совпадали с ориентациями движения, фокусируясь на темах политической, дипломатической или военной истории¹⁶⁵.

В целом с 1964 по 1974 гг. количество книг, посвященных истории, выросло в 6 раз, и рост продолжился в эпоху увлечения историей ментальностей и исторической антропологией¹⁶⁶.

К. Шарль объясняет поразительный издательский успех «новых историков», среди прочего, интеллектуализацией массового читателя, складыванием нового, специфического типа публики, который полюбил чтение, ранее предназначенное для ученых. Большую часть читателей, имеющих вкус к истории, составляли пенсионеры, чей уровень жизни и досуга стал качественно выше по сравнению с прошлыми годами¹⁶⁷. Кроме того, активными потребителями исторической литературы становилась все возрастающая масса студентов.

Р. Рефель объясняет монополию «новых историков» в СМИ двумя причинами: несомненным исследовательским и литературным талантом самих авторов и социальными ожиданиями, формирующими поиск национальных корней и идентичности, своего рода протест против однообразного общества потребления¹⁶⁸. Однако подобная ретрофилия имела и обратный эффект: само исследование становится зависимым от ожиданий читателя. Э. Куто-Бегари, не самый благожелательный по отношению к «третьим Анналам» критик, пишет не без оснований о злоупотреблениях «пиротехническими» эффектами в их произведениях, о восприятии некоего «псевдофилософского стиля», ставшего данью моде и приводящего подчас к существенной деградации содержания¹⁶⁹.

Однако вышесказанное не формировало общего правила. К тому же, успех в медиа-бизнесе настиг лишь небольшую горстку историков, вознеся их на вершину общественного влияния. В этом совокупном обороте представлено издательство самой Высшей школы исследований по социальным наукам (EHESS), которая издает четыре исторические коллекции – «Общая библиотека» (создана в 1949 г.), «Люди и Земля» (с 1956), Цивилизации и общества (с 1967), и «Исследования по истории и социальным наукам» (с 1984), самостоятельно распространяя свои книги. В качестве «головного» триумvirата Досс выделяет крупнейшие издательские дома «Галимар», «Ле Сёй» и «Фламарион». В «Галимаре», с бессменным руководителем исторических коллекций Пьером Нора, «Анналы» безраздельно правят, практикуя,

¹⁶⁵ Ibid. P. 64.

¹⁶⁶ Dosse F. Les héritiers divisés... P. 161.

¹⁶⁷ Charle C. Être historien en France: une nouvelle profession? // Bédarida F. (dir.) L'histoire et le métier d'historien en France 1945–1995... P. 36.

¹⁶⁸ Rieffel R. Les historiens, l'édition et les médias // Ibid. P. 57–73.

¹⁶⁹ Coutau-Bégarie H. Le phénomène «Nouvelle Histoire»... P. 119.

впрочем, похвальный экуменизм, вышедший далеко за пределы школы, как об этом свидетельствуют «Места памяти».

Второй основной дом публикаций располагается во «Фламарионе», где находились многие коллекции, которыми руководили анналисты, даже после ухода Броделя, ведавшего ранее «Новой научной библиотекой». Рядом коллекций управлял Ж. Гой, Ж. Ле Гофф отвечал за «Библиотеку исторической этнографии», Ж. Дюби входил в научный совет Дома.

Третим издательством с активным участием «Анналов» является «Ле Сей». К коллекциям, руководимым М. Виноком, стоит добавить большие престижные серии об истории сельской и городской Франции, частной жизни с Жоржем Дюби во главе.

Движение «Анналов» успешно продвигало свое производство и в журналистской среде. В газете «Монд» с 1972 г. действовал обновленный «Курьер истории», ранее руководимый П. Сорлином и дававший исторические экскурсии к проблемам современности. Его преемник Э. Ле Руа Ладюри предпочел перспективы «долгого времени» и отдаленные горизонты XVI–XVIII вв. В работе газеты также принимали участие Ж.-П. Рио и Р. Шартье. Особенно высокий уровень концентрации анналистов был в «Нувель обсерватер». Среди постоянных сотрудников ежедневника числились Ф. Фюре, О. Озуф, М. Озуф, Ж. Жюлиар, Ж. Лакутюр, Андрэ Бюргьер, Э. Ле Руа Ладюри, П. Нора, Ж. Ревель.

Все упомянутые представители «Анналов» одновременно были представлены в исследовательских институтах, в издании и распространении книг, пользующихся массовым спросом, а также в их рекламном продвижении. Одни и те же люди обретаются одновременно в кабинетах редакций и издательских советах, ведут семинары и телевизионные дискуссии, формируя своеобразную практику самообслуживания. «Система лестницы, – подчеркивает Ф. Досс, – позволяет каждому обслуживать группу и быть обслуженным группой. Каждая книга анналистов, таким образом, обеспечена хорошей рекламой, потому что она находится под ответственностью самих Анналов. Критика книг обеспечивается своими»¹⁷⁰, продвигающими друг друга по спирали известности, что, естественно, не способствует возрастанию «критического духа».

Наконец, не устояли перед натиском «третьих Анналов» радио и телевидение. «Анналы» были представлены на «Франс-Кюльтюр», где еженедельно предлагались слушателям «Понедельники истории». Целый ряд выпусков в телепередаче «Апострофы», которая рассказывала о книгах и их авторах, были созданы историками «Анналов». Были произведены также 12 серий фильма о Средиземноморье Броделя в 1976 г., передача о провинциях в 1980 г. Ле Руа Ладюри, и того же года

¹⁷⁰ *Dosse F. Les héritiers divisés...* P. 161.

9-серийный фильм о «Времени соборов» Жоржа Дюби (являвшегося президентом 7 канала культуры).

Средства массовой информации в обществе потребления становятся основным идейным распорядителем, командуя политикой изданий, которая, в свою очередь, раздает «лавры известности» в университете. Это поле коммуникации не является нейтральным, и «чтобы сохранить свою власть, дискурс анналистов должен подчиняться способу функционирования этих медиа и ими наполнять свои формы»¹⁷¹. Сама парадигма «Новой истории», предпочитающая описание, дробление на многие объекты, отказ от теории, выбор в качестве объекта исследований «молчаливого большинства», пассивного перед действием элит, его обычаев повседневности и материальной культуры – хорошо адаптируются к законам современной медиа-культуры.

Реми Рефель, создавший объемную социографию современных интеллектуалов¹⁷², полагает, что все историки вокруг «Новой истории» вплетены в единую дружескую сеть, центром которой является «Галлимар» и Пьер Нора. Автор наделяет последнего уникальными свойствами издателя-менеджера-интеллектуала, имеющего большие возможности влияния в мире издательства, университета, прессы, в зарубежных странах.

По мнению Рефеля, именно Пьер Нора смог вывести на «медиа-орбиту» историков, которые вначале были почти неизвестны: Пьера Губера, Жоржа Дюби, Жака Ле Гоффа, Эммануэля Ле Руа Ладюри и других. Издательская стратегия и «чувство места» помогли Нора «...создать хорошее хозяйство с... популяризацией основных работ. Логика престижа гармонично сочетается с логикой знания и влияния. К чему добавляется энтузиазм к интеллектуальной дискуссии и открытию новых талантов»¹⁷³.

Социологические опросы свидетельствовали о несомненном интересе французов к историческим произведениям и телепередачам. В анкете 1977 г. 37% опрошенных выбирали для просмотра исторические передачи, – чаще, чем жанр эстрады или спорт. 50% опрошенных читателей в 1981–1982 гг. также предпочитали книги по истории. Позднее конъюнктура изменилась, появился интерес к событийной и биографической истории, и на этой волне в 1980-х гг. были созданы несколько различных «Историй Франции» под руководством Губера, Фавье, Дюби, Ладюри, Фюре и Агюлона. После 1985 г. наступило относительное истощение экспансии «Анналов» в медиа-мире, реабилитировалась политическая история, утихла идейная полемика, утратили авторитет признанные мыслители и интеллектуальные модели. Исто-

¹⁷¹ Ibid. P. 163.

¹⁷² Rieffel R. La tribu des clercs. Les intellectuels sous la Ve République 1958–1990. P., 1993.

¹⁷³ Ibid. P. 479.

рия теряла свой социальный престиж, отвечая настроениям времени, да и книга как таковая сделалась менее популярной в сфере досуга. Уменьшались тиражи изданий, и другие области знания, – биология, когнитивные науки, этика – перехватили у истории «пальму первенства». Историки реже стали работать хроникерами или критиками в прессе, журналистами на телевидении¹⁷⁴.

Даже чуть отойдя на задний план, сеть влияния «новых историков» сохранила значительный потенциал. Вся совокупность выгодных позиций, от институтов до издательских домов и газет, очень хорошо связана и выстроена в иерархию с управляющим ядром и своей зоной «туманности».

Надо принимать во внимание, что создав могущественную гегемонию по всем направлениям медиаизвестности, сами историки «Анналов» остались индивидуалистами, враждебными к понятию «сети» или «школы», и были связаны лишь... узлами взаимной симпатии. Между ними нет тематического единства в исследованиях или идеологического единомыслия. В основе отношений у многих – Фюре, Озуфа, Рише, Ладюри, Безансона, Агюлона – лежало общее прошлое сталинизма начала 1950-х гг. «Их чувство организации послужило на пользу завоевательной стратегии «Анналов», – писал Досс. «Они разочаровались в коммунизме и воссоединились со второй политической семьей – левых, чувствительных к антигосударственным темам, к защите гражданского общества, к социальным экспериментам (Жюлиар, Нора, Ферро, Винок). Получившийся дискурс правящего ядра можно назвать социолиберальным. К ним добавляются также правые неконформистские потоки, порвавшие с традиционной историей, или марксисты, или независимые левые, отринувшие все сталинские завещания...»¹⁷⁵

В монографии «Проклятые сыны республики», посвященной французским интеллектуалам XX в., Жерар Нуарьель также рассуждает о функционировании «сетей власти» у историков. Не следует их «демонизировать», полагает автор, поскольку подобная сеть – это не партия, она не преследует политических целей, оставляет большое пространство личной свободы, не требуя того, чтобы все ее участники разделяли мнения своих «руководителей». Можно публиковаться в их журналах, не находясь на той же «идейной волне». Каждый из участников сети является уникальной личностью и выражает себя прямо, без посредников. Однако коллеги, вовлеченные в одну и ту же сеть, и имеющие даже взаимопроверочающие убеждения, не будут публично оспаривать друг друга, поскольку симпатизируют друг другу и слишком... «хорошо воспитаны», формируя атмосферу взаимной поддержки¹⁷⁶.

¹⁷⁴ Rieffel R. Les historiens, l'édition et les médias... P. 72.

¹⁷⁵ Dosse F. Les héritiers divisés... P. 169.

¹⁷⁶ Noiriel G. Les fils maudits de la République... P. 139–143.

2.2.5. Тематические ориентации в «третьих Анналах»

Перенимая характеристики этнологического дискурса, ценой отказа от социально-экономической истории Броделя и Лабрусса в пользу материальной цивилизации или культуры, анналисты подтвердили лидирующую позицию истории на ниве социальных наук. Один из представителей поколения, Даниэль Рош, назвал эту трансформацию движением к «социокультурной» истории в широком смысле¹⁷⁷.

Решающий поворот начался в мае 1968 г., когда в Шестой секции, среагировавшей на социальный взрыв, были волнения. «Множество людей, которых я знал, – вспоминал Марк Ферро, – оспаривали Броделя, и даже некоторые руководители исследований, как Мандру... Было также восстание "рабов" совместителей, желающих полной ставки, в недрах Центра исторических исследований, руководимого Э. Ле Руа Ладюри». Своим поспешным возвращением из командировки в Латинскую Америку Бродель, казалось, уладил недоразумения, не обнаружив «... тех проблем, которые были у Шарля де Голля»¹⁷⁸. Но уже в 1969 г. Бродель отказался от кресла единственного редактора «Анналов» в пользу коллегиального управления. Формально Бродель и Моразе остались в новой редакции, к которой присоединились Бюргьер, Ферро, Ле Гофф, Ле Руа Ладюри и Ревель, но фактически отошли от руководства делами.

А) «Анналы» и структурализм

В 1971 г. Шестая секция Высшей практической школы (а с 1975 г., – Высшая школа исследований по социальным наукам, имеющая все права университета) обрела, вместе с Домом наук о человеке, постоянную резиденцию на бульваре Распай, 54. В мае того же года новая дирекция «Анналов» выпустила специальный номер «История и структура», ознаменовавший новый методологический поворот. История и структурализм, ранее находившиеся в состоянии непримиримого антагонизма, подавались здесь как нашедшие компромисс, благодаря активному сотрудничеству историков и антропологов. Во введении А. Бюргьер призвал воспользоваться спадом отструктуралистского движения, чтобы извлечь из него все возможности для обогащения исторического исследования. Историки должны открыто, хотя и очень умеренно, практиковать структурализм, осторожно прокладывая дорогу историческому моделированию, чтобы показать своим критикам, и в первую очередь Леви-Строссу, что они не довольствуются очевидным уровнем реальности (в чем их обвиняли критики), но задаются поисками скрытых смыслов, бессознательного коллективных практик, так же, как это делают антро-

¹⁷⁷ Roche D. De l'histoire sociale à l'histoire socio-culturelle // Mélanges de l'École française de Rome. 1979. T. 91. P. 7–19.

¹⁷⁸ Daix P. Braudel... P. 427–428.

пологи¹⁷⁹. Следуя по пути Броделя, уже предложившего *longue durée* в качестве основополагающей структуры для исторической дисциплины, Бюргер изобразил пути развития исторической антропологии, которая должна устояться на платформе структурализма.

Однако проект исторической антропологии с самого начала встретил внушительную оппозицию исследователей, предпочитающих индивидуальное и событийное измерение истории, а также сторонников традиционного исторического метода, отрицающих схематизм разработанных моделей.

Определенные сложности были связаны с тем, что параллельно существовали многие концепции структуры и были уже осознаны многие внутренние противоречия структуралистского подхода. Большинство исследователей сошлись на определении структуры как способа, при помощи которого части одного целого взаимодействуют между собой. Это была близкая историкам описательная концепция целостности, ее связующих – социальных или культурных – линий, присущая лингвистам и этнологам.

Такая структура является базовым скелетом общественного организма, подобно грамматике в разговорном языке, «автономной целостностью внутренних зависимостей», по выражению Поля Рикёра. Ее характеризуют три основные черты: самодостаточность (замкнутость на себе самой), трансформация и саморегулирование, направленное на стабилизацию трансформаций. Историк не может воспринять эту схему полностью, поскольку он обязан учитывать процессы постепенного разложения любой структуры, случайные внешние вмешательства, которые способны подорвать самые стабильные системы. Кроме того, любое переложение теоретической схемы на жизненную практику выявляет бесчисленные трудности верификации и усложнения схемы. Леви-Стросс сам иллюстрировал эти сложности примером «кулинарного треугольника»¹⁸⁰.

Пытаясь типологизировать разноплановое историографическое производство «третьих Анналов», Г. Бурде и Э. Мартен выделили четыре структуралистских течения: 1) «броделевский» подход, исследующий глобальные структуры с медленными эволюциями; 2) «мутационный» подход Мишеля Фуко, изучающий стабильные состояния социальной структуры, но с акцентом на переходе от одного состояния к другому, фиксацией на прерывностях; 3) непосредственно структуралистский, анализирующий замкнутые целостности – ритуал, текст, документ, занятый реконструкцией всех мыслимых возможностей данного матери-

¹⁷⁹ Histoire et structure // Annales ESC. 1971. № 3–4.

¹⁸⁰ Согласно самой общей модели питания, человек ест продукты 1) сырые, 2) повившиеся в результате тепловой обработки и 3) подвергшиеся процессам органического распада. Однако в любом конкретном варианте схема будет многократно усложнена: лишь вторая категория продуктов в мировых кулинарных практиках являются бесчисленными вариациями вареного, жареного, копченого и их сочетаний.

ала; 4) историческая антропология, сконцентрированная на выявлении бессознательных основ повседневных коллективных практик¹⁸¹.

Подход, наследующий Броделю, в какой-то мере получил свое развитие в трудах нескольких историков-анналистов. Кжиштоф Помиан представил в сборнике «Новая история» раздел «История структур», апеллируя к опытам исторического синтеза, произведенным Броделем¹⁸². С точки зрения автора, «структуралистская история» изучает все повторяемое и банальное в истории. Это пример психологической истории (статистическое исследование количества браков и рождаемости), или глобальная история отдельных социальных феноменов (броделевская концепция времени или биологическая история, которая изучает реакции человека на природные принуждения – климат, инфекции). Изучая стабильные отношения, организующие повседневность, такая история дает новую жизнь понятию революции. Революцией можно назвать разрыв, разрушающий одну структуру и создающий новую, но в той же степени – очень медленное становление социального процесса, – подобно прогрессирующей грамотности во Франции в течение трех столетий.

Подобным образом понимал задачи структуралистской истории и Эммануэль Ле Руа Ладюри. Историки погружаются в воды «остывшей» истории, истории постоянств, которая замедляет время до такой степени, что делает его почти статическим. «Что касается событийного, гармонизация преподавания Броделя и Лабрусса привели к тому, что его вытолкнули на обочину, то есть им не интересуются вовсе»¹⁸³. По случаю своего вступления в Коллеж де Франс в 1973 г. он в лекции «Неподвижная история» заявлял о своем восхищении структуралистскими методами, особенно в отношении исследования правил родства и мифологии у Леви-Стросса¹⁸⁴.

В школе «холодной» истории некоторые историки, подобно Франсуа Фюре, в определенный период находили противоядие, чтобы освободиться от своих коммунистических увлечений, осуществить выход из марксистской диалектики и основать квантитативную научность. Автор с легкостью признает консервативную, охранительную реакцию этого проекта против всякой политической идеологии¹⁸⁵. Впрочем, забегая вперед, стоит отметить, что этот «терапевтический» пункт идейной эволюции Франсуа Фюре не был последним: его дальнейшая жизнь исследователя пройдет, скорее, под знаком идеологии непримиримого антикоммунизма.

¹⁸¹ Bourdè G., Martin H. Les écoles historiques... P. 322.

¹⁸² Pomian K. L'Histoire des structures // La Nouvelle Histoire... P. 528–553.

¹⁸³ Там же. С. 543–544.

¹⁸⁴ Le Roy Ladurie E. L'histoire immobile. Leçon inaugurale au Collège de France, 30 novembre 1973. Répris dans Le territoire de l'historien. P., 1978. P. 34.

¹⁸⁵ Furet F. L'histoire et l'homme sauvage // L'Historien entre l'ethnologue et le futurologue. Colloque international de Venise (1971). P., 1972. P. 61.

В) *Сериальная история*

Самым фундаментальным разрывом с наследием «первых» и «вторых» «Анналов» историографы единодушно называют утрату амбиции «тотальной», обобщающей истории. Разделив единое время на множество разнородных режимов, «третье поколение» получило возможность заниматься деконструкцией и реконструкцией истории в самых произвольных сочетаниях.

Под влиянием возможностей квантификации исторического материала, продемонстрированных еще в 1950–1960-х гг. школой Лабрусса, а также благодаря многообещающему потенциалу компьютера, родилась, по выражению Пьера Шоню, «сериальная» история. Ее рабочим инструментом стала группировка однородных фактологических серий, обладающих собственной временной протяженностью, вне всякой концепции глобального, однородного времени. «Именно изучаемые процессы своим развитием устанавливают во времени определенную топологию», — отметил, рассуждая о данном направлении исследований, К. Помиан¹⁸⁶.

Развитие сериальной истории напрямую связано с пресловутым «мутационным» подходом к истории, практикуемым Мишелем Фуко. Мыслитель не отрицал своей близости структурализму, но в его исследовании ключевым было понятие «разрыва», а не преемственности, позволяющее уловить принципы трансформации в истории. Творчество философа оказало несомненное влияние на исследовательские ракурсы «третьего поколения Анналов»¹⁸⁷. Г. Бурде и Э. Мартен¹⁸⁸, например, отмечали близость смыслов, изложенных во введении в «Археологию знания» Фуко, и в статье Франсуа Фюре о квантитативной истории в «Анналах»¹⁸⁹.

Фуко, со своей стороны, стремился к диалогу с «новыми историками», пытаясь разрушить традиционные научные модели, ставящие человека на пьедестал истории. О разрыве с принципом историзма, образующим логическую основу научной мысли, с традиционным пониманием прошлого как цепи непрерывного развития он теоретизировал в «Словах и вещах», стремился иллюстрировать свою концепцию обращенными к конкретной истории исследованиями о клинике, безумии, тюрьме, сексуальности.

Если Лабрусс, прививший французской историографии навык построения фактологических серий и таблиц, стремился к разносторонней, «тотальной» реконструкции прошлого, то Фуко предпочитал глобальному синтезу фрагменты знания, институты и дискурсивные практики, утверждая понятие исторической прерывности.

¹⁸⁶ Pomian K. L'Ordre du temps... P. 94.

¹⁸⁷ Bourdè G., Martin H. Les écoles historiques... P. 325; Delacroix C., Dosse F. Garcia P. Les courants historiques... P. 224.

¹⁸⁸ Bourdè G., Martin H. Les écoles historiques... P. 325.

¹⁸⁹ Furet F. L'histoire quantitative et la construction du fait historique // Annales ESC. 1971. № 1. P. 63–75.

Именно в целеполагании – реконструкция против деконструкции – проходит основной водораздел между квантитативной историей 1950–1960-х и сериальной историей 1970-х гг. «Надо научиться избегать любого рода «направленных преемственностей, через которые организуют ...то, что стремятся анализировать»¹⁹⁰, – утверждал философ. История больше не должна быть позитивной наукой об эволюции или моральной опорой социального прогресса, она должна превратиться в незаинтересованный анализ множества независимых трансформаций. Парадоксальным образом история должна помочь человеку стать «деисторизированным»¹⁹¹ и обрести немислимую дотолу свободу мысли и творчества.

В истории больше нет никаких родовых корней, прерывность всегда проявляет себя в единичности, несводимой ни к одной системе причинности. Наиболее революционной, под влиянием работ Фуко, оказалась метаморфоза истории идей, превратившейся под его пером из учения о культурных преемственностях, обменах и влияниях в летопись эпистемологических разрывов, смещений и концептуальных трансформаций. Фуко советовал освободиться от привычной терминологии и деления на дисциплины, – всего, что ранее обеспечивало процессы коммуникации знания и главенствующие смыслы эволюции. Любой текст отсылает к множеству других текстов, вписывается в поле связанных между собой дискурсов, и значит, квинтэссенцией истории идей являются не определенные «события мысли», но базовые правила, определяющие производство дискурсов в некоторый период.

Если Фернан Бродель «деконструировал» категорию времени, то Фуко произвел разрыв с традиционной системой причинности в истории. Любое обобщение исторической реальности провозглашалось невозможным, исторический дискурс обрел только частичную, локальную и индивидуальную ценность. «Проблема отныне – образовывать серии»¹⁹², каждая из которых имеет собственный ритм и причинно-следственный алгоритм, являясь «культурным слоем» археологии знания, подлежащим описанию. Фуко создал и новый язык описания, основанный на терминологии математики, физической логики и общей эпистемологии наук: «серии», «прерывности», «тело», «совокупность», «поле», «система отношений», «система трансформаций», при этом, однако, без всякого последующего обобщения.

Этот дискурс был впоследствии всецело воспринят практиками «сериальной истории», давая Г. Иггерсу основания утверждать, что историки «третьих Анналов» публикуют «высоко специализиро-

¹⁹⁰ Foucault M. *Archéologie du savoir*. P., 1969. P. 36.

¹⁹¹ *Ibidem*. *Les Mots et les Choses*. P., 1966. P. 380.

¹⁹² Foucault M. *Archéologie du savoir*... P. 15.

ванные публикации, часто написанные на жаргоне, непонятном для аутсайдеров»¹⁹³.

В сериальной истории, пользующейся наработками количественной истории Лабрусса, совокупности однородных документов стали основой реконструкции определенных социальных отношений. Отталкиваясь от первоначальных тем экономической истории, «сериальные» исследования постепенно завоевывали сферы других измерений прошлого. «Третьим уровнем» сериальной истории, по выражению Пьера Шоню¹⁹⁴, после экономики и демографии стала широкая область ментального и социальной психологии, в том числе, истории религиозных практик, книги и грамотности¹⁹⁵.

Это движение «от подвала к чердаку» (М. Вовель) дома истории, имеющее цели описания, а не выявления причинных отношений происходило с опорой на «самые научные» техники 1970-х гг. – статистику и компьютерные технологии. Именно в этот момент ряд «новых историков» решили, что компьютер для историка является инструментом подлинной научности, который посчитает в истории все, что только может быть посчитано¹⁹⁶.

Сакраментальное высказывание Ле Руа Ладюри – «Историк завтрашнего дня будет программистом или его не будет больше» – хорошо передает абсолютную веру в чудесную власть технологий. Призывая адаптировать американский метод клиометрии к нуждам французских коллег, автор уподобил историка шахтеру в недрах. «Он ищет в недрах земли данные и их вывозит на поверхность, чтобы другой специалист... их использовал. Считать и считать, снова и всегда, таков удел историка... количество пшеницы, произведенной в определенном регионе, и количество обращений к Святой Деве в завещаниях такого-то поселка, и количество краж, совершенных в таком-то месте...»¹⁹⁷

Однако не все в истории поддается счету, привязывая исследование историка к достаточно ограниченной территории, прежде всего, к пространству повторяемых феноменов одной и той же природы. Является ли исследование сериальной истории с массивными цифровыми выкладками, картами и диаграммами более научным, чем какое-либо другое? Исследователь потайных кодов построения текста Филипп Кэрррд, настаивающий на неизбежном конфликте в любом дискурсе логических и риторических фигур, утверждает, что нет: «Присутствие количественного

¹⁹³ Iggers G. G. *Historiography in the Twentieth Century. From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge*. Middletown, 1997. P. 55.

¹⁹⁴ Chaunu P. *Un nouveau champ pour l'histoire sérielle: le quantitatif au troisième niveau // Mélanges en l'honneur de Fernand Braudel*. Toulouse, 1973. T. II. P. 105–125.

¹⁹⁵ Burke P. *The French historical Revolution: the Annales School...* P. 74–78.

¹⁹⁶ Ле Руа Ладюри: «В конечном итоге, нет научной истории вне истории, полтающейся счету» (*Le Roy Ladurie E. Le territoire de l'historien*. P., 1973. T. 1. P. 20).

¹⁹⁷ Ibid. P. 13–14.

аппарата придает текстам Новой истории вид научного текста, также как их цитаты и их примечания придают им вид текста ученого»¹⁹⁸. Пытаясь создать «подлинно научный» язык, в отрыве от риторики традиционно-го исследования, «новые историки» лишь создают другой тип риторики. Среди прочего, «включить количественный компонент в исследования, которые могли бы, вероятно, без него обойтись, – ...стратегический маневр, цель которого – усилить идентичность группы и подтвердить ее отличие по отношению к другим группам». Любопытно, что пионеры «серийного» жанра, заокеанские идеологи клиометрии не считали своих французских коллег серьезными практиками квантификации, «их имена странно отсутствуют в «Historical Methods», американском журнале, посвященном количественной истории»¹⁹⁹.

Ф. Фюре, выражая доминирующую позицию своей среды, резюмировал перемены, привнесенные «Новой историей», в канве классической парадигмы «первых Анналов», как движение от истории-рассказа к истории-проблеме. Историю-рассказ он понимал как «воссоздание пережитого опыта на оси времени: воссоздание, неразделимое с минимумом концептуализации, но эта концептуализация никогда не выражается. Она спрятана внутри временной развязки, которая структурирует весь рассказ». Согласно автору, современная историография отошла от этой формы повествования, опираясь на следующие позиции.

1. Историк отказался от категории времени, обобщающей перспективы, выбирая «отдельные вопросы» в прошлом.

2. Порывая с рассказом, историк отказывается работать с его традиционным материалом: уникальным событием.

3. Историк «изобретает» свои источники, он создает свои «серии» в соответствии со своими гипотезами.

4. Обобщения единичных фактов в духе традиционной истории более не актуальны. Нужны доказательства «математического» спектра: квантитативный анализ и статистические процедуры²⁰⁰.

Но не все «новые историки» были захвачены этой неопозитивистской тягой к «подлинно научным» результатам квантификации, которая, добавим, совсем не характеризовала творчество идейного вдохновителя серийной истории 1970-х гг. – Мишеля Фуко. Жорж Дюби писал об «иллюзии научности», которую дает арифметика,²⁰¹ Мишель де Серто предостерегал против стремления возводить статистику в форму неопровержимого знания²⁰², но это были всего лишь отдельные голоса, не совпадающие с

¹⁹⁸ Carrard P. Poétique de la Nouvelle histoire... P. 166.

¹⁹⁹ Ibid. P. 169–170.

²⁰⁰ Furet F. De l'histoire-récit à l'histoire-problème // Diogenes. 1975. № 89. P. 10–123; Repris dans L'atelier de l'histoire. P., 1982. P. 76–77.

²⁰¹ Duby G. Dialogues, entretiens avec Guy Lardreau. P., 1980. P. 53.

²⁰² Certeau, de M. Histoire et psychoanalyse entre science et fiction. P., 1987. P. 77–78.

императивом эпохи. Пытаясь объяснить эволюции сериальных исследований приверженностью наследию «первых Анналов» – истории-проблеме, «новые историки» утрачивают, в действительности, базовые их завоевания: время, служащее основой для обобщающих умозаключений, и самого человека, теряющегося в бессвязной истории, разделенной на серии.

Делакруа, Досс и Гарсиа объяснили произошедшую «стерилизацию» исторического поля, его некритическое присоединение к «статистическому мифу», стирающее одновременно и особенности структур под серией событий, и проблему перехода от одной серии к другой, отношениями конкуренции, очередным вызовом научности со стороны других, более молодых и новаторских наук. «Историки, каков бы не был их эпистемологический выбор, были призваны под знамена «школы Анналов», чтобы вместе держать фронт, брать своим числом и древностью рода, перед лицом социологов, экономистов, демографов, лингвистов... Эта дисциплинарная контратака состояла, главным образом, в заимствовании чужих методов».

Древняя муза Клио обзавелась компьютером, серией, математической строгостью, чтобы с помощью очередного «косметического ремонта» предстать перед публикой, как «новая» история²⁰³.

С) Фуко и историки: диалог «плохих прочтений»

Отмечая несомненное влияние идей Мишеля Фуко на исследовательские ориентации «Новой истории», необходимо понимать специфику их восприятия и фатальное по своей глубине несовпадение устремлений, существующее в этом диалоге при очевидном взаимном интересе.

Фуко, отводящий в творчестве истории центральное место, с раннего этапа блестящей карьеры был в контакте с историками «Анналов». Филипп Арьес помог ему опубликовать диссертацию о безумии в классическую эпоху²⁰⁴. Оценив междисциплинарность этой первой большой книги Фуко, Бродель первым отметил, что философ и историки говорят на одном языке. Он дополнил рецензию «Анналов» на книгу, написанную Робером Мандру, фразой: «В ней есть дух, способный быть поочередно, но не только, философом, психологом, историком»²⁰⁵. В свою очередь, Фуко много рассуждал о специфике и целях в современном историческом исследовании. В «Словах и вещах»²⁰⁶ он пропагандировал тему «смерти человека» в гуманитарных исследованиях, резко критикуя проект гуманной истории, сфокусированной на человеке, который утверждался «первыми Анналами». Напротив, выявление

²⁰³ Delacroix C., Dosse F., Garcia P. Les courants historiques en France... P. 229–230.

²⁰⁴ Foucault M. Histoire de la folie à l'âge classique. P., 1961.

²⁰⁵ Mandrou R. R. Trois clés pour comprendre la folie à l'époque classique // Annales ESC. 1962. № 17. P. 772.

²⁰⁶ Foucault M. Les mots et les choses...

механизмов «longue durée» и сериальные изыскания «Новой истории» представлялись ему перспективным типом историописания. В первой главе «Археологии знания»²⁰⁷ Фуко воспроизвел те же аргументы, чтобы различить «хороших» и «плохих» историков, противопоставляя «новую» структуралистскую историю истории «старой», одержимой «следами», памятью или ментальностями, – по сути, той субъективистской концепции, которую некогда защищал Люсьен Февр.

Фуко стал примером для многих историков, в первую очередь, для специалистов по истории народных масс. Часть из них попала в круг почитателей и последователей Фуко по политическим мотивам – они были частью «антиинституционального движения», модного после мая 1968 г. Фуко продолжил своими исследованиями традицию «срывания масок» с социальных институтов, демонстрации потайных рычагов власти, и многие его темы органически сочетали в себе политические и исторические мотивы одновременно.

Его новаторством по сравнению с другими философами была самостоятельная работа с историческими документами. Он не желал использовать готовые наработки историков, перенимая, вместе с трактовкой документа, их имплицитные ошибки, и одновременно, по свидетельству его соавтора Арлетт Фарж, был очень впечатлен возможностями архивов²⁰⁸. Фуко сам в сотрудничестве с историками разрабатывал и публиковал, сопровождая комментариями, исторические документы²⁰⁹.

Однако диалог оказался коротким, и его кульминацией, одновременно выразившей всю глубину различий, оказалась дискуссия по истории тюрем, опубликованная в сборнике «Невозможная тюрьма»²¹⁰. Поводом к обсуждению стала монография Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать»²¹¹, где он иллюстрировал свою теорию «эпистемологического разрыва» экскурсом в конкретно-историческую проблематику. Рассуждая об изменении системы наказаний во Франции, Фуко пришел к выводу о совершившемся в XVIII в. разрыве между прежним способом устрашающей публичной казни и новым способом социального возмездия в виде помещения в тюрьму. «Мрачный праздник наказания» превратился в практику социальной изоляции. Но этот разрыв должен был рассматриваться, по мысли Фуко, только в широком социальном контексте, являясь составной частью более глобальной смены эпистем.

²⁰⁷ *Ibidem.* L'Archéologie du savoir...

²⁰⁸ *Farge A.* Le parcours d'une historienne. Entretien avec Laurent Vidal // *Genèses. Sciences Sociales et histoire.* 2002. № 48. P. 120.

²⁰⁹ *Foucault M.* Moi, Pierre Rivière ayant égorgé ma mère, ma soeur et mon frère. Un cas de parricide au XIXe siècle. P., 1973; *Farge A., Foucault M.* Le Désordre des familles: lettres de cachet des archives de la Bastille au XVIIIe siècle. P., 1982.

²¹⁰ *Perrot M. (dir.)* L'impossible prison. P., 1980.

²¹¹ *Foucault M.* Surveiller et Punir. P., 1974.

Его интерпретация тюрьмы встретила критику со стороны ряда историков-специалистов, таких, как Жак Леонар²¹². Назвав Фуко «казакотом от истории», который разом захватил три века французской истории и очень выборочно использовал историческую информацию, Леонар отметил целый ряд недочетов, несовместимых с работой историка. Автор преуменьшает сопротивление населения реформам, преувеличивает рационализм буржуазии, не отводит должного значения религиозному влиянию и т.д. Но главный упрек Леонара состоял в другом. Фуко игнорирует акторов истории, превращая историю тюрем в своего рода абстрактную геометрию, «машиностроение без машиниста», что стилистически в трудах философа всегда передается безличной формой глагола, анонимными понятиями «власть», «стратегия», «тактика», «техника».

Фуко пытался объяснить, что историки не поняли глубинного смысла его подхода²¹³. Необходимо понимать «разницу процедуры между анализом проблемы и изучением периода», а не просто оставаться эрудитом, «доктором неисчерпаемых знаний». Он видел своей исследовательской задачей систематический анализ идейного содержания исследуемой практики в контексте общества. Фуко исследовал способ мысли, и был далек от приоритетной цели историка – которая вообще представляется ему сомнительной, – восстановить прошлое «таким, каким оно было».

В ходе общей дискуссии «круглого стола» Фуко признал, что его книги – «философские фрагменты на исторических площадках», он исследует не общество в целом, а определенный исторический дискурс. Его в истории интересует возможность соединения между способами «видеть» феномен и «говорить» о нем, вне всякого другого специфического использования. Тюрьма XIX в. – это новый способ видеть преступление, а право наказания выражалось в новом способе говорить о нем²¹⁴.

В этой дискуссии иллюзия «общего языка» быстро рассеялась, – заметил Ж. Нуарель. Все, что казалось общими моментами, оказалось заимствованиями, мотивированными специфическими нуждами каждой дисциплины. Историки интерпретировали Фуко, исходя из собственных потребностей. Бродель понял «Историю безумия» как исследование по коллективной психологии, близкое тому, что практиковал Люсьен Февр. Другие историки пытались увидеть в исследовании тюрьмы некое новое историческое прочтение обособленных социальных практик и подражали ему в своих исследованиях бань, заводов, госпиталей, вместо того, чтобы понять философскую перспективу это-

²¹² Léonard J. L'historien et le philisophe // Perrot M. (dir.) L'impossible prison... P. 9–28.

²¹³ Foucault M. La poussière et le nuage // Ibid. P. 29–39.

²¹⁴ Ibid. P. 40–56.

го типа анализа. «Диалог» историков и Фуко базировался на конфликте «плохих прочтений»²¹⁵.

Во введении к «Невозможной тюрьме» Морис Агюлон отмечал «слишком эпистемологический» тон дискуссии, а Жак Ревель в статье, последовавшей после смерти философа, отметил, что историки недооценили фундаментально философский характер исследования Фуко²¹⁶.

На свой лад исследовательскую позицию Фуко в книге, ему посвященной, прокомментировал философ Жиль Делез. Работа Фуко являлась историческим исследованием, но не являлась работой историка. Он занимался не историей ментальностей, но условиями, при которых обнаруживается все, что имеет ментальное существование, все, что может быть высказано, включая и сам режим языка. Он занимался не историей видимого человеческого действия, но условиями, при которых обнаруживает себя все, что можно увидеть. Он занимался не историей институтов, но социальными условиями, при которых они интегрируют различные отношения силы. Он занимался не историей частной жизни, но условиями, при которых отношения могут сложиться в частную жизнь²¹⁷.

«Сериальная история», вдохновленная «археологическим методом» Фуко, пошла значительно дальше него, направляемая верой в «истинную научность» квантитативных техник, и оказалась мало восприимчивой к дальнейшей эволюции мыслителя. Структуралистская история была оспорена Фуко во имя «генеалогического» метода за отсутствие интереса к произвольным факторам истории, к историчности употребляемых категорий. Тем самым, «Сначала Фуко, – отметил Ж. Нуарьель, – использует концепцию Броделя против концепции Февра, затем концепцию Февра против концепции Броделя»²¹⁸.

Не пожелав следовать за Фуко по пути «произвольных рассуждений», историки решили, что Фуко слишком субъективен как автор и поверхностен в восприятии исторических фактов. Для Фуко эти аргументы выдавали глубинную точку зрения историков, выражавшую почти рефлекторный антитеоретический эмпиризм, который коренится в убеждении, что существует реальность, доступная без предварительной конструкции, проводимой исследователем. Фуко внушал историкам, что они довольствуются слишком «тесной идеей исторической реальности», путая «социальное» и «реальное», исключая из сферы существующего пространство мечты, продукты воображения и другие символические эффекты. Между тем производные символи-

²¹⁵ *Noiriel G. Penser avec, penser contre. P., 2003. P. 29–30.*

²¹⁶ *Revel J. Foucault Michel, 1926–1984 // Burguière A. Dictionnaire des Sciences Historiques. P., 1986. P. 290–292.*

²¹⁷ *Deleuze J. Foucault. P., 1986.*

²¹⁸ *Noiriel G. Penser avec, penser contre... P. 29*

ческого порядка также должны расцениваться как фрагменты «реальности, которые обеспечивают специфические эффекты реального»²¹⁹.

Историки «третьих Анналов», восприняв идею «эпистемологического разрыва», не всегда осознавали другую важную для Фуко тему – почему такие разрывы становятся возможными в истории. В противоположность «Анналам», выбросившим событийное на обочину истории, философ стремился найти ему новый смысл. Любая практика, сотканная из событий, понималась им как совокупность сети, системы сил и стратегий. Эту мысль о тотальных взаимозависимостях, получившую развитие в работах Фуко, продолжил в книге «Как пишут историю» его друг Поль Вейн: всякое действие связано со всеми другими действиями и их трансформациями. В мире все исторично и взаимозависимо. Философия Фуко – не философия дискурса, но философия отношения²²⁰.

Таким образом, структуралистский подход Фуко парадоксально привел к предпочтению чисто событийного процесса.

Историограф «Анналов» К. А. Агирре Рохас пришел к любопытному выводу о том, что «модель археологии и генеалогии дискурсивных структур и оснований», практикуемая Мишелем Фуко, в наибольшей степени перекликается с устремлениями Люсьена Февра, а его «эпистема» похожа на понятие «ментального инструментария»²²¹. Так самый влиятельный критик «психологизирующей» истории был объявлен единственным продолжателем ее основной практики, сойдясь на редком для «новых историков» поле «истории идей».

Д) История ментальностей

Самым многообразным, разноречиво комментируемым и популярным достижением «третьих Анналов» стала история ментальностей. В России рассматриваемое тематическое направление стало мощным источником обновления профессии историка и предметом историографических исследований 1990-х гг.²²²

«Движение Анналов» трудно поддается классификации, все попытки выделить в нем главенствующие смыслы, выявить знаки тематического родства между поколениями приводят историографов к

²¹⁹ Foucault M. La poussière et la nuage // Perrot M. (dir.) L'impossible prison.... P. 50.

²²⁰ Veyne P. Comment on écrit l'histoire ? P., 1971. Rééd. 1996; рус. пер.: Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М., 2003. С. 377.

²²¹ Aguirre Rojas C. A. L'histoire conquérante... P. 130.

²²² Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // ВИ. 1991. № 2–3. С. 21–36; Он же. Загадка Школы «Анналов». «Революция во французской исторической науке» или Об интеллектуальной ситуации современного историка // Мировое древо. 1993. № 2; Он же. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993; Зубкова Е. Ю., Куприянов А. И. Ментальное измерение истории: Поиски метода // ВИ. 1995. № 7 и мн. др.

различным выводам. Цитируемая выше классификация Бурде и Мартена, выявив четыре доминирующих структуралистских потоках в исследованиях «Анналов», вообще не выделяют в самостоятельное направление «историю ментальностей», относят ее к типу исторической антропологии. Эта диспозиция не совпадает с классификацией Агирре Рохаса, который выделил три основные линии «третьих Анналов»: историческая антропология (Ле Руа Ладюри, Валенси), история ментальностей (Ле Гофф), и экспериментальная история (Марк Ферро), не получившая особого распространения²²³. При этом мексиканский автор говорил о двойственности и определенной тавтологии между историей ментальностей и исторической антропологией.

Противоречиво оцениваются и связанные с «историей ментальности» линии преемственности. Ряд исследователей, в том числе, Э. Кларк²²⁴, утверждали, что «история ментальностей» вернулась к незаконченной работе анналистов «первого поколения», а другие – например, Р. Роздюэль²²⁵, написали о полном разрыве «третьего поколения» с наследием Блока и Февра. К последнему выводу присоединился и Агирре Рохас, полагая, что настоящими продолжателями исследовательских линий «отцов-основателей» являются «Мишель Фуко, в случае с Февром, и Карло Гинзбург – в случае с Блоком»²²⁶.

Разброс мнений свидетельствует как о различных идейных и тематических пристрастиях самих историографов, пишущих об «Анналах», так и о многообразии феномена истории ментальностей, с трудом поддающегося типологизации.

От «примитивных ментальностей» Леви-Брюля через «инфантильную ментальность» детской психологии Блонделя и Валлона, понятие было воспринято в «первых Анналах», но, несмотря на несомненный интерес Блока к коллективной психологии, а Февра – к психологии индивидуальной, в обращениях к читателям, рецензиях и собственных исследованиях «отцы-основатели» им пользовались достаточно редко. Броделю и Лабруссу психологическое измерение истории было чуждо, и «звездный час» ментальностей пришелся лишь на 1970-е гг.

Историческая дисциплина осваивала это понятие, перемещаясь к исследованиям человеческой души через изучение трансформаций поведения, чувств, репрезентаций. Питер Берк пишет о трех способах адаптации понятия ментальности к работе историка. Первый, главенствующий отдает приоритет коллективным верованиям и идеологии.

²²³ Там же. P. 123.

²²⁴ Clark E. *History, Theory, Text. Historians and the Linguistic Turn*. Cambridge (Mass.); L., 2004. P. 69.

²²⁵ Rauzduel R. *Sociologie historique des Annales...* P. 80.

²²⁶ Aguirre Rojas C. A. *L'histoire conquérante...* P. 124.

Второй – вдохновляется изучением психологии коллективного бессознательного. Третий подход исследует структуру верований и их взаимоотношений в оппозиции к верованиям индивидуальным²²⁷. Все эти способы могут быть включены в понятие «ментального инструментария», данное Люсьеном Февром.

Агирре Рохас выделяет пять типов в истории ментальностей:

1. Модель автономной, и почти идеалистической истории ментальностей (Филипп Арьес).

2. Модель археологии и генеалогии дискурсивных структур и оснований (Мишель Фуко). Автор полагает, как уже было сказано, что именно Фуко является самым адекватным продолжателем традиции исследования «ментального инструментария» в истории.

3. «Позитивистская», или чисто описательная модель, более характерная для испанской историографии.

4. Социологическая, или социо-экономическая («марксизирующая») модель истории ментальностей, помещающая культурное в более широкий социальный контекст (Жорж Дюби).

5. Сериальная модель ментальностей, «третий уровень» количественной истории, начатой Лабруссом (Мишель Вовель).

Данная классификация²²⁸, даже без претензии на строгость, позволяет уловить широту методологического спектра. Ряд историков берет на вооружение статистические методы, уже послужившие триумфу французской истории в 1960-х гг. Другие исследователи пытались рассматривать воображаемые картины мира как отражение социальных условий мира реального. В третьих исследованиях ментальности, напротив, выглядят как независимые универсумы, не подчиненные никаким социальным законам. В этом случае «новый историк» воссоздавал коллективную репрезентацию, «затемняя» фон социального мира пространством воображаемого, который помещался в перспективу «большой длительности» демографического процесса, восприятия смерти, праздника, семьи, страха и т.д.

В каком-то смысле в дискурсе историков 1970-х «ментальное», подобно «социальному» в 1920-х гг., стало играть роль связующего общественного эфира, и также служило основой междисциплинарных заимствований. Для Мишеля Вовеля и других историков-марксистов это понятие служило средством освобождения от жестких принуждений концепции исторического материализма. Для других историков «ментальности» являлись способом разрабатывать исторические формы в духе обновленного структурализма. Ряд историков стремились через ментальности исторически изучать бессознательное челове-

²²⁷ Burke P. Strength and Weaknesses of the History of Mentalities // History of European Ideas. 1986. № VII. P. 439–451.

²²⁸ Rojas C. A. L'histoire conquérante... P. 129–130.

ской психики в русле психоанализа. Таким образом, бессознательные, сознательные и индивидуальные вариации коллективной психологии, возвращаясь к типологии Питера Берка, действительно могут быть выделены как три основных уровня истории ментальностей.

В силу имеющегося у «Анналов» задела исследований по социальной и экономической истории заимствование этих методик для изучения ментального привело к предпочтению его коллективных измерений. «Третий этаж сериальной истории» составили повторяемые, поддающиеся счету, хотя и нематериальные феномены прошлого: повседневные навыки рядовой массы, лишенной индивидуальных свойств, автоматизмы человеческого действия. Смерть, секс, тело, гигиена, питание были плодотворной темой такого историописания.

Организационно история ментальностей получила институциональную поддержку в начале 1960-х гг., после избрания в Шестую секцию Высшей практической школы Жана-Поля Вернана на кафедру «Социальной и религиозной мысли Античной Греции», Робера Мандру – на кафедру «Социальной истории современных ментальностей», Альфонса Дюпрона – на кафедру «Коллективной психологии и истории европейской цивилизации» и Жака Ле Гоффа – на кафедру «Истории и социологии средневекового Запада». В 1963 г. Жан Делюмо начал читать курс «Истории и социологии Запада нового времени», а в 1965 г. Альберто Тененти открыл «Социальную историю европейских культур». Все эти назначения отмечали настоящий подъем истории культуры в Центре исторических исследований Шестой секции²²⁹.

Подлинным «Лабруссом культурной истории» был Альфонс Дюпрон, семинар которого в Высшей школе исследований по социальным наукам длился с 1960 по 1988 г. В свое время в статье «Проблемы и методы истории коллективной психологии», написанной для «Анналов»²³⁰, он противопоставил традиционной фактологической истории изучение истории эмоциональных метаморфоз. Свое видение «психологизирующей» истории он воплотил в монументальном и увлекательно изложенном диссертационном исследовании «Миф крестовых походов», защищенном в 1956 г. и опубликованном лишь в 1997 г.²³¹

Основную работу Дюпрона часто упрекали за слишком идеализированный образ крестового похода, в котором акцентировались его мифологические свойства в ущерб социальным характеристикам. Он писал о трансформациях в проявлении священного, о формировании той сакральной энергетики, которая привела к рождению мифа борьбы

²²⁹ *Raphaël L.* Le Centre de recherches historique... P. 36

²³⁰ *Dupront A.* Problèmes et méthodes d'une histoire de la psychologie collective // *Annales ESC.* 1961. № 1. P. 3–11.

²³¹ *Dupront A.* Le mythe de croisads. P., 1997. 4 vol.

за «Господень Гроб». Впоследствии Дюпрон расширил хронологическую перспективу своего исследования, став руководителем большого проекта о паломничестве в современной Франции²³².

У истоков истории ментальностей стоит и Филипп Арьес. Банковский служащий по будням и «историк по воскресениям»²³³, как он сам себя назвал, опубликовал свою «Историю французского населения» еще до начала общего демографического поветрия в истории²³⁴. Его имя не было известно в «Анналах» вплоть до 1964 г., пока его вторую книгу «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» не процитировал Жан-Луи Фландрен, проложивший мост между социальной историей направления Лабрусса и историей ментальностей, основанной по преимуществу на литературных источниках²³⁵.

Идеей первой книги «История французского населения» было представление о том, что развитие навыка контрацепции вызвало у французов настоящую ментальную революцию, которая выразилась в новых напряженных поисках смысла жизни. Во втором исследовании, посвященном ребенку, он представил идею детства как особого возраста, отличного от возраста взрослых – относительно недавнее (с XVIII в.) изобретение²³⁶.

Позднее, изучив закономерности и эволюцию западной культуры, значимые для жизни, Арьес исследовал вариации поведения перед лицом смерти, основанные на бессознательном коллективной практики²³⁷. В книге «Человек перед лицом смерти» он выделил пять идеальных «возрастов» в восприятии смерти, не учитывая ни религиозных, ни социальных различий.

1) Смерть в античности и на заре Средневековья, воспринимаемая как закономерный этап коллективной судьбы.

2) «Прирученная смерть», «смерть себя» среднего и позднего Средневековья, финал биографии без трагических переживаний, не вызывающий страха.

3) «Смерть долгая и близкая», характерная для Нового времени и рассматриваемая как дикость и неотвратимая угроза.

4) «Смерть тебя» XIX – начала XX вв., – трагическая потеря дорогого существа в культуре, ориентированной на семейные ценности.

²³² *Ibidem*. Du Sacré. Croisades et pèlerinages. Images et langages. P., 1987.

²³³ *Ariès P.* Un historien du dimanche. P., 1979.

²³⁴ *Ibidem*. Histoire de la population française. P., 1971 (1re éd. 1948).

²³⁵ *Flandrin J.-L.* Enfance et société // *Annales ESC*. 1964. № XIX. P. 322–329.

²³⁶ *Ariès P.* L'enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. P., 1973; рус. пер.:

Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 2000.

²³⁷ *Ibidem*. L'Homme devant la mort. P., 1977; рус. пер.: *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. М., 1992.

5) «Перевернутая смерть» второй половины XX в., которая рассматривается как феномен возмущающий, вытесняемый из сознания. Впервые в истории общество почти «табуирует» тему смерти.

Филипп Арьес сформировал образец истории ментальностей, ставший классическим, как в отношении используемых источников – главным образом, памятников литературы и искусства, – так и в отношении организации самого текста исследования. По утверждению Ф. Кэррэрда, в «Анналах», традиционно безразличных к вопросам текстуальной формы и жанра, путают практики повествования (нарратив) с событийной историей. Между тем любой текст в истории, даже лишенный событийной канвы, облекается в форму рассказа.

Работы Арьеса демонстрируют одну из доминирующих в «Новой истории» модель «рассказа по стратам», когда повествование подразделяет большую длительность на этапы, изображая их по очереди, с тем, чтобы в завершении скомпоновать. «Рассказ по стратам» всегда имеет четкую хронологию, последовательное изложение фаз изучаемого феномена, чаще от более древних к более современным, повествование состоит в основном из 3–4 фаз, что в целом характерно для «христианского» типа мышления.

Этот тип нарратива утверждается в тех тематических областях истории, где необходимо отслеживать преемственность систем и изменения, накапливающиеся внутри самой системы, будь то история ментальностей или гендерная история²³⁸. Таким образом, рассказ, как неотъемлемая форма повествования, совсем не обязательно имеет сюжет, наполненный конкретными событиями.

В основу своей типологии истории ментальностей Делакруа, Досс и Гарсиа поместили программные заявления, выполненные последовательно по времени видными практиками истории ментальностей в коллективных и индивидуальных обобщающих трудах: Жоржем Дюби (1961), Робером Мандру (1968), Жаком Ле Гоффом (1974), Филиппом Арьесом (1978), Мишелем Вовелем (1982)²³⁹.

Дюби

Одним из первых обоснований истории ментальностей стал одноименный раздел, выполненный Жоржем Дюби еще в 1961 г. для коллективного сборника «История и ее методы»²⁴⁰. Он считал отправной точкой «истории ментальностей» уже упоминавшуюся статью Люсьена Февра о психологической истории, написанную в 1938 г. для Француз-

²³⁸ Carrard P. Poétique de la Nouvelle histoire... P. 44–58.

²³⁹ Delacroix C., Dosse F, Garcia P. Les courants historiques en France... P. 204–215.

²⁴⁰ Duby G. L'histoire des mentalités // Samaran C. (dir.) L'Histoire et ses Méthodes. P., 1961.

ской энциклопедии. Развивая мысль Февра, Дюби предложил углубить отношения истории с бурно развивающейся социальной психологией. Соотнося коллективное и персональное, можно проникнуть на более существенные, хотя и менее явные уровни исторического социального бытия. Автор рассуждал о «внутренней памяти» ментальных феноменов, которую он, следуя схеме Броделя, разделяет на три ритма: «конъюнктурную» память момента, память более медленной ментальной эволюции социальной группы, и, наконец, в самом долгом времени, – память, вмещающую в себя ментальные рамки культурного наследия, устойчивые к изменениям. Последняя долговременная память сама оказывает существенное влияние на событийное наполнение истории.

Дюби развивал тему «ментального инструментария», но, пользуясь концептуальной базой марксизма, стремился также к выявлению «структурных» оснований истории, противопоставляя «реальные» и «ритуальные» порядки социума.

Общество не подразделяется на однородные этажи «экономического», «социального» или «ментального». История ментальностей изучает символический универсум, пересекаемый внутренними конфликтами общества, и потому системы репрезентаций необходимо всякий раз укоренять в конкретно-историческом месте, в котором они себя проявляют.

Опытом такого комплексного подхода к истории стала известная книга Дюби «Бувинское воскресенье», посвященная знаменитой битве против германцев при Бувине, которая произошла 27 июля 1214 г. Эта битва имела большое символическое значение, поскольку считалась первым проявлением французского национального духа и была отмечена активным участием городских народных ополчений, поддержавших короля Филиппа II. Несмотря на, казалось бы, свойственное «Анналам» неприятие уникального события, тем более – события-битвы, автор нашел в этом материале способ реконструировать общество начала XIII в., присущие ему представления и нормы поведения, помещая сугубо событийный материал в контекст взаимосвязанных социальных, культурных и политических процессов²⁴¹.

Одним из приоритетов исследований Дюби были семья, любовь, история женщин. Историк стремился понять, как поведение и чувства средневековых людей соотносятся с главенствующими социальными категориями феодализма, совмещают в себе материальные и духовные потребности общества. Еще в своей диссертации о маконезском обществе эпохи средневековья²⁴² Дюби показывал, как трансформирова-

²⁴¹ *Duby G. Le dimanche de Bouvines. P., 1973; рус. пер.: Дюби Ж. Битва при Бувине. М., 1999.*

²⁴² *Ibidem. La société aux XIe et XIIe siècles dans la région mâconnaise. P., 1953.*

лись основы политического порядка и параллельно менялся характер семейных отношений и принуждений.

В книге «Рыцарь, женщина и священник» автор продемонстрировал, как институт свадьбы в средневековом обществе, изначально рассматриваемый как очаг потенциального беспорядка и греха, был приведен к институциональной норме, подтверждавшей власть церкви над светскими сословиями²⁴³.

Наиболее ясно иллюстрировала представление Дюби о ментальностях его книга «Три сословия или воображаемое феодализма»²⁴⁴. В исследовании автор воспроизводит трехфункциональную схему ментальной структуры, предложенную Жоржем Дюезилем для характеристики индоевропейского общества: управление, война, производство. Утверждение этого принципа в Западной Европе является, согласно Дюби, результатом феодальной революции IX в., в ходе которой империя Каролингов превращалась в объект внешней экспансии и переживала идейный поворот. Военная система, ранее обращенная к заграничным походам, ныне приобретала охранительную функцию, король из военного вождя превращался в хранителя мира, а политическая власть в целом считала своей новой целью предотвращение внутренних потрясений и защиту святых мест.

Как следствие, устанавливается новая система социального разделения труда, новая легитимная модель подчинения, выражаемая знаменитой формулой: *Oratores, Bellatores, laboratores*, – одни правят, другие сражаются, третьи работают. Эту идеологию насаждали клирики, с выгодой для сеньоров и рыцарей, пытаясь легитимизировать неустранимое разделение между тремя основными сословиями французского общества на фоне нарождавшейся городской буржуазии. Так, согласно автору, кристаллизация трех сословий прошло обратный, по сравнению с алгоритмом исторического материализма, путь от идеологического к социальному, демонстрируя важность процесса историзации любого символического обозначения.

Мандру

Робер Мандру представил для «Всеобщей энциклопедии» статью «Ментальность» в 1968 г., когда интерес к этой форме истории уже стал всеобщим. Мандру также стремился ввести психологическое измерение истории в перспективу «долгого времени» и соединить ментальные процессы со структурами большей длительности. Обозначив свою дистанцию по отношению к психоанализу, автор утверждал, что

²⁴³ *Ibidem*. Le Chevalier, la Femme et le Prêtre. P., 1981. P. 303

²⁴⁴ *Ibidem*. Les Trois Ordres ou L'Imaginaire du féodalisme. P., 1978; рус. пер.: Дюби Ж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом. М., 2000.

история ментальностей для него – это средство достигнуть истории по-настоящему тотальной и диалектической. Ментальности имеют свое автономное по отношению к социально-экономическим факторам существование и не являются простой игрой отражения «базиса» в «надстройке». В то же время, эта форма истории подчиняется двойному принуждению: методов исследования и установленной эволюции социальной и экономической истории²⁴⁵.

Диссертация Мандру была посвящена изменению судебных практик в отношении феномена волшебства, произошедшему в XVII в.²⁴⁶. Автор отслеживал медленное, занявшее почти столетие, разрушение традиции юридического преследования ведьм. Если в начале века судьи, без колебаний обличая козни Сатаны, выносили обвинительные вердикты, то в конце века этот тип приговора все чаще отвергался. Мандру усматривал суть подобной перемены в изменении самой структуры сознания судей и даже шире, в изменении приоритетов элитарной культуры, отмеченной нарастающей рационализацией мышления.

В 1961 г. Мандру опубликовал свою новаторскую книгу «Введение в современную Францию: 1500–1640 гг. Эссе психологической истории». Замысел книги подсказал Люсьен Февр, она была написана в их деятельном сотрудничестве и должна была выйти под двойным авторством, но после смерти Февра Бродель распорядился издать ее под именем одного Мандру²⁴⁷. Последовательное продвижение исследований в русле истории ментальностей в тот момент не отвечало «магистральной» линии развития «Анналов»: приведенный в «Анналы» Люсьеном Февром, Робер Мандру был смещен Фернаном Броделем с должности секретаря редакции в июне 1962 г. из-за разного понимания исследовательских приоритетов.

Ле Гофф

Самый большой успех история ментальностей снискала в определении Жака Ле Гоффа, данном в трилогии «Заниматься историей» 1974 г. Автор писал о ней как об истории двойственной и неточной, дающей свободу сближаться с этнологией, с социологией, с социальной психологией, поддерживать множество отношений, имеющих важное стратегическое значение. Всеобъемлющий характер гибкого понятия «ментальность» позволял трудиться на ниве других социальных наук и выйти из узкого экономизма 1960-х гг.

Знаменитая книга Ле Гоффа «Цивилизация средневекового Запада», основой для которой послужило отношение средневекового человека

²⁴⁵ Mandrou R. *Magistrats et sorciers en France au XVIIe siècle: une analyse de psychologie historique*. P., 1968. P. 437–438.

²⁴⁶ Ibid.

²⁴⁷ *Ibidem*. *Introduction à la France contemporaine : 1500-1640. Essai de psychologie historique*. P., 1998. (1^е éd. 1961).

к труду и времени, рассматривала свой объект исследования как уникальный культурный универсум, раскрываемый через многофакторное пространство исторических характеристик, материальной культуры, социальной структуры²⁴⁸. На широком архивном материале, задействовав все жанры средневековой литературы, автор прослеживал процесс изменения «ментального инструментария» западного человека. По мере роста экономики менялось соотношение мирских и светских категорий в его сознании, пересматривалось отношение к профессиям, ранее считавшимся греховными, таким, как купечество или ростовщичество. Параллельно трансформировалось восприятие времени, выразившееся в формировании культуры часов. С середины XIV в. башенные часы стали заменять собой церковные колокола, отмерявшие время молитвы.

В Средневековье именно монополия духовенства на время позволяло контролировать производственную и семейную жизнь прихожан. Поэтому религиозные ереси, выступавшие изначально против засилья церкви и одновременно становившиеся формой социального протеста против феодального гнета, выдвигали свои концепции времени и проповедовали скорое наступление Апокалипсиса.

Однако всерьез «время Творца» претерпело трансформацию только в ходе подъема городов и ремесел, по мере общей рационализации и обмирщения городского уклада. Сам процесс занял многие века, и Ле Гофф обобщил его в концепции «долгого» Средневековья, которая решительно противоречила устоявшейся периодизации всеобщей истории. Средневековье Ле Гоффа началось поздней Античностью (II–III вв.) и продолжалось, пережив Ренессанс (XV–XVI вв.), связь которого с Новым временем, на взгляд автора, сильно преувеличена, вплоть до XVIII в., «постепенно изживая себя перед лицом Французской революции, промышленного переворота XIX в. и великих перемен века двадцатого. Мы живем среди последних материальных и интеллектуальных остатков Средневековья»²⁴⁹. Длительность периода, на взгляд автора, определяется тем, что категории «ментального инструментария», в отличие от более динамичных экономических и социальных процессов, трансформируются очень медленно.

Таким образом, Ле Гофф не просто фиксировал нейтральные репрезентации той или иной социальной группы – ментальности стали для него системообразующим аспектом социального анализа и даже периодизации европейской истории в целом.

История ментальностей в трактовке Ле Гоффа намерена «воскресить прошлое» во всей живости его красок так, как об этом еще в XIX в.

²⁴⁸ *Le Goff J. La Civilisation de l'Occident medieval. P., 1964. Rééd. 1984; рус. пер.: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Сретенск, 2000.*

²⁴⁹ *Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада... С. 5–6.*

мечтал Жюль Мишле. Жак Ле Гофф назначил предметом истории ментальностей «уровень повседневного и автоматического», внеперсонального и ускользающего от понимания отдельных людей, «то, чем являются Цезарь и последний солдат его легионов, Святой Людовик и крестьянин его вотчины, Христофор Колумб и моряк с его каравеллы вместе»²⁵⁰.

Личность Людовика IX стала предметом отдельной монографии Жака Ле Гоффа, написанной в жанре исторической биографии. Судьба короля была исследована автором не только сквозь призму ключевых событий его жизни, но в широком контексте XIII в.: политической среды, разногласий церковной и светской власти, крестовых походов, экономики и культурных стереотипов, различных интерпретаций личности и деятельности монарха, выполненных агиографами, французскими и иностранными хронистами, учеными²⁵¹.

Привилегированное место в истории ментальностей Средневековья заняли исследования религиозных феноменов. Дискурсы и практики церкви, сакральное восприятие людей, религиозные основы социального консенсуса располагаются в центре интересов историков ментальностей. Кульминацией религиозной истории и одновременно⁰ – истории ментальностей, стала публикация четырех томов «Истории религиозной Франции», опубликованной под руководством Жака Ле Гоффа и Рене Ремона²⁵².

Арьес

Один из пионеров жанра, Филипп Арьес очень поздно вступил в когорту «историков Анналов», став руководителем исследований в EHESJ. В неоднократно упоминавшейся энциклопедии «Новая история» 1978 г., руководимой Жаком Ле Гоффом, ему была доверена миссия охарактеризовать фактически начатое им направление исследований²⁵³.

Арьес связывал успех истории ментальностей с упадком идеологии прогресса, завещанной эпохой Просвещения, с сомнениями в работности научно-технической революции: человек теперь ищет в истории то, что он еще вчера пытался отыскать в метафизике.

Что касается самого понятия ментальности, то для Арьеса оно выражает возможность понять «дороги перехода к современности». Свою позицию автор иллюстрировал рядом конкретных исследовательских

²⁵⁰ *Le Goff J. Les mentalités. Une histoire ambiguë // Le Goff J. (dir.) Faire de l'histoire... T. 3. P. 80.*

²⁵¹ *Ibidem. Saint Louis. P., 1975. Rééd. 1996; рус. пер.: Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. М., 2001.*

²⁵² *Le Goff J., Remond R. (dir.) L'Histoire de la France religieuse. P., 1988–1992. 4 vol.*

²⁵³ *Ariès P. L'histoire des mentalités // Le Goff J., Chartier R., Revel J. (dir.) Nouvelle Histoire... P. 409.*

достижений. Он привел в пример концепцию дара и отдаривания, созданную Марселем Моссом и развитую в работах Жоржа Дюби об экономике обмена, поскольку усматривал проявления этой традиционной практики даже в современной налоговой политике. Автор сослался на работу Ле Гоффа о временах торговца, церкви, крестьянина, монаха, чтобы показать, как менялись ритмы времени в эпоху Средневековья.

Примером из своей книги Арьес показал пути изменения практик демографического регулирования, которое совершалось при Старом Порядке через установление позднего возраста женитьбы. Для автора были важнее не социальные, а региональные, связанные с локальным укоренением, различия. Мягче, чем Мандру, Арьес формулировал свои отношения с психоанализом, понимаемым не как концептуализированный фрейдизм, а как стихийная глубинная потребность современных людей «извлечь на поверхность сознания чувства, прежде спрятанные в глубокой коллективной памяти»²⁵⁴.

Вовель

В уже цитируемой работе Мишеля Вовеля 1982 г.²⁵⁵ о ментальностях и идеологиях звучит вопрос о том, какие моменты истории позволяют наиболее полно «прочитывать» ментальности. В отличие от большинства практиков ментальностей, погружающихся в тихую заводь повседневности, Вовель увидел лучший фокус для изучения проявлений человеческого сознания как средоточия связей синхронического и диахронического внутри эпох кризиса, среди самых радикальных социальных сдвигов, самых глубоких тектонических изменений, потрясающих общество. Именно эти перемены, на его взгляд, позволяют наблюдать переход от одной ментальной модели к другой с наибольшей ясностью. Здесь же проходит водораздел между историей ментальностей, как изучения подвижного и изменчивого, что позволяет интегрировать эти явления в глобальную историю, и исторической антропологией, изучающей неподвижное и неизменное.

Считая понятие ментальности более емким, чем идеологии, автор писал о более медленном ритме времени ментальностей, чем у идеологий в видении Маркса. Время ментальностей можно квалифицировать как «тюрьму большой длительности», по выражению Фернана Броделя, или как «сопротивление» у Эрнеста Лабрусса, но Вовель настаивал, что системы репрезентаций сами могут выступать фактором инноваций, и потому утверждал необходимость «говорить о реальной креативности этого воображаемого»²⁵⁶.

²⁵⁴ *Ariès P.* L'histoire des mentalités. P. 423.

²⁵⁵ *Vovelle M.* Idéologies et mentalités...

²⁵⁶ *Ibid.* P. 93.

Следуя традиции «первых Анналов», Вовель исследовал ментальности как интегрированную часть общества, а не самостоятельные идеальные типы. Изучая эволюцию поведения перед лицом смерти, автор выбрал для себя совершенно другой метод, чем у Арьеса, разбив свое исследование на этапы изучения «ожидаемой смерти», «пережитой смерти» и «дискурса о смерти». Он всегда учитывал демографические и социально-экономические факторы, характеризующие индивида и семью в «ожидании смерти». Анализируя «дискурс о смерти», автор восстанавливал ткань связанных с нею идеологий, места института Церкви и светских властей. Меж этих двух полюсов располагался ментальный опыт «пережитой смерти», всегда имеющий социальные различия.

Исследовав двадцать тысяч завещаний, составленных в XVIII в., Вовель пришел к выводу о радикальном изменении ментальностей в эру Просвещения, переставшей соблюдать «почести эпохи барокко»²⁵⁷. Вполовину реже заказывались посмертные мессы, похоронный обряд не занимал более центрального места в завещании. Выясняя факторы подобной эволюции, Вовель отверг схему противостояния народа и элиты, утверждая решающую роль городской буржуазии в этой десаκραлизации ментальностей, которая контрастировала с защитной реакцией знати. Впрочем, отмеченная рационализация мышления, по Вовелю, служила источником постоянных «деформирующих употреблений». Одного упоминания дехристианизации эпохи Французской революции недостаточно, чтобы исчерпать причины этой трансформации и ограничиться лишь описанием «пережитой смерти», ибо различные провинции реагировали на этот процесс по-разному.

Е) Историческая антропология

В 1970-х гг., параллельно развитию истории ментальностей, утверждался жанр исторической антропологии, основанный на «втором дыхании», которое сообщила история структуралистским подходам. Ряд исторических исследований, выполненных в данном ключе и вдохновленных антропологией Леви-Стросса и семантикой Греймаса. Бурде и Мартен отнесли к «собственно структурной» антропологии. Здесь первой тематической областью стал анализ мифов в продолжение принципов, провозглашенных Леви-Строссом в «Структурной антропологии»²⁵⁸ и во «Времени мифов»²⁵⁹. В таком типе исследования мифы рассматриваются как базовые рефлексии социальной структуры. выражение глубинных чувств общественного организма. Миф не под-

²⁵⁷ *Ibidem*. Piété baroque et déchristianisation en Provence... P. 275.

²⁵⁸ Lévi-Strauss C. Anthropologie structurale... P. 226.

²⁵⁹ *Ibidem*. Le temps du myth // Annales ESC. 1971. № 1. P. 533–540.

чиняется логике и причинным рационализирующим отношениям, и поэтому необходимо восстановить элементы, придающие ему связность во всех возможных версиях, затем вписать их в более широкий контекст социальной системы, выделить его «мифемы». Так вычисляется имманентно присущая мифу логическая модель, которая должна снять все внутренние противоречия и объяснить его базовые основания.

Это направление исследований широко распространилось в школе исторической антропологии греческой античности. Жан-Пьер Вернан, Пьер Видаль-Наке, Марсель Детьен выступали против традиционного способа проблематизации, при котором специфический мир античности восстанавливался с помощью анахронического, свойственного современности, ментального инструментария. Рассуждая о семантических формах понятия «работа» у Платона, Вернан в своем первом труде пришел к выводу, что с VIII по VI вв. до нашей эры у эллинов произошла существенная трансформация ментального универсума²⁶⁰. Впоследствии автор резюмировал, что сознание древних греков было во всем отмечено феноменом религиозного, переместив свой исследовательский интерес к анализу греческих мифов согласно моделям Леви-Стросса и Дюмезиля.

Направление «структурной» исторической антропологии занимается и систематической дешифровкой самых разнообразных ритуалов – античных праздников, христианских процессий, политических манифестаций. Характерным тому примером является работа Ле Руа Ладюри – «Карнавал в Романе»²⁶¹, которая рассказывает об истории кровавого праздника, устроенного в 1580 г. знатным сословием, чтобы устранить лидеров народной партии – организаторов мятежа. Социальные позиции акторов на празднике символически выражались образами животных: знатных – летающими, с различием полов, нижестоящих – земными и бесполоыми. Анализируя игровые формы карнавала, несмотря на трагические привходящие обстоятельства, автор нашел в нем все черты традиционных итальянских праздников, воплотивших в себе мифологемы народного сознания.

Важным направлением структурной антропологии в истории стал анализ текстов. Критикой литературных источников занимались в традиции «Анналов» Натан Ваштель, Жак Ле Гофф, Мишель де Серто. Так, Натан Ваштель написал о литературном творчестве двух испанизированных перуанцев XVI в., один из которых полностью отождествлял себя с европейской культурой, а второй – с погибающей культурой инков²⁶². «Герменевтика Другого» прослеживалась и в знаменитом

²⁶⁰ Vernant J.- P. Les Origines de la pensée grecque. P., 1962.

²⁶¹ Le Roy Ladurie E. Le Carnaval de Romans. P., 1979.

²⁶² Wachtel N. Pensée sauvage et acculturation // Annales ESC. 1971. № 2. P. 793–841.

сочинении Мишеля де Серто «Написание истории», пятая глава которого «Этнография. Словесность, или пространство Другого: Лери» повествовала о человеке, рассказавшем о своем путешествии в Бразилию и обратно. Сравнивая реалии жизни «здесь» и «там», пройдя путем множества противопоставлений, автор все-таки выявил некоторое число инвариантов человеческого восприятия²⁶³.

Направление структурной исторической антропологии тесно сомкнулось с прочими ее направлениями, а также с историей ментальностей. Официально Высшая школа исследований по социальным наукам объявила о введении направления исследований по исторической антропологии в 1976 г. Она была сразу представлена «двенадцатью семинарами и семнадцатью преподавателями»²⁶⁴. Еще годом ранее Жак Ле Гофф переименовал свой курс «Истории и социологии средневекового Запада» в «Историческую антропологию средневекового мира». На последнем примере можно убедиться, что между историей ментальностей и исторической антропологии не было не только оппозиции, но и ясно очерченной границы.

Зыбкий водороздел между ними составили заимствования из арсенала этнологов и воспринимаемые с его помощью грани социального универсума: мир чувств, материальной культуры, экзотизм различных эпох. В «Анналах» сделались частыми специальные номера, которые подтверждали упоение этой новой тенденцией исторической мысли: «Биологическая история и общество», «История и структура», «Семья и общество», «История и сексуальность», «За антропологическую историю», «История потребления», «Вокруг смерти», «Антропология Франции», «История и антропология андских сообществ», «Исследования об исламе. История и антропология»²⁶⁵.

Основная лаборатория «Анналов» – EHESS (Высшая школа исследований по социальным наукам) – ясно демонстрировала общую эволюцию исследований, в которой социальная и экономическая история уступали все большее место истории культурных феноменов. Среди 11 основных дисциплин доля этой истории возросла на 35% уже в начале 1970-х, и достигла 40% к 1985–1986 гг.²⁶⁶.

²⁶³ *Certeau, de M. L'écriture de l'histoire. P., 1975. P. 215–248.*

²⁶⁴ *Valensi L., Watchel N. L'anthropologie historique // Revel J., Wachtel N. Une école pour les sciences sociales... P. 256.*

²⁶⁵ *Histoire biologique et société // Annales ESC. 1969. № 6; Histoire et structure // Ibid. 1971. № 3–4; Famille et société // Ibid. 1972. № 4–5; Histoire et sexualité // Ibid. 1974. № 4; Pour une histoire anthropologique // Ibid. 1974. № 6; Histoire de la consommation // Ibid. 1975. № 2–3; Autour de la mort // Ibid. 1976. № 1; Anthropologie de la France // Ibid. 1976. № 4; Histoire et anthropologie des sociétés andines // Ibid. 1978. № 5–6; Recherches sur Islam. Histoire et anthropologie // Ibid. 1980. № 3–4.*

²⁶⁶ *Delacroix C., Dosse F., Garcia P. Les courants historiques... P. 219.*

Этнологизация исследований у историков Анналов сопровождалась активными заимствованиями количественных методов, характерных для социальной истории 1960-х гг. Антропология семьи продолжила исследования по исторической демографии²⁶⁷, в данной перспективе исследования по истории ментальностей сочетались с наработками квантитативной истории. Таким образом, и в исторической антропологии «ментальности» нашли себе применение, охватывая, за счет емкости самого понятия, множество различных измерений.

Утверждение исторической антропологии привело к активному изучению конкретных материальных форм прошлого. Зачастую работы по истории материальной культуры полностью оставляли амбицию «первых Анналов» создавать «историю-проблему», ограничиваясь чистым описанием феномена. Исследование фокусировалось на повседневной жизни, как материальной, так и культурной, «обыкновенных» людей прошлого, которое по типу фактологического изложения напоминали «позитивистскую» историю, только утвердившуюся на другом поле, вне сферы политического. История материальной культуры стремилась возродить конкретного человека, который исчез из социальной истории, изучающей запутанные демографические серии и экономические кривые «больших длительностей».

Человек-потребитель материальных благ вытеснял из исследования человека-производителя. Однако, концентрируясь на описании материальных и культурных феноменов, данный тип исследования намеренно не интересовался проблемой соединения своего предмета с другими уровнями реального. В сборнике «Новая история» Ж.-М. Пезе утверждал автономию исследования фактов материальной культуры по отношению к социальным фактам как своего рода «компенсацию» за тот период, когда социальная история слишком часто скрывала ее присутствие²⁶⁸.

Настоящим родоначальником исследований материальной культуры, которая утверждалась в 1970-х гг. как инновация «Анналов», историографы называют немецкого социолога Норберта Элиаса, который выпустил свою книгу об эволюции нравов еще в 1939 г.²⁶⁹ В его исследовании излагались ступени эволюции в культуре ухода за своим телом западного человека, начиная с эпохи Средневековья.

Подлинным шедевром самих «Анналов» в жанре исторической антропологии является книга «Монтайю» Ле Руа Ладюри, который попытался услышать голос «великого немого» средневековой истории –

²⁶⁷ *Burguière A.* L'Anthropologie historique // *Bédarida F. (dir.)* L'histoire et le métier d'historien en France... P.°171–185.

²⁶⁸ *Pesez J.-M.* L'histoire de la culture matérielle // *Le Goff J., Chartier R., Revel J. (dir.)* La Nouvelle Histoire... P.°130.

²⁶⁹ *Elias N.* La Civilisation des moeurs. P. 1973.

обыкновенного человека, живущего на рубеже XIII–XIV вв. в маленькой высокогорной деревне удаленного уголка Пиренеев, восстановить его повседневные практики. Представляет интерес выбор источника, по которому реконструировались репрезентации: это материалы допросов церковной инквизиции, расследующей дело о распространении катарской ереси в регионе²⁷⁰.

Ле Руа Ладюри воскресил облик затерянной в горах аквитанской деревушки на протяжении жизни одного поколения крестьян. Дотошность протоколов допроса инквизиторов позволила историку детально изучить крестьянский мир. Первая часть книги была посвящена описанию географической среды, систем земледелия и скотоводства, властных и общественных структур. Автор не отметил особой роли в этом социуме феодальных или церковных институтов, зато в нем имели определяющее влияние отношения между семейными кланами. Бытовые практики селян были крайне архаичными: в своей повседневной хозяйственной деятельности они даже не использовали колеса.

Переходя во второй части от «экологии» к «археологии» Монтайю, автор анализировал ментальный универсум крестьян, их представления о жизни и смерти, судьбе и свободе выбора, любви и ревности, здоровье и болезни, допустимых и недопустимых нормах поведения. Ле Руа Ладюри полемизировал с Арьесом, утверждая, что жители деревни имели представление о возрасте детства и были привязаны к своим детям. Формируя, таким образом, «тотальную историю» Монтайю, автор вдохновлялся примером работы антрополога, восстанавливающего мельчайшие аспекты народной культуры, достаточно независимой от предписаний центральной власти и главенствующих идеологий.

Популярной логической схемой, функциональной осью в исследованиях «третьих Анналов» по культурной истории, выдающимся примером которой стала монография о Монтайю, являлась, как известно, дихотомия ученой и народной культур²⁷¹. Это разделение, позволяющее совершать движение от социальных элит к «низам» и обратно, вносило определенный динамизм в историческое исследование, основанное на этнологических подходах.

Однако объяснения опирались на источники, созданные ученой культурой, и, стало быть, трактовались в ее пользу. Выделяя культурную репрезентацию отдельной группы, историк не рассматривал ее внутренние конфликты. Впоследствии критики исторической антропологии укажут на упрощающий и искусственный характер разрыва

²⁷⁰ *Le Roy Ladurie E.* Montailou, village occitan de 1294 à 1324. P., 1975; рус. пер.: *Ле Руа Ладюри Э.* Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург, 2001.

²⁷¹ *Ricoeur P.* Temps et récit. P., 1983–1985. 3 t. T. 1. P. 156; рус. пер.: *Рикёр П.* Время и рассказ: В 2 т. М.; СПб., 2000.

между ученой и народной культурами: в основе представлений элиты все равно лежат общие архетипы и элементы традиционного образа жизни²⁷². Однако исследования, основанные на сопоставлении народных и элитарных представлений, имели свой познавательный ресурс. Циркуляция знаний и идей, отраженная в источниках, позволяла уловить определенную социальную динамику и, тем самым, превзойти традиционное этнографическое описание повторяемого. Так, в диссертации Ле Руа Ладюри точки соединения двух культур – неграмотных крестьян Лангедока и горожан с возрастающим уровнем грамотности – являлись способом воссоздать целостность прошлого²⁷³.

Первые сомнения

В период увлечения историей ментальностей и исторической антропологией ряд историков поверили в иллюзию завершения проекта тотальной истории, через последовательное расположение уровней демографического, экономического, психологического, этнологического анализа. «Цементом» этого дома истории стало понятие «ментальности». Но с конца 1970-х гг. эвристическая прочность этого термина, ассоциируемого с «Анналами», стала вызывать все больше критики. Британский историк Джефри Ллойд самым заголовком своей книги – «Чтобы покончить с ментальностями»²⁷⁴ суммировал эти сомнения, указывая на три основных препятствия, дискредитирующих достоверность понятия.

Во-первых, самый очевидный изъян истории ментальностей – это внимание, уделяемое по преимуществу стабильным, «структурным» феноменам, при котором факторы динамики в истории игнорируются. Такая концепция побуждает историков ментальности предпочитать исследования дихотомий, массивных оппозиций, не замечая процессов перехода от одного явления к другому. Кроме того, находя исторические постоянства в одних лишь коллективных ментальностях, исследователь рисковал преувеличить их значение и потерять индивидуальное измерение истории.

Во-вторых, Ллойда не устраивали типы научного доказательства, утвердившиеся в истории ментальностей. Так, например, способ обоснования групповой репрезентации в виде ссылки на чью-то единичную ментальность, «доказательство через удачный пример», тем более заимствованный из литературного источника (что критиковалось еще Ф. Симьяном), согласно автору, уничтожает все достижения «истории-проблемы», фактически возвращая к «переописанию» феноменов.

В-третьих, историки ментальностей чрезмерно увлекались обобщениями, сравнивали различные системы верований, не заботясь о

²⁷² *Certeau, de M. La Culture au pluriel. P., 1993. P. 45–72.*

²⁷³ *Le Roy Ladurie E. Les paysans de Languedoc...*

²⁷⁴ *Lloyd G. Pour en finir avec les mentalités. P., 1993.*

формировании корректных и исторически достоверных критериев для таких сравнений.

Критика истории, практикуемой «третьими Анналами», разрастаясь, в 1980-х гг. достигла размаха «эпистемологического поворота». Почему, казалось бы, столь перспективное намерение воскресить в подробностях мир человека прошлого как целостный и живой универсум, повлекшее за собой рождение истории ментальностей и ряд настоящих исследовательских шедевров, спустя пятнадцать лет стало восприниматься как очередное интеллектуальное засилье, новая версия научного детерминизма?

Можно объяснить волну критики, обосновав логическую уязвимость исследовательских алгоритмов истории ментальностей, таких, как злоупотребление построениями идеальных типов, которые характеризуют безликие массы и игнорируют динамические процессы и всякую индивидуальность. Однако необходимо помнить еще об одной закономерности развития исторической науки в целом. Каждое поколение исследователей пытается утверждать «особый» тип истории, переписать ее заново, сообразно собственному жизненному и историческому опыту. История ментальностей пришла на смену социально-экономической истории, та в свое время оспорила политическую. В основе смены идейных и методологических поветрий лежит, среди прочего, ...интеллектуальное пресыщение. Марсель Гоше справедливо заметил, что, не являясь хуже или лучше любой другой, «всякая история приедается», ее результаты кажутся все менее впечатляющими и молодые пытливые умы неизбежно поворачиваются к другим горизонтам²⁷⁵.

²⁷⁵ *Gauchet M. L'élargissement de l'objet historique... // Le Débat. 1999. № 103. P. 136.*

ГОРИЗОНТ «ЧЕТВЕРТЫХ АННАЛОВ»
В ШИРОКОМ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ
КОНТЕКСТЕ: «МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ
ПОСТМОДЕРНА И ХАРИБДОЙ
НЕОПОЗИТИВИЗМА»

**3.1. РЕФЛЕКСИЯ О ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ
ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСТОРИИ И ЧЕРТЫ
НАРОЖДАЮЩЕГОСЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО
КОНСЕНСУСА В 1980–1990-Х ГГ.**

**3.1.1. «Кризис парадигм» и критика концептуальных основ
движения «Анналов»**

Последняя четверть века существования французской (да и мировой) историографии была описана богатым метафорическим рядом, передающим идею растерянности или упадка: «время сомнений», «кризис идентичности и практик», «эпоха неопределенностей», «эпистемологическая анархия», «кризис исторической интеллигентности», «одержимость памятью», «критический поворот»... Все эти выражения, безусловно, диагностируют экспрессию неустойчивости методологических основ современной исторической науки. При этом само историографическое производство во Франции показывает неплохую динамику, утверждая ряд сильных тематических проектов и плодотворных дискуссий, речь о которых пойдет ниже. Скорее всего, современная идея «кризиса истории» свидетельствует не столько об истощении интеллектуального ресурса исторической науки, сколько о «перегреве» гуманитарных наук в целом и истории в частности. Совершая переход в XXI в., они оказались не в состоянии обобщить в единую, непротиворечивую панораму многочисленные и часто оппозиционные друг другу фрагменты развития и увидеть единую перспективу развития гуманитарного знания.

И все же данное обстоятельство не снимает задачу соединения идеи «кризиса истории» и существующих историографических направлений. Отправной точкой для анализа этой сложной динамики может и должна стать критика, нараставшая с конца 1970-х гг. в отношении как базовой историографической модели «Анналов», взывающей к истории-проблеме и междисциплинарности, так и двух ее основных воплощений – социально-экономической истории Броделя-Лабрусса и «Новой истории».

Как известно, «Анналы» первого и второго поколений, так же как и предшествующая им «методическая» школа, испытывали недоверие к абстрактному философскому теоретизированию. Определенные подвижки в этом направлении произошли в недрах «Новой истории». Еще в знаменитом трехтомнике «Заниматься историей» редакторы Ж. Ле Гофф и П. Нора подняли проблему: не настало ли для истории «время оттока и сдержанных редефиниций»²⁷⁶, побуждая к переосмыслению кажущихся очевидными истин социальной истории. «Историк сегодняшнего дня, – писал здесь же Франсуа Фюре, – обязан опровергать методологическую наивность и размышлять над условиями становления его знания...»²⁷⁷

Броделю теоретические экскурсы «третьего поколения» казались чрезмерными²⁷⁸, и эта негативная реакция легко объяснима не только с точки зрения верности манифестам «отцов-основателей», но и в плане привычного академического и политического позиционирования. Во французской историографии всякая теоретическая рефлексия об истории традиционно осуществлялась «справа», в стане противников движения «Анналов» – «критической философии истории», развиваемой Раймоном Аронем и его последователями. Арон еще перед Второй мировой войной критиковал «объективистскую» концепцию близких «Анналам» по духу дюркгеймианцев, пренебрегших герменевтической основой гуманитарного знания²⁷⁹. Отрицание объективизма, свойственного «Анналам», находит свое продолжение и у историка Анри-Ирене Марру, который ясно утверждал мысль, согласно которой нельзя развивать дискурс об истории, не имея философской культуры. Его монография «Об историческом знании»²⁸⁰, предвосхитившая содержание эпистемологических дискуссий последнего времени, уделяла большое внимание герменевтической перспективе.

Еще в начале 1950-х гг. мало тогда известный философ Поль Рикёр безуспешно пытался примирить амбиции «левых» объективистов и «правых» субъективистов, утверждая, что эпистемология истории

²⁷⁶ *Le Goff J., Nora P. (dir.) Faire de l'histoire...*

²⁷⁷ *Furet F. Le quantitatif en histoire // Le Goff J., Nora P. (dir.) Faire de l'histoire... T. 1. P. 53.*

²⁷⁸ *Braudel F. En guise de conclusion // Review. 1978. № 3–4. P. 243–283.*

²⁷⁹ *Aron R. Introduction à la philosophie de l'histoire. P., 1986 (1e éd. 1938); рус. пер.: Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М., 2000.*

²⁸⁰ *Marrou H.-I. De la connaissance historique. P., 1954.*

по своей природе является смешанной, переплетенной из объективности и субъективности, объяснения и понимания. Автор поднимал и проблему двойственности языка историка, одновременно «человеческого» и «научного», которая вынуждает при написании истории принимать во внимание и событийные обстоятельства, и структурные принуждения²⁸¹. Как и Марру, Рикёр пытался доказать, что история создается в процессе неустранимого напряжения между необходимой объективностью науки и собственной субъективностью историка. И все же «Библией» исторической методологии Рикёр называл «Апологию истории» Марка Блока, утверждая, что в этой книге, чей эвристический потенциал наследники не использовали в полной мере, уже было все необходимое для «правильных» определений²⁸².

Другой источник эпистемологических сомнений для историков – «нарративная» теория – во Франции 1960–1970-х гг. развивалась среди литературоведов структуралистской ориентации, которые провозглашали цель сконструировать «поэтику», то есть сделать ясной систему фигур и соглашений, которые позволяют работам иметь определенную текстуальную форму и производить свои смыслы. Уже от них интерес к проблемам письма перекочевал к философам (Поль Рикёр) и историкам (Поль Вейн)²⁸³.

Ролан Барт, задолго до провозглашения «лингвистического поворота», еще в 1967 г. задался вопросом: «Повествование о прошедших событиях, действительно ли оно отличается от повествования воображаемого, такого, каким можно его обнаружить в эпосе, романе, драме?»²⁸⁴.

Наконец, в конце 1960-х гг. Фуко в рамках своей «археологии знания» предлагал анализировать историю как дискурс, начиная с таких понятий как «повествующие события», «дискурсивные события», или «дискурсивные образования»²⁸⁵.

В этих условиях, когда традиция эпистемологии истории, а также пришедший из литературной критики тип анализа исторического источника да и самой историографии «как текста» приобретают неудержимый темп развития, «третьи Анналы», сделавшие приверженность инновации своей характерной чертой, уже не могли оставаться в стороне. Красноречивее всего начало «эпистемологического поворота» в рефлексии историков об истории иллюстрировала книга Поля Вейна «Как пишут историю». Монография была опубликована впервые

²⁸¹ Ricoeur P. Histoire et Verité. P., 1955. Rééd. 1964.

²⁸² Ibid. P. 25.

²⁸³ Clark E. History. Theory, Text... P. 89–90.

²⁸⁴ Barthes R. Le bruissement de la langue. P., 1993. P. 163.

²⁸⁵ Foucault M. Réponse au Cercle d'épistémologie // Cahiers pour l'analyse. 1968. № 9. P. 9–40.

в 1971 г. в престижной исторической серии издательства Сэй²⁸⁶ и переиздавалась в 1978 г. в «карманном» формате.

Историк античности, утверждавший свою принадлежность к движению «Анналов», Вейн в самой провокационной манере заявил о провале проекта, предложенного Броделем. Автор вывел такую дефиницию истории, которая интегрировала суть аргументов структурализма и критической философии истории против «Анналов».

Вейн утверждал, что история – это не наука, что она ничего не объясняет и не имеет собственного метода, поскольку всякий исследователь, как и всякий писатель, имеет свою маленькую «философию личной истории» и свой профессиональный опыт. История – «настоящий роман», правдивый рассказ, интрига, житейская смесь материальных причин, целей и случаев, слагающихся в обыкновенное, с точки зрения литературного творчества, написание. Первоначальный инстинкт историка – простое любопытство, способ проведения досуга, не имеющий никаких гражданских и моральных обязательств. Досуга, впрочем, не очень простого: отдавая должное Марру, Вейн писал, что любая рефлексия об истории требует теоретической культуры. Он защищал идею «концептуализирующей истории», которая должна анализировать то, что «делают историки», то есть изучать «теоретические практики» и «эпистемологические основания». Необходимо отказаться от засилья в истории «ложного жанра» социологии, которая представляет собой не более чем «смесь трюизмов», «псевдонауку». Автор сожалел, что именно принуждения социологии породили те современные академические соглашения, которые ограничивают свободу историка-творца²⁸⁷. С точки зрения Вейна, подлинным историком являлся его друг Мишель Фуко, разом уничтоживший всякие границы между философией и историей.

В рецензии, опубликованной во все тех же «Анналах», критичный по отношению к социальной истории философ Раймон Арон писал о «крайнем удовольствии», которое он испытал, читая эту книгу. Он оценивал это произведение как опыт демистификации долгих и коротких времен, критику понятия ментальности и преемственность Вейна в большей степени по отношению к сочинению «Об историческом знании» Марру, чем к «Апологии истории» Блока. По мнению автора, Вейн утверждал «с искренней и спокойной наивностью», что «история не наука, и никогда таковой не станет, по меньшей мере, пока не прекратит быть самой собой»²⁸⁸.

По мнению Ж. Нуарьея, успех книги Поля Вейна был вызван изменением профессиональных приоритетов у нового поколения исто-

²⁸⁶ Veyne P. Comment on écrit l'histoire. Essai d'épistémologie...

²⁸⁷ Ibid. P. 189–192.

²⁸⁸ Aron R. Comment l'historien écrit l'épistémologie. À propos du livre de Paul Veyne // Annales ESC. 1971. № 6. P. 1319–1354.

риков, которые более интересовались процедурами написания истории, отстаивая свободу творчества для авторов, чем проблематикой профессиональных принуждений «ремесла историка». Широту изменения, согласно автору, показывает сравнительная таблица предпочтений «Апологии истории» Марка Блока и «Как пишут историю» Поля Вейна, – книги, которые были основаны на двух принципиально различных, если не сказать, противоположных понятийных конструкциях²⁸⁹:

Марк Блок	Поль Вейн
Профессиональная практика	Дискурсивная практика
Научная истина	Интрига
Коллективная работа	Индивидуальное сочинение
Коммуникация	Вдохновение
Дисциплинарная специализация	Междисциплинарность
Солидарность	Теоретические основы
Связь	Разрыв
Естественный язык	Теоретический язык
Отдавать себе отчет	Свобода мысли
Труженик	Автор
Метод	Личная философия

Как следует из сравнения, поколение Поля Вейна полностью заменило понятия, выражавшие идею коллективного труда, социальной ответственности и владения методом, свойственные ранее «ремеслу историка», на ценности индивидуального творчества, литературного вдохновения и свободы теоретизирования.

И все же не стоит преувеличивать размах изменений, произошедших в сознании историка. Поль Вейн, употребивший в своей монографии обескураживающее количество философских ссылок на древнегреческих, немецких и американских мыслителей, в большинстве своем неизвестных французским историкам, создал наиболее экстремальный пример эпистемологической проблематизации. Большинство историков 1970-х гг., холодно принявших провокацию Вейна, обнаруживали весьма умеренный интерес к вопросам познавательных возможностей истории. Они не только остались привязанными к историографической модели, построенной против истории-рассказа²⁹⁰, но и были по-прежнему верны традиционному историческому эмпиризму, недоверчивому по отношению к философии.

²⁸⁹ *Noiriel G.* Sur la crise de l'histoire... P. 103.

²⁹⁰ *Furet F.* De l'histoire-récit à l'histoire-problème...

Ф. Кэррэд, анализируя литературное производство «новых историков», свидетельствовал, что они привержены «модели научного исследования со своими статьями метода и со своими деонтологическими принуждениями»¹. Анналисты третьего поколения понимают теорию, прежде всего, как совокупность текстов, на которые они могут сослаться, когда «они хотят «доказать» свою мысль или ее «переориентировать», но не воспринимают теоретические рассуждения как самостоятельную и подходящую для них сферу занятий. Именно поэтому популярным видом цитирования у «новых историков» являются «внутренние сноски» (то есть упоминание вскользь), видных теоретиков гуманитарного знания – Бахтина, Бурдые, Дюркгейма, Фуко, Фрейда, Леви-Брюля, Леви-Стросса, Рикёра, Вебера и других, показывающие широту их теоретической компетенции, но всегда без серьезного анализа и дискуссии. В редких случаях, – например, в случае Жоржа Дюби или Пьера Губера, – они даже утверждают отсутствие всякой ясно выраженной теории истории.

В среднестатистической норме «новые историки», по мнению Кэррэда, занимают двойственную позицию. С одной стороны, заметно («их желание обозначить знание, которому посвящены современные споры»), и, в то же самое время, очевидно их нежелание участвовать в этих дискуссиях полностью, «потому что это участие могло бы их привести к пренебрежению своим первым обязательством – реконструировать прошлое». Отсюда и амбвалентность критики, им адресованной, которая иногда заявляет, что у «Новой истории» слишком много теории, а в других случаях – что ее слишком мало. Автор исследования приходит к выводу о том, что в целом «новые историки» сохраняют верность традиционной «документальной» модели исследования, возведенной в ранг дисциплинарной матрицы поколением историков-позитивистов: они ставят перед собой задачи не «переинтерпретировать» прошлое, а заполнить в нем лакуны и повысить степень объективности его восприятия.

«Новая история остается научной историей»².

В целом, рефлексия о рассказе и «философия понимания» истории мало брались в расчет или оставались непонятыми для большинства французских историков той эпохи. Лишь после издания «Времени и рассказа» Поля Рикёра в 1983–1985 гг., и особенно в 1990-х историческое сообщество приняло этот круг вопросов. Некоторая теоретическая противоречивость, присущая «третьим Анналам», оставляла пока за гранью широкого восприятия и близкого к ним Мишеля де Серто, внимательно к эпистемологической проблематике: лишь в последнее десятилетие он также превратился в культовую фигуру французской историографии.

¹ Carrard P. Poétique de la Nouvelle histoire... P. 153.

² Ibid. P. 158.

Именно Серто дал самый живой отклик на монографию Вейна, сначала в рецензии для *Анналов*, затем в сборнике «Заниматься историей».

Как и Вейн, Серто подчеркнул повествовательный характер любой истории. В отличие от Вейна, Серто указывал еще одно, дополнительное измерение своего «ремесла»: это конкретное, социологически просчитываемое место историков в «институте знания», которое во многом определяет специфику их деятельности. Именно принадлежность к определенной корпорации дает связность их дискурса, создает специфические практики дисциплины. В вводной статье 1974 г. «Историческая операция» к коллективной монографии «Заниматься историей» Серто, по сути, предлагал вниманию читателей сокращенную версию своей книги «Написание истории»³, речь о которой подробнее пойдет ниже, определяя историческую операцию как «комбинацию социальной среды, научных практик и написания», отстаивая идеал истории как занятия «смешанного» – «между наукой и вымыслом».

Таким образом, «третье поколение» *Анналов* было затронуто лишь самым краем сошедшей «эпистемологической лавины». По-настоящему «рефлексивной манерой», как выразился Дж.-П. Хэрубелл⁴, обладают представители «четвертого поколения *Анналов*». Им пришлось выдерживать основной натиск критики, адресованный всем их предшественникам, в полной мере вникать во все нюансы «эпистемологического поворота» и пытаться примирить непримиримое – сохранять верность традициям движения «*Анналов*», одновременно отстаивая его реноме «экспериментальной площадки истории».

Критика «Анналов»

В 1979 г. «*Анналы*» опубликовали специальный номер к 50-летию юбилею, где отрицали всякую претензию движения на гегемонию и констатировали, что «атомизация исторического поля» диктует необходимость переосмысления устоявшихся позиций. Андрэ Бюргьер предложил читателям «...вернуться к источникам, чтобы попытаться отделить эту историю от легенды, которая нам была передана и которую мы сами подпитывали»⁵, а Жак Ревель утверждал, что настоящей истории «*Анналов*» пока не существует, поскольку большинство посвященных им работ исходят от дискурса, который они поддерживали о себе сами, отмечая прежде всего преемственность и связность развития. «Постулируют существование школы, – писал он, – там, где есть, главным образом, движение, восприимчивость, стратегии, деятель-

³ *Certeau, de M. L'Écriture de l'histoire. P., 1975.*

⁴ *Herubel J.-P. Annales Historiography and Theory. A Selective and Annotated Bibliography. Westport; Connecticut, L., 1994. P. 3.*

⁵ *Burquière A. Histoire d'une histoire: la naissance des Annales... P. 1348.*

ность, мало стесненная сущностью теоретических определений...», но оставляют за рамками рассмотрения действительную социологию движения, его последовательные и умножающиеся сплетения, которые с течением времени приобшались к Анналам⁶.

Если для младших членов редакции «Анналы» стали объектом спокойного историографического переосмысления «золотой легенды», то внешний мир превратил традицию, выходящую из фазы своего триумфа, в мишень самой беспощадной критики. Своего рода символическим обозначением этого рубежа стал 1980 г., год открытия журнала «Ле Деба», превратившегося за последние 35 лет в одну из самых активных полемических трибун интеллектуальной публицистики. Его первоочередным предпочтением с самого начала являлись идейные дискуссии, связанные с обновлением профессии историка.

Журнал был создан в издательстве «Галлимар» по инициативе представителя «третьих Анналов» Пьера Нора, являющегося его бессменным редактором. По свидетельству последнего, организаторы стремились создать «общий журнал идей, опирающийся на сектор уже устоявшихся гуманитарных наук». «Ле Деба» сформировал собственные тематические приоритеты, которыми являются: интеллектуалы, национальное достояние, историография, эпистемологическая рефлексия. Девизом журнала стал слоган «история, политика, общество», поскольку, по убеждению Пьера Нора, только история является «единственно надежным началом, чтобы выразить настоящее».

Дополнительными мотивациями были стремление противостоять «ангажированным» философиям, часто принимавших, по мнению Нора, карикатурные формы во Франции после 1968 г.; утверждение независимости и автономности интеллектуальной деятельности; и, наконец, готовность создать площадку для непредвзятых профессиональных дискуссий по самым острым социально-политическим вопросам⁷.

Выступая, по выражению Б. Делорм-Монтини, одновременно «против университетского гетто и против журналистского перевода», журнал пытался воссоздать «культивируемое общественное пространство с помощью свободы критики, присущей прессе, и компетенции специалистов», переходя от «политической вовлеченности к интеллектуальной вовлеченности», отвечая на вызовы своего времени, где каждый специалист способен уловить только один аспект⁸.

Тем самым, редакция воплотила в жизнь концепцию «умного журнала», который, действительно, стал связующим звеном между интел-

⁶ Revel J. Histoire et sciences sociales: les paradigms des Annales... P. 1362.

⁷ Nora P. Adieu aux intellectuels? // Le Débat. 2000. № 110. P. 4–15.

⁸ Delorme-Montini B. L'engagement démocratique. À travers vingtaine du Débat // Le Débat. 2000. № 110. P. 16–38.

лектуальной элитой Франции и «людьми действия». Не об этом ли на заре создания «Анналов» мечтал Люсьен Февр?

Именно в «Ле Деба» в 1980 г. были опубликованы «программно» важные статьи, опубликованные ранее на национальных языках, англичанина Лоуренса Стоуна «Возвращение к рассказу или рефлексия о новой старой истории»⁹ и итальянца Карло Гинзбурга «Знаки, отпечатки, следы. Корни уликовой парадигмы»¹⁰, которые суммировали критику, обращенную против «Анналов».

Стоун констатировал, что многие историки возвращаются в своих исследованиях к «нарративной манере», то есть к организации материала в последовательно-хронологическом порядке. Это «возвращение к рассказу» отмечает явное смещение акцентов: «...от обстоятельств, которые окружают человека, к человеку в обстоятельствах; что касается изучаемых проблем: от экономического или демографического к культурному и эмоциональному; что касается первостепенных источников влияния: от социологии, экономики и демографии к антропологии и психологии; что касается субъекта: от группы к индивиду; что касается объяснительных моделей исторической эволюции: от стратифицированного и однопричинного к сообщающемуся и многопричинному; что касается метода: от квантификации группы к индивидуальному примеру; что касается организации: от аналитического к описательному; что касается понятия, определяющего роль историка: от научного к литературному».

Такое смещение методологических ориентиров Стоун объяснял провалом так называемой «научной истории», представленной тремя основными моделями – экономической марксистской, «эколого-демографической (т.е. «Анналов»), и климетрической американской. По мнению автора, количественные методы, иерархия «экономик, обществ, цивилизаций», экономические и демографические вариации детерминизма завели историков в тупик. Значит, научная история есть миф, а «возвращение к рассказу», т.е. к истокам жанра, является закономерным следствием провала научной истории и ее «объясняющих претензий».

Гинзбург, со своей стороны, постулировал незаметное зарождение еще в конце XIX в. новой эпистемологической модели, принципиально отличной от широко утвердившейся «галилеевской» модели наук о природе – «парадигмы косвенных признаков», или, как это уже звучало в русском переводе, «уликовой» парадигмы. Непроницаемая реальность человеческой жизни может быть дешифрована только через анализ следов и признаков, которые она оставила. Это путь исследования для врача, психоаналитика, искусствоведа, историка. В отличие от «га-

⁹ Stone L. Retour au récit ou réflexions sur une nouvelle vieille histoire...

¹⁰ Ginzbourg C. Signes, Traces, Pistes...

лилеевских» наук, этот тип знаний остается внутренне привязанным к индивидуализации: «Историческое знание не прямое, по косвенным следам и предположительное», «квалитативное» (в отличие от квантитативных наук о природе) и здесь возможно изложение фактов только в нарративной последовательности. Таким образом, повествование является для Гинзбурга неотъемлемым атрибутом исторического знания, как «знания по следам»¹¹.

Исходя из разных представлений о специфике исторического знания, две статьи подвели одинаковых итогов: истории следует отказаться от той модели научности, которая слишком некритично копировала естественнонаучную парадигму. Тема рассказа, поднятая еще на рубеже 1960–1970-х гг., постепенно превратилась во влиятельный аргумент критики существующих научных моделей.

Статья Стоуна, выполнив свою полемическую задачу, была, тем не менее, быстро оспорена из-за ее основного постулата: возвращения рассказа. Исследователи текстологических процедур истории убедительно доказали, что рассказ, как неотъемлемая форма исторического повествования, никогда не исчезал из исследования, а только менял действующих лиц: на смену конкретным персоналиям «событийной истории» приходит Средиземноморье, которое превращается у Броделя в самостоятельный, переживающий разные жизненные состояния, квазиперсонаж. «Время моря» покоится на тех же нарративных структурах, что и «время короля».

Поль Рикёр, как главный проводник достижений англо-американской философии во Франции, напомнил во «Времени и рассказе»¹², что после «затмения» (но не исчезновения!) рассказа в историографии «Анналов» переоценка этой проблематики была начата в 1960-е гг. в рамках англоязычной аналитической философии (в виде критики «номологической» модели исторического объяснения), затем теоретиками «нарративистами».

В числе последних особое место занимает американский историк Хэйдэн Уайт, который опубликовал в 1973 г. монографию «Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века»¹³. Автор квалифицировал историю как литературное занятие, а исторический рассказ – как «словесный вымысел». Его положения, комментируемые и критикуемые, главным образом, в США¹⁴, оставались мало известными для французских историков вплоть до конца 1980-х гг.

¹¹ Ibid.

¹² *Ricoeur P. Temps et récit...*

¹³ *White H. Metahistory, the Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe.* Baltimor; L., 1973; рус. пер.: Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002.

¹⁴ *Metahistory: six critiques // History and Theory.* 1980. № 6. P. 66–79:

Однако пока и без американцев, еще несколько лет назад такая неокрушимая, интеллектуальная гегемония «Анналов» рушилась на глазах. Роковой удар по ней нанес Франсуа Фюре – одна из ключевых фигур в движении, президент Высшей школы исследований по социальным наукам с 1977 по 1985 г. В 1981 г. в «Ле Деба» вышла его статья с красноречивым названием: «За пределами "Анналов". История и социальные науки»¹⁵. В ней автор критиковал «эпистемологию измельчения» и бессмысленную погоню за новыми предметами у «Новой истории». Его резюме звучало как приговор, констатация того, что в своем нынешнем виде «Анналы» представляют собой лишь «гегемонию влияния и репутации, а не школу мысли», и что нет в действительности особой разницы между старой нарративной историей и историей, «которая сама себя зовет новой».

Другие члены редакции «Анналов» отвечали сначала отрицанием всякого кризиса и всякой критики. Самой острой была реакция Жака Ле Гоффа: в предисловии в новому изданию 1988 г. сборника «Новая история» он отвергал какое-либо значение этих «...поучающих критиков, этих импровизированных медиков, которые крутятся у изголовья Новой Истории, чтобы объявить ее больной...»¹⁶ Автор объяснял современное состояние исследований нарушением основ более общего порядка – кризисом социальных наук и современного общества в целом, но отнюдь не ориентациями «Новой истории».

Некоторые представители «Анналов», не отрекаясь от движения полностью, нашли способ продемонстрировать свою дистанцию по отношению к «Новой истории», стимулируя тематику «возвращений». Политические ракурсы, индивидуальные акторы истории стали предпочтениями историографии 1980-х гг. Так, в 1987 г. в предисловии к новой «Истории Франции», опубликованной в издательстве «Ашетт», Жорж Дюби объявил от имени коллектива авторов (куда входили, помимо него, Фюре, Ле Руа Ладюри и Агюлон), что их проект концентрируется на политическом. Это воззвание признанных анналистов к политической истории свидетельствовало о явной смене приоритетов, если вспомнить выраженную антипатию к проблеме политического, усугубляемую институциональными диспозициями, со стороны анналистов предшествующего периода.

Движение за «пересмотр» легенды легитимаций «Анналов», провозглашенное в 1979 г. самим журналом, привело к новым прочтениям так называемой «позитивистской» историографии, освобождая поко-

Momigliano A. The Rethoric of History and the History of Rethoric: On Hayden White's Tropes // Comparative Criticism. 1981. № 3. P. 259–268.

¹⁵ *Furet F.* En marges des Annales. Histoire et sciences sociales...

¹⁶ *Le Goff J.* Préface // La Nouvelle histoire. Bruxelles, 1988.

ление учителей Февра и Блока от долго доминировавшего несправедливого и негативного образа¹⁷.

В 1983 г. Эрве Куто-Бегари, заостряя с позиции конкурентной институциональной борьбы основные механизмы, приведшие «Анналы» к успеху, объяснил гегемонистскую позицию «Новой истории» эффективной стратегией захвата интеллектуальной власти, мест в университете, издательствах и средствах массовой информации¹⁸.

Монография «История в осколках» Франсуа Досса анализировала рост институционального превосходства Анналов через последовательную смену политических и социальных контекстов¹⁹. Автор критиковал идейные и методологические предпочтения «Новой истории», которые привели к провалу проекта истории «тотальной», ратовал за восстановление пространства событийной истории и «коротких» времен, поскольку именно они отражают специфику исторического знания. Словосочетание «История в осколках» имело определенный успех, став нарицательным обозначением переживаемого периода, но представители самих «Анналов» на книгу не откликнулись.

Наконец, текст Марселя Гоше «Изменение парадигмы в социальных науках», опубликованный в «Ле Деба», констатировал возвращение политических и биографических тем в историю. Политический фактор истории рассматривался Гоше как «наиболее обобщающий опыт организации обществ» и становится для него ключом к обновленной «концептуальной» истории²⁰.

Общее нежелание отвечать на критику, характерное для «третьих Анналов» компенсировалось комментариями Броделя, который, незадолго до смерти, в 1985 г. с горечью констатировал огромный разрыв со своими преемниками, оставившими всякую перспективу «тотальной» истории; а также участием в дискуссиях «четвертого поколения». Именно последним, поколению историков, родившихся в конце 1930–1940-х гг., пользуясь выражением Трояна Стояновича, было суждено сыграть «аутентичную» роль в разъяснении парадигмы, несмотря на свою частичную реакцию против нее²¹, и искать способы ее обновления. Так, А. Бюрджер анализировал тупики истории ментальностей

¹⁷ *Carbønnell C.-O. Histoire et historiens...; Carbønnell C.-O., Livet G. (dir.) Au berceau des Annales...; Noiriel G. Pour une approche subjectiviste du social // Annales ESC. 1989. № 6. P. 1435–1459.*

¹⁸ *Coutau-Bøgarie H. Le phønømène «Nouvelle histoire...»*

¹⁹ *Dosse F. L'histoire en miettes. Des «Annales» à la «nouvelle histoire...»*

²⁰ *Gauchet M. Changement du paradigme en sciences sociales? // Le Døbat. 1988. № 50. P. 165–170.*

²¹ *Stoianovich T. French Historical Method... P. 237.*

в англоязычной дискуссии историков культуры²², а Ж. Ревель признал перед аудиторией Французского общества философов, что дисциплина переживает «кризис идентичности, который больше невозможно скрывать»²³.

Показательным примером, характеризующим вклад нового поколения «Анналов» в рефлексию об истории, являются размышления Роже Шартье, которые одновременно представляют собой критику предшествующих схем исторического познания и попытку выхода из обозначенных затруднений. Автор стремится трансформировать опыт истории ментальностей, одновременно оспаривая и защищая его продуктивную часть, в историю «социокультурную»²⁴.

Реагируя на дискуссию, разыгравшуюся, главным образом, вокруг проблемы категорий «ученой» и «народной» культур, он переосмыслил все бинарные оппозиции, характерные для творчества «новых историков»: ученое/народное, творчество/потребление, реальность/вымысел и т.д., утверждая, что любые дихотомии, как «упрощающий» тип мыслительной операции, являются недолговечными и нестабильными.

Шартье, как историк культуры Нового времени, оценил социальные характеристики народной культуры как крайне неоднородные. Что такое «народная» религия? Это вера основной массы «доминируемых» крестьян по отношению к элитам или совокупность светских верований по отношению к церковным? Что такое «народная» литература? Формируется ли она от публичных чтений (слушаний) внутри крестьянской общины, или внутри «средней» публики, расположенной между людьми абсолютно неграмотными и незначительным меньшинством грамотных? Или же «народная литература» образуется из чтения, разделяемого всем обществом, где каждая группа расшифровывала его по-своему, обеспечивая собственными смыслами? Шартье утверждает смешанное происхождение всех культурных форм, всегда сочетающих различные источники. Здесь уживались и практика переписывания ученых текстов, в целях их адаптации для простонародья, и предпочтения читателей, совершающих книжные покупки, что влияло на политику публикаций. Делая встречное движение, народный фольклор, дающий главную опору религии, основательно «прорабатывался» нормами и запретами церкви в каждую эпоху. То есть важно не определение народной культуры само по себе, но идентификация того,

²² *Burguière A.* The Fate of the History of Mentalities in the Annales // Comparative Studies in Society and History. 1982. № 24 (3). P. 424–437.

²³ *Revel J.* Sur la crise de l'histoire aujourd'hui // Bulletin de la société française de philosophie. 1985. № 4.

²⁴ *Chartier R.* Au bord de la falaise. L'histoire entre certitude et inquiétude. P., 1998.

как практики, репрезентации или произведения пересекались, создавая и сочетая в себе различные формы культуры.

Такое же искусство постоянной переработки, усвоения и взаимодействия с «народным» планом культуры можно видеть в случае с культурной жизнью элиты. Отказ следовать грубой оппозиции «народного» и «ученого» привел к тому, что привычные количественные методы потеряли свою актуальность, выводя на передний план микроисторический фокус исследования, сквозь который видно, как человек из народа думает, усваивает и использует интеллектуальные элементы, пришедшие из культуры «грамотных».

Столь же зыбким Шартье считает традиционное противопоставление творчества и потребления, производства и восприятия. История культуры часто рассматривает свои объекты исследования так, как если бы идеи и формы имели внутренний смысл, полностью независимый от их усвоения людьми. В действительности каждый читатель текста или потребитель иной культурной формы, включая самого историка, производит собственную интерпретацию смысла. Значит, необходимо восстановить историчность изучаемого текста или образа, воспринять само культурное или интеллектуальное «потребление» как производство, которое образует собственные репрезентации рассматриваемого культурного явления²⁵. Эти репрезентации никогда не бывают идентичны тем образам и убеждениям, которые вдохновляли самого автора на создание произведения.

Противопоставление объективной реальности и ее репрезентаций также подверглась сомнению у Шартье. Источниковая база исследования – тексты в широком смысле – привычно подразделяются на «документальные» и «литературные». Это противопоставляет историков экономики и общества, воссоздающих «подлинные» фрагменты реальности, с одной стороны, историкам ментальностей, оперирующим вымыслами, пространством чистого воображения, с другой. Такое фундаментальное разделение не было изменено ни конструкцией наукообразных статистических серий, ни введением в качестве источников литературных текстов, превращенных в художественную иллюстрацию законов квантификации.

Шартье пишет о том, что никакой текст, даже самый «объективный», не поддерживает прозрачной связи с реальностью, подчиняясь определенным условиям производства, главенствующим стилям эпохи, схемам восприятия, присущим каждой отдельной ситуации его написания²⁶.

Метод документальной критики также обретает при таком восприятии новый смысл: при «позитивном» прочтении документа необходи-

²⁵ Идея того, что потребление тоже является производством своего рода, заимствуется у М. де Серто.

²⁶ Chartier R. Au bord de la falaise... P. 58–59.

мо сначала выявить категории мысли и принципы письма, присущие автору, а в самом тексте – признавать реальной не изображаемую действительность, но сам способ, которым она изображается, историческое бытование его производства и стратегий его написания. В этом отношении нет никакой иерархии источников, которые сами по себе несли бы более или менее объективные знания о прошлом.

Наибольшую известность принесли Шартье научные статьи, в которых он отстаивал легитимность социальной истории, написанной «по-французски», и пытался противостоять шквалу критики, исходящей из англо-американского стана адептов постструктурализма²⁷.

3.1.2. «Вызовы» и «ответы» «лингвистического поворота»

Традиция «Анналов», в частности, и социальная история, вообще, снискала много критики в США. Еще в 1967 г. Гаррет Стедман Джонс развивал проект «неэмпирической» и «теоретически информированной» истории, противостоящей истории социальной. Основой для оспаривания последней, по мысли автора, является ее марксистская приверженность к материальным факторам и «наивный эмпиризм», неподкрепленный самостоятельными теоретическими изысканиями. Но, несмотря на нарастающую эпистемологическую неопределенность, в 1970-х гг. «история ментальностей» еще представлялась панацеей многим зарубежным исследователям. Распространение и усвоение наиболее извест-

²⁷ Постструктурализм – влиятельное идейное течение последней трети XX в. «Свое название он получил потому, что пришел на смену структурализму как целостной системе представлений и явился своеобразной его самокритикой, а также в определенной мере естественным продолжением и развитием изначально присущих ему тенденций. Постструктурализм характеризуется, прежде всего, негативным пафосом по отношению ко всяким позитивным знаниям, к любым попыткам рационального обоснования феноменов действительности, и в первую очередь культуры... В самом общем плане доктрина постструктурализма – это выражение философского релятивизма и скептицизма, "эпистемологического сомнения, являющегося по своей сути теоретической реакцией на позитивистские представления о природе человеческого знания. Если классическая философия в основном занималась проблемой познания, т. е. отношениями между мышлением и вещественным миром, то практически вся западная новейшая философия переживает своеобразный «поворот к языку» (а linguistic turn), поставив в центр внимания проблему языка, и поэтому вопросы познания и смысла приобретают у них чисто языковой характер. В результате и критика метафизики принимает форму критики ее дискурса или дискурсивных практик, как у Фуко. Таким образом, язык рассматривается не просто как средство познания, но и как инструмент социальной коммуникации, манипулирование которым господствующей идеологией касается не только языка наук (так называемых научных дискурсов каждой дисциплины), но главным образом проявляется в «деградации языка» повседневности, служа признаком извращения человеческих отношений, симптомом «отношений господства и подавления» (Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998. С. 13–14).

ных работ «Анналов», «управляемое несколькими хорошо устроенными индивидуумами»²⁸, как иронически выразился Джеффри Элей, было фактически некритичным. Социальная история «вращалась вокруг прошлых и настоящих осей Анналов»²⁹. Но к началу 1980-х гг. в англоязычном мире постепенно умножились их оппоненты, был опубликован ряд критических статей, направленных то против Броделя, то против «ментальностей», то против абстрактной «парадигмы Анналов» в целом³⁰.

«Нет никаких сомнений в том, что эти критики, вместе с общим нежеланием анналистов теоретизировать о своем понимании культуры, изложили как редукционизм и неопределенный детерминизм суть работ Броделя и Ладюри», – подвел итог этой массе публикаций Джеффри Элей. Ретроспективно, «Nouvelle histoire» теперь выглядит больше похожей на эпитафию... по крайней мере, в отношении истории ментальностей...»³¹ Критика «Анналов» этого периода была еще вполне созвучной тем процессам обновления, что происходили внутри самого французского профессионального сообщества. Но во второй половине 1980-х гг. дискуссия об «Анналах» и, – шире, – о культурной истории – продолжилась, вовлекаясь в русло так называемого «лингвистического поворота» и выходя далеко за рамки того, что большинство французских историков – и анналистов, и их противников, – могли считать для себя приемлемым или хотя бы до конца понятным.

Рассуждая о данном феномене американского научного исследования второй половины 1980-х гг., его французские оппоненты отмечают отсутствие и строгой его дефиниции, и всякого систематического представления о нем. Адепты «лингвистического поворота», не объяснившись ни о методе, ни о базовых понятиях, разом сгруппировали под своим знаменем все работы о языке, исходящие от разных дисциплин и от различных эпох. Жерар Нуарьель, методично воспроизводя историю «лингвистического поворота» с целью прояснения эпистемологических оснований современного «кризиса истории», включил в это направле-

²⁸ Eley G. Is all the World a Text? From Social History to the History of Society. Two Decades Later // McDonald T. J. The Historic Turn in the Human Sciences. Michigan, 1996. P. 193.

²⁹ Darnion R. Intellectual and Cultural History // Kammen M. (ed.) Past before Us. Ithaca, 1980. P. 332.

³⁰ Clarc S. French Historians and Early Modern Popular Culture // Past & Present. 1983. № 100. P. 62–99; Kinser S. Annalist Paradigm? Geohistorical Structure of Fernand Braudel...; McLennan G. Braudel and the Annales Paradigm...; Gismondi M. «The Gift of Theory»...; Hutton P. The History of Mentalities: The New Map of Cultural History...; LaCapra D. Is everyone a Mentalité Case? Transference and the «Culture» Concept...

³¹ Eley G. Is all the World a Text? From Social History to the History of Society... P. 204–205.

ние только авторов тех работ, которые ясно заявляют о своей приверженности движению, используя данное словосочетание в заголовках³².

Заголовки статей показали, что количество авторов, соотнесших себя с «лингвистическим поворотом», невелико, само выражение появилось в начале 1980-х, и к концу того же десятилетия превратилось в объект дискуссии. Большинство публикаций вышли в форме рецензий или журнальных статей. Причину успеха такой информационной стратегии Нуарьель усматривает в том, что именно статьи являются ценным библиографическим инструментом, отмечающим вехи обновления профессии, особенно если они появляются, как указанные статьи Дж. Тоса и Дж. Эпплби в престижном «Американском историческом журнале». Удивительна та стремительность, с которой идея «лингвистического поворота» в историческом исследовании установилась как очевидная. Если в статье Мартина Джея 1982 г. он представлен только как постановка вопроса, некоторая возможность будущего развития для исторического исследования, то в публикациях пятью годами позже «лингвистический поворот» уже упоминается как состоявшийся факт³³.

Процесс универсализации новой теоретической марки принял широкий размах, выйдя далеко за рамки американской интеллектуальной истории. Сторонники «лингвистического поворота» сразу же сумели занять выгодную позицию в дискуссии, назвав своих принципиальных противников – «традиционных» социальных историков – и выступив под знаменем тех качеств, которые обычно люди умственного труда считают мерилем исследовательского успеха: интеллекта и инновации. Отметим, что именно этой стратегией воспользовались в свое время основатели движения «Анналов», оспорившие историков-позитивистов как консервативных и окостеневших во имя обновления и союза с молодыми, но теоретически искушенными социальными науками.

Адепты новой исследовательской перспективы рассуждали о том, отмечает Ж. Нуарьель, что происходит «до» или «после» «лингви-

³² Jay M. Should Intellectual History Take a Linguistic Turn? // *LaCapra D., Kaplan S. (eds.) Modern European Intellectual History...* P. 86–110; *Vann R. Louis Mink's Linguistic Turn...*; *Toews J. Intellectual History after the Linguistic Turn...*; *Pagden A. Rethinking the Linguistic Turn...*; *Appleby J. One Good Turn Deserves another: Moving beyond the Linguistic...*; *Koshar R.-J. Playing the Cerebral Savage: Notes on Writing German History before the Linguistic Turn* // *Central European History*. 1989. № 3–4. P. 343–359; *Berlanstein L.-R. Working with Language: the Linguistic Turn in French Labour Movement. A Review Article* // *Comparative Studies in Society and History*. 1991. № 2. P. 426–440; *Cohen S. The Linguistic Turn: the Absent Text of Educational Historiography* // *American Studies in Education*. 1991. № 2. P. 237–248; *Eley G. De l'histoire sociale au «tournant linguistique» dans l'historiographie anglo-américaine des années 1980* // *Genèses. Sciences Sociales et histoire*. 1992. № 7. P. 163–193.

³³ Noiriel G. Sur la crise de l'histoire... P. 129.

стического поворота», но никогда – «во время» него, злоупотребляли словами «после», «за», приставкой «пост-», эпитетом «новый» (постструктурализм, постмодернизм, новый историзм и т.д.), всячески подчеркивая свое отличие от любого другого интеллектуального поветрия. Себя самих эти авторы разместили «после» лингвистического поворота, и вслед за уважаемым «Американским историческим журналом», впервые осуществившим постановку вопроса, менее солидные издания также начали рассматривать «лингвистический поворот» как совершившийся и даже находили скандальным, что историки их стран еще не пережили подобного обновления.

Следуя логике Нуарьея, можно выделить три этапа, через которые «лингвистический поворот» завоевывал свою аудиторию в исторической науке. Начало процесса отметило издание Доминика ЛаКапры и Стивена Каплана, ставшее моментом консолидации будущего движения и претендующее на ревизию европейской истории Нового времени посредством новых идей и методов³⁴. Второй этап – статьи Энтони Пагдена³⁵ и особенно Джона Тоса³⁶, которые укоренили этот ярлык в американской интеллектуальной истории. Наконец, статья Джеффа Элея в «Ла Женез»³⁷ отметила завершение процесса универсализации «лингвистического поворота» в конце 1980-х.

Первая упомянутая книга – «Интеллектуальная история европейского Нового времени. Переоценки и новые перспективы» – стала результатом коллоквиума по интеллектуальной европейской истории, который состоялся в Корнуэлле в апреле 1980 г. Его целью провозглашалось преодоление кризиса американской интеллектуальной истории на фоне бурно прогрессирующей истории научных сообществ, вдохновленной Томасом Куном и философами-прагматистами, а также культурной антропологии Клиффорда Гирца и истории ментальностей.

Сборник, представленный именитыми авторами – К. М. Бэйкером, М. Джем, Г. Келлнером, Д. ЛаКапррой, М. Постером, Х. Уайтом, и, в том числе, представителем «Анналов» – Р. Шартье, выражал амбицию переосмыслить интеллектуальную историю и наметить направления будущих исследований. Организаторы желали лишь представить манифест с обозначением поветрия еще трудно уловимых перемен, однако большинство авторов настаивали на необходимости усиливать связи с философией. И только один Хэйдэн Уайт на этом общем фоне ясно защищал «текстологическую» перспективу истории.

³⁴ *LaCapra D., Kaplan S. (eds.) Modern European Intellectual History. Reappraisals and New Perspectives...*

³⁵ *Pagden A. Rethinking the Linguistic Turn...*

³⁶ *Toews J. Intellectual History after the Linguistic Turn...*

³⁷ *Eley G. De l'histoire sociale au «tourant linguistique» dans l'historiographie anglo-américaine des années 1980...*

Мартин Джей впервые здесь употребил понятие «лингвистического поворота», утверждая, что философия уже была потрясена им, и что интеллектуальным историкам, пусть пока только в форме постановки вопросов, также следовало бы отправиться по этому руслу. Другие авторы отмечали роль видных теоретиков дискурса – Барта, Дерриды, Фуко, Гадамера, которую те могли бы сыграть в обновлении интеллектуальной истории, однако расценивали их вклад не одинаково. Среди цитируемых преобладали сторонники «критической теории», которая восходит к Франкфуртской школе, получила основное содержание в 1950–1960-х гг. в рамках одновременно герменевтики и структурализма и была направлена, в значительной мере, против социальной истории «Анналов». Напротив, в рассматриваемом проекте осталась невостребованной аналитическая философия и ставшая популярной уже в 1990-х гг. «история понятий» Рейнхарда Козеллека³⁸.

Именно аргументы «критической теории» были воспроизведены адептами «лингвистического поворота», чтобы реабилитировать исследования текстов, обличая недостатки социальных наук. Доминик ЛаКапра перечислил необходимые условия для создания нового интеллектуального предприятия.

Во-первых, необходимо обеспечить явность движения, дав ему имя. Философы-постструктуралисты уже доказали, насколько важны игры языка в достижении целей власти. Посредством манифестов и броских заголовков в свое время социальные историки, ведомые «Анналами», добились доминирования над специалистами по дискурсу. Не предлагая нового ярлыка, ЛаКапра назвал борьбу за наименование новой «парадигмы» приоритетной целью.

Во-вторых, нужно обеспечить движению «символическое признание», и с этой целью сторонники «лингвистического поворота» несколько механически присоединили к своему предприятию исследователей, не входивших в тесный мирок «критической теории». Жертвой такой идейной экстраполяции (которой, впрочем, неоднократно пользовались и сами «Анналы») оказался Роже Шартье, выступивший на коллоквиуме в Корнеле с докладом «Интеллектуальная история или социокультурная история? Французские траектории»³⁹.

В ней Шартье излагал свои предложения по обновлению истории культуры, которые уже были представлены выше, никоим образом не оспаривая права социальной истории на существование. Однако американские коллеги придали его выступлению в коллоквиуме совершенно иной смысл. Фактом этого участия доказывалось, что даже историки

³⁸ См. раздел 3.1.3.

³⁹ Chartier R. Intellectual History or Sociocultural History? The French Trajectory...

«Анналов» ныне допускают, что социальная история культуры устарела. Статья Шартье, открывавшая сборник, впоследствии неоднократно представлялась как вклад в «лингвистический поворот», а ее автор – как несомненный его приверженец. В завершение сборника ЛаКапра цитировал этот текст, чтобы показать, что проект тотальной истории, защищаемый «Анналами», был «сурово поставлен под сомнение» самими молодыми представителями «традиции Анналов»⁴⁰. Джон Тос увидел в участии Шартье «самую жесткую критику социально-культурной истории в духе «Анналов», а Энтони Пагден утверждал, что «яркое... и, в конце концов, разрушительное» участие Шартье отвергает «почти тираническое превосходство социального измерения» для интеллектуальной истории.

В действительности тональность выступления Шартье была несколько иной. Он провозглашал новые пути исследования, но совсем не в текстологической перспективе, настаивая на разнообразии возможных подходов для культурной истории, на важности национальных историографических традиций, поскольку сам термин «интеллектуальной истории» не имеет эквивалента, например, во Франции и Германии. Наконец, важные для него теоретические авторитеты, за редким исключением, имели прописку не в философии, но в социологии, наполненной духом Элиаса и Бурдьё.

Третий тип аргументов по легитимации нового движения, по мнению ЛаКапра, базируется на критике теоретических слабостей социальной истории. Именно ЛаКапра обозначил оппозицию между «практикующими» историками, грешащих «наивным эмпиризмом», и искушенными «теоретиками». В число первых попала история Броделя-Лабрусса, история ментальностей и «социокультурная» история. В числе «теоретиков» оказались сторонники литературоведческой перспективы, исследователи проблемы «текста и контекста», которая была представлена как единственный законный метод не только для интеллектуальной истории, но и для истории в целом.

Любопытно, но тот же дискуссионный формат «прикладные» истории, в столь же пренебрежительном смысле не однократно возвращали «теоретикам» истории, «не нюхавшим архивной пыли». «Интеллект и инновация» в который раз столкнулись с «опытом и усердием», как если бы одно могло существовать без другого.

Стратегия «лингвистического поворота», писал Ж. Нуарьель, представляет собой тот же тип дискурса, который «Анналы» развивали в 1950–1960-е гг. против «позитивистской истории», только вместо тезиса «всякая реальность социальна, значит, социальная история есть сумма всех возможных историй» нынешние теоретики утверждают: «всякая реальность проявляется через посредничество языка и текстов, значит, всякое историческое исследование зависимо от рефлекс-

⁴⁰ *LaCapra D., Kaplan S. Modern European Intellectual History... P. 326.*

сии о дискурсе»⁴¹. Таким образом, всякая претензия на «естественный язык» научного описания представляется как недостаток базового интеллектуального инструментария ученого.

Спустя пять лет статья Дж. Элlea в «Ла Женез» продемонстрировала явную преемственность. При установившемся клише, подразделяющим историков на «эмпирически наивных» и «теоретически искушенных», отныне достаточно было выразить простой интерес к проблеме репрезентаций, языка или дискурса, чтобы быть отнесенным под знамена «лингвистического поворота» или, в общем, постмодернизма. Автор назвал работу постструктуралистской философии «революцией знания», все исторические работы, выступающие от ее имени, объявил инновационными, а те, кто отказались за ней следовать, – устаревшими. Олицетворением последних стало для автора движение «Анналов», и рассуждения о нем привычно сопровождалась метафорой погребения: «По нарастающей, триумфальная кодификация Анналов, которая обретается в Новой истории, принимает, скорее, темп похоронной процессии... Аморфная и экспансивная социальная история 1970-х гг. перестала существовать. «Новая культурная история» или «культурные исследования» занимают ее место...»⁴² При этом автор пожурил «социальных историков» за агрессивность, с которой те реагировали на его умозаключения.

Язык или социальные практики?

Дискуссии о «лингвистическом повороте» приобрели особую остроту в конце 1980-х гг.⁴³ Сторонники доказывали его необходимость, ссылаясь на тот факт, что философия подобное уже пережила, продолжали иронизировать над наивностью историков, цепляющихся за миражи сциентизма и верящих в «объективность», «истину» и «реальность».

⁴¹ Noiriel G. Sur la crise de l'histoire... P. 136–137.

⁴² Eley G. De l'histoire sociale au «tournant linguistique»... P. 174–193.

⁴³ Chartier R. Text, Symbols, and Frenchness...; Kaplan S., Koepf C. (eds.) Work in France: Representations, Meaning, Organisation and Practice. Ithaca, 1986; Darnton R. The Symbolic Element in History // Journal of Modern History. 1986. № 58. P. 218–234; Joyce P. (ed.) The Historical Meanings of Work. Cambridge, 1987; Reddy W. M. Money and Liberty in Modern Europe: A Critique of Historical Understanding. Cambridge, 1987; Burke P., Porter R. (eds.) The Social History of Language. Cambridge, 1987; LaCapra D., Chartier R. Darnton, and the Great Symbol Massacre // Journal of Modern History. 1988. № 60. P. 95–112; Fernandez J. Historians Tell Tales: Of Cartesian Cats and Gallie Cockfights // Journal of Modern History. 1988. № 60. P. 113–127; Hunt L. (ed.) New Cultural History...; Kramer L. S. Literature, Criticism, and Historical Imagination: The Literary Challenge of Hayden White and Dominick LaCapra // Hunt L. (ed.) New Cultural History... P. 97–128; Chartier R. Texts, Printings, Readings...; Vincent D. Literacy and Popular Culture: England, 1750–1914. Cambridge, 1990.

Констатируя, что не существует никакого последнего «эпистемологического» критерия истины, который позволил бы отличать историческую реальность от ее репрезентации, последовательный литературовед Хейден Уайт постулировал отсутствие различия между «реалистическим» и «фиктивным» дискурсами, делая историю сугубо литературным занятием, судить которое можно только исходя из принципов текстологической критики.

К настоящему времени споры о роли дискурса в истории в основном утихли. Общеизвестно, что техники дискурсивного анализа имеют свой, и немалый, эвристический ресурс. В настоящей книге неоднократно цитировался талантливый специалист по текстам Филлип Кэррэд, создавший интересное исследование о литературном производстве «новых историков». Однако последнее совсем не означает тотального доминирования языка над сферой социального и не отменяет автономных по отношению к языку социальных феноменов.

С точки зрения Ж. Нуарьея, в первую очередь, «речь идет здесь о персональных предпочтениях, которые невозможно доказать, даже упоминая, с помощью цитат, Ницше, Хайдеггера, Дерриду или Лиотара. Хотя об этом спорят уже 25 веков, философы так и не смогли разделить проблему связи между реальностью и ее репрезентацией»⁴⁴.

Философ-прагматик Ричард Рорти, некогда одним из первых применивших в научном языке понятие «лингвистического поворота», рассуждал о лимитах дискуссии, в которой пытаются доказать, «...что язык не отсылает к вне-лингвистической реальности, как если бы все, что мы могли говорить, состояло только в тексте... Исходя из идеи, что «мы не можем думать без понятий, а говорить – без слов», они ложно заключают, «что мы можем думать или говорить только о том, что было создано нашей мыслью или нашим дискурсом»⁴⁵.

Фактически, стремясь освободиться от засилья социальных наук в истории, сторонники «лингвистического поворота» противопоставили им другую зависимость от философских концепций. Для французских историков этот тип аргументации был уже хорошо известен еще по работам Поля Вейна, и большого впечатления на них не произвел⁴⁶.

Одним из самых активных участников дискуссий о тексте и реальности со стороны французских «Анналов» по очевидным причинам стал Роже Шартье, черпающий свои аргументы не только из своего опыта «практикующего историка», но и из теорий социального конструктивиз-

⁴⁴ *Noiriel G.* Sur la crise de l'histoire... P. 140.

⁴⁵ *Rorty R.* Conséquence du pragmatisme. P., 1993. P. 291;

⁴⁶ *Pomian K.* Histoire et fiction // *Le Débat.* 1989. № 54. P. 114–137; *Boutry P.* Assurances et errances de la raisons historiennes // *Boutier J., Julia D. (dir.)* Passées recomposées. Champs et chantiers de l'histoire. P.: Autrement, serie Mutations. 1995. № 150–151. P. 56–68.

ма. Он отстаивает принадлежность истории к социальным наукам, считая незаконным сведение основополагающих практик социального мира к принципам, которые управляют дискурсами. Если реальность прошлого чаще всего и бывает доступна через посредничество текстов, то это не означает, что миром правит логика дискурсов, отменяя сферу практической логики, которая руководит поведением и действиями. Опыт несводим к дискурсу, и нельзя бездумно прилагать категорию «текста» к практикам, повседневным или ритуальным, поскольку их тактики и процедуры не имеют ничего общего с дискурсивными стратегиями. К тому же необходимо понимать, что формирование дискурса происходит в обществе, в пространстве социальной коммуникации, которая обеспечивается определенными языковыми, концептуальными, материальными ресурсами. Таким образом, дискурсивные конструкции также отсылают к объективным и различающимся социальным позициям, формируют отношения взаимообусловленности языковой и социальной сферы.

Последние выводы во многом относятся не только к «лингвистическому повороту», но и к умозрительным обобщениям другого толка. Параллельно спорам о языке развернулась дискуссия вокруг знаменитой книги историка Роберта Дарнтона «Большое кошачье побоище»⁴⁷, вдохновленной культурной антропологией Клиффорда Гирца. В ней на основании шести сюжетов, относящихся к различным эпохам французской истории, автор сделал смелые – а иногда и нелицеприятные – обобщения о специфике французской культуры и национального характера в целом. Шартье обобщения Дарнтон оценивает как надуманные и критикует применяемое автором определение культуры как «символического универсума», «как совокупности текстов». Нельзя одинаковым образом рассматривать как текст и письменный документ, – единственный след некой прежней практики, – и саму эту практику⁴⁸, необходимо также понимать, что одни и те же символы различно воспринимаются и используются разными социальными акторами⁴⁹. Шартье выразил новую позицию «Анналов», утверждая переход «от радикального разделения между реальным и его репрезентациями к пониманию репрезентаций социального мира как определяющих само социальное, а также как инструменты и цели борьбы, которые в нем проявляются»⁵⁰.

Отстаивая независимость и легитимность профессионального универсума историка против любых форм теоретического детерминизма,

⁴⁷ *Darnton R. Le grande massacre des chats; attitudes et croyances dans l'ancienne France. P., 1985; рус. пер.: Дарнтон Р. Большое кошачье побоище. М., 2002.*

⁴⁸ *Chartier R. Dialogue à propos de l'histoire culturelle (avec Pierre Bourdieu et Robert Darnton) // Actes de la recherche en sciences sociales. 1985. № 59. P. 86–93.*

⁴⁹ *Ibidem. Text, Symbols, and Frenchness...*

⁵⁰ *Ibidem. L'histoire culturelle // Revel J., Wachtel N. (éd.) Une école pour les sciences sociales... P. 91.*

Шартье окончательно выстраивает свою аргументацию в полемике с Хейденом Уайтом, отстаивающим сугубо литературную сущность истории. История – не хаотичное хранилище фактов и их интерпретаций, она состоит из ряда специфических дисциплинарных процедур: конструирования и обработки данных, производства гипотез, критики и верификации результатов, проверки адекватности между дискурсом знания и его объектом... В отличие от литератора, историк зависим от источников, критериев научности и технических операций. И если история Броделя отличается от истории Мишле, то это не значит, что никаких специфических критериев и принуждений, отличных от процедур написания, в ремесле историка не существует.

Вслед за Мишелем де Серто, Шартье отверг и литературную, и естественнонаучную модели истории. История – «научная» практика, она «производит знания, но это практика, свойства которой зависят от вариаций технических процедур, принуждений, которые налагает социальная среда и институт знания, к которому она принадлежит, а также правил написания»⁵¹.

В 1990-х гг. острота противостояния между «социальными» историками и их противниками уменьшилась и практически «сошла на нет». Адепты «лингвистического поворота» не смогли сформировать и воплотить практически значимую исследовательскую программу, по-разному понимая задачи американской интеллектуальной истории. Для Дж. Тоса любая интеллектуальная история сегодня пересечена противоречиями между сторонниками объективистского подхода (язык выражает пережитую реальность), и субъективистского (язык конституирует реальность). Дж. Элей полагает, что главный вопрос историков «лингвистического поворота» 1990-х гг. следующий: «Если социальная реальность может пониматься только через язык, и если «социальное» образуется только через дискурс, то какое место можно оставить для детерминаций специфически социальных? Это финальная точка, которой достиг спор»⁵².

Порицая «лингвистический империализм» за попытку заместить собой предыдущие формы интеллектуального империализма в историческом исследовании, ряд авторов склонны объяснять увлечение «дискурсами» со стороны историков «лингвистического поворота» социологически, простым профессиональным оппортунизмом⁵³, стремлением занять ведущее место в интеллектуальном истеблишменте. Однако в отличие от социальных историков, часто ассоциируемых с «Анналами», сторонники «лингвистического поворота» не смогли добиться

⁵¹ *Chartier R.* Au bord de la falaise... P. 104–105.

⁵² *Eley G.* De l'histoire sociale au « tournant linguistique»... P. 183.

⁵³ *Hollinger D.* In the American Province. Studies in the History and Historiography of Ideas. Blomington, 1985.

консолидации профессионального сообщества на своих условиях по очевидным причинам: концентрируясь на умозрительных аспектах языка и игнорируя социальную природу человека, сторонники «лингвистического поворота» вряд ли могут рассчитывать на значительную институциональную роль. Профессия историка по-прежнему обеспечивается выполнением функции истории по отношению к обществу – через консолидацию исторического опыта и гармонизацию исторической памяти, на основе специальных методов. Так, как об этом и было написано в «Апологии истории» Марка Блока.

Таким образом, среди историков, причастных к традиции «Анналов», именно Роже Шартье в наибольшей степени внес вклад в то, чтобы опровергнуть теорию тотального превосходства языка над реальностью и конструировать своего рода теоретическую противоположность, подходящую для французской историографии.

За редким исключением, французские историки негативно восприняли позицию «лингвистического поворота»⁵⁴. Их рефлексия опирается на комплексные исследования, касающиеся возможностей и границ нарративистских традиций для исторической науки. Как свидетельствует книга Ф. Кэррррда, французская историография в целом более внимательна к проблеме научной объективности, достоверности и верификации в истории, нежели к процедурам письма и поэтики.

3.1.3. Теоретическая рефлексия об истории во Франции начала XXI века

Тема рассказа и англо-американский «лингвистический поворот» усилили внимание французских историков к теоретическим проблемам исторического познания, вызвав с 1990-х гг. массовый интерес к научным трудам нескольких по преимуществу французских мыслителей, занимающихся проблемами теории истории. Благодаря этим работам обретает свои черты некоторый эпистемологический консенсус во французской историографии.

Поль Рикёр

Центральной фигурой французской исторической эпистемологии, безусловно, является Поль Рикёр, единственный, по выражению Антуана Про, философ, «которого историки могут читать, не имея чувства, что он говорит с другой планеты»⁵⁵. Задолго до того, как исследователь поэтики исторического письма Жак Рансьер убеждал историков примириться со своим объектом и не уступать сиренам, которые по-

⁵⁴ Prost A. Douze leçons sur l'histoire...; Bédarida F. L'historien régisseur du temps ? Savoir et responsabilité // Revue historique. 1998. № 605 (1). P. 3–24.

⁵⁵ Prost A. Mais comment donc l'histoire avance-t-elle? // Le Débat. 1999. № 103. P. 149.

стоянно призывают его к эвтаназии⁵⁶, Рикёр объяснял историкам, что они сами в состоянии сформировать непротиворечивое представление о своем ремесле и отстоять его легитимность. Это возможно при условии, если они отвергнут перспективу разделения историографической операции на «сциентистское» и «субъективистское» направления, потому что историк всегда вынужден балансировать между относительной объективностью и субъективностью. Этот «контракт истины» не менялся со времен Фукидида и Геродота и вряд ли изменится впредь.

В основе ремесла историка, в самой его методологической сути, лежит попытка объяснения, апеллирующая к объективности. В этом отношении Рикёр не разделяет ожесточения «Анналов» против методической школы: в истории «это в точности и есть объективность: произведение методической деятельности», то есть искусство документальной критики, преподанное в учебнике Сеньобоса и Ланглуа. Напротив, творчество Мишле, выбранное традицией «Анналов» в качестве предшественника, Рикёр наделяет другой аналитической способностью: разделять прошлое в категориях понимания (герменевтики), причинных отношений, логической дедукции, исходящей от теории. «Понимание ... в этом отношении не противоположность объяснению, более того, оно есть его дополнение и компенсация»⁵⁷. Некоторые комментаторы неоднократно сводили позицию Рикёра к чистой герменевтике, и во избежание ошибок в своем последнем труде⁵⁸ Рикёр постарался особенно четко проговорить свое видение истории как позиции динамического равновесия между герменевтикой и сциентизмом.

Незавершенность исторической объективности с неизбежностью дополняется личной субъективностью историка на многих уровнях: в выборе объекта исследования, в применении схем интерпретации, в способе выделять причинные связи. Кроме того, субъективность историка вписывается в определенную историческую дистанцию, он всегда выполняет попытку перевода прошлого на современный язык. наименования того, чего больше нет, того, что было другим. Язык перевода принадлежит настоящему, он не аутентичен самому прошлому – поэтому историку приходится совершать усилие воображения, чтобы воссоздать «другое настоящее», нежели его собственное, таким образом, чтобы оно стало понятным для его современников. Историческое воображение является необходимым эвристическим средством понимания в истории, проводником к объективным результатам. Наконец, пытаясь объяснить и понять себе подобных – людей, историк осуществляет диалог с другой личностью, да еще сквозь толщу време-

⁵⁶ *Rancière J. Les Noms de l'histoire. P., 1992.*

⁵⁷ *Ricoeur P. Histoire et Vérité... P. 26.*

⁵⁸ *Ibidem. La Mémoire, L'Histoire, L'Oubli. P., 2000.*

ни, что делает субъективность совершенно неустранимой из ремесла историка. Усилие воображения и встреча с человеком прошлого могут быть оправданы только неизменностью основных качеств человеческой природы: если люди прошлого абсолютно инаковы по отношению к современникам, все усилия историка пошли бы прахом.

Таким образом, объективность и субъективность в истории идут рука об руку, никогда не достигая полной гармонии. История всегда открыта новым интерпретациям и прочтениям, вечным неопределенным поискам смысла. Но свобода исследователя здесь не безгранична, поскольку, выходя из пространства логических построений, Рикёр вводит определенные этические рамки субъективности в истории, диктуемые «контрактом истины». Историк необходимо воодушевлять свое «Я-исследование», побуждающее использовать личный опыт и знания для достижения истины, и подавлять «Я-патетическое», диктующее эгоистичные, эмоционально-окрашенные ценностные суждения.

Эта мысль и является основной в книге Рикёра «Память, история, забвение», объясняя то отличие, которое противопоставляет историю формам письма «вымышленных» жанров. Он выделяет в историографической операции три этапа действия, в чем-то перекликаясь с мыслью Мишеля де Серто, но придает им свою тональность. В первой, «архивной» фазе история совершает разрыв с памятью, преобразуя свидетельства в документы и подвергая их процедурам внешней и внутренней критики, разоблачая фальсификации. В отличие от традиции французских герменевтиков-последователей Раймона Арона, вовсе не рассматривающих пространственные и социальные укоренения историка, поздний Рикёр оценивает историю как определенный институт знания с присущей ему внутренней логикой и процедурами.

Вторую фазу Рикёр наделяет задачей объяснения и понимания. В отличие от Дильтея, он считает два этих понятия неразделимыми и превосходящими по своему значению понятие интерпретации. Историк углубляет отличие своего исследования от неясного массива исторической памяти, мобилизуя различные объяснительные схемы, моделируя наделенные значением фактологические серии. Откликаясь на современные методологические дискуссии историков, Рикёр нашел плодотворной идею «игры масштабов»⁵⁹, чтобы выйти из ложной альтернативы, противопоставившей приверженцев события, с одной стороны, и «больших длительностей», с другой.

Третий этап историографической операции по Рикёру – это исследование на уровне создания целостной исторической репрезентации, в этой фазе главной для историка становится проблема написания, изложение результатов исследования в форме текста.

⁵⁹ См. раздел 3.2.1.

Здесь Рикёр не ограничивается сугубо дискурсивным измерением, противопоставив изобретенное им понятие «*répresentance*» («вновь-присутствие») привычному «*représentation*» (репрезентация, «вновь-представление») ⁶⁰. Данная игра слов подчеркивает неотъемлемое стремление к истине в историческом исследовании, ведь историк формирует свой предмет из ситуаций и персонажей, *на самом деле* существовавших ранее, независимо от того, когда историк решил о них рассказать. Как и любой источник, всякий исторический текст имеет определенную «местопринадлежность» (*lieutenance*), независимую от тех манипуляций, которым подвергнут его исследователи. Все события, из которых соткана историческая репрезентация, независимо от интерпретации историка, *реально* происходили с конкретными людьми в конкретном месте.

Таким образом, понятие «вновь-присутствия» отдает должное вкладу нарративистов и одновременно предостерегает против уничтожения эпистемологической границы между вымыслом и историей, напоминая об императиве истинности, который движет историческим дискурсом. Хотя сама нарратологическая традиция, развиваемая англо-американцами, стала известна во Франции во многом благодаря Полю Рикёру, именно он наиболее ясно обозначил предел, где исследования нарративов, синтаксисов и текстуальных процедур уступают свое место исследованию, в широком смысле, социальных практик.

Утверждая и убедительно доказывая во «Времени и рассказе», что историк в принципе не способен освободиться от нарративной формы изложения своих результатов, Рикёр рассуждает даже не о дискурсе, но о «четырёхугольнике дискурса»: говорящего, создающего данное событие речи; его собеседника, что отсылает к диалогической природе любого дискурса; определенного смысла, которым нагружен дискурс; и, наконец, предмета обсуждения, внешнего по отношению к дискурсу. Однако интерес к процедурам письма и важность поэтики текста, «нарративная идентичность истории» совсем не отменяют у Рикёра первостепенного для историка стремления к объективности, которое является главным средством для противостояния всем формам фальсификаций и манипуляций прошлым.

Одна из постоянных тем в творчестве философа – идея «дефатализации» истории. Историк слишком часто злоупотребляет склонностью рассматривать, с высоты своего времени, совершившиеся события в логике «постфактуального моделирования», когда для объяснения случившегося искусственно формируется причинно-следственная цепочка, неотвратно приводящая к изначально рассматриваемому историком результату. Как если бы существовала четко заданная историческая судьба, предусматривающая и подготавливающая определенный

⁶⁰ Ricoeur P. La Mémoire, L'Histoire, L'Oubli... P. 359–369.

порядок вещей, который в обязательном порядке должен сложиться. Для всех живущих и в любую эпоху, не устает повторять Поль Рикёр, «проект будущего» является открытым и неясным. На его становление влияют как множество случайных факторов, так и определенный «горизонт ожиданий», формируемый живущими поколениями. Пространство опыта и видимые перспективы взаимно обуславливаются, образуя вечную «поколенческую трансмиссию смысла»⁶¹ и конструируя преемственность в понимании исторического времени.

Располагаясь внутри солидной герменевтической традиции, Рикёр заимствует из феноменологии Гуссерля и доносит до историков понятие «интенциональности», исторической преднамеренности, «которая обеспечивает саму преемственность длительности и сохраняет себя в другом», образуя непрерывную вереницу разноречивых надежд и опасений. Любое настоящее складывается из того, что мы переживаем сами, а также из того, как мы реализуем ожидания предков и передаем свои интенции потомкам. «Настоящее есть воплощение wspomennого будущего»⁶².

Таким образом, историку следует встать на позицию «критического реализма», чтобы сформировать методологию, которая будет поддерживать обоснованную способность истории анализировать реальность, внешнюю для дискурса⁶³, но с учетом возможностей дискурсивного анализа.

Мишель де Серто

Мишель де Серто и его рефлексия об «историографической операции» также являются источником формирования современных эпистемологических представлений об истории. Историк-специалист по XVII в., изучавший оригинальные источники Ордена иезуитов, близкий к «Анналам»⁶⁴, он не разделял, используя метафору Жюль Мишле, надежды восстановить тотальную историю, заставив ожить ее в настоящем. Являясь эрудитом и мастером документальной критики, чем более методично и скрупулезно он изучал прошлое, тем более убеждался в его инаковости и недоступности в настоящем. «Оно ускользало от меня, или, скорее, я начинал осознавать, что оно от меня ускользает. Именно с этого момента, всегда размещенного во времени, датируется рождение историка. Именно это отсутствие образует исторический дискурс»⁶⁵.

⁶¹ Ricoeur P. Temps et récit... T. 1. P. 399

⁶² Ibidem. Temps et récit... Rééd. 1991. P. 68.

⁶³ Delacroix C., Dosse F., Garcia P. Les courants historiques en France... P. 297.

⁶⁴ Мишель де Серто написал введение к 3-томнику «Заниматься историей»: Certeau, de M. L'opération historique // Le Goff J., Nora P. (dir.) Faire de l'histoire...

⁶⁵ Ibidem. Histoire et structure // Recherches et débats. 1970. № 1. Цит. по: Dosse F. Paul Ricoeur. Michel de Certeau. L'Histoire: entre le dire et le faire. P., 2006. P. 29.

Обнаружив проблему инаковости в истории, Серто по-своему определил идентичность историка и его ремесла: прошлое нельзя восстановить таким как оно было, но можно его реконструировать в диалоге между необратимо разделенными эпохами. Он, как и Рикёр, формировал образ историка, который преодолевает сопротивление своего предмета исследования, прилагает свое воображение и жизненный опыт, чтобы создать связную картину прошлого. В отличие от Рикёра, опирающегося на герменевтическую традицию, Серто более внимателен к социологическим координатам изучаемого феномена.

Франсуа Артог так определил специфику его интеллектуального вклада: «Если Фуко, с его «оптическим», почти «хирургическим» стилем – «новый катрограф», Серто... особенно внимателен к ... переходам от одного пространства к другому, к границам (изображаемым больше как места перехода, нежели как лимиты или остановки), к перемещениям некоего изложения, к мета- и ана-морфозам дискурсов о другом. Больше, чем разрывами и потрясениями, он был озабочен распылениями, эрозиями, скольжениями, замещениями, переводами. Он работал над промежутками»⁶⁶.

Жак Ревель отметил в Мишеле де Серто способность сомневаться в «собственнических логиках», которые всегда руководят изнутри любым институтом. Интерес к потайным соединениям социального мира заставляли Серто пересекать проблемные поля, институты, религии, не идентифицируя себя с ними. «Он просто сохранял, в каждом из них, свободу сделать «шаг в сторону», чтобы задать вопрос о договоренностях «самого собой разумеющегося» порядка, и правилах действия, которые и скрывают, и показывают правду среды, института. Отсюда его мобильность «путника», «мистического путешественника»⁶⁷.

Приобретя обширный интеллектуальный кругозор, от лингвистики до психоанализа, от мистики до политики, историк Мишель де Серто воплотил свой опыт в монографии, посвященной закономерностям историописания⁶⁸. Определение «исторической операции» Серто базировал на трех неразрывно связанных измерениях, комбинация которых дает постоянство этому специфическому жанру.

Во-первых, любое историческое произведение есть результат определенной социальной среды, как и всякий продукт потребления, оно исходит от деятельности определенного предприятия. Историческое сочинение всегда является произведением института, который является невысказанным основанием того, что скажет историк: «... Научный» дискурс, который не говорит о своей связи с социальным "телом", не

⁶⁶ Hartog F. Évidence de l'histoire. Ce que voient les historiens. P., 2005. P. 243.

⁶⁷ Revel J. Michel de Certeau historien : l'institution et son contraire // Giard L., Martin H., Revel J. Histoire, mystique et politique: Michel de Certeau. Grenoble, 1991. P. 6.

⁶⁸ Certeau, de M. L'opération historique...

знает, как образуется практика. Он перестает быть научным»⁶⁹. Именно в этом предпочтении, отдаваемом институциональной «прописке» историка, Серто наиболее явно расходится с Рикёром эпохи «Времени и рассказа», который пытался избежать «любой формы социологизма» и объяснений в понятиях «отражения» реальности, близких марксизму.

Во-вторых, историческое исследование – результат применения профессиональных методов и навыков. Историк овладевает определенными техниками, от установления и классификации источников до их отбора и применения в исследовании. Прогресс технических средств исследования влияет на изменение профессиональных процедур и увеличивает возможности анализа, однако нельзя приносить в жертву квантификации сопротивляющиеся ей событийные единицы прошлого. Автор предостерегал историков против замыкания в «статистической башне из слоновой кости», дающей только иллюзию окончательной и неопровержимой научности для историка.

В-третьих, история – это письмо, определенным образом созданные тексты, однако эта констатация не является единственно важной. «В действительности, историческое письмо... остается контролируемые практиками, результатом которых оно является; более того, оно само есть социальная практика»⁷⁰.

Серто, как и Рикёр, настаивал на том, что эпистемологическое пространство, определенное историческим письмом, напряженно балансирует между наукой и вымыслом, он считал ложным приоритет, однозначно отдаваемый «научности» или, напротив, «литературности» истории. Изначально выйдя из эпического жанра и разорвав с мифом, история научилась диагностировать ложное и выявлять фальсификацию, но осталась в своей структурной неспособности достичь окончательно установленной истины о прошлом.

Позиция истории является фундаментально серединой: она располагается между особенным дискурсом исследования и практикой, отсылающей к реальности.

Интерес к творчеству упомянутых авторов – Поля Рикёра и Мишеля де Серто – вдохновил ряд работ в жанре исторического синтеза о развитии гуманитарных наук⁷¹, породил ряд интересных интерпретаций их творчества⁷² и интеллектуальных биографий⁷³.

⁶⁹ *Ibidem*. *Ecriture de l'histoire...* P. 70.

⁷⁰ *Ibid*. P. 103.

⁷¹ *Dosse F.* *L'empire du sens. L'humanisation des sciences humaines*. P., 1995; *Farge A.* *Des lieux pour l'histoire*. P., 1997; *Hartog F.* *Evidence de l'histoire...*

⁷² Так, историки Ф. Досс и Б. Меллер дискутируют о степени близости воззрений Рикёра и Серто: *Dosse F.* *Paul Ricoeur, Michel de Certeau...*

⁷³ *Müller B. (dir.)* *L'Histoire entre mémoire et épistémologie. Autour de Paul Ricoeur*. Lausanne, 2005; *Giard L., Martin H., Revel J.* *Histoire, mystique et politique: Michel de Certeau...*

Жан-Клод Пассерон

Работа социолога Жана-Клода Пассерона «Социологическое рассуждение о непопперовском пространстве естественного рассуждения»⁷⁴ также стала в 1990-х гг. источником вдохновения для историков⁷⁵.

Пассерон определяет характер всех социальных наук как исторический и обладающий собственным режимом научности. Социальные науки формируют собственное эмпирическое пространство, не подлежащее процедурам фальсификации, определенным Карлом Поппером⁷⁶. Здесь нет места для экспериментов, доказательства осуществляются через примеры, а понятия всегда употребляются в историческом контексте, следовательно, необходимо сформировать такую эпистемологию истории, которая учитывала бы эту эмпирическую специфику. С другой стороны, Пассерон, вслед за Максом Вебером, недооцененным французскими историками, определяет социальные науки как исследования-интерпретации.

Согласно автору, социальные науки равно далеки не только от фальсификаций Поппера, но и от парадигм и научных революций Томаса Куна, отражающих лишь естественнонаучные закономерности. История социальных наук должна рассматриваться не как кумулятивное знание, но как сосуществование и преемственность многих «теоретических языков описания», которые определяют теоретическую множественность, где даже самые формализованные доказательства есть все равно акты интерпретации. «Научность социальной науки, – заключает он, – определяется не ее близостью к специфическим методам естественных наук, но богатством интерпретации, которое она способна контролировать и осваивать»⁷⁷.

Стремление переосмыслить привычную логику умозаключений и научной аргументации имеет свое продолжение в коллективных методологических штудиях Высшей школы исследований по социальным наукам и Дома наук о человеке при участии самого Пассерона. Так, сборник «Модель и рассказ» выявляет соотношения научных и описательных форм, применяемых в социальных науках⁷⁸. В коллективном издании «Обдумать через казус»⁷⁹ «рефлексия через казус» анализируется как самостоятельная модель аргументации, в которой рассмотрение единичного эпизода приводит к умозаключениям более общего порядка. Отдельная ситуация может стать «казусом» в юридическом

⁷⁴ *Passeron J.-C.* Le raisonnement sociologique. L'espace non-poppérien du raisonnement naturel. P., 1991.

⁷⁵ *Lepetit B.* Une logique du raisonnement historique // *Annales ESC.* 1993. № 5. P. 1209–1219.

⁷⁶ *Поппер К.-П.* Логика и рост научного знания. Избр. работы. М., 1983.

⁷⁷ *Passeron J.-C.* La constitution des sciences sociales. Unité, fédération, confédération // *Le Débat.* 1996. № 90. P. 94.

⁷⁸ *Grenier J.-Y., Grignon C., Menger P.-M. (dir.)* Le Modèle et le récit. P., 2001.

⁷⁹ *Passeron J.-C., Revel J. (dir.)* Penser par cas. P., 2005.

смысле, во-первых, если она противоречит обычным представлениям или социальным нормам, во-вторых, если процедуры «дознания», прослеживания предшествующей истории выявляют особые обстоятельства, способные повлиять на оценку эпизода⁸⁰.

Размышления о системах доказательства в истории выражают стремление многих историков позитивно сформулировать те критерии, которые позволят истории сохранить статус достоверного знания. Большинство французских историков, по мнению Антуана Про, осознает частичный и незавершенный характер истины в истории, зависимой от поставленных вопросов и разделенной литературным законом интриги. «Они не верят больше в ...обобщающие интерпретации, полагают, что синтез иллюзорен, невозможен, даже опасен... Однако они сохраняют заботу о верификации, культ точности и полной информации, продолжают думать, что в истории есть истины. Каждый думает, что его интерпретация вернее, чем остальные. Однако эта позиция – хрупкая»⁸¹. Необходимо обосновать свою систему аргументации, чтобы поддержать претензию истории на объективность своего знания, найти критерий верификации.

Автор отметил, что история не имеет собственной аргументативной структуры, обладая лишь общей для всех социальных наук структурой «естественного рассуждения», в терминологии Пассерона. Общая схема рассказа базируется на логике расследования, фактуального подтверждения, принципе непротиворечивости и последовательности. Самый слабый способ аргументации для историка – это привести примеры в поддержку систематизации, создать более или менее весомую «экземплификацию» – доказательство через примеры. Необходимо проводить действительно методическую экземплификацию, скрупулезно уточнять цель, метод, текстуальную структуру исследования, принцип цитирования. Если бы каждый историк занимался подобной саморефлексией, режим «истинности выводов» в истории стал бы значительно сильнее⁸².

Рейнхарт Козеллек

Наиболее заметные тренды современной исторической эпистемологии – это историческая семантика – исследование базовых смыслообразующих понятий, употребляемых в рефлексии о прошлом, – и анализ категорий историчности (понятие в немецкой традиции философии истории, развиваемое В. Дильтеем, М. Хайдеггером, Х. Г. Гадамером), которую следует понимать как непрерывно изменяющуюся связь исто-

⁸⁰ Le cas et le preuve. Raisonner à partir de singularités // Penser par cas... P. 9-44.

⁸¹ Prost A. Histoire, vérités, méthodes. Des structures argumentatives de l'histoire // Le Débat. 1996. № 92. P. 130.

⁸² Ibid. P. 139.

рических времен. Каждая эпоха формирует свое представление о прошлом, настоящем и будущем, которое располагается между восприятием исторического опыта живущими поколениями и их «горизонтом ожидания» – определенными предвосхищениями будущего. Современные исследования историчности и семантических вех в восприятии прошлого вдохновляются идеями и аргументацией, выдвигаемыми в трудах немецкого исследователя Рейнхарда Козеллека⁸³. Хотя работы последнего не выстраиваются в виде строго определенной и ясно сформулированной программы развития, продуктивные эпистемологические предложения его «концептуальной истории» могут быть сгруппированы в виде: во-первых, нового прочтения опыта модернизма (Нового времени), во-вторых, «истории понятий», или исторической семантики, в-третьих, в виде концепции множественности исторических времен.

Работы Рейнхарда Козеллека оставались маргинальными для основных направлений исследований исторической науки вплоть до середины 1990-х гг. и оказались востребованы в тот момент, когда основные постулаты сциентизма, успешно воплощаемые в социальной истории в духе французских «Анналов» XX в., и все основанные на них модели исторического исследования были последовательно оспорены критиками, пришедшими с самых разных сторон – от этнологии до литературоведения. Немецкий историк предлагал взамен традиционному историописанию несколько свежих идей, которые успешно развивались в его национальной философской традиции М. Хайдеггером и Х. Г. Гадамером, но не были восприняты сообществом историков ни в Германии, ни за границей.

Козеллек стремился разрушить сложившиеся представления об истории как едином непрерывном процессе, которые базировались на основе принципа историзма, предложив взамен представление о прерывности и необратимости многих исторических изменений на примере эпохи Просвещения. Эпоха Просвещения вызвала у человека заметный сдвиг в восприятии времени, историческом сознании на основе становления светской эсхатологии, что требовало формирования новых ценностных отношений в обществе. Абстрактную идею историзма он заменил «онтологией истории» по Хайдеггеру, центром которой было понимание временности бытия человека в мире. Также он заимствует у Хайдеггера понятие «окончателности», некоего трагического рубежа, который знаменует собой разрыв эпох и которого нельзя избежать. Именно в этот момент происходит коренная ломка всех смыслов и начинают определяться контуры новой эпохи. С другой стороны, признавал Козеллек, есть глубоки базовые понятия: мужчина/женщина, хозяин/раб, родители/дети, внешнее/внутреннее, кото-

⁸³ Koselleck R. Le Futur passé: contribution à la sémantique des temps historiques. P., 1990; *Ibidem*. L'expérience de l'histoire. P., 1997.

рые сохраняют свое значение независимо от специфики человеческого опыта. Также, в отличие от немецкой герменевтической традиции Козеллек наделял значением процессы социального и межличностного взаимодействия.

Козеллек представляет генезис современности как переход от одного опыта времени и истории к принципиально иному; из истории в виде однородной, неизменной общности в историю как неопределенный и неостановимый процесс или движение, в котором каждый исторический объект, каждое действие, каждое намерение выделяется намеренно. На пороге современности отношения между «опытом» и «горизонтом ожидания» становятся все более ассиметричными и прерывистыми, проект будущего оказывается открытым и непрогнозируемым.

Исследования современности, совершившей разрыв с традиционными ценностями религиозного сознания, получили свое продолжение в рефлексии европейских авторов. Так, Франсуа Артог в книге «Режимы историчности. Презентизм и опыты времени»⁸⁴ создал панораму смены различных режимов историчности – т.е. особых типов связи времени, характеризующих каждую из эпох. Если в античности настоящее вдохновлялось опытом прошлого, историчность Нового времени после Французской революции опиралась на проект будущего, то в последние десятилетия XX в. определяющими чертами режима историчности является доминирование короткой, «оперативной» социальной памяти и феномен настоящего. Само время превращается в объект потребления и продажи, растиражированное многочисленными юбилейными торжествами, «годами национального достояния». Эта связь времен характеризуется автором как тотальный презентизм, нагруженный не естественным, с точки зрения других эпох, восприятием связи времен, но искусственно культивируемым «чувством долга» по отношению к прошлому и будущему.

Таким образом, «современность», как обозначение периода, охватывающего XVIII–XIX вв., характеризуется разрывом отношений с прошлым в плане опыта, традиций и истоков и, своего рода, одержимостью будущим в форме ожиданий, построения планов, прогнозов и утопий. В англоязычном мире, по мнению Хельги Йордхейм, сложилось однобокое видение теории Козеллека лишь как концепции, осмысляющей современность. В последней слишком мало качественных характеристик эпохи, кроме указаний на «техноиндустриальный прогресс» и усиливающееся разделение труда при увеличении роли машин. Целью Козеллека было создание теории, которая охватывала бы все разновидности исторического времени и форм его осмысления,

⁸⁴ Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps...

которые образуются в системе координат между историческими событиями и семантическими представлениями о них⁸⁵.

Под идейным и редакторским руководством Козеллека тема исторической семантики была реализована в издательской серии «История основных понятий» в сотрудничестве со многими коллегами с 1957 по 1992 гг., включала в себя 7 томов и 119 статей. Выступая наследником традиции историчности Хайдеггера и Гадамера, Козеллек отличается от них интересом к конкретным формам языка, выражающих понятия, и конкретным историческим событиям, вызвавшим их появление. У Козеллека очень прагматическое и контекстуальное различие «слова» и «понятия». Слово может стать понятием, если оно вбирает множество исторических событий, ряд теоретических и исторических вопросов, «которые даны только в самом понятии может быть пережито только здесь». Понятие неразрывно связано с переживанием определенного времени, и максимально полно вбирает и отражает опыт современных ему поколений, тем самым, становясь референтом «исторической реальности». «Понятие привязано к слову, но это в то же время более чем слово», оно не является узким лингвистическим выражением, «скорее, это относится к сфере эпистемического, хотя эта сфера не может быть отделена, казалось бы, полностью от языковой».

Еще одним идейным вкладом Козеллека стала теория исторических времен, которую, по замыслу автора, необходимо развивать, чтобы отразить специфику истории на фоне других социальных наук. Козеллек выражает намерение «денатурализовать» или «разрушить» представление о времени как о естественной природной хронологии и создать такую теорию исторического времени, в которой само время стало бы результатом исторических исследований.

Все специалисты по трудам Козеллека отмечают, что его идеи о режимах исторического времени не приведены в единую систему, и могут быть реконструированы на основе его статей разных лет. Н. Олсен утверждает, что сложились два направления исследований Козеллека, из которых можно вывести его идеи об историческом времени. Первое – исходит от представления исторических акторов о времени и конце времен (традиция Хайдеггера). Второе направление проистекает от гадамеровских представлений об ожидании и опыте. Не отрицая естественные циклические проявления природного времени, таких, как восход или закат, смена времен года, Козеллек превращает «время» в исторические «времена», перенося внимание на отдельные грани человеческого опыта, такие как ««прогресс, упадок, ускорение или задержка, «пока

⁸⁵ *Jordheim H. Koselleck's Theory of Multiple Temporalities // History and Theory. 2012. № 51 (May). P. 151–171.*

нет» и «больше нет», слишком рано и слишком поздно, ситуация и продолжительность»⁸⁶.

Впервые тему времени он затрагивает в 1970-х гг., развивает в 1980–1990-х гг. и в 2000 г. публикует сборник эссе с характерным названием «Слои времени». В своих статьях исследователь утверждает, что все исторические примеры, основанные на разных способах обобщения исторического опыта, могут быть сведены к трем. Во-первых, это иллюстрация «необратимости событий» – то, что выражается идеей «до» и «после» в определении исторических последовательностей». Во-вторых, это явление «повторяемости событий», как с точки зрения двух событий, которые кажутся одинаковыми, так и с точки зрения их плеяды или типологии. В отношении типологических повторяемых событий Козеллек употребляет выражение «одновременность неодновременного», подразумевая, что исторические преемственности могут иметь одну и ту же естественную хронологию, но совершенно разные временные организации, например, в случае когда утопические идеологии проецируют свои политические и социальные идеалы в будущее. Третий тип исторического опыта – это «изменение долгосрочной системы» (подобное, например, падению Римской империи). В конечном итоге, три уровня исторического опыта соответствуют для Козеллека трем уровням исторического времени.

Козеллек, по сути, воспроизводит знаменитую концепцию Фернана Броделя о трех длительностях в истории. Первый слой времени состоит из событий, которые обычно переживаются людьми в уникальном пространстве их личной судьбы. Второй – «средний уровень» – также формируется из отдельных событий, но здесь можно выделить их некоторую шаблонную повторяемость, то, что воспринимается историками в виде неких исторических закономерностей. Третий уровень времени сосредоточен на закономерностях биологического характера, выводит его за рамки истории («квази-неподвижная» история у Броделя).

Козеллек не стремился построить что-то вроде всеохватывающей методологии времени, он, скорее, предлагает «...что-то вроде панели инструментов совместимых предположений того, что есть написание истории и что может быть сделано с ним»⁸⁷ и не демонстрирует практических примеров историописания, которые могли бы восприниматься историками как руководство к действию.

Концепция Козеллека не приемлет застывших форм. Здесь не главенствует ни историческая периодизация, ни лингвистика. Для Козеллека, язык всегда связан с опытом. Там не может быть языка, который

⁸⁶ *Jordheim H. Koselleck's Theory of Multiple Temporalities. P. 161*

⁸⁷ *Olsen N. (ed.) History in the Plural: An Introduction to the Work of Reinhart Koselleck. NY., 2011. P. 233.*

сам по себе и не соотносится с индивидуальными и коллективными переживаниями, и эти переживания всегда наделены временными структурами. Таким образом, время входит в язык и приводит его в движение.

Современная западная историография черпает также в творчестве Козеллека аргументы для дискуссии с адептами так называемого «лингвистического поворота». Основоположник подхода к истории как сугубо литературному занятию Хейден Уайт считает себя большим поклонником работ Козеллека, и способствует продвижению его работ в англофонном мире. Козеллеку также импонировали работы американского ученого, он написал хвалебное предисловие к немецкому изданию знаменитых «Тропиков дискурса». Козеллек находил общим с немецкой герменевтической традицией фокус концентрации Уайта на лингвистических аспектах репрезентации исторического опыта. В то же время Козеллек утверждал и существенное различие по отношению к суждениям Уайта: интерес последнего к метафорическому языку исторического письма оставил слишком мало места для домена социальной реальности. Козеллек считал, что источники историка и специальные методы работы с ними предоставили ему право «вето» на ложные или недостоверные представления о прошлом, и критиковал Уайта за то, что тот игнорировал научную природу профессиональной источниковедческой критики, которая является лучшим средством проверки того, что отличает историческое произведение от вымысла.

Сборник, вышедший под редакцией Карстен Датт и Рейнхарда Лаубе, объединил доклады междисциплинарной международной конференции, посвященной интеллектуальному наследию Рейнхарда Козеллека⁸⁸. Тринадцать ученых различного профиля анализировали здесь специфический вклад Козеллека в «лингвистический поворот», дебаты по вопросу о взаимосвязи между абсолютизмом и Просвещением, о культуре памяти и теоретических подходах к историческому времени, фокусируясь на отдельных аспектах многогранной рефлексии немецкого ученого. Так, Даниил Уте, на примере интерпретаций Гете, выполненных Козеллеком, объясняет его способ интеграции различных измерений опыта в историческом объяснении, который противостоит модели искусственного наполнения исходной теоретической конструкции исторической фактологией. Никлас Олсен рассуждает о специфике послевоенной немецкой интеллектуальной истории, в которой идея Козеллека о светской эсхатологии и его концепция множественности времен явно перекликается с исследованиями Карла Левита. Рейнхард

⁸⁸ *Dutt C., Laube R. (ed.) Zwischen Sprache und Geschichte: Zum Werk Reinhart Kosellecks. Göttingen, 2013.*

Лаубе представил материалы о личной библиотеке Козеллека, многое в которой помогает лучше понять суть его исторического метода. Ян Фридрих Мисфельдер опубликовал биографические воспоминания об интеллектуальной полемике Козеллека и Хабермаса. Ханс Эрих Бёдеркер фокусирует внимание на подходе Козеллека к эпохе Просвещения и философии Гоббса, во многом вдохновленным Карлом Шмидтом. Диалог Козеллека с Гадамером является предметом анализа глав Доминик Кеги и Александра Эскюдьё. Герд ван Хойвель на примере философии Лейбница полемизирует с Козеллеком, приводя аргументы в пользу того, что апокалиптическое мышление уступило место линейной идеологии прогресса еще в начале семнадцатого века.

Резюмируя, следует отметить, что «Концептуальная история» Рейнхардта Козеллека формирует собой логически доказательный методологический баланс различных и внешне противоречивых условий «ремесла историка». Здесь не доминирует ни периодизация, ни лингвистические принуждения. Язык всегда связан с человеческим опытом, а опыт всегда обретает форму временных структур. Эпистемологические предложения Козеллека находят самый живой отклик в развитии современной западной историографии.

3.2. «ЧЕТВЕРТЫЕ АННАЛЫ», БЛИЗКИЕ К НИМ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ И НАУЧНЫЕ ПРОЕКТЫ

3.2.1. «Критический поворот» и векторы инновации в «четвертых Анналах»

«Четвертые Анналы» консолидировались в 1980-х гг., пытаясь ответить на разнообразную критику, адресованную предшественникам. Попытки обрести новую идейную платформу не были легкими, и в конце десятилетия дискуссии в редакции достигали большой остроты, вплоть до предложений совсем прекратить издание журнала.

С 1985 г. в редакцию вошел Бернар Лепти, специалист по городской истории, настоящий «деятель 1968 года», по выражению К. А. Агирре Рохаса⁸⁹. Именно он продвигал проект обновления «Анналов», нашедший свое воплощение в знаменитых обращениях редакции 1988–1989 гг., провозгласивших «критический поворот» в истории. Эти выпуски, несомненно, свидетельствовали о серьезном разрыве с «третьими Анналами» и о стремлении вернуться к более ранним истокам движения, интегрируя это интеллектуальное наследие в современные методологические поиски.

⁸⁹ Aguirre Rojas C. A. L'histoire conquérante... P. 150.

В обращении 1988 г. редакция предложила не подводить никаких итогов, а лишь выделить несколько перспективных направлений в современную «эпоху неопределенности». Новые методы проявили себя, в первую очередь, в определении масштабов исследования: микроистория предлагает другой тип взаимодействия индивида и группы, дополнительные сравнительные ракурсы. Кроме того, есть новшества в процедурах написания истории: анализируются связи между гипотезами и способами их верификации, обсуждаются риторические формы квантитативной и литературной истории. Стоит ли довольствоваться этим пространством перемен или необходимо искать дополнительные пути? И как осуществлять новую междисциплинарность, учитывая, что инновации всегда приходили в историю из других наук? Коллектив редакции сделал оговорку, что «Анналы» никогда не претендовали на то, что являются единственным авангардом истории, и сейчас они только повторили те вопросы, которые уже были заданы рядом иностранных публикаций. При всей сложности момента, переживаемый этап развития истории объявлялся не итогом, не тупиком, но только «критическим поворотом».

Данное обращение можно рассматривать как увертюру к номеру ноября–декабря 1989 г. Его вводная статья, названная «Предпримем эксперимент», предвляла собой номер, где трудно найти тематическую связность между отдельными статьями. Сама презентация, равно как и статья Жана-Ива Гренье и Бернара Лепти о Лабруссе наиболее четко представили новые ориентации, провозглашаемые «критическим поворотом». Здесь отмечался разрыв с идейными программами предшествующих редакций, авторы признавали свою готовность воспринимать часть критики, адресованной «Анналам», но лишь в той степени, в какой она не будет противоречить защите «особого пути» и идентичности легендарного движения, которые находились под угрозой. По выражению К. Делакура, данный «критический поворот» являлся для самих анналистов, прежде всего, «механизмом личного самообеспечения»⁹⁰. «Время сомнений» анализировалось как аспект общего кризиса социальных наук, вызванного ослаблением доминирующих парадигм и провалом безудержной междисциплинарности 1960–1970-х гг., которая смела всякие профессиональные границы. «Четвертые Анналы» поддержали традицию предшественников, продолжая отрицать повествовательность и событийность истории, политическое и биографию.

В этом номере были поставлены под сомнение «большие длительности» – за то, что они блокируют анализ социального изменения. Процедуры квантитативной истории объявлялись «окаменевшими», так как отдают приоритет изучению структур над отношениями, что привело к реифика-

⁹⁰ *Delacroix C. La falaise et le rivage. Histoire du «tournant critique» // Espaces-Temps. «Le temps réfléchi». 1995. № 59/60/61. P. 86–111.*

ции категорий, т.е. к описанию исторических феноменов, начиная с предустановленных и условных социальных разделений. Таким образом, не без влияния общего «эпистемологического поворота» гуманитарных наук, «Анналы» сами подвергли сомнению традицию «объективистской» социальной истории, занимавшейся социальными детерминациями. Вместо нее на передний план был выдвинут вопрос об акторах, загадка «думающего субъекта», подчеркивалась сложность индивидуального выбора, рассматривались перипетии человеческих судеб – стратегии, соглашения, компромиссы, конфликты. Историческое исследование становилось сложной рефлексивной работой с быстро меняющимися контурами, которое должно показывать разнородные и нестабильные репрезентации общества, создаваемые различными социальными связями и сетями отношений.

Реабилитировалось интерпретативное измерение истории, выборочно усваивались достижения культурной антропологии (использовалась метафора социального как текста), провозглашалась взаимодополняемость шкал «макро»- и «микро»-анализа. Наконец, было дано новое определение междисциплинарности, которая освобождалась от «диких заимствований» и претензий отдельных дисциплин на гегемонию.

«Критический поворот» образовал также способ новых «Анналов» участвовать в споре о типе научности в истории. Они отвергли и «платформу позитивизма», и сугубо «риторическую историю». Первая, близкая лабруссизму, игнорирует процессы социального конструирования реальности, а вторая сводит историю к деятельности по интерпретации текстов, замкнутых на себе самих. «Анналы» одновременно выступили с ответом на критику и провозгласили выборочное усвоение практик, считающихся новаторскими в истории и других социальных науках в попытке создать тот самый «неустойчивый баланс» научного и субъективного, к которому давно привывзал Поль Рикёр.

В качестве «внутренних сносок» в «Анналах», наряду с культурной антропологией К. Гирца, упоминаются также герменевтика Рикёра, обновленная марксистская история Э. Томпсона, прагматическая социология Болтански и Тевено, без поименных обращений, создавая определенные концептуальные рамки, повторяющие основной *mainstream* теоретических инноваций в социальных науках.

Таким образом, «критический поворот» стал ключевым этапом смены историографических вех во Франции 1980–1990-х гг., отмечая конец кризиса «модели Анналов» и вводя тему новых теоретических ресурсов для истории.

Векторы инновации в «четвертых Анналах»

Одним из магистральных направлений новых «Анналов» становится новая культурная история социального, или социальная история культурных практик, развиваемая, прежде всего, усилиями Роже Шар-

тье. Исчезает зыбкое понятие «ментальности», вместо него устанавливается термин «практики», что подразумевает непреложную связь социальной и культурной сред при всем многообразии культурных репрезентаций. Необходимо реконструировать связи, которые поддерживают эти репрезентации с социальной средой, восстанавливать все механизмы взаимодействия, усвоения и ассимиляции различными группами общества⁹¹. Автор иллюстрировал свой подход конкретными историческими исследованиями литературных практик Средневековья и Нового времени, включающих полный цикл производства, распространения и потребления книг в различных социокультурных средах⁹².

Другой инновацией «четвертых Анналов» становится возобновление междисциплинарных проектов, некогда оставленных «третьим поколением», – с экономикой, географией, социологией и правом, вместо предпочитаемых ранее психологии и антропологии. Именно с этим направлением идейный лидер «четвертых Анналов» Бернар Лепти связывал «кристаллизацию прагматической парадигмы», продолжающей «критический поворот». В отражение новых междисциплинарных альянсов, журнал ввел в 1994 г. другой подзаголовок: «История, социальные науки» и пополнил свою редколлегия за счет экономиста Андрэ Орлеана и социолога Лорана Тевено. Исторический анализ дополнялся измерениями социологии действия, а также экономики и социологии соглашений. «Эти две перспективы, – писал Агирре Рохас, – ...позволяют лучше понять способ, которыми различные индивиды интегрируются в определенные схемы отношений и конвенции, чтобы превратится в специфических акторов, производящих и воспроизводящих эту социальную ткань»⁹³.

Экспериментальный проект конкретизировался в сборнике, вышедшем под редакцией Бернара Лепти: «Формы опыта. Другая социальная история»⁹⁴. «Другая история» провозгласила необходимость нового способа анализа, новых архивных изысканий, новых связей между дисциплинами, стремилась показать изнутри новую лабораторию историка. Освобождаясь от принуждений классической социальной истории и всецело отвергая автономию мира идей, свойственную истории ментальностей (поскольку люди не живут в мире репрезентаций безотносительно реальных ситуаций), статьи, представленные в сборнике, демонстрировали, как повседневные практики социальных институтов и культуры, игры соглашений, восприятие социальной нормы могут создавать самые неожиданные связи между различными социальными

⁹¹ Chartier R. Le monde comme représentation // Annales ESC. 1989. № 6. Répris dans Chartier R. Au bord de la falaise... P. 67–86.

⁹² Chartier R. Inscrire et effacer. Culture écrite et littérature (XI–XVIIIe siècle). P., 2005.

⁹³ Aguirre Rojas C. A. L'histoire conquérante... P. 154.

⁹⁴ Lepetit B. (éd.) Les formes de l'expérience. Une autre histoire sociale. P., 1995.

актерами. Каждая из скрупулезно изученных групп акторов вписывается в ткань отношений, связей, репрезентаций, дискурсов, которые образуют определенные фазы стабильности, социального согласия. Изменчивость социального мира дает привилегированное место изучению казусов из жизни общества, отдельной корпорации или общины.

Отталкиваясь от некогда популярной в социальной истории системы социoproфессиональных категорий, авторы вновь поставили вопрос о способах формирования различных социальных идентичностей. Без опровержения принадлежности индивидов к профессиональным категориям постулировалась необходимость проверять, как именно посредством социальных связей создаются общности и альянсы, стабилизируются социальные группы. Разрыв между «дискурсами» и «действиями» неизбежно образует сложность для историка, которую нельзя преодолеть, изолируя одну из двух сторон. Проблема состоит не только в том, чтобы воссоздать «то, что говорят» люди, способ, которым они интерпретируют мир, или идеологии, которыми они мотивированы, но равно понять, почему слова человека столь часто оказываются в противоречии с его собственными действиями.

Итак, если ранее все модели объяснения в социальной истории фокусировались на рассмотрении структур – будь-то экономических – в версии Лабрусса-Броделя – или ментальных – в версии Ле Гоффа и Ле Руа Ладюри, – то теперь в качестве *объекта, аналитической модели и практики исследования*, в интерпретации Бернара Лепти, выступает именно актер.

Как *объект* исследования, актер рассматривается в контексте институтов, социальных идентичностей, социальных связей, территорий, которые вовлекаются в исследование только по мере необходимости, применительно к конкретным ситуациям, определяемым не глобальным развитием или коллективными репрезентациями, но потребностями акторов. В результате становится возможным выявление *конвенций, соглашений, образующих моменты стабильности в социальной жизни*⁹⁵.

Как *аналитическая модель*, социальное действие и актер требуют осмысления категории «короткого», «событийного» времени, традиционно пренебрегаемого социальной историей. Такое измерение отнюдь не отменяет времени «большой длительности» модели Броделя, но предлагает рассматривать всерьез «время жизни» самого актора: глубины его памяти, горизонт его ожиданий, его отношение к будущему.

⁹⁵ Отметим, что «третьи Анналы» не были совершенно чужды измерению индивидуальных акторов и микроистории – достаточно вспомнить книгу Ж. Ле Гоффа о святом Людовике IX, где сфера действий короля, в столкновении с различными условиями социальной среды, была детально рассмотрена именно с позиции его жизненных стратегий (*Le Goff J. Saint Louis...*).

му, его историческое сознание, то есть его способность жить в настоящем и задействовать опыт прошлого.

Перенос акцент с описания на производимое людьми действие, историк, по мнению Лепти, должен предпочесть *описание*, как способ презентации материала, *объяснению*, вернувшись, тем самым, к базовым характеристикам традиционной истории. Это позволит отвечать на вопрос «как?», помещая действие в конкретно-историческую ситуацию времени и пространства. И только затем, рассматривая действия в одном или множестве смысловых контекстов, пытаться ответить на привычный для социальной истории вопрос «почему?».

Новую практику исторического исследования Лепти считал возможной только в рамках проекта междисциплинарности. Но, в отличие от предыдущего типа объединения с другими науками, когда речь шла о синтезе сначала с географией, социологией и демографией, затем с антропологией, теперь в большей степени необходимы «парадигматические» альянсы, диктуемые конкретными задачами исследования и чуждые определенных тематических предпочтений. И в этом новом проекте необходимо найти «золотую середину»: избежать самоизоляции в рамках собственного предметного поля и одновременно не производить сведения всего комплекса социальных наук к единому унифицированному состоянию⁹⁶.

Новые междисциплинарные альянсы сопровождалась подъемом экономической истории, в первую очередь, истории городов, где сопоставление различных данных и разнонаправленных процессов одной и той же эпохи позволяет избежать анахронизмов в анализе экономики прошлого, создавать новые оригинальные модели объяснений. Но «четвертые Анналы» пытаются развивать и фундаментальные темы экономической истории: возможности исследования, предлагаемые квантитативной и сериальной историей, перспективы конструирования и применения различных экономических циклов. Выразителем этой проблематики в современных «Анналах» является историк Жан-Ив Грень⁹⁷.

Другим способом экспериментировать в истории стали для «четвертых Анналов» «игры масштабов» (*jeux d'échelles*): изменение масштабов исторического исследования в зависимости от поставленной задачи и поиск новых способов описания. Исходя из «изменений размера» заново поднимается проблема диалектики между историей общей и многими частными историями, между макро- и микро- процессами. Предметом особого интереса и методологических заимствований в этой связи стала итальянская микроистория, работы Эдоардо Гренди.

⁹⁶ *Lepetit B. L'histoire prend-elle les acteurs au sérieux ?// EspacesTemps. «L.c temps réfléchi». 1995. № 59/60/61. P. 112–122.*

⁹⁷ *Grenier J.-Y. Séries économiques françaises, XVI–XVIIIe siècles. P., 1985: Ibidem. Penser la monnaie autrement // Annales ESC. 2000. № 6. P. 1335–1342.*

Карло Пони, Джиованни Леви, Карло Гинзбурга и ряда других, проводником которых во Франции стал Жак Ревель.

Сборник статей, подготовленный Ревелем, – «Игры масштабов. Микроанализ в опыте»⁹⁸ демонстрирует измерение микроисследования, как если бы исследователь вооружился мощной лупой, конструируя заново архивные случаи. Историк погружается в социальную ткань, вглубь очень тесной социальной ячейки, перегруженной связями, отношениями, репрезентациями, властью, перемещениями, персонажами и группами. Восстанавливая этот единичный опыт в рассказе, историк позволяет своему читателю увидеть совсем другое измерение прошлого, нежели то, что удавалось усвоить через «размер» классической социальной истории.

Подчеркивается общая природа рассказа микроисторического сочинения с моделью полицейского расследования. Идея представления исторического случая как детектива захватила многих историков, равно как и идея нового использования биографии, освобожденной от традиционной «биографической иллюзии», когда жизнь человека фаталистически представляется как последовательная и связная, лишенная противоречий и случайностей.

Микроисторики вводят различные источники, позволяющие реконструировать жизнь человека. Д. Леви, А. Корбен в логике полицейского романа, но не отказываясь от научных процедур верификации, пытаются восстановить ткань существования людей прошлого через отдельные фрагменты⁹⁹. «Всякий раз выбор нарративной модели позволяет объяснять определенное продвижение биографического материала и обосновывать схемы анализа и интерпретации, которые отмечает логика биографий», заключает Жак Ревель¹⁰⁰.

Один из самых интересных экспериментов такого рода предпринял историк Ален Корбен, вознамерившийся восстановить повседневную жизнь ничем не примечательного незнакомца, жившего в XIX в.¹⁰¹ Детективным стал сам выбор объекта исследования. Корбен отправился в архивы Орна (родина создателя), где, не размышляя, взял один из томов городских архивов, случайно выбрал местечко Ориньи-ле-Бутен и в таблицах актов штатского состояния, зажурившись, наугад выбрал два имени – Жан Курапед и Луи-Франсуа Пинаго. Первый из них умер слишком мо-

⁹⁸ *Revel J. (dir.) Jeux d'échelles. La micro-analyse à l'expérience.* P., 1996.

⁹⁹ *Levi G. Le pouvoir au village. Histoire d'un exorciste dans le Piémont du XVIIe siècle.* P., 1985; *Corbin A. Le Monde retrouvé de Louis-Adrien Pinagot. Sur les traces d'un inconnu, 1798–1876.* P., 1998.

¹⁰⁰ *Revel J. Au pied de la falaise: retour aux pratiques...* P. 160.

¹⁰¹ Материал впервые был опубликован в статье: *Трубицкова Н. В. Между глобальной историей и забвением: история расследования жизни «маленького человека» (на примере книги Алена Корбена «Обнаруженный мир Луи-Франсуа Пинаго (1798–1876)» // Вестник ТГУ. История. 2009. № 2 (6). С. 63–66*

лодым, что лишало игру всякого исторического интереса, и поэтому предметом исследования стал второй¹⁰². Таким произвольным образом ничем не приметный сын извозчика, бедный мастер-башмачник, родившийся 31 января 1876 г., не умевший читать, тихо проживший всю жизнь в южной кромке леса Белем, стал объектом исторического изыскания.

Ален Корбен – ученый, имеющий «сорок лет практики в департаментских архивах»¹⁰³, скрупулезно собрал о собственном герое максимум возможной информации. Так, были выявлены: даты его рождения, бракосочетания и смерти, даты рождения и крещения его детей и внуков, степень образованности почти каждого из них, их браки, их последовательные места проживания, вся совокупность его многочисленной родни, его профессия, профессии его отца и тестя, их скудные ресурсы и условия жизни, и даже единственный момент везения, позволивший Пинаго избавиться от военной службы и жениться очень молодым, орудия труда и крестьянского быта, уплата налогов серебром и, главным образом, натуральными продуктами, склоки и преступления фермерской среды и, наконец, общая ужасающая нищета.

Отмеченные автором периоды этой нищеты (особенно острой – в 1828–1832, 1839, 1846–1850 гг.) и реальная опасность голода почти каждую весну заполняют все главы книги, и историк отчасти сожалеет о сделанном им выборе: «Случай нам навязал выбор бедного мастера, делающего сабо (сделанные из цельного куска дерева деревянные башмаки. – *Н. Т.*), который жил всю свою жизнь в самом несчастливом регионе одного из наиболее обездоленных районов Франции. Я очень сожалею о таком выборе, так как я не прекратил разоблачать те опасности, которые связаны с воздействием представлений об аскетизме на историю XIX в.»¹⁰⁴ А. Корбен имеет в виду сложившееся клише историописания французского XIX в., прежде всего отмечающее, вслед за Виктором Гюго, бедственное положение большинства населения страны, что, как всякая закостеневшая схема, сковывает рамки исследования.

Однако, восставая против сложившихся интерпретаций, Ален Корбен стремится воссоздать память о человеке, с одной стороны, невероятно далекого от судьбоносных событий, с другой стороны, являвшегося современником поистине эпохальных явлений и кризисов: Революции, смены политических режимов, экономических кризисов и подъемов. двух прусских вторжений 1815 и 1870–1871 гг. Луи-Франсуа Пинаго

¹⁰² *Corbin A.* Le Monde retrouvé de Louis-François Pinagot. Sur les traces d'un inconnu, 1798–1876. P., 1998. P. 11–12.

¹⁰³ *Ibidem.* Le Monde retrouvé de Louis-François Pinagot. Sur les traces d'un inconnu, 1798–1876. P. 12.

¹⁰⁴ *Corbin A.* Le Monde retrouvé de Louis-François Pinagot. P. 225–226.

практически был сверстником упомянутого выше великого писателя, который дал самое тонкое и детализированное описание рассматриваемой эпохи. Для французской историографии характерно воззвание к «великому немому» средневековой истории – неграмотному бедному человеку, живущему на задворках своего общества и не оставившего о себя никаких сообщений. Незнакомец Алена Корбена проживал в «цивилизованном» XIX в., но и в этом случае Луи-Франсуа Пинаго стал для читателя некой «мертвой точкой» картины, через которую, глазами отсутствующего на экране персонажа, подобно кинозрителю, читатель должен ощущать происходящее на исторической сцене.

Корбен попытался максимально подробным образом восстановить пространственный и временной горизонт жизни своего героя, его семейные и дружеские отношения, его верования, его радости, боль, беспокойство, гнев и мечты. Не зная о Пинаго ничего, не считая скупых строчек актов гражданского состояния, Ален Корбен стремился компенсировать его немоту теми звуками простой фермерской жизни, которые тот не мог не слышать. Так появляется скрупулезное описание цокающих звуков сабо, шума топора дровосека и бряцанья упряжи лошадей, скрипа колес телеги, смертоносных стычек в драке, случайных приветствий на дороге или заставе, на вырубке леса либо деревенских посиделках...

Подобного рода исследовательские приемы в творчестве историка совершенно неслучайны. Ален Корбен стал первооткрывателем «истории ощущений», которую он блестяще иллюстрировал книгами по истории запахов и звуков, эмоций и сексуальности, существенно обогатив горизонты истории ментальностей, опирающейся в основном на литературные источники. Историк постулировал оригинальную мысль, согласно которой язык человеческого тела, чувственных и физиологических реакций, влечений и отторжений, привычек, профессиональных жестов, имеет свой выход в сферу ментальностей, а значит, может послужить основой для своеобразной и неповторимой – в случае с книгами Алена Корбена – исторической интерпретации.

Характеризуя Луи-Франсуа Пинаго, автор обращает, в частности, внимание на то, что этот человек профессионально владел большим количеством острых, пронизывающих, скребковых инструментов, имеющих самые разнообразные формы – прямые, заостренные, загнутые. Учитывая постоянный и неизбежный риск порезаться, вероятно, он приобрел навык терпеливо переносить боль. Профессия отдала ему мастерство целой серии жестов, которые, без сомнения, управляли его повседневной жизнью, – силу руки, точность удара, верность глаза. Деревянные башмаки сабо, дававшие Пинаго средства к существованию, были обязательным элементом крестьянского быта, и у башмачника, должна была, по мнению автора, присутствовать некоторая интуитивная хватка и цеп-

кость существования в этом мире¹⁰⁵. Почти на десяти страницах Ален Корбен развивает этот странный и тонкий анализ, своего рода антропологию крестьянского образа жизни, такого, каким его определяет употребление, изготовление, и весь цикл реализации деревянного башмака.

Не имея никаких дискурсивных посланий ни самого Луи-Франсуа Пинаго, ни его односельчан, Ален Корбен привлекает дневниковые записи юной аристократки Мари де Семалле, проживавшей неподалеку, которая описывает день за днем события осени и зимы 1870–1871 гг., разворачивавшиеся в нескольких километрах от интересующего автора местечка Ориньи-ле-Бутен. Большая часть впечатлений девушки, естественно, связана с наступлением прусских войск, но эта летопись позволяет оценить множество микрособытий, тысячу увиденных ею вещей и собранных слухов, которые, со своей стороны, был должен ощутить или испытать уже пожилой Луи-Франсуа Пинаго¹⁰⁶.

Историк Ален Корбен постоянно провоцирует читателя оценивать самому, представлять и догадываться, поддерживая воображение в тонусе, слышать язык неграмотного, погружаться в его устную речь, насыщенную диалектом (до сего времени ясно звучащим) французского Запада. Историк часто опирается на метафору кинофильма, делая все для того, чтоб читатель мог живо представить его героев.

Замысел автора, двигаясь по пути от окружающего мира к внутреннему, выходит на переломный момент личностного роста, произошедший в сознании его незамысловатого героя. В пору июльской монархии Пинаго, все публичные обязательства которого ранее сводились к статусу хорошего прихожанина церкви, становится избирателем и в последующие десятилетия неоднократно голосует, участвуя в политических буднях собственной страны. И, наконец, в петиции, помеченной в мэрии датой 5 мая 1872 г., историк находит крест на месте его подписи. «...Он сам записал на регистре единственный рукописный след и единственный индивидуальный след, который у нас есть: речь идет о простом и неловком кресте, который не походит точно на другие; то, что доказывает, что каждый из безграмотных просителей сам нарисовал свой. Я испытал волнение, когда, после месяцев исследований и интимности с неуловимым деятелем Луи-Франсуа, я обнаружил этот след и попробовал восстановить жест, который его записал на бумагу; рукописный след человека в возрасте семидесяти четырех лет, который, возможно, был вынужден первый раз взяться за перо»¹⁰⁷.

Трудная биография Луи-Франсуа Пинаго заканчивается годами позже, не оставив, кроме многочисленного потомства, индивидуального следа в

¹⁰⁵ Ibid. P. 118–119

¹⁰⁶ Corbin A. Le Monde retrouvé de Louis-François Pinagot. P. 118–119

¹⁰⁷ Ibid. P. 287.

истории Франции. По замыслу автора, судьба этого героя, восстановленная в воображении читателя, ведет от Старого режима к современности, от христианства к гражданственности, от материального неблагополучия к относительному достатку более поздней эпохи. Погружаясь в описание слепой и немой фигуры Луи-Франсуа Пинаго, историк намеревался заострить сознание современных французов на эпохальном моменте истории Франции. Ведь самые серьезные социальные сдвиги должны оставлять свой след на любом индивидуе, и тем ценнее для потомков и историков становится анонимная жизнь Луи-Франсуа Пинаго, обретая новое существование и новое человеческое достоинство.

Следуя другой манере, Арлетт Фарж¹⁰⁸ предлагает «письмо монтажа», сочетание фрагментов архивных материалов, рассказов, публичных выступлений и исторических интерпретаций. Произвольно сочетая различные материалы, историк все же строит свою работу на владении базовым методом документальной критики, «вкусе к архиву», который определяет для автора основу самого интереса к истории¹⁰⁹.

Признавая свой интерес к творчеству итальянских микроисториков, Фарж отметила важную особенность этой национальной историографии: в Италии нет разработанной системы архивов. Именно по этой причине квантитативные традиции не могли устояться в Италии, и историки усвоили практику исследования отдельных архивных казусов¹¹⁰.

Отвергая вызов «лингвистического поворота», «четвертые Анналы» не замыкаются в измерении микроанализа, стремясь найти способ перехода к исследованию феноменов более общего порядка. В отличие от «третьего поколения» Анналов, современная редакция не отказывается от амбиции глобальной истории и больших длительностей. Однако принцип организации глобальных моделей несколько изменился, сформировалось понимание того, что глобальные целостности нельзя разделить на экономический, политический и культурный этажи, и тем более, – свести к единой детерминанте, но можно определить как «обобщенную систему частичных балансов, где экономическое равно является культурным, культурное имеет политический смысл, политическое укоренено в социальном», социальное выражается в экономическом и т.д.»¹¹¹

«Четвертые Анналы» разделяют постановку проблемы временных механизмов социального анализа, осуществленную Броделем, хотя и не поддерживают его концепцию долгого, среднего и короткого времен, не отразившую в полной мере моментов усвоения и изменения, чему дают блестящее обоснование «социология действия» и «экономика со-

¹⁰⁸ *Farge A. Le Cours ordinaire des choses. P., 1994.*

¹⁰⁹ *Ibidem. Le goût de l'archive. P., 1989.*

¹¹⁰ *Ibidem. Le parcours d'une historienne. Entretien avec Laurent Vidal... P. 129.*

¹¹¹ *Aguirre Rojas C. A. L'histoire conquérante... P. 156.*

глашений». Однако величественная броделевская архитектура долгого времени находит своих продолжателей в современных «Анналах» в направлении исследований, связанных с анализом кросс-культурных коммуникаций в истории и тематикой так называемого «пространственного поворота» современной западной историографии.

Так, в 2001 г. журнал пригласил своих читателей к дискуссии «Бродель и Азия»¹¹², где броделевский метод описания Средиземноморья использовался для синтеза истории Юго-Восточной Азии. В таком фокусе анализа центральным становится понятие региона, которое мыслится аналогичным «миру-экономике» у Ф. Броделя. Данный метод позволяет выявить в истории азиатских государств многочисленные локальные перспективы, оставаясь при этом вне привычных европоцентристских теорий модернизации Востока.

Согласно Броделю, каждая цивилизация отмечена воздействием своих религий, которые придают человеческой деятельности особые качества связности культуры, изменяющиеся во времени крайне медленно. Средиземноморье сложилось на пересечении латино-христианской и турко-мусульманской цивилизаций. Вдохновленный этим примером, Дени Ломбар в книге «Яванский перекресток» рассматривал малайский архипелаг сквозь призму четырех цивилизационных влияний: санскритской Индии, культуры Ислама, Китая и Европы. Мусульманские торговцы, например, ввели, начиная с XVI в., новую монетарную систему и навыки торговли, но эти новшества органично легли на более древнюю индийскую культурную основу¹¹³. Р. В. Вонг проанализировал как «китайское Средиземноморье» моря Юго-Восточной Азии¹¹⁴. Х. Такеши изучал экономическую структуру региона, апеллируя к «мирам-экономикам»¹¹⁵.

Морис Эмар, один из ближайших учеников Фернана Броделя, полагает, что предложенный востоковедами способ «перечитывания» его трудов является лучшим, а возможно, и единственным. Проблема не в том, чтобы имитировать метод Броделя, или сослаться на него, полагает автор, но «свободно им вдохновляться, разрабатывать гипотезы, чтобы их опробовать на других периодах и местах, или... использовать его как ключ, чтобы открыть двери, еще закрытые...»¹¹⁶

¹¹² *Annales HSS*. 2001. № 1. P. 5–50. Подробнее об этом направлении исследований: *Трубникова Н. В.* Регионы Азии и метод Фернана Броделя // *Известия Томского политехнического университета*. 2002. Тем. вып. № 7 «Сибирь в евразийском пространстве». С. 175–185.

¹¹³ *Lombard D.* *Le carrefour javanais*. P., 1990. 3 vol.

¹¹⁴ *Wong R. B.* *Entre Monde et Nation: les regions braudeliennes en Asie* // *Annales: HSS*. 2001. № 1. P. 5.

¹¹⁵ *Ibid.* P. 16.

¹¹⁶ *Aymard M.* *De la Méditerranée a l'Asie: une comparaison nécessaire (commentaire)* // *Ibid.* P. 44.

Интерес к пространству и эволюциям незападных цивилизаций вообще является отличительной чертой последней редакции «Анналов», предлагающей тематические «региональные» выпуски. Некоторые историки-анналисты рассматривают экзотические культуры сквозь призму обновленной исторической антропологии (Люсетт Валенси, Жоселин Даклия), другие дают обоснование «новым логикам прочтения» (Пьер-Фраснуа Суйри)¹¹⁷.

«Специализация» современной исторической науки, преодоление ставших привычными масштабов не только микроистории, но и традиционных форматов истории национальной, формируется на пересечении ряда факторов¹¹⁸.

Изменение пространственных масштабов исследований в социальных науках связано с продолжающейся тенденцией интернационализации историописания. Возрастает межнациональное сотрудничество в рамках научных проектов, транснациональный характер приобретает политика публикаций в профессиональной периодике. Вышеозначенные тенденции, связываемые с процессами глобализации в целом, не означают унификации национальных историографий в целом, напротив, космополитический «авангард» профессии зачастую вступает в конфликт с устоявшимися академическими культурами своих стран. Тем не менее, эти объективные тенденции способствуют формированию межнациональных исследовательских перспектив и проектов. Факт смещения исследовательских интересов от привычных тематических границ национальной истории в пользу транснациональных сюжетов прослеживается на уровне университета. По данным Американской исторической ассоциации, уже в 2001/2002 учебном году «Всемирная история» обошла по количеству слушателей традиционно популярный курс «Западная цивилизация»¹¹⁹.

Устанавливается направление исследований, в котором национальные границы исторических явлений рассматриваются как идеологический барьер, мешающий восприятию масштабных перемен, харак-

¹¹⁷ Так, за 2004–2005 гг. вышли тематические подборки: *Science et religion en Chine* // Ibid. 2004. № 4 (Наука и религия в Китае); *Histoire paléstinienne* // Ibid. № 1 (Палестинская история); *La geste indianiste. Du saint guerrier aux héros paysans* // Ibid. № 2 (Жест индолога: от святого воина к крестьянским героям); выпущен специальный номер: *L'Asie centrale* // Ibid. 2004. № 5–6 (Центральная Азия).

¹¹⁸ Подробнее: *Трубникова Н. В.* «Пространственный поворот» современной западной историографии: лики всемирной истории в эпоху глобализации // *Современные исследования социальных проблем* (электронный научный журнал). 2012. № 9 (17). URL: <http://sisp.nkras.ru/c-ru/issues/2012/9/trubnikova.pdf> (дата обращения: 12.11.2015).

¹¹⁹ *Gräser M.* World History in a Nation-State: The Transnational Disposition in Historical Writing in the United States // *Journal of American History*. Vol. 95. Issue 4. P. 1038–1041.

теризующих если не человечество в целом, то социальные процессы, судьбоносные для целых континентов.

Транснационализация исторических исследований, возвращающая нас к масштабам всемирной, или тотальной, по выражению Броделя, истории, тесно связана с пространством постструктуралистской и постколониальной критики, которые не только бросили вызов традиционным нормам социальной истории, но и ниспровергли европоцентрические идеологемы XX века. Историческая «провинциализация» Европы вкупе со становлением самодостаточного историописания бывших колоний способствовали стиранию национальных границ в исследовании и переосмыслению существующих в гуманитаристике клише.

Точкой отсчета в этой ревизии колониальной историографии может считаться изданная еще в 1980 г. книга «Ориентализм. Восток, созданный Западом?» Э. Саида¹²⁰, рассуждающего о формировании данного понятия и его режимах историчности задолго до появления рассматриваемых тенденций. Выходец из страны Востока, автор сам помещает себя, через факт своей семейной и интеллектуальной социализации, в двойную ситуацию «гибридности» и изгнания, пытаясь переработать глобальное видение «Востока», сформированное, начиная с конца XVIII в., западными обществами, в терминах культурного отличия. Автор находит в репрезентации Востока, создаваемой западными людьми, рефлексивный образ самого Запада. Однако «ориентализм» в книге коррелирует и с понятием «оксидентализма», то есть репрезентации Запада, созданной не-западными людьми. Противопоставляя Восток Западу, эти люди возобновляли, трансформируя, структурные характеристики ориентализма как конструкцию инаковости, часть дихотомного принципа и способ обобщения. В истории понятий, этот тип инверсии был расценен Рейнхардом Козеллеком как «асимметричное контр-понятие», имея в виду, что фундаментальные понятия часто генерируют понятия-антонимы, «асимметричные», потому что всегда вторичные и ясно подчиненные в этом первом.

Эта система своеобразного «отзеркаливания» культур ясно перекликается и с проектом «перекрестной» истории, речь о которой пойдет ниже, в разделе о трансформациях современной истории культуры.

Характерной чертой редакции «четвертых Анналов», как уже утверждалось выше, стало участие в методологических дискуссиях о междисциплинарности, о приоритетах современного развития исторической науки, способах верификации и доказательства в истории, а также рефлексия над судьбами французской (и западной) историографии.

В 1987 г. в Высшей школе исследований по социальным наукам были открыты семинары по античной и современной историографии, руко-

¹²⁰ Said E. *L'orientalisme. L'orient créé par l'Occident?* P., 1980.

водимые, в частности, Франсуа Артогом и Жаком Ревелем. Как констатировал Ф. Артог, в последний период в текстах историков происходит сближение таких понятий, как «эпистемология» и «историография», что позволяет охарактеризовать переживаемый французской исторической наукой момент как «рефлексивный». «Формируется подход, внимательный к концепциям и контекстам, понятиям и средам, ...озабоченный их соединениями, занятый их познавательной способностью и историзацией, но бдительный перед лицом сирен редукционизма»¹²¹.

Анналисты призывают установить контролируемые, но проницаемые границы между дисциплинами, привести к полной ясности идейные заимствования между различными дисциплинами на уровне техник, понятий, подходов или парадигм. Как уже упоминалось выше, согласно Бернару Лепти и Жану-Иву Гренье, примером таких «разумных» заимствований, несомненно, являются исследования Эрнеста Лабрусса¹²².

Методологическая дискуссия коснулась и вопроса о приоритетах – идейных и междисциплинарных – современной исторической науки, отражая стремление отстоять за историей статус достоверного знания. Анналисты с конца 1980-х гг. спорят с Марселем Гоше, отдающим «пальму первенства» политическому в истории. Гоше рассматривает понятие «репрезентации», центральное для социокультурной истории Шартье, как слишком широкое и двусмысленное, охватывающее лишь «социологическое» измерение и игнорирующее логику сознательного поведения акторов. Шартье, со своей стороны, видит в проекте Гоше возвращение идеалистической философии свободного субъекта, игнорирующего вес социальных принуждений, и попытку оторвать историю от социальных наук¹²³.

Спустя 10 лет, в 1999 г. тот же спор с использованием прежних аргументов возобновился в «Ле Деба» по случаю публикации книги Роже Шартье «На краю обрыва»¹²⁴. Тем самым, обнаруживая несомненную идейную преемственность, «четвертые Анналы» на свой лад воспроизвели старую дискуссию «левых» социальных историков с «правыми» философами, вдохновляемыми позицией Р. Арона.

Таким образом, на рубеже 1980 – в 1990-е гг. «Анналы» предложили свой проект обновления дисциплины. В 1996 г. случайная, и от того особенно трагическая смерть Бернара Лепти – незаменимого, как оказалось, вдохновителя «критического поворота», – нанесла невосполнимый урон «прагматическому» проекту движения.

Оценка «прагматической перспективы» мировым и французским историческим сообществом была весьма неоднозначной. Сборник

¹²¹ *Hartog F. Évidence de l'histoire. Ce que voient les historiens...* P. 232.

¹²² *Grenier J.-Y., Lepetit B. L'expérience historique. À propos de C.-E. Labrousse...*

¹²³ *Chartier R. Le monde comme la représentation...*

¹²⁴ *Inquiétudes et certitudes de l'histoire // Le Débat. 1999. № 103. P. 132–167.*

«Формы опыта» получили негативный прием со стороны сторонников «лингвистического поворота»¹²⁵. Однако и столпы социальной истории весьма критично отреагировали на эту инициативу «четвертых Анналов». Антуан Про пришел к выводу, что теоретический дискурс в ней слишком часто отрезан от конкретики вещей¹²⁶. Жерар Нуарьель, ратующий за консолидацию сообщества историков, сделал заключение, что «рефлексия о критическом повороте демонстрирует забегание вперед в дискуссиях, все более и более удаленных от того, что занимает огромное большинство историков»¹²⁷.

В 1999 г. молодой историк Антуан де Бэк в статье «Куда завел «критический поворот?» подвел итоги этого обновляющего импульса, отметив, что в действительности данный историографический проект не был принят и что историки, последовавшие за критическим поворотом конца 1980-х, были малочисленны и изолированы.

«В этом смысле, молодые историки могут, оглядываясь назад на десятилетие, которое прошло с момента их вступления в профессию и на приманки критического поворота, испытать чувство, ... что их отпустили на все четыре стороны посреди дороги, ... горькое впечатление оказаться пехотой в движении обновления исторической дисциплины, главные лидеры которой не удержались, по различным причинам, чтобы довести его до завершения»¹²⁸.

Автор выразил мнение, что «четвертые Анналы» если и не отказались от «критического поворота», то, по меньшей мере, пренебрегли им или позабыли о нем: невозможно быть одновременно экспериментаторами и оплотом дисциплины. Отмечая высокую степень фрагментации сообщества историков, не имеющего стабильных эпистемологических основ, де Бэк пишет о своем поколении (видимо, 1960-х гг. рождения, которое могло бы, теоретически, создать проект «пятых Анналов»), как о «сообществе без отцов» и о его интеллектуальном проекте, как о начинании, «которое больше не имеет мэтров мысли»¹²⁹.

3.2.2. «Социологический поворот» истории и «прагматическая парадигма»

В позиции, выраженной по поводу «критического поворота» Антуаном де Бэком, как представителем поколения, «брошенного на произвол судьбы», есть момент характерного для французской историо-

¹²⁵ Jones G. S. Une autre histoire sociale? // Annales HSS. 1998. № 2. P. 383–394.

¹²⁶ Prost A. Où va l'histoire sociale? // Le Mouvement Social. 1996. № 174 (1). P. 79–95.

¹²⁷ Noiriel G. Sur la crise de l'histoire... P. 158.

¹²⁸ Bæque, de A. Où est passé le « tournant critique » ? // Le Débat. « Commémoration 98 ». 1999. № 104. P. 166.

¹²⁹ Там же. С. 167

графии в целом полемического преувеличения. Если анналисты после 1989 г. и не обращались больше к читателям с броскими манифестами, то ряд провозглашенных ими идей имел несомненное развитие, как в их исследовательской практике, так и в редакционной политике журнала. В первую очередь, речь здесь идет о новом доктринальном союзе истории и социологии. Вследствие впечатляющего подъема теорий социального конструктивизма¹³⁰ и новой волны поисков профессиональной идентичности сообществом историков диалог с социологами возобновился, нередко стирая четкие профессиональные границы¹³¹. «...Уже невозможно сейчас установить научный домен истории и социологии: отныне существует как история современности, так и историческая социология. Разница проистекает от их собственной природы, на фоне общего сходства. Каждая претендует на объединяющую роль»¹³², – заметил Ф. Шазель.

Понятийный аппарат истории, как известно, состоит сплошь из заимствований. Она занята, по выражению Антуана Про, «высиживанием яиц, которых не несла»¹³³: любая из соседних дисциплин, имеющих отношение к изучению человека, является объектом концептуальной «контрабанды» со стороны историков. Последняя метафора, увы, вполне уместна: переходя из своей дисциплины в историю, понятия теряют контекст, утрачивают строгость, искажают свое первоначальное значение, а со временем и вовсе обесмысливаются из-за многократных и семантически непроясненных употреблений. Кроме того, усвоение понятий почти всегда является односторонним: история ничего не предлагает своим теоретическим донорам взамен, являясь своего рода бездонной фактологической базой всевозможных гипотез и интуиций.

Показательны в этом отношении рассуждения Пьера Бурдьё: в познавательном плане нет разницы между историей и социологией. Работа историка группируется вокруг двух полюсов: научного «профессионального» и «юбилейного», предназначенного широкой публике. Но даже «научные» исследователи от истории желают «иметь социологию без социологии и особенно без социологов». Они заимствуют активно из близкой их проблематике науки, чтобы выгодно отличаться от других историков, но при этом критикуют социологов за «догма-

¹³⁰ *Corcuff P. Les nouvelles sociologies. P., 1995; рус. пер.: Коркюф Ф. Новые социологии. СПб., 2002.*

¹³¹ Подробнее: *Трубникова Н. В. Транзитные перекрестки французской науки: дрейф понятий от социологии к истории // Вестник ТГУ. 2007, № 294. Серия: История. Краеведение. Этнология. Археология. С. 170–174.*

¹³² *Chazel F. Sur quelles bases établir des relations stables entre historiens et sociologues? // Beauvois Y., Blondel C. (dir.) Qu'est-ce qu'on ne sait pas en histoire? Ville-neuve-d'Ascq, 1998.*

¹³³ *Про А. Двенадцать уроков по истории... С. 140.*

тизм». С его собственными работами поддерживают отношения, как предыдущее поколение «Анналов» – с Дюркгеймом. Их теоретическая культура недостаточна, заимствование социологических понятий буквально, вырвано из системы отношений. Часть историков, конечно, заинтересована в эпистемологии. Но это потому, что из нее они черпают аргументы для обоснования гегемонистских претензий своей дисциплины или маскируют то, что сами уже перестали заниматься эмпирическими исследованиями. Эти теоретические лакуны объясняют, в частности, почему возобновились старые споры приверженцев «структур» и «движений», в то время как его социология, разработанная в терминах «поля» и «габитуса», позволяет превзойти данное противопоставление. И если теория до сих пор не усвоена – то исключительно в силу привычек культурной среды¹³⁴.

При обоснованных упреках Бурдьё о некорректном усвоении социологических уроков историками стремление заимствовать понятия из социологии закономерно: ведь именно социологическая теория претендует на выявление критериев универсального научного проекта в познании человека вопреки дробному многообразию исторических, политических и культурных обстоятельств. Дискурсы истории и социологии роднит также приверженность «естественному» рассуждению, опирающемуся на опыт обыденной человеческой жизни¹³⁵, в котором социология хотя и достигла большего наукообразия, чем история, но все же не смогла, вопреки давним надеждам Ф. Симиана, создать собственный отвлеченный язык, подобно точным наукам.

Несмотря на родственность и закономерное теоретическое преимущество социологии, взаимоотношения этих наук имеют долгую и трудную историю, изложенную в предыдущих главах, которая отразила возобновляемые в каждом поколении попытки поделить пространство понятий, методов и эмпирических материалов между историками и социологами. После ожесточенных эпистемологических баталий рубежа XIX–XX вв., периода проектов послевоенной интеграции поколения Гурвича и Броделя, явного взаимного игнорирования в 1970–1980-х, в начале 1990-х гг. наступает эпоха нового увлечения историков Франции социологическими практиками, уже вошедшая в историографический обиход под маркой «социологического поворота».

При анализе терминологического дискурса анналистов стоит вновь сослаться на мнение литературоведа Ф. Кэррэрда: историки цитируют видных теоретиков гуманитарного знания, но без анализа или дискус-

¹³⁴ Bourdieu P. Sur les rapports entre la sociologie et l'histoire en Allemagne et en France. Entretien avec Lutz Raphaël // Actes de la recherches en sciences sociales. 1995. № 101–107.

¹³⁵ Passeron J.-C. Le raisonnement sociologique...

сии, а лишь создавая дополнительный корпус средств самообороны против упреков в теоретической неискушенности¹³⁶. Употребление социологических понятий в исторических штудиях также является в большой степени метафорическим, не сопровождаясь изложением основ метода, с которым органически связано данное понятие, и тем более, не являясь его подтверждением. В этом случае, как правило, метод объявляется «общеизвестным» и «широко используемым», а понятия заковычиваются с минимальными пояснениями или вовсе без таковых.

Обращение «четвертых Анналов» к опыту теорий социального конструктивизма (в которых реальность представляется не естественной, раз и навсегда данной, а сконструированной¹³⁷) на рубеже 1980–1990-х гг., как правило, пытается преодолеть указанную особенность, разясняя нюансы смысла и настаивая на корректном словоупотреблении. Новую тенденцию можно объяснить рядом причин. Прежде всего – упадком классических оппозиций социальных наук (идеальное/материальное, субъект/объект, коллективное/индивидуальное, макро/микро) в целом, и структуралистских концепций в частности. В рамках всех направлений структурализма оказалось невозможным урегулировать проблему соотношения структур и взаимодействий. Первоначальная дискуссия о «повторяемых» событиях, конституирующих систему, и «неповторимых», – вызывающих инновации, – увенчалась в свое время опытом Эммануэля Леруа-Ладюри по анализу системных «неправильностей» в истории¹³⁸, но не привела к созданию новой обобщающей теории¹³⁹.

Одной из немногочисленных признанных французской историографией удачными попыток преодоления тупиков структурализма, а также уникальным примером вклада историка в совершенствование социологической теории стала работа Эдварда Палмера Томпсона «Становление английского рабочего класса»¹⁴⁰, впервые изданная еще в 1963 г. Смягчая детерминизм марксистской ортодоксии, историк демонстрирует на широком эмпирическом материале, что рабочий класс – социальное и

¹³⁶ Carrard P. Poétique de la Nouvelle histoire... P. 157–158.

¹³⁷ Показательно идейное противоборство сторонников и противников социального конструктивизма на примере использования в научном и публичном дискурсах понятия «идентичность»: Трубникова Н. В. Научный и политический дискурсы идентичности: способ самоопределения или «изобретение традиций»? // Международный журнал исследований культуры. 2010. № 1. С. 18–22; подробнее о взаимодействии истории и социологии: Она же. Междисциплинарный альянс или конфронтация? Дискуссии французских историков и социологов по теории социальных наук // Известия ТПУ. 2005. Т. 308. № 3. С. 192–196.

¹³⁸ Le Roy Ladurie E. Le Carnaval de Romans...

¹³⁹ Подробнее о взаимодействии современной истории и социологии во Франции: Трубникова Н. В. Междисциплинарный альянс или конфронтация? С. 192–196.

¹⁴⁰ Thomson E. P. La formation de la classe ouvrière anglaise. P., 1988.

культурное образование, активно участвующее в собственном становлении. Находясь в постоянном *процессе самоопределения*, английский рабочий класс «конструировал» себя сам, осуществляя объединительное движение на стыке объективных факторов и субъективных представлений. Через *коллективный опыт* и *общие интересы*, рабочий класс сформировал свое понимание культуры, традиции и создал институциональные формы, что привело к формированию особого *классового сознания*.

Роже Шартье нашел способ преодолеть оппозицию «структура/процесс» через социологию Норберта Элиаса, сведенную, главным образом, к понятию *конфигурации*¹⁴¹, ныне имеющему самое широкое распространение в исторических исследованиях. Конфигурация – это специфические формы взаимозависимости, связывающие индивидов. Они отличаются друг от друга длительностью и сложностью цепочек взаимосвязей, от партии играющих в шахматы до заседания Совета безопасности ООН. В отличие от внешне сходного понятия *системы*, наделяющего включенные элементы слишком большой внутренней связностью и устойчивостью, конфигурация всегда нестабильна и ситуативна. Понятие *рамок действия* позволяет по-новому оценить возможности и ограничения индивида в отношениях с окружающим миром, а понятие *габитуса*¹⁴², – охватить социальный «отпечаток», который налагает на личность совокупность различных конфигураций, в рамках которого действует индивид.

Важным для историков моментом творчества Норберта Элиаса стала также идея необходимой *историзации категорий*, то есть обязательного погружения понятия в пространственно-временной контекст, что позволяет сохранить и осмыслить уникальные эмпирические нюансы, избегая ловушки *реификации*¹⁴³ употребляемого понятия.

Следуя типологии, предложенной в статье Тома Бенатуя, которая была опубликована в «Анналах» в 1999 г.¹⁴⁴ с явной целью просвещения историков, современные конструктивистские социологии во Франции можно поделить на два основных исследовательских подхода. *Критическая социология* появилась в 1960-х гг. и была представлена именами Бурдые, Пассерона, Болтански, Сен-Мартен, Сэйа и других. *Прагматическая социология* сформировалась в 1980-е гг. благодаря работам Каллона и Латура, позднего Болтански, Тевено и их учеников. Эти направления сохраняют между собою как явную преемственность, так

¹⁴¹ Chartier R. Engagement et distanciation. Contributions à la sociologie de connaissance. Préface // Elias N. La Société de cour. P., 1985.

¹⁴² Понятие было изначально введено в социологию Норбертом Элиасом, но получило широкое распространение благодаря исследованиям Пьера Бурдые.

¹⁴³ Т.е. описания исследуемых феноменов, начиная с предустановленных и условных социальных разделений.

¹⁴⁴ Benatouil T. Critique et pragmatique en sociologie. Quelques principes du lecture // Annales HISS. 1999. № 2. P. 281–318.

и некоторую конкурентность, активно пополняя арсенал социальной теории, в том числе инструментарий исторической науки, новыми исследовательскими стратегиями и связанными с ними понятиями.

Критическая социология считает своим призванием борьбу со стереотипами классического, «схоластического» европейского разума, опровержение его ложных оппозиций, о которых уже шла речь, навязанных господствующей культурой. Отсюда то предпочтение, которое отдает Бурдьё социологии образования, искусства и интеллектуалов, то есть социологии легитимной культуры, в которой изучаются способы ее внедрения, пропаганды и воспроизводства. Методология и терминология Бурдьё сейчас широко распространена в истории науки, где производится ревизия многих устоявшихся точек зрения на школу, профессиональные группы и институты.

Центральным здесь является понятие *символического насилия*, которое выявляет как *доминируемые* – подчиненные социальные группы – признают доминирование вышестоящих над собой. В то же самое время символическое насилие формирует целый набор средств, делающий отношения власти – существующий порядок подавления одних другими – легитимным. С их помощью произвольные действия *доминирующих* превращаются в «естественные», и доминируемые сами примыкают к господствующему порядку (не являющемуся по сути ни естественным, ни необходимым), не осознавая его механизмов. Таким образом, Бурдьё, почерпнув у Маркса идею эксплуатации как основы отношений между социальными группами, позаимствовал у Вебера представление о том, что социальная реальность имеет и свое символическое измерение¹⁴⁵.

Бурдьё также развивал понятие *габитуса* – определяя его как систему устойчивых и переносимых *диспозиций*, под которыми имеется в виду наша склонность воспринимать мир и поступать определенным образом, сложившимся под воздействием объективных условий существования. Диспозиции устойчивы, поскольку глубоко укоренены в личности и стремятся противостоять изменениям, и одновременно подвижны, так как, обретаясь в одной сфере опыта, легко переносятся и влияют на другие, образуя базу единства личности.

Конфигурации отношений между индивидуальными и коллективными акторами (хотя Бурдьё, отдавая дань структурализму, предпочитает говорить об *агентах*, от французского глагола «agir» – двигаться, поскольку они «движутся» сами, но в равной «реагируют» на воздействия извне) образуют *поля*. Поле – автономная сфера социальной жизни, которая имеет свои специфические социальные отношения, цели и средства. Поле всегда является *полем силы*, отмеченным неравным распределением средств и определенным соотношением сил доминирующих и доминируемых, но

¹⁴⁵ Bourdieu P. Sur le pouvoir symbolique // Annales ESC. 1977. № 3. P. 405–411.

так же *полем борьбы* за изменение такого соотношения сил. Каждое поле обладает собственными механизмами *капитализации* свойственных ему легитимных средств, от материальных до символических¹⁴⁶.

Жан-Клод Пассерон и Клод Гренье, в развитие теорию Бурдьё, стремятся показать лимиты социологии символического господства, внося свой вклад в дискуссию об оппозиции народной и ученой культур, ставшую центральной для истории ментальностей. Исследователи предупреждают от рассмотрения практик народной культуры с точки зрения легитимного культурного капитала: наличия дипломов, приверженности «высоким» образцам культуры, общественного признания и т.д. В этом случае культура малообразованных масс оценивается только в негативном смысле, «в терминах неполноценности, ограниченности, исключения, лишений, отсутствия выбора, не-потребления и не-практик»¹⁴⁷.

«Генетический» структурализм Бурдьё воссоздает и объясняет субъективный опыт социальных агентов, их внедренность в объективные структуры, их жизненную активность. Эта стратегия имеет конкретное воплощение в эмпирическом исследовании. Ее сторонники активно используют косвенную речь агентов, включают в свои исследования в качестве примеров «сырые» и единичные данные (фрагменты бесед, цитат, фотографии).

Критическая социология импонирует многим историкам еще и потому, что, избегая проявлений политической ангажированности как ловушек символического насилия, Бурдьё призывает интеллектуалов проявлять активную жизненную позицию, выполняя сложную задачу *социальной критики*. Следуя принципу Спинозы, гласящему, что настоящая свобода – это знать, что тебя ограничивает, Бурдьё призывал показывать различные детерминизмы – внешние по отношению к человеку принуждения, – с тем, чтобы по возможности ослаблять или разрушать идеологии, которые представляют их результатом экономической, технической или природной неизбежности. В идеале, по мнению Пьера Бурдьё, интеллектуалы должны научиться объединяться в программах эффективного политического действия, направленного на улучшение социальной реальности, используя все свои коммуникативные таланты.

Прагматическая социология привносит свои идеи и понятия в историческую науку эпохи микроисследований, и сводится для многих к понятию *актора*, став, в частности, идейной платформой «прагматической парадигмы» «четвертых Анналов». В действительности же за данным словоупотреблением прячутся многообразные ответвления теории действия, насыщенные различными интерпретациями и собственными концептуальными нюансами.

¹⁴⁶ Бурдьё П. Практический смысл. М.; СПб., 2001.

¹⁴⁷ Grignon C., Passeron J.-C. Le savant et le populaire. Misérabilisme et populisme en sociologie et en littérature. P., 1989.

Критическая социология, согласно эпистемологической модели наук о природе, изучает «объективный» процесс создания агента «извне» как результата его социализации, усвоения обществом. Прагматическая социология противоположным образом анализирует процесс самостоятельного становления актора «изнутри», способы его влияния на других людей и общественную группу; действия, которые он предпринимает и за которые берет ответственность; дискурсы, которые он создает сам или продолжает.

Родоначальниками прагматической социологии считаются Бруно Латур и Стив Вулгар, издавшие в 1979 г. нашумевшую книгу «Лабораторная жизнь»¹⁴⁸. Речь в ней шла о повседневной жизни нейроэндокринологической лаборатории, которая в течение трех лет изучалась с максимальной степенью «остранения» – как этнологическая практика, и привела исследователей к выводу о том, что конструирование научных фактов – само по себе факт сугубо социальный, что резко противоречило классическим подходам социологии науки. Книга получила много самой бескомпромиссной критики, но ценным в ней был не характер аргументации – с точки зрения научной доказательности совсем не безупречной, – а базовый принцип: ученые делают или осмысливают в действительности не совсем то, что им кажется, будто они делают или осмысливают. Этот принцип позволил сформироваться «прагматической» эпистемологии, отстраненной как от дискурса самих ученых, так и от научных теорий, которые ими производятся.

Латур многие годы противопоставлял «науку в процессе делания» «науке сделанной». Исходной категорией является здесь понятие литературной *инскрипции* и *инскрипторов*, поскольку деятельность лаборатории представляет собой главным образом процесс создания различных записей с помощью различных инструментов, с различными же степенями *достоверности*. Высказывание становится научным фактом, когда не оспаривается коллегами. То есть факт складывается из совокупности стратегий, связей, форм убеждения, логики профессиональной карьеры и т.д. И если в «сделанной» науке запоминается только научный факт, то процесс «делания науки» вовлекает огромную совокупность различных практик и объектов.

Углубляя эту концептуальную схему, Бруно Латур и Мишель Каллон ставят в центр своих теоретических рассуждений понятие *перевода*¹⁴⁹. Акторы постоянно работают над переводом своих языков, своих проблем и идентичности в языки, проблемы и идентичность других, вступая в процессы *взаимоопределения акторов*. Отвергая всякие внешние структуры, исследователи предлагают следовать за актором

¹⁴⁸ Latour B., Woolgar S. La vie de laboratoire...

¹⁴⁹ Callon M. La Science et ses réseaux...

по всей длине его *цепочки перевода*. Двигаясь и реагируя, актер принимает различные виды деятельности, конкурирующие с другими, – стратегии, способы мобилизации, пробные столкновения сил, вырабатывает механизмы участия в прибылях, ищет вынужденные точки соприкосновения, с тем, чтобы войти в альянсы и ассоциации, или даже найти идейного лидера. Перевод личных интересов в процессах взаимодействия приводит к взаимным *смещениям*, – по сути, компромиссам, которые и движут повседневными практиками актеров, образуя относительно стабильные состояния мира.

Эти моменты стабилизации осмысляются авторами с помощью введенного ими понятия *сети*, получившего большую популярность среди историков после публикации исследований Рэндалла Коллинза, посвященных, среди прочего, обоснованию сетевого принципа организации интеллектуальных сообществ¹⁵⁰. Прагматическая социология выделяет целый новый домен объектов, которые формирует сети, устанавливая, как актер существует в контексте разнородных институтов, объектов, инструментов и теорий.

Прагматический проект – это всегда встреча индивида и среды, в которой разворачиваются действия, и цели такого исследования радикально отличаются от целей критической социологии, изучающей жесткие внешние принуждения или социализацию агента в структурах. Утверждается, что массу вещей в своей жизни актер делает самостоятельно, и диапазон его возможностей колеблется между активностью и пассивностью, практикой и дискурсом, действием и размышлением.

Люк Болтански и Лоран Тевено (последний был приглашен в редакцию «Анналов» в 1994 г.) пришли к выводу, что даже простое описание многих режимов действия выводит на передний план все ту же проблему их симметризации, и установили *шесть режимов оправдания*, с помощью которых актер, подвергающийся публичной критике, выстраивает обоснование своих действий, обеспечивая себе защиту в пространстве существующих социальных *соглашений*¹⁵¹. Авторы выдвинули гипотезу, что на общественные дискуссии сильно влияет легитимность и обобщенность используемых аргументов, апеллируя к которым актер выходит за рамки своего частного случая и выстраивает своеобразную иерархию режимов действия. На самом деле в европейском типе общества употребляется шесть основных регистров публичного оправдания, симметричных, т.е. равных и внеиерархичных по отношению друг к другу:

– гражданское обоснование (проект Руссо) – профсоюзная доминанта, апеллирующая к коллективной воле и равенству;

¹⁵⁰ Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения...

¹⁵¹ Boltanski L., Thévenot L. De la justification. P., 1987.

- промышленное обоснование (проект Сен-Симона) – доминанта производительности, основанная на эффективности и компетентности;
- семейное обоснование (проект Боссюэ) – доминанта «искусства жизни», вызывающая к межличностным отношениям доверия;
- обоснование мнением (проект Гоббса) – доминанта общественных отношений, основанная на признании со стороны других;
- предпринимательское обоснование (проект Смита) – доминанта успешного бизнеса, основанная на рынке;
- обоснование вдохновением (проект св. Августина) – доминанта творчества, апеллирующая к вдохновению или харизматическому озарению.

В целом, преимущество прагматического изучения актора заключается в принципиально новом относительно предшествующих эпох подходе. В традиционной социологии проходят незамеченными масса людей, которые фигурируют в исследовании только в качестве определенной интервьюируемой категории. Прагматическая социология отвергает любую антропологию, которая априорно фиксировала бы социально устойчивые черты изучаемых личностей. Двигаясь от пространства действий к личностям акторов, она не дает окончательных интерпретаций, избегает выделения четких маркеров личности.

Сохраняя автономность, критическая и прагматическая социологии имеют общие позиции, обогатившие теоретический и понятийный арсенал социальных наук:

- *конструктивизм* – социальная конструкция категорий восприятия мира, который выражает себя через практики, устройства и социальные институты;
- внимание к функционированию всех отношений сферы знания, ревизия его традиционных рубрикаций;
- *рефлексивность* – внимание к статусу самого социологического знания, распространяющего свои теории и на другие науки о человеке.

3.2.3. «Социокультурная» и «перекрестная» истории

Если искать во французской историографии последствия «критического поворота», объявленного «Анналами», и следы социологический влияний, то выбор, несомненно, остановится на области современной культурной истории в самом широком смысле. Ее многообразие и сложности определения тематической области, по мнению Алена Корбена, объясняются принципиальной невозможностью стабилизации: «Культурные истории в настоящее время многочисленны: история культурных объектов, культурных институтов, акторов, которые их вдохновляют, систем, в которых она функционирует, культурных практик и совокупностей норм, которые ими командуют, идей, знаний

и их распределения...»¹⁵² Сам Корбен, как уже отчасти было показано выше, на перекрестке социальных и культурных феноменов изучает область коллективного воображаемого, эмоциональных систем и чувственных пароксизмов: запахов, звуков, фантазий, репрезентаций пейзажа и коллективных состояний одержимости¹⁵³.

Так, в своей книге «Поселок “каннибалов”» Корбен рассматривал чудовищный случай 1870 г., произошедший в маленькой французской деревне. В течение двух часов толпа в несколько сотен человек наблюдала истязания, а затем – сожжение заживо молодого дворянина, подбадривая инициаторов криками «Ура Республике!». Вечером одержимые рассеялись и хвастались односельчанам, что «поджарили пруссака». Некоторые сожалели, что не подвергли той же процедуре кюре местного прихода. Ален Корбен провел настоящее расследование тайны этого последнего массового убийства, ставшего результатом неожиданного всплеска крестьянской ярости. Он восстановил политическую обстановку лета 1870 г., показывая, как объявления о первых поражениях на фронте, потоки слухов, примитивность политических представлений, память о прошлых бедствиях привели сельское население к столь дикой форме жестокости.

Образцовым историком культуры с точки зрения верности «Анналам» является Роже Шартье, который, как уже говорилось, проводит критическое переосмысление наследия истории ментальностей через ключевое понятие «репрезентаций». Он призывает к переходу от социальной истории культуры к культурной истории социального на том основании, что и экономические, и социальные практики «...сконструированы, начиная со схем, с культурных суждений»¹⁵⁴.

Ключевое понятие репрезентации (которое было введено в научный лексикон социологами) Шартье базирует на работах историка Луи Марена, который употребил его в политическом смысле «передачи» или «замены» короля в сознании средневековых людей. Репрезентация – это портрет короля, замещающий собой его непосредственный облик; то, что делая присутствующим отсутствие, охватывает видимые формы власти, символы могущества в целом. Коллективные репрезентации охватывают более широкий универсум, нежели ментальности, позволяя анализировать символические конструкции социальных групп, культурные практики и институты, в которых проявляют себя социальные идентичности.

Проект Шартье не является ни полностью автономным, ни единственным в современной культурной истории. Сфера культурного уча-

¹⁵² *Corbin A. Du Limousin aux cultures sensibles // Rioux J.-P., Sirinelli J.-F. (dir.) Pour une histoire culturelle. P., 1997. P. 114.*

¹⁵³ *Ibidem. Le Village des «Cannibales». P., 1992. Rééd. 1997.*

¹⁵⁴ *Chartier R. L'histoire culturelle aujourd'hui // Genèses. Sciences Sociales et histoire. 1994. № 15. P. 115–129.*

ствуется в общем подъеме обновленной политической истории¹⁵⁵, воспринимаемой как новый способ исторического обобщения. Мишель Требиш выделил, наряду с социальной историей репрезентаций, еще два направления культурной истории: историю «во второй степени» символического и культурную историю политического.

Марсель Гоше и Пьер Нора утверждают рефлексивную историю «во второй степени» как культурную в широком смысле. В этом проекте переосмысливаются самые выраженные явления элитарной культуры и одновременно – «когнитивные диспозиции, которые позволяют акторам двигаться внутри... культуры»¹⁵⁶, тем самым отдавая приоритет идейному, а не социальному содержанию культурных феноменов. Понятие «репрезентации», активно употребляемое у Шартье, здесь воспринимается как слишком амбивалентное, оставляющее за гранью рассмотрения осмысленную часть человеческого действия.

Жан-Франсуа Сиринелли ратует за союз нарождающейся культурной истории и возрождающейся политической. Определяя культурную историю как «изучение форм репрезентаций мира внутри человеческой группы», Сиринелли не отождествляет полностью свое направление исследований с проектом Шартье. Коллективный сборник «За культурную историю» и четырехтомная «Культурная история Франции», вышедшие под редакцией Жаном-Пьером Рио и Жаном-Франсуа Сиринелли¹⁵⁷, были представлены концептуально различными авторами и стремились подать культурную проблематику как объединяющий фактор, который может быть вынесен «за скобки» разнородных исторических исследований.

Авторы сборника полагают, что культурная история не заменяет собой отдельную историю интеллектуалов или научных и художественных произведений некоей эпохи. Она включает также изучение эмблем и символов, манифестаций и ритуалов (Морис Агюлон), звуковых и обонятельных пейзажей (Ален Корбен), ценностей и репрезентаций (Антуан Про), социальности (сетей социального общения) (Даниэль Рош).

Концепция сборника показала приверженность социальному измерению феноменов культуры, в отношении которых различные формы распространения и популяризации также важны для культурных практик, как и анализ содержимого библиотек. Надо ли видеть в культурной истории продолжение истории ментальностей? По мнению Даниэля Роша, и да, и нет. Безусловно, история ментальностей занималась описанием мыслительного инструментария обществ, но используемые методы (анализ больших статистических серий) не всегда позволяли понять, когда и как

¹⁵⁵ См. раздел 3.4.1.

¹⁵⁶ *Gauchet M. L'élargissement de l'objet historique... P. 139.*

¹⁵⁷ *Rioux J.-P., Sirinelli J.-F. (dir.) Pour une histoire culturelle...; Ibidem. (dir.) Histoire culturelle de la France. P. 1997–1998. 4 vol.*

вошли в норму те или иные обычаи. Поэтому культурная история вновь оживляет интерес к монографиям, биографиям, анализу дискурса, сотрудничая с психологией, лингвистикой и антропологией.

Антуан де Бэк, сетующий на непоследовательность и незавершенность «критического поворота», видит в культурной истории путь его возобновления и одновременно – единственный способ противостояния мечте традиционалистов об «имперской реставрации, неоклональному фантазму, через который французская историческая школа продолжила бы безраздельно властвовать над миром восхищенных университетских субъектов»¹⁵⁸. Пока лишенная академических регалий и институциональной основы, культурная история базируется на перекрестке многих исследований. Она практикует междисциплинарность в многочисленных контактах с литературной критикой, социологией, философией, эстетикой, искусствами, кинематографией. Культурная история легко перемещается от одного объекта исследования к другому (книга, фильм, образ, музыка), от одного источника к другому (феномены практик, производств, разрывов, распространений, признаний). Автор выделил три поля инновации в культурной истории: в объектах, через расширение границ воображаемого; в репрезентациях и методе, через сочетание разнородных источников; в процедурах письма, через внимание к литературным параметрам истории.

Таким образом, современная культурная история в целом сохраняет некоторую концептуальную неопределенность и свободу разнообразных подходов, представляя собой, по выражению Р. Урфалино, только «предположительное имя широкой дороги»¹⁵⁹.

«Перекрестная» история

Одним из амбициозных проектов, являющихся продолжением «критического поворота» и близких к социокультурной истории «четвертых Анналов», в последние годы стала так называемая «перекрестная история», представленная публикациями в престижных журналах, включая сами «Анналы»¹⁶⁰, и несколько коллективных монографий¹⁶¹.

¹⁵⁸ *Bæque, de A.* Où est passé le «tournant critique»... P. 169.

¹⁵⁹ *Urfalino P.* L'histoire culturelle: programme de recherche ou grande chantier // Vingtième siècle, revue de l'histoire. 1998. № 57. P. 115–120.

¹⁶⁰ *Werner M., Zimmermann B.* Beyond Comparison: Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity // History and Theory. Studies in the Philosophy of History. 2006. № 1. P. 30–50; *Ibidem.* Penser l'histoire croisée: entre empirie et réflexivité // Annales HSS. 2003. № 1. P. 7–36.

¹⁶¹ *Werner M.* Le prisme franco-allemand: à propos d'une histoire croisée des disciplines littéraires // Bock H. M., Meyer-Kalkus R., Trebitsch M. (dir.) Entre Locarno et Vichy: Les relations culturelles franco-allemandes dans les années 1930. P., 1993:

Откликаясь на процесс обновления дисциплины, начавшийся после 1989 г., историки, объединенные концепцией *«Histoire croisée»*, сопрягают в едином подходе эмпиризм и рефлексивность; исследования социальных, культурных и политических феноменов; практические и интеллектуальные понятия, стремясь найти себе место на самом оживленном перекрестке современных интеллектуальных дискуссий¹⁶².

«Перекрестная» история имеет намерение обобщить объекты и проблематику, которые ускользают от традиционных сравнительных методологий и исследований культурных заимствований, отслеживая параметры «масштабов» исследования, категорий анализа, связей диахронии и синхронии, эмпирического и умозрительного. Ее авторы стремятся создать междисциплинарный метод, который подошел бы для любого исследования и в котором соединяется опыт прошлого и настоящего.

«Перекрестная» история полна решимости преодолеть известные трудности сравнительного анализа, основанного на противопоставлении, исправить с проблемой эмпирического многообразия изучаемого объекта. Для выработки сбалансированного единого подхода, М. Вернер и Б. Зиммерман часто применяют метафору *симметрии*. «Симметричными», по отношению к сравниваемым объектам, должна быть позиция самого исследователя, сравнение исторических процессов, масштабы исследования, сочетание диахронической и синхронической логик, исследование зоны взаимодействия изучаемых феноменов.

Если сравнительная перспектива стремится к синхронии, изучению одновременно существующих явлений, то исследование трансфертов – идейных заимствований всякого рода, – помещается в диахроническую перспективу, создавая временной процесс, феномены перемещения и усвоения, событийные цепочки, что порождает свои структурные трудности. Первая из них – рамки обмена, точки «отправки» и «получения» трансферта. Как правило, начало и конец трансферта помещается внутри стабильных и изначально известных национальных рамок, как, например, «немецкая историография» и «французская историография», там же формируются и постоянные категории анализа. Однако, если надо измерить разрывы, феномены усвоения или сопротивления, – стабильные модели не готовы это делать, выявляя

Zimmermann B., Didry C., Wagner P. *Le travail et la nation: Histoire croisée de la France et de l'Allemagne*. P., 1999; Werner M., Zimmermann B. (dir.) *De la comparaison à l'histoire croisée*. P., 2004.

¹⁶² Трубникова Н. В. Методологические поиски в кросс-культурных исследованиях современной французской историографии: «перекрестная история» (*histoire croisée*). М., СПб., 2009. Фундаментальные проблемы культурологии: Том 5: Теория и методология современной культурологии / Отв. ред. Д. Л. Спивак. С. 278–291.

дефицит рефлексивности¹⁶³. Вторая трудность – склонность в эмпирическом исследовании изучать прямые линейные процессы в соответствии с логикой их распространения. В действительности, историческая динамика бывает разной и всегда специфичной, «перекрестная история» приглашает исследовать ее, применяя фигуру «пересечения» различных феноменов взаимодействия.

Авторы выделяют несколько закономерностей *«histoire croisée»*. Понятие *пересечения* исключает осмысление индивидуальных целостностей ради них самих, они рассматриваются только в рамках сложной конфигурации, в терминах отношений, взаимодействий и циркуляций, с учетом последствий такого скрещивания, фиксируя сопротивление, модификации, траектории, формы, содержание, новые комбинации, понимая всю лабильность, несимметричность и сложность реальных ситуаций¹⁶⁴.

«Перекрестная история» переключается с вопросами «игры масштабов», обозначенной «четвертыми Анналами». Авторы проекта выступают за «пересечение масштабов», поскольку внимание к точкам их слияния и соединения позволяет «анализировать смыслообразующие взаимодействия сложных феноменов, не сводимых к линейным моделям»¹⁶⁵, например, объекты транснационального свойства, что роднит указанное направление с проблематикой «пространственного поворота» влиятельной части западной историографии.

Отличительной чертой «перекрестной истории» является также приверженность идеям прагматической социологии, что позволяет исследовать как реальное действие, так и условия, которые делают его возможным, структурирующие и структурированные элементы исторического взаимодействия¹⁶⁶.

Не ограничиваясь приоритетными темами «четвертых Анналов», «пересеченная история» заявляет также и о своей «рефлексивной» стороне. Ее рефлексивность проявляется в осторожном и четко оговоренном использовании устоявшихся в истории понятий. Так, понятие «немецкая социология» стала результатом непростого взаимного проникновения, от изгнания немецких ученых в США до «реимпортации» социологических знаний назад в Германию. Другой пример: употребляемое в большинстве современных языков понятие «историзма» отсылает к различным национальным традициям восприятия и методологиям. «Как следствие, – заключают авторы, – исследователь

¹⁶³ Werner M., Zimmermann B. Penser l'histoire croisée: entre empirie et réflexivité... P. 13–14.

¹⁶⁴ Ibid... P. 17.

¹⁶⁵ Ibid. P. 22.

¹⁶⁶ Ibid. P. 25–26.

сегодня должен рассматривать свои собственные понятия и аналитические инструменты как результат сложного пересечения, где национальные и дисциплинарные традиции смешаны в различных конфигурациях, и заново вводить в свое исследование соответствующие точки зрения»¹⁶⁷.

Примеры, иллюстрирующие применение на практике манифеста «*histoire croisée*» весьма вариативны. С. Конра изучил феномены пересечения в области генезиса современной исторической науки в Японии конца XIX в. Национальная университетская история здесь сформировалась через заимствование и адаптацию европейских, в частности, немецких моделей, но на основе японского национального характера¹⁶⁸. К. Раж исследовал, аналогичным способом зарождение британского типа картографии на Индийском субконтиненте в конце XVIII в.¹⁶⁹. К. Лебо анализировал обращение в публичном пространстве рукописей, выполненных первыми европейскими специалистами по общественным финансам, интендантами и советниками при дворах европейских монархов¹⁷⁰.

Другой пример «пересечения» касается взаимодействия эпох и схем интерпретаций. Х. Фриез изучал создание в 1970-х г. англо-американской антропологией особой «средиземноморской парадигмы», основанной на характеристиках культурного и политического родства народов этого региона¹⁷¹. А. Эскюдь рассматривал опыт французского прочтения немецких неокантианцев на рубеже XIX–XX вв.¹⁷².

Третьей популярной темой «перекрестной истории» является рефлексивное измерение компаративных исследований. Так, на основе анализа систем государственного суверенитета Франции и Германии накануне Первой мировой войны Н. Марье и Дж. Роуэлл приходят к выводу об упрощающем характере признанной оппозиции между централизованной, демократической Францией и децентрализованной авторитарной Германией в пользу более интегративного и сложного

¹⁶⁷ *Werner M., Zimmermann B. Penser l'histoire croisée: entre empirie et réflexivité... P. 27.*

¹⁶⁸ *Conrad S. La constitution de l'histoire japonaise. Histoire comparée, transferts, interactions transnationales // Werner M., Zimmermann B. (dir.) De la comparaison à l'histoire croisée... P. 53–72.*

¹⁶⁹ *Raj K. Connexions, croisements, circulations. Le détour de la cartographie britannique par l'Inde, XVIII–XIXe siècle // Ibid. P. 73–98.*

¹⁷⁰ *Lebeau C. Éloge de l'homme imaginaire. Recherches sur la construction de la figure de l'administrateur au XVIIIe siècle; Werner M., Zimmermann B. (dir.) De la comparaison à l'histoire croisée... P. 99–118.*

¹⁷¹ *Friese H. Unité et histoire croisée de l'espace méditerranéen // Werner M., Zimmermann B. (dir.) De la comparaison à l'histoire croisée... P. 119–138.*

¹⁷² *Escudier A. Epistémologies croisées? L'impossible lecture des théoriciens allemands de l'histoire en France autour de 1900 // Ibid. P. 139–180.*

подхода¹⁷³. В. Амеро изучает рефлексивную основу ее собственной практики исследования. Приехав из Франции в Германию, чтобы изучать исламские организации, созданные иммигрантами турецкого происхождения, она столкнулась с проблемой пересечения различных категорий анализа, исходящих из различных национальных традиций: интеграция против участия, секуляризация против светскости, сообщество против гетто, что предлагает перспективы одновременно различные и взаимодополняемые¹⁷⁴.

Таким образом, «перекрестная история» выступает как новый междисциплинарный подход, берущий за основу наработки компаративизма. Он, вне всякого сомнения, перекликается с инициативами «критического поворота», пользуясь понятием «игры масштабов», «прагматической индукции», и вызывает интерес у «четвертых Анналов». Однако в данном проекте более широко представлено «рефлексивное» измерение, вызванное, под шквалом внешней критики, необходимостью переосмыслить устоявшиеся объекты социальных наук.

3.3. «ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО» В РАЗНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ

Возрождение политической истории

Современная историографическая ситуация, сложившаяся в «Анналах», не может быть адекватно представлена без понимания направлений развития в других профессиональных средах французской исторической науки, тем более, что границы между ними становятся все более размытыми. В то время, когда «Анналы» демонстрировали свое неприятие политической и событийной истории, ренессанс этого направления готовился в Институте политических исследований Парижа и университете Париж-Х-Нантер. Основоположником современной французской политической истории по праву считается Рене Ремон. Его диссертация «Правые во Франции»¹⁷⁵ совсем не соответствовала тому образу наивной, занимающейся простым перечислением событий политической истории, который был создан «первыми Анналами», став стимулом к дальнейшему обновлению. Политическая история 1960-х гг. развивалась в тесном контакте с политическими науками, социологией выборов, правоведением, и постепенно вовлекалась в диалог с социальными науками.

¹⁷³ Mariot N., Rowell J. Une comparaison asymétrique. Visites de souveraineté et construction nationale en France et en Allemagne à la veille de la Première Guerre mondiale // Ibid. P. 181–212.

¹⁷⁴ Amiraux V. Regards croisés sur l'islam turc d'Allemagne. Du poids des disciplines aux contours des objets // Ibid. P. 213–240.

¹⁷⁵ Rémond R. La Droite en France. P., 1954.

В ту эпоху и историки, связанные с движением «Анналов», оказались причастны к обновлению политической истории. Морис Агюлон, ученик Лабрусса, расширил свое исследование за счет политических ментальностей изучаемой им провинции¹⁷⁶. Поль Буа привлек данные выборов, исследуя механизмы формирования общественного мнения у крестьян Сарта эпохи Великой Французской революции¹⁷⁷. Жорж Дюби сделал политический горизонт одним из основных в своем исследовании феодализма как процесса разложения центральной королевской власти¹⁷⁸. Жак Ле Гофф подчеркивал важность обновлений в области политической истории, связанных с междисциплинарными разработками понятия власти, и одновременно упоминая неприязнь «Анналов» к традиционным политическим исследованиям¹⁷⁹.

Из представителей этого поколения наиболее радикально удалился от базовых ориентаций движения «Анналов» Пьер Нора, предложивший для сборника «Заниматься историей» статью «Возвращение политического». Он же вел в Высшей школе исследований по социальным наукам направление исследований под названием «История настоящего времени». В том же сборнике Жак Жюйяр констатировал, что политическая история может внести «существенный вклад в глобальную интерпретацию изменения»¹⁸⁰. В энциклопедии «Новая история» статья журналиста Жана Лакутюра «История современности» настойчиво защищала проект «ближайшей» истории, наполняющей своими отголосками газетные полосы.

Наконец, на рубеже 1970–1980-х гг. работы Франсуа Фюре призвали вновь вернуться к проблеме политического, отталкиваясь от дискуссий о Французской революции и размышлений о тоталитаризме. И все же проект успешной в последующие десятилетия «новой политической истории» будет связан, скорее, с последователями Рене Ремона.

«Новая политическая история» и «история настоящего времени»

В 1988 г. появился сборник «За политическую историю»¹⁸¹, ставший манифестом нового движения. В вступительном и заключительном словах к нему Рене Ремон напомнил, что дискредитация политической истории была осуществлена благодаря разрушительной критике «Анналов», которые отбросили ее как «событийную и анекдотическую», «субъ-

¹⁷⁶ Agulhon M. Pénitents et Francs-Maçons de l'ancienne Provence...

¹⁷⁷ Bois P. Paysans de l'Ouest. Des structures économiques et sociales aux opinions politiques...

¹⁷⁸ Duby G. Guerriers et paysans...

¹⁷⁹ Le Goff J. L'histoire politique est-elle toujours l'épine dorsale de l'histoire ? // L'imaginaire médiévale. P., 1985. P. 333–349.

¹⁸⁰ Juillard J. Le politique // Le Goff J., Nora P. Faire de l'histoire... T. 2.

¹⁸¹ Rémond R. (dir.) Pour une histoire politique. P., 1988.

ективистскую и индивидуалистическую». Для Ремона «возрождение» политической истории не является реваншем консервативных тенденций в историографии, но образует новый этап в подъеме рефлексии истории о себе самой.

Таким образом, понятие «возвращения политического» связано не только с тематическим продвижением определенной области исследований, но также с процессами обновления дисциплины в целом. Определенные уроки новейшей истории – опыт войн, возрастающая важность международных отношений, роль в политике XX в. выдающихся личностей, кризисы либеральной экономики, подъем гражданского общества, и, в общем, возрастание компетенции государства обеспечили возвращение интереса к политическим феноменам. С другой стороны, упадок объясняющих моделей, тяготеющих к социально-экономическому детерминизму, интерес к разуму, воле и действию акторов также способствовали формированию подобной тенденции¹⁸².

«Новая политическая история», отталкиваясь от работ Рене Ремона, называет в числе своих предшественников среди прочих несправедливо обесцененного Люсьеном Февром Шароля Сеньобоса и основателя географии и социологии выборов Андрэ Зигфрида. Однако «новые политические историки» стремятся интегрировать в свое русло также наследие «Анналов» и «школы Лабрусса», высоко оценивая работы Мориса Агюлона и Алена Корбена, отмечают важность междисциплинарных альянсов с другими социальными науками, – социологией, общественным правом, социальной психологией и особенно – политологией. Проект стремится интегрировать все самые плодотворные достижения экономической и социальной истории, лингвистики, рефлексии о времени и пространстве, включая множественность времен, установленную Броделем, переоценить роль события в истории.

С целью обосновать законность политического объекта, подобно тому, как Роже Шартье утверждает универсальность для истории критерия культуры, сторонники «новой политической истории» определяют политическое как глобальную управляющую связь общества, которая охватывает остальные уровни реальности, придавая ей качества истории тотальной.

«Новая политическая история» утверждает новые объекты и темы, рассматриваемые сквозь призму популярных понятий прагматической социологии, таких, как «сеть», «среда», «поколение», «репрезентация». Однако центральным из них является, по Ремону, понятие «политической культуры», представленной как «мощный индикатор этоса нации и гения народа», который воплощает в себе объединяющие об-

¹⁸² *Sirinelli J.-F. L'histoire politique // Bédarida F. (dir.) L'histoire et le métier d'historien en France... P. 307.*

шество репрезентации. В исследованиях общественного мнения, памяти и политического воображаемого «новая политическая история» часто смыкается с историей социо-культурной¹⁸³. Эту исследовательскую тенденцию отражает журнал «Двадцатое столетие», созданный в 1984 г. Жаном-Пьером Рию.

В 1978 г. во многом благодаря усилиям историков этого направления был создан институт Институт истории настоящего времени (ИНТР), который ограничил свой объект исследования периодом от начала Второй мировой войны до современности, конкурируя с менее успешным проектом журналистской «истории современности», объявленной Жаном Лакутюром. Основателем и первым директором института (1978–1991) стал Франсуа Бедарида, специалист по новой истории Великобритании.

Истории настоящего времени пришлось отстаивать свою легитимность, опровергая две аксиомы исторического познания: о том, что нельзя пользоваться «неотлежавшимися» архивами, и что историческая объективность увеличивается пропорционально временной дистанции, разделяющей историка и его объект.

Необходимую аргументацию историкам настоящего времени, по их собственному признанию, обеспечил Поль Рикёр¹⁸⁴. Защищая легитимность их проекта, философ отметил трудности и противоречия этой перспективы из-за короткой временной дистанции. Она одновременно является временем незавершенным, находящимся в периоде становления (вспомним, например, о глобализации), и временем завершающим, временем финальных процессов Второй мировой войны, деколонизации, упадка мировой коммунистической системы. В этом отношении 1989 г. становится интересной датой закрытия, которая позволяет обозначить определенный законченный цикл¹⁸⁵. Однако недостатки такой истории могут быть превращены в достоинства: исследование незаконченных времен, возвращается Рикёр к своей излюбленной теме, способствует «дефатализации» исторического исследования, помогает противостоять наклонности историка абсолютизировать причинно-следственные отношения в интерпретациях прошлого.

Кроме того, историк настоящего времени имеет возможность работать с живыми свидетелями событий, с устными источниками. Это взаимодействие противопоставляет историка социологу, занимающемуся процессами сегодняшнего дня, давая ему возможность «заниматься объективной историей субъективности».

¹⁸³ *Sirinelli J.-F., Vigne É.* Des droites et du politique // *Sirinelli J.-F. (dir.) Histoire des droites en France.* P., 1992. T. 1.

¹⁸⁴ *Peschanski D., Pollak M., Rouso H.* Histoire politique et sciences sociales. Bruxelles, 1991.

¹⁸⁵ *Ricoeur P.* Remarques d'un philosophe // *Écrire l'histoire du temps présent.* P., 1993. P. 38.

В аргументации, изложенной Рикёром, история настоящего времени способна создать (и осознать) новый тип связи между прошлым и настоящим, преодолев традиционную оппозицию между критической, научной историей и фантазмами памяти. История и память сближаются, привлечение устных источников к написанию истории настоящего времени делает возможной такую историю памяти, в которой будет более ясно представлен неопределенный характер возможного, открытый характер будущего для акторов прошлого, которое слишком часто представляется как закономерный результат некой неотвратимой тенденции. В реальности, еще раз вернемся к любимой мысли Рикёра о дефатализации истории, настоящее располагает многими вариантами будущего, в нем борются множество противоречивых тенденций.

История настоящего времени – это еще и отказ от чувства эфемерности настоящего. Рассмотрение настоящего как сочетания прерывности и преемственности одновременно создает принципиально новый тип историописания.

В сборнике «Писать историю настоящего времени»¹⁸⁶, подводящем итог 15-летию функционирования одноименного института, историки данного направления исследований обсуждали свои актуальные проблемы. Является ли пределом компетенции истории настоящего времени существование живых акторов исследуемых событий? В этом случае, она ограничена «внизу» длительностью человеческой жизни, а «вверху» – тем трудно определимым моментом, где прошлое превращается в «эпоху новостей»¹⁸⁷. Другой особенностью истории настоящего времени является «незнание завтра», ведь историк здесь имеет дело с незаконченными процессами и подвержен опасностям прогноза, которого он не может избежать. Вспомним 1989 г. и историографию СССР, которая совсем не предвещала скорого краха советской системы¹⁸⁸. Существует ли эпохальный рубеж, «событие-матрица», такое, как русская революция 1917 г. или Вторая мировая война, которым можно было бы «открыть» настоящее время?¹⁸⁹ Кроме проблем хронологических разграничений, в чем состоит специфика истории настоящего времени по отношению к другим периодам?

Единых критериев, разделяемых всеми исследователями, для определения «истории настоящего времени» нет. Для Рикёра¹⁹⁰ наше настоящее время «устанавливается, отмеченное ужасным», в первую очередь,

¹⁸⁶ Bédarida F. (dir.) *Ecrire l'histoire du temps présent*. P., 1993.

¹⁸⁷ Voldman D. *La place des mots, le poids des témoins* // Ibid.

¹⁸⁸ Hobsbawm E. *Un historien et son temps présent* // Ibid.

¹⁸⁹ Azéma J.-P. *La Seconde Guerre mondiale matrice du temps présent* // Ibid.

¹⁹⁰ Ricoeur P. *Remarques d'un philosophe* // Ibid.

Второй мировой войной. Историк настоящего времени имеет дело с живой памятью, памятью его современников, которая довлеет над его работой, затрагивая самые насущные темы современной жизни. История настоящего времени в наибольшей степени зависима от социальных требований своего общества. Сами историки настоящего времени формулируют свою основную цель как «историческое управление социальным использованием и инструментализациями прошлого, не полностью помещенными в историю, и памятью, еще не остывшей»¹⁹¹, в противостоянии «потрясениям памяти», некорректным заключениям «о прошлом, которое не проходит» (режим Виши), требованиям особой «исторической экспертизы» в судебной практике¹⁹².

Социальная история политического

Значительный круг исследователей, не охваченных программными заявлениями, могут быть охарактеризованы как сторонники «социальной истории политического»¹⁹³. Историки данной ориентации стремятся через обновление классической социально-экономической истории и истории ментальностей привести в исследование политических феноменов и процессов лучшие традиции социальной истории в духе «Анналов», представляя собой еще один пример перемещения фокуса исследования от «экономик, обществ, цивилизаций» к отвергаемой ранее области политического.

Своего рода матрицу для этого течения представляют работы Мориса Агюлона, исследования которого, по свидетельству Антуана Про, вызвали своего рода шок у более молодых историков, которые поняли, что «...возможно и плодотворно интересоваться другими социальными феноменами, кроме доходов, образа жизни и работы»¹⁹⁴. В период работы над диссертацией Агюлон позаимствовал у Фернана Бенуа, историка Прованса, понятие «социальности» (*sociabilité*), чтобы понять природу местных политических взаимосвязей, в частности, тот факт, что Прованс был раньше, чем другие провинции, завоеван республиканской идеологией. Объяснение коренилось в характере местной социальности, выраженной тремя позициями: провансалец легко вошел в демократию, потому что он привык к организованной социальной жизни; высокая коммуникабельность являлась свойством местного регионального темперамента; эта социальность, привычка участвовать в политической жизни, является развитием традиции ас-

¹⁹¹ *Délaçroix C., Dosse F., Garcia P.* Les courants historiques en France... P. 258.

¹⁹² О конкретных исследованиях по истории настоящего времени см. подробно параграф 4.

¹⁹³ *Noiriel G.* Qu'est-ce que l'histoire contemporaine?... P. 184–187.

¹⁹⁴ *Prost A.* Sociale et culturelle indissociablement // *Rioux J.-P., Sirinelli J.-F. (dir.)* Pour une histoire culturelle... P. 136.

социаций, «кружков» по интересам, отличавшей Прованс эпохи Старого порядка¹⁹⁵.

В своих исследованиях через анализ пространства «горизонтальной» коммуникации местных жителей Агюлон показывал, что история повседневного неотделима от политической истории, что в отдельных регионах политическое было органичной частью культуры.

Тема социальности, поднятая в диссертации «Кающиеся грешники и франко-масоны в старом Провансе» была продолжена монографией «Кружок в буржуазной Франции»¹⁹⁶, где Агюлон сделал предметом своего исследования историю посещения питейных заведений, крестьянских собраний и посиделок, карнавалов, спортивных клубов... Традиционно эти аспекты истории рассматривались как маргинальные, принадлежащие «малой истории».

По свидетельству самого автора, стили социальности буржуазной Франции всегда интересовали его во взаимосвязи с республиканскими режимами. «Быть республиканцем – значит, выступать в защиту народа, ...самых слабых. Итак, этим людям нужно было организовываться. Почти весь XIX век политическая организация была запрещена. Даже свободные буржуа сомневались, например, по поводу клубов, которые оставили о себе плохие воспоминания со времен Французской революции. Они опасались также в отношении религиозных ассоциаций (братств, конгрегаций), подозреваемых в продвижении клерикального, т.е. ретроградного влияния»¹⁹⁷. Балансируя между опасностями якобинизма и клерикализма, свободная буржуазия, сочувствующая идеалам республики, находила себе пристанище и обретала элементы политической организации или борьбы в «структурах привычной социальности», маленьких кружках (многообразие которых в различных провинциях и эпохах очень велико), где спорили или играли в карты, избегая надзора жандармов.

В дальнейшем Морис Агюлон попытался расширить традиционную историю Республики, анализируемую в дискурсах и письменных источниках, сферой воображаемого через исследования фольклора, визуальной пропаганды, народных праздников. Основным интересом автора привлекал здесь образ французской Марианны как главного символа Франции, обладающий к тому же очень сложной историей. Еще в годы работы и жизни в Провансе он заметил множество статуй Марианны – Республики, украшающих с 1880-х гг. площади и дворы граждан. Уви-

¹⁹⁵ Agulhon M. Vu des coulisses // Nora P. Essais d'ego-histoire... P. 34.

¹⁹⁶ Ibidem. Le Cercle dans la France bourgeoise, 1810–1848, étude d'une mutation de sociabilité. P., 1979.

¹⁹⁷ Histoire des idées républicaines. Entretien avec Maurice Agulhon // Ruano-Bourbalan J.-C. (dir.) L'histoire aujourd'hui. P., 1999. P. 54

дев те же памятники в других провинциях, он заинтересовался этим уже не на региональном, а на национальном уровне.

Марианне Агюлон посвятил две книги¹⁹⁸. Первая французская республика заменила традиционную лилию королей новой эмблемой – фигурой Свободы, которая изображалась в виде женщины во фригийском колпаке. Этот образ сложился из двух других, существовавших ранее: символов истины в виде женщины, держащей зеркало, и сельского хозяйства в виде женщины с серпом. Постепенно от универсального символа свободы Марианна эволюционировала в народном восприятии до символа французской Республики и, в конце концов, просто Франции.

Все современные символы Франции – Марианна, трехцветных флаг, Марсельеза – в лагере роялистов и клерикалов долгое время воспринимались как ненавистные признаки Революции, и лишь спустя век они стали объектом национального усвоения: Людовик XVIII восстановил белый флаг, но после его поражения в ходе революции 1830 г. Франция вернула себе триколор, Марсельеза же стала гимном нации только после окончательной победы республиканцев в 1880 г.

Итак, республиканские символы наследуют революции, однако это медленное становление гражданского согласия на базе национальных идеалов и символики по Агюлону тоже не являлось окончательным: «...с конца XIX века, для крайних революционных левых эта символика стала «буржуазной» и ненавистной. Таким образом, едва трехцветный флаг установился против белого флага, его начал оспаривать флаг красный. История символов полна смысловых сдвигов, конфликтов, сложных взаимных непониманий, чему можно найти очень актуальные примеры»¹⁹⁹.

Сам Агюлон склонен говорить о своих исследованиях как о «культурной истории политического». Более «социологизирующую» версию социальной истории политического защищает Жерар Нуарьель. Отстаивая плодотворность обновленного союза с социологией, он размещает свои исследования по истории французской иммиграции²⁰⁰ под знаком «философии понимания» Макса Вебера и социологии государства Норберта Элиаса. Необходимо деконструировать понятие нации «как коллективной целостности в пользу подхода, исходящего от индивидов». Для него «история иммиграции базируется... на социологии политического (в широком смысле), которая не имеет целью добавить новый этаж к знаменитой триаде «Экономики, Общества,

¹⁹⁸ Agulhon M. «Marianne au combat... (L'imagerie et la symbolique républicaines de 1789 à 1880). P., 1979; *Ibidem*. Les métamorphoses de Marianne. L'imagerie et la symbolique républicaine de 1914 à nos jours. P., 2001.

¹⁹⁹ Histoire des idées républicaines. Entretien avec Maurice Agulhon...

²⁰⁰ Noiriel G. Le creuset français. Histoire de l'immigration XIX–XXe siècles. P., 1988. Rééd. 1992; *Ibidem*. La tyrannie du national. Le droit d'asile en Europe 1793–1993. P., 1991.

«Цивилизации», но должна позволить вновь охватить всю историю современных обществ, показывая, как прогрессирующая институционализация социальной жизни перевернула одновременно и индивидуальные, и групповые идентичности»²⁰¹.

Целью своей «социоистории политического» Нуарьель называет пересмотр под новым углом зрения традиционных вопросов политической истории: Государства-Нации и самого процесса образования современных наций, который слишком часто и некритично основывался на «мифе происхождения». «Социоистория» анализирует национальные движения как особую форму политической мобилизации масс, уделяя особое внимание индивидам, которые ее вдохновляли, их способам действия и аргументам, которые позволяли им добиваться легитимации своих предложений. Другими влиятельными темами «социоистории политического» являются исследования механизмов формирования электората и политических партий, политических интересов и общественного мнения²⁰², всегда укорененных в специфике социальной среды.

Концептуальная история политического

«Концептуальная история политического» нашла свое пристанище в Высшей школе исследований по социальным наукам – детище «Анналов». В недрах движения политические исследования получали институциональную основу постепенно: в 1960-х гг. там начал преподавать Раймон Арон, в 1970-х историки, близкие «Анналам» – Жак Озуф, Пьер Нора, Жак Жюйар, – посвятили свои семинары политическим процессам в истории. Философы Клод Лефор с семинаром «Проблемы политического» и Корнелиус Касторадис с направлением «Современные социальные режимы» поддержали утверждение данного блока исследований²⁰³. Важную веху в консолидации нового течения образовала и монография Франсуа Фюре «Осмыслить Французскую революцию»²⁰⁴.

На основе прогрессирующего сближения способов и стилей анализа политического у историков, философов и антропологов образовалась «концептуальная история политического»²⁰⁵. Сторонники этого проекта называют в качестве его главного истока идейные потрясения во Франции 1970-х гг. – в первую очередь, кризис марксизма (вызван-

²⁰¹ *Noiriel G.* Les enjeux pratiques de la construction de l'objet. L'exemple de l'immigration // *Charle C. (dir.) Histoire sociale, histoire globale?* P., 1993. P. 116.

²⁰² *Noiriel G.* Introduction à la socio-histoire. P., 2006. P. 73–79.

²⁰³ *Delacroix C., Dosse F., Garcia P.* Les courants historiques en France... P. 259.

²⁰⁴ *Furet F.* Penser la Révolution française. P., 1978. Rééd. 1986.

²⁰⁵ *Rosanvallon P.* Pour une histoire conceptuelle du politique // *Revue de synthèse.* 1986. № 1–2. P. 93–105.

ный, как говорят на Западе, «эффектом Солженицына») и рефлексию о тоталитаризме²⁰⁶.

Размышления историков о тоталитаризме начинается во Франции послевоенного времени с работ, которые развивают парадигму, сформулированную Ханной Арендт²⁰⁷. Раймон Арон анализировал базовые принципы тоталитарной системы: монополию единственной партии на власть и идеологию, силовое принуждение, проникновение государства во все сферы общества до полного поглощения последнего, идеологизацию всех направлений деятельности человека и государства²⁰⁸. Этот стиль анализа возобновил Ален Безансон, который рассматривает идеологическую систему коммунизма как утопию, которая оказалась в состоянии преобразовывать прошлое и создавать новую советскую действительность²⁰⁹.

Параллельно, не побеждая доминирующей тенденции, анализ Клода Лефора подпитывался критическим по отношению к опыту большевизма марксизмом и подталкивал скорее к беспристрастному наблюдению за практиками социально-политической жизни. Автор изучал механизмы функционирования партии и партийной бюрократии, в логике данного исследования именно всевластие чиновников наделялось статусом организующей общество силы²¹⁰. Линия противостояния «концептуальной» истории тоталитарных режимов и социально-ориентированной истории сохранила свою актуальность в дискуссиях французских русистов до сегодняшнего дня²¹¹.

Таким образом, сталинский тоталитаризм, в том числе в сопоставлении с опытом Французской революции, образует один из основных

²⁰⁶ Трубникова Н. В. Французское россиеведение: традиции тоталитарной парадигмы и новые исследовательские стратегии // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308. № 2. С. 180–182.

²⁰⁷ Можно даже расширить это суждение, сказав, что Ханна Арендт положила основу многим дискуссиям о специфике XX столетия. Так, носитель скорее анти тоталитарных настроений во французской историографии, Клод Лефор, называет ее очень близким для себя автором, которая «вдохновляет меня задаваться вопросом, с точки зрения совершенно отличной, о том, что становится законом «в конкретике» тоталитарного универсума»: *Lefort C. La complication. Retour sur le communisme*. P., 1999. P. 17.

²⁰⁸ *Aron R. Démocratie et totalitarisme*. P., 1965; рус. пер.: *Арон Р. Демократия и тоталитаризм*. М., 1993.

²⁰⁹ *Besançon A. Le malheur du siècle. Sur le communisme, le nazisme et l'unicité de la Shoah*. P., 1998.

²¹⁰ *Lefort C. La complication. Retour sur le communisme*. P., 1999.

²¹¹ Подробно: Трубникова Н. В. «На закате теорий тоталитаризма: французская историография о России» // Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя / Под ред. Г. А. Бордюгова. М., 2003. С. 479–508; Она же. История Советской России сквозь призму исследований современной французской русистики: новые тенденции // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 69–73.

объектов осмысления в становлении этой политической концептуализирующей истории. В 1976 г. в журнале «Эспри» вышли тематические выпуски – «Возвращение политического» и «Революция и тоталитаризм», где Марсель Гоше, Клод Лефор и Франсуа Фюре представили свои идеи по обновлению политической истории. Средоточием интеллектуального общения для нового течения с 1977 г. являлся семинар Франсуа Фюре. Разочаровавшись в марксизме, Фюре решительно порвал с экономической и социальной «анналистской» историей, слишком пропитанной, по его мнению, этой теорией. В 1985 г. он создал Институт Раймона Арона, который, кроме управления интеллектуальным наследием и архивом Арона, распространяет преподавание политической философии.

Вместе с соавтором Дени Рише²¹² Фюре выступил против социальных и марксизирующих («якобинских») интерпретаций Французской революции, а также против понятия «буржуазной революции» вообще. Следуя за англо-американской традицией, он развивал интерпретацию, в которой постулируется автономность политических процессов по отношению к социальным. Революционный процесс показывает независимую от социальных факторов политическую и идеологическую динамику, которая подлежит столь же независимой концептуализации, а конфликты власти во время Революции не отражают классовых интересов. Фюре вернулся к опыту концептуализаций политической истории, созданному историками XIX в. – Эдгаром Кине, Алексисом де Токвилем и Агюстином Кошеном. Таким образом, решающими факторами революционной динамики становятся политические, символические, воображаемые элементы, репрезентации власти и идеология. «Революция наводнила политику символическими значениями»²¹³.

Фюре все больше погружался в историографическое пространство Революции, размышляя над ее заимствованиями, наследием и отдаленными результатами. Празднование 200-летия эпохального события стало безусловным триумфом проекта Франсуа Фюре. В новом «Критическом словаре Французской революции» не было помещено ни единой ссылки на труды Эрнеста Лабрусса, некогда перевернувшего представления о ней, сама революция оценивалась, скорее, негативно: все ее эффекты давно состоялись, и, вообще, любое социальное потрясение оценивалось как губительное. Такой морализаторский колорит юбилея вызвал реакцию отторжения у многих историков: Робер Бонно написал об исследованиях Фюре как о «банализации» революции²¹⁴, Стивен Каплан создал объемную монографию²¹⁵, посвященную борьбе

²¹² *Furet F., Richet D. La Révolution française. P., 1965. Rééd. 1986.*

²¹³ *Furet F. Penser la Révolution française... P. 85.*

²¹⁴ *Bonnaud R. Et pourtant elle tourne ! L'Histoire et ses revirements. P., 1997. Ch. XVII.*

²¹⁵ *Kaplan S. L. Adieu 89. P., 1993.*

с «фюретизмом», выступая против монополизации и даже «гангстери-зации» истории Французской революции Франсуа Фюре.

Развивая идеи концептуальной истории политического, в последней книге «Прошлое одной иллюзии. Эссе об идее коммунизма в XX веке»²¹⁶ Франсуа Фюре поделился своим опытом разочарования в марксизме, считая исходным пунктом исследования крах Советского Союза, и попытался осмыслить завершившийся исторический цикл, с ним связанный. Как приверженец концептуальной истории, Фюре был склонен объяснять советский период средствами единственной категории: он рассматривал коммунистическую идею как опасную иллюзию, овладевшую умами народных масс, которая дала жизнь столь же сомнительному режиму и существовала так долго, как ей позволял упомянутый режим. Доказательством иллюзорной эфемерности последнего является та стремительность, с которой распалась империя коммунизма.

«Народы, которые выходят из коммунизма, кажутся одержимыми отрицанием режима, в котором они жили, даже если они наследуют от него привычки и нравы. Борьба классов, диктатура пролетариата, марксизм-ленинизм исчезли, уступив место тому, что они, как считалось, должны были заместить: буржуазной собственности, демократическому либеральному государству, правам человека, свободе предпринимательства»²¹⁷. Сравнивая Наполеона и Ленина, утверждавших каждый на базе своей страны новый тип империи, Фюре отдает безусловное предпочтение первому: в наследие покорившейся, а затем отвергнувшей завоевателя Европе он оставил «...широкий след воспоминаний, идей и учреждений, которыми вдохновлялись даже его враги, чтобы его победить». Ленин же, в отличие от французского вершителя судеб, «наследия не оставил», даже в виде призрачного шлейфа воспоминаний. «...Быстрое разрушение советской империи ничего не оставило после себя: ни кодов, ни учреждений, ни даже истории. Как немцы до них, русские – второй великий европейский народ, неспособный объяснить свой XX век, и отсюда – неопределенность относительно всего их прошлого».

Неудивительно, что не только цель, но и резюме своей книги автор декларировал уже во введении: не состоявшись в качестве социального эксперимента во имя будущего, «советский опыт образует одну из великих антилиберальных и антидемократических реакций европейской истории XX в., другой опыт – это, конечно, фашизм, в различных своих формах». Чтение основного текста книги мало что добавит к пониманию самой истории Советского Союза – ее изложение весьма схематично, факты, взятые в качестве примера, хрестоматийны для ин-

²¹⁶ Furet F. Le passé d'une illusion. Essai sur l'idée communiste au XXe siècle. P., 1995; рус. пер.: Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998.

²¹⁷ Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии...С. 11–12.

терпретаций в русле тоталитарной парадигмы. Таким образом, Фюре изживал свои внутренние комплексы и опыт идеологического разочарования, проецируя их на историю СССР и претендуя при этом на то, что его генерализация является научным исследованием.

Ответом на монографию Франсуа Фюре стала книга Клода Лефора «Усложнение. Возвращение к коммунизму». Автор увидел в предложенной Фюре интерпретации новую тенденцию осмысления истории СССР, отмечая несомненное сходство данного произведения с книгой американского историка Мартина Малии «Советская трагедия», которая также изображает государство большевиков как всецело управляемое утопией социализма²¹⁸. Советский режим Малия именуется «партиократией», что практически аналогично «идеократии», изучение социальных связей и экономики для него также ничего не разъясняет о природе режима. Функционирование партии в таком видении советского строя проявилось сугубо механически. Она обеспечивала эффективное средство умножения агентов доктрины и поддержку их тонуса в строгой дисциплине действия. Совпадение характеристик анализа двух выдающихся историков заставило Клода Лефора думать о новой схеме интерпретации тоталитаризма²¹⁹.

Коммунизм в ракурсе Фюре и Малии, отмечал автор, выглядит как продукт духовного бреда: коммунистическая идея не имела исторических предпосылок и никогда не была укоренена в реальности. Лефор определил мотив собственного эссе в том, чтобы, не ограничиваясь «точечной» критикой «Прошлого одной иллюзии», воспроизвести в обзоре собственный многолетний анализ, посвященный проблемам тоталитаризма и современной демократии, их прояснить и «усложнить».

Вновь обращаясь к проблеме преувеличенного заострения роли идеологии в тоталитарных концепциях, автор рассуждал о степени исторической достоверности условного разделения фактического материала на «политическое» и «неполитическое». Сведение многообразия истории к первому отчасти оправданно, поскольку, в действительности, нет индивидуальной или коллективной деятельности, нет отношений между личностями и группами, которые были бы независимы от политики в плоскости экономической, социальной или культурной. Однако с той же легкостью можно утверждать обратное: сферы «чистой политики» не существует, поскольку любые политические решения и действия всегда исходят из социально обусловленных очагов власти, какой бы не была широта их компетенции и полномочий.

²¹⁸ *Malia M. La tragédie soviétique. Histoire du socialisme en Russie. 1917–1991. P., 1995; рус. пер.: Малия М. Советская трагедия: История социализма 1917–1991. М., 2002.*

²¹⁹ *Lefort C. La complication... P. 9–12.*

Согласимся с точкой зрения автора: коммунистическая партия являлась выражением определенной социальной власти, и ей приходилось внедряться в советское общество и рационально его организовывать. Следовательно, невозможно свести данный новый тип режима к схеме деспотизма, тирании или диктатуры: необходимо признать историческую инновацию и задаться выяснением ее истоков. Сам феномен коммунистической власти с неизбежностью неет на себе печать прошлого, из которого он появился, следы разнородных практик и верований.

Таким образом, исследования Фюре и его «критической школы» представляют собой самую радикальную версию общего оттока французской историографии от экономического и социального к политическому и культурному – символическому, воображаемому и революционной идеологии, не совпадая полностью с ориентациями других представителей данного направления.

Иначе, чем Фюре, задачи концептуальной истории видит Пьер Розанваллон. Он очерчивает ее автономное пространство в противопоставлении исследованиям Рене Редона, который ограничился изучением политической жизни в качестве частной сферы социальной активности. Как и Редон, автор базирует свои исследования на понятии «политической культуры», но по-другому определяет ее содержание. Понять политическую культуру нации – значит понять формирование и эволюцию определенного типа политической рациональности, системы репрезентаций, которые порождают свои способы действия и проекты будущего. Через репрезентации Розанваллон сближается с логикой культурной истории в духе «Анналов». Однако концептуальная история политического создает «рефлексивный» профиль исследования репрезентаций, отслеживает постоянную работу «взаимодействия между реальностью и ее репрезентацией»²²⁰, анализ «незавершенностей, переломов, напряжения, границ и отрицаний», который формируют образ²²¹ в недрах политической жизни.

Свою лепту в становление концептуальной истории политического вносит Марсель Гоше, рассуждая об изменении парадигмы в социальных науках²²². Постулируя «возвращение» политического и биографии, Марсель Гоше предлагает сосредоточиться на «рефлексивной», осмысливаемой части человеческого действия, вписать в историю «философию субъекта» и в этом намерении концептуализации обрести новую способность к историческим обобщениям. «Мы присут-

²²⁰ *Rosanvallon P. Le politique // Revel J., Wachtel N. (éd.) Une école pour les sciences sociales... P. 307.*

²²¹ *Ibidem.* Pour une histoire conceptuelle du politique. P., 2003. P. 30–31.

²²² *Gauchet M. Changement du paradigme en sciences sociales...; Ibidem.* L'élargissement de l'objet historique...

ствуем, скорее, при обновлении проекта глобальной истории, чем при его упадке или исчезновении»²²³, где ключом к дверям нового дома «тотальной истории» должна стать область политического.

Возвращение политической истории, согласно Гоше, неразделимо с «рефлексивной» историей, включающей историю исторической науки и историю памяти, то есть историей «во второй степени», которая содержит дискурс о предмете и все уровни его «мемориальной стратификации», позволяющей ответить на вопрос: как, в каком состоянии, в результате какой работы эта проблема или этот объект был нам передан в том виде, в каком мы его изучаем сегодня?

С другой стороны, политическая история идет в параллель с обновленной историей институтов и объектов культуры, т.е. культурной историей, типичным примером которой являются исследования практик чтения Шартье.

Гоше постулирует «расширение исторического объекта» во всех направлениях, поскольку элитарная культура рассматривается в широком контексте социо-исторической общности, к тому же увеличивается количество источников и методов, с помощью которых они изучаются, — от исследований устной истории до исследований графики, монет, подписей.

В политической истории происходит также тематическое расширение, от народных верований до высокого стиля политической философии, от рефлексивной истории избирательного права Розанваллона до истории религиозных войн Дени Крузе. Иной облик приобретает Французская революция, «она восстанавливает свою природу философского события, принимая всерьез дискурс акторов», которых раньше исключали из исследования в поисках «твердой почвы политической реальности». Автор призывает к широкой контекстуализации идей и сочинений в истории мысли. Сам он выразит интерес к политической философии во взаимосвязи с Французской революцией. Стремясь понять истоки «естественных прав человека», от Гроция до Руссо, Гоше пытается проникнуть в глубины политических процессов XVII–XVIII вв., сформировать новый взгляд на траектории европейского абсолютизма и кристаллизацию через них форм современного государства²²⁴.

Более ранние исследования Марселя Гоше уже, в действительности, следует рассматривать как истоки концептуальной истории политического. Большую известность принесла ему книга «Расколдовывание мира. Политическая история религии»²²⁵, где он, вслед за Максом Вебером, исследовал становление человека эпохи демократии как процесс выхода из

²²³ Ibid. P. 135.

²²⁴ Ibid.. P. 137–140.

²²⁵ *Ibidem*. Désenchantement du monde. Une histoire politique de la religion. P., 1985.

религии, разрушение прежнего строя мысли, выхолащивание верований, образование нового типа скептицизма по отношению к власти.

Традиционное общество выстраивало социальную иерархию, где доминирование одних над другими объяснялось закономерностями божественного порядка, категориями долга и виновности. По мере утверждения ценностей гуманизма и прогресса, утверждает автор, «разоблаченные» религии, отделенные от темного прошлого, потребовали индивидуальной психологической трансформации, вырывая человека из первоначального сообщества и традиции во имя внутренней веры, утверждая необходимость менять мир, преобразовывать несовершенную и косную материю. Церковь – как несовершенный институт несовершенного мира – также была принуждена к реформации, и в результате она потеряла свою легитимную власть над обществом. Этот процесс автор называет «религией выхода из религии», которая начинается с автономизации церкви, потом – передается в сферу политики, также теряющей свое сакральное основание, и неизбежно ведет к автономии общества и экономики. Цепная реакция дерегуляции распространяется на все области человеческого бытия, ценой потери всякого внешнего, трансцендентального основания, и в финале данного процесса появляется современное «общество рынка».

Тему «расколдовывания мира» Гоше продолжил в монографии «Религия в демократии»²²⁶. Обмирщение государства и культуры во Франции происходило, с точки зрения философа, в три периода: сначала – абсолютного подчинения общества государству под эгидой религии, затем – фазы либеральной и республиканской, которая означала разделение гражданского общества и государства, что реализовалось к моменту обновления Пятой французской республики 1960–1970 гг. С того времени мир вступил в третью фазу «принципа светскости», эпоху распада прежнего типа социальной связи, когда формируется принципиально новый тип общества и человека.

Сборник статей Марселя Гоше «Демократия против себя самой»²²⁷ раскрывает эту антропологию демократии периода полной светскости. Так, чтобы понять, какова психологическая характеристика человека, получившегося в результате всей социальной эволюции, Гоше сравнивает в «Эссе о современной психологии» демократического индивида с историческими типами личности, которые ему предшествовали.

Так, индивид традиционного общества жил в режиме жесткой иерархии, отличался дисциплиной, соблюдением норм, общество инкорпорировало ему приверженность незыблемому порядку и чувство

²²⁶ Gauchet M. La religion dans la démocratie. Parcours de la laïcité. P., 1998.

²²⁷ Ibidem. Démocratie contre elle-même. P., 2002.

стыда, но, сохраняя связи с внешним миром, он не терял и внутренней независимости. Деятель Нового Времени стал автором концепций либерализма и республиканского гражданства, являясь индивидом коллективистского типа, рассудочным и ответственным. Однако в качестве компенсации за индивидуальное усвоение религии у него появились внутренние конфликты, которые породили чувство виновности и бессознательное неприятие социальной жизни. Это и есть первый тип личности, буржуазный индивид в собственном смысле, который начинает разрыв с традицией, целиком сохраняя внешние признаки различий и подразделений социализации. Контраст становится все более разительным, когда индивид Нового Времени обнаруживает (изобретает?) бессознательное, феномен которого не осознавался в традиционном мире, и без того насыщенном системообразующими символами.

Наконец, индивид современной эпохи фактически игнорирует свой социальный контекст, отрицая всякую социальную принадлежность. Личность его характеризуется автором как неопределенная, пустая, свободная и подвижная, заикленная на самолюбовании и гедонизме, подверженная постоянной депрессии. В социальной жизни конфликт как способ взаимодействия уступает место избеганию всяческих трений. Забыт остаточный социальный конформизм предыдущего типа личности: отключенный от всякого чувства долга и обязательств по отношению к прошлому, современный индивид видит в настоящем общество, ощущаемое как нечто внешнее по отношению к себе. Таким образом, общественное становится пренебрегаемым измерением, все обязательства переносятся в сугубо частную жизнь.

Агонизирующая демократия – популярная ныне тема в силу вполне понятных причин. В XX в. она мыслилась только в диалектической связке с тоталитаризмом, выводя на передний план проблему прав человека. Рассуждая о демократии как о самостоятельном политическом феномене, Гоше заявляет о необходимости возвращения коллективистских ценностей и о тупике противоречивой демократии, «...триумфальной, эксклюзивистской, доктринерской и саморазрушительной». Нынешнее состояние западной цивилизации представляет собой, согласно автору, парадокс нашего времени, центр свободы, которая поворачивается против себя самой, за прежней, на первый взгляд, ширмой демократии. Европа кажется Гоше воплощением этой логики в значительно большей степени, чем США, которые продолжают быть еще «мессианической и религиозной нацией». Европейское же пространство является «...экспериментальной территорией идеологии прав индивида», осуществляя утопию общества без государства, общества «пенсионеров большой истории». Автор приходит к выводу, что «этот симпатичный городок без контуров настоящих интересов и добрых

чувств нереален», словно отказываясь признавать результат процесса, который сам же описывает, как неизбежный.

Похожие нотки ностальгии, летописи «оконченного времени» при-суши и рассуждениям соратника Марселя Гоше по журналу «Ле Деба», бессменного руководителя исторических коллекций издательства «Галлимар», Пьеру Нора. «Мы переживаем конец всякого пространства телеологии истории», – пишет он, – когда утрата органичной связи времен и исторического сознания компенсируется настоятельным долгом памяти, если понимать его не как моральное обязательство, но как более механистичное, материальное, «юбилейное» значение, «значение, связанное не с долгом, а с потерей»²²⁸.

Происходящая «акселерация истории» производит, по утверждении автора, эффект дистанцирования от прошлого: «Мы отрезаны от него. Оно потеряно... Мы в нем больше не живем... Мы можем его найти только через документальную, архивную, монументальную реконструкцию, через новое усвоение..., которое исходит от «памяти» – памяти, целиком сконструированной для нового использования – актуальное имя того, что раньше называли просто «историей». Есть в этом очень глубокое и опасное переворачивание смысла слов, которое нужно полностью осознавать, если не хочешь обманываться видимостью. «Память» приняла такой общий смысл и так расширилась, что стремится... заменить собой слово «история», и поставить практику истории на службу памяти»²²⁹.

Новая динамика социальных и исторических процессов постиндустриального общества тем более принудительна, что нагружена этическим измерением, которое открывает дорогу всяческим переносам и манипуляциям. Память в современном обществе окружена флёрот эмансипации от версий официальной истории, производимой властями.

Именно в таком мире приходится жить и работать современным историкам. Можно избежать многих рисков сегодняшнего общества или минимизировать их, практикуя свое ремесло, но оно должно стать «ремеслом измененным, которое потеряло свою невинность». Понимать режим историчности, в котором ты работаешь, анализировать его механизмы и принуждения, «делать то, что, как я верю, обязан делать современный историк, – «историю во второй степени», участвовать в том, чтобы историческая критика трансформировалась в историю, ставшую целиком критической сама, а не была только инструментами ее работы. Продвижение памяти обладает этой способностью ...вызвать историка из его естественного простодушия»²³⁰.

²²⁸ Nora P. Pour une histoire au second degré // Le Débat. 1999. № 103. P. 26.

²²⁹ Ibid. P. 27

²³⁰ Nora P. Pour une histoire au second degré. P. 29–30.

Похожим образом развивает рефлексию об истории Франсуа Артог в книге «Режимы историчности. Презентизм и опыты времени»²³¹. Автор создал панораму смены различных режимов историчности – особых типов связи времени, характеризующих каждую из эпох. Если в античности настоящее вдохновлялось опытом прошлого, историчность Нового времени после Французской революции опиралась на проект будущего, то в последние десятилетия XX в. определяющими чертами режима историчности является доминирование короткой, «оперативной» социальной памяти и феномен настоящего. Само время превращается в объект потребления и продажи, растиражированное многочисленными юбилейными торжествами, «годами национального достояния». Эта связь времен характеризуется автором как тотальный презентизм, нагруженный не естественным, с точки зрения других эпох, восприятием связи времен, но искусственно культивируемым «чувством долга» по отношению к прошлому и будущему.

«...Мы живем, – подчеркивает Ф. Артог, – во времена сильного, всеприсутствующего и гипертрофированного презентизма, претендующего на то, чтобы быть единственным горизонтом. Вид вечного настоящего, озабоченного управлением временем, или его уничтожением, наше время занято демонстрацией своего морального превосходства над прошлым, также как и предвосхищением суждения, которое будет у потомства о нем самом. Ясность или слепота? Историк... обнаруживает себя... замкнутым, как и каждый, в этом круге настоящего»²³².

3.4. ЗНАНИЕ-ПАМЯТЬ-ВЛАСТЬ: ПРОБЛЕМАТИКА «РЕМЕСЛА ИСТОРИКА» И ЕГО СОЦИАЛЬНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

3.4.1. История памяти и ее «теневые зоны»

Критика концептуальных основ движения «Анналов», «социологический» и «политический» повороты не исчерпывают многообразия французской историографической конъюнктуры последних десятилетий. Вокруг тем памяти, идентичности и национального, которые уже проходят красной нитью через исследования об «изменениях парадигм» и программы обновленной политической истории, образуется другая совокупность исследований и размышлений, связанных с актуальными для современного французского общества дискуссиями о недавнем прошлом.

Это направление исследований может быть условно названо «историей памяти». Ее формирование есть следствие внутреннего разви-

²³¹ *Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps...*

²³² *Ibidem. L'Historien et la conjoncture historiographique // Le Débat. 1998. № 102. P. 10.*

тия самой дисциплины, и, в первую очередь, истории ментальностей: история репрезентаций прошлого является одной из ипостасей истории репрезентаций вообще. Однако история памяти по-новому оценивает связи между историей, памятью и национальной идентичностью, она является важным ресурсом обновления исторических изысканий, найдя воплощение в одном из наиболее сильных историографических проектов современной Франции – 7-томной серии «Места памяти», редактором которой выступил Пьер Нора²³³.

Еще в 1978 г. Нора в своей статье для энциклопедии «Новая история» констатировал быстрый рост локальных проявлений коллективной памяти, которые обнаруживают себя в деятельности групп, стремящихся к социальному самоутверждению и выражающих озабоченность будущим через искусственное повышение ценности «не до конца пережитого» прошлого: «История пишется отныне под давлением коллективных видов памяти».

Тема нашествия мемориальных практик во французском обществе мало-помалу стала топосом исторической науки 1980–1990-х гг.; «время корней», мода на генеалогию, тема «национального достояния» и увлечение историческими юбилеями, умножение музеев, страстное желание «сохранить все» представляются как совокупность доказательств этого нашествия памяти.

Кризис «национального французского романа», созданного некогда учебником Лависса, проявился в утверждении после 1968 г. «альтернативной памяти» отдельных регионов, рабочих, «устной» истории, вызывая к жизни воспоминания «безымянных», забытых или репрессированных групп, не оставивших письменных свидетельств. Тем самым формировалась история, «видимая снизу». В этой ревизии национального сознания и формировании «момента-памяти» косвенно участвовали и *Анналы*, длительное время пренебрегавшие в своей программе национальными и политическими сюжетами.

Важной особенностью утверждения истории памяти стало ее превращение в важнейший компонент коллективных представлений группы, которые всегда зависят от нужд и чаяний настоящего. В этом смысле, любая история памяти есть история использования прошлого в связанном с ним настоящем. Данное обстоятельство и формирует цель «Мест памяти»: поставить стихийное и пристрастное использование прошлого под контроль профессиональных историков.

При широком разнообразии тем, представленных в серии, понятием «матрицей» здесь является «место памяти». Проект замыслился изначально как создание перечня мест, где воплотилась национальная память, мест как вполне конкретных и вещественных, так и абстрактных,

²³³ Nora P. (*dir.*) *Les lieux de mémoire...*

интеллектуально конструируемых, образующих совокупность символически значимых ориентиров памяти сообщества. С 1984 по 1992 гг. генеральная идея постепенно меняется, проект выглядит уже не только как программа эмпирического исследования символических объектов, но и как принципиально иной способ писать историю, приложимый в пределе к любому историческому объекту, который Пьер Нора и Марсель Гоше называют «символической историей «во второй степени»²³⁴.

Эта символическая история особым образом осмысляет природу изучаемых объектов. Для Нора, места памяти не имеют соответствий в действительности. Или скорее, они сами «себе являются референтами, знаками, которые отсылают только к себе, знаками в чистом состоянии». Франция «Мест памяти» – это, прежде всего, реальность символическая, так же, как и Май 1968 года, который для Нора есть «только чисто символическая результирующая» легендарного всех революций.

Через «историю памяти» Нора уточняет свою концепцию символического: «Место памяти предполагает стыковку двух порядков реальности: реальности осязаемой и уловимой, иногда материальной, и реальности чисто символической, носительницы истории»²³⁵. Символическое – это не дополнительный этаж к классическим подразделениям экономики, социального и ментального, поскольку всякая реальность насыщена образами. Эта концепция исторического объекта предполагает занятие не событийной историей в чистом виде, а историей «постоянного использования событий и злоупотребления ими» в меняющемся настоящем, истории «во второй степени».

Нора возвращается в конце «Мест памяти» к классической оппозиции между памятью, обладающей силой формировать или, напротив, деформировать идентичности, и историей, призвание которой – объективно анализировать и обобщать. Связь между памятью и идентичностью естественна, и потому автор предлагает представить память «в прозе истории», преодолевая кризис национальной идентичности. Формулировки Нора по этому поводу удивительно назидательны: от историков требуется «адаптироваться к перестройке национального чувства, которое «диктует непреложно возвращение к национальному». Именно эта цель проекта подверглась наибольшей критике: по сути, отталкиваясь от утратившего силу «французского национального романа», Нора все же предлагает продолжить традицию сакрализации нации, при этом переоценивая степень дробности национальной памяти и игнорируя ее обобщающие «республиканские» основания.

²³⁴ *Nora P. Comment écrire l'histoire de France // Les lieux de mémoire... T. III: Les France; T. 1: Conflits et partages. P., 1992. P. 24; Gauchet M. L'élargissement de l'objet historique...*

²³⁵ *Nora P. Comment écrire l'histoire de France... P. 20.*

Трансформация национального сознания усилиями истории, одновременно констатируемая и желаемая, формулируется Нора как переход от агрессивного национализма XIX в. к «национализму влюбленному», к «усилению нации без национализма». Нора связывает главный поворот коллективного сознания с экономическими, политическими и социальными изменениями в стране «второй Французской революции»: потерей колониальных владений, началом экономического кризиса, утратой крестьянских и христианских традиций, которые во Франции сохранялись дольше, чем в большинстве других европейских стран; истощением старого «рабочего» мира и революционной идеи, двойным ослаблением голлизма (политического режима и идеологии Шарля де Голля) и коммунизма, переходом от большой государственной и империалистической мощи к средней демократической²³⁶.

Симптомом формирования нового национального сознания для Нора становится переход с середины 1970-х гг. от национального к «национальному достоянию» (*patrimoine*). Прогрессия празднования юбилеев значимых дат во Франции выявила утверждение «мемориальной» модели управления прошлым вместо модели исторической.

Показателем подобных изменений стала и жаркая дискуссия о программах преподавания истории в средней школе, развернувшаяся во второй половине 1990-х гг.²³⁷. В ней обсуждалась ответственность структуралистской и антисобытийной «новой истории» за ослабление преподавания традиционных исторических основ: хронологии, истории великих личностей и истории в национальном масштабе. Новые, более традиционные программы исторического образования стремятся привить детям чувство личной принадлежности к нации.

С другой стороны, тема памяти, а вместе с ней и тема профессиональной ответственности историка, приходят также в формате «истории современности», став одним из последствий того психологического шока, какой испытало французское общество от возвращения «прошлого, которое не проходит».

***«Теневые зоны» исторической памяти
как объект научного исследования и политических манипуляций***

Память о недавнем прошлом становится все более автономной по отношению к истории, распадаясь на личностные и групповые представления об отдельных пережитых эпизодах, которые ставят под сомнение общую картину официальной национальной истории. Такими примерами, отражая кризис национальной идентичности, стали стра-

²³⁶ *Ibidem*. La nation sans nationalisme // *EspacesTemps*. «Le temps réfléchi». 1995. № 59/60/61. P. 66–69.

²³⁷ *Delacroix C., Dosse F., Garcia P.* Les courants historiques en France... P. 266–267.

ницы истории Франции, претерпевшие ранее «нивелировку» нелюбимых исторических подробностей. Наибольшее внимание исследователей в этом отношении привлекает режим Виши.

За точку отсчета в ревизии наследия Виши может быть принята книга «Франция Виши» американского историка Роберта Пэкстона²³⁸, который показал, что правительство Петэна искало сотрудничества с Германией и проявляло собственную политическую и идеологическую волю, в том числе – в поддержке антисемитизма, который отнюдь не был вызван немецкой оккупацией. Книга произвела сильное воздействие на сообщество французских историков, и привела к переоценке преобладающей в историографии точки зрения, которая делала из Виши механическое орудие фашизма.

Одновременно переоценивался весь прошлый опыт историописания Оккупации, в котором традиционно на первый план выдвигались страдания нации или опыт Сопротивления. Поворотным в этом отношении стал в 1971 г. фильм Марселя Офулса «Грусть и жалость», представивший Францию периода оккупации страной, переживавшей подлинную гражданскую войну.

Центральное место здесь занимает вопрос об участии администрации Виши в Холокосте, вызванный, прежде всего, пробуждением памяти еврейского народа, которая утверждает свое восприятие геноцида и создает дополнительный импульс для новых исследований режима Виши.

В 1980 г. историк-антиковед Пьер Видаль-Наке, потерявший родителей во время Холокоста, критиковал в журнале «Эспри» «ревизионистские» устремления прессы, с начала 1970-х гг. развязавшей кампанию по пересмотру реальности геноцида, учиненного нацистами против евреев и цыган, и отрицающей, в частности, существование газовых камер. Отказываясь спорить с этими фальсификаторами, – «негационистами» – он призывает историков раскрывать «анатомию лжи» и изобличать «убийц памяти»²³⁹.

Анри Руссо опубликовал книгу «Синдром Виши», которая стала существенным этапом в утверждении «истории памяти». Автор проанализировал различные формы и векторы коллективной памяти Виши, предложив периодизацию этой памяти с 1944 г. в четыре основных этапа: «Неоконченная скорбь» (1944–1954); «Вытеснения» (1954–1971); «Расколотое зеркало» (или «Возвращение вытесненного») (1971–1974) и «Одержимость» (после 1974 г.)²⁴⁰.

Признавая важность обязательств историка по работе с национальной памятью, автор писал о том, что трудные моменты прошлого за-

²³⁸ Paxton R. La France de Vichy 1940–1944. P., 1973. Rééd. 1974.

²³⁹ Vidal-Naquet P. Les Assassins de la mémoire...

²⁴⁰ Roussio H. Le syndrome Vichy 1944–198... P., 1987.

частую являются объектами политического манипулирования. «Долг памяти» трансформировался в «светскую религию», стал систематическим предприятием социального самоутверждения меньшинств (сексуальных, религиозных или этнических) и обвинений в адрес историков. Эта экспансия памяти, которая касается и еврейской памяти геноцида, вынудила Руссо написать вместе с Эриком Конаном книгу «Виши: прошлое, которое не хочет проходить» (1994), обозначая дистанцию сообщества историков по отношению к этому дрейфу памяти. Долг памяти, утверждал автор, превратился в «воинственность ретроактивной инквизиции», уходящий в древность ритуал, который разоблачает «официальных» историков, якобы препятствующих доступу в «запрещенные» архивы. Однако, подчеркнул Руссо, во Франции 1990-х гг. соучастие Виши в «Окончательном решении» признано, исторически исследовано и уже преподано обществу. Такой сакрализации памяти Руссо противопоставляет критическую функцию истории, диктующую необходимость для историка держать дистанцию от политических, общественных и личных целей, которые скрываются позади долга памяти.

В книге «Злоупотребления памяти»²⁴¹ Цветан Тодоров с беспокойством отметил процесс «виктимизации» различных сообществ, подвергавшихся в прошлом массовым убийствам. Обращение к памяти массовых преступлений показывает, согласно автору, стремление приобрести статус жертвы, социально и символически выгодный. В той же перспективе Жан-Мишель Шомон анализировал «конкуренцию жертв» в средах памяти: депортированные евреи против депортированных деятелей Сопротивления, евреи против цыган, гомосексуалисты против политической оппозиции. Дискуссия об уникальности «Окончательного решения» располагается, по Шомону, в сердце этой групповой конкуренции по утверждению своей жертвы «как большей жертвы, чем другие», которую он объясняет преимущественно как битву за определенные (иногда весьма существенные) социальные дивиденды²⁴².

Между тем связь между написанием истории и этическим суждением располагается в центре международных историографических дебатов вокруг Холокоста. Во Франции живо обсуждалась и освещалась «битва немецких историков»²⁴³, которая проходила в Германии в конце 1980-х гг., связав воедино вопросы национальной немецкой идентичности, памяти и проблему «Окончательного решения» еврейского вопроса. Немецкий философ Юрген Хабермас в 1986 г. оспорил репрезентацию прошлого, созданную усилиями Э. Нольте, М. Стермера и

²⁴¹ Todorov T. Les abus de la mémoire. P., 1995.

²⁴² Chaumont J.-M. La concurrence des victimes. Génocide, identité, reconnaissance. P., 1997.

²⁴³ Delacroix C., Dosse F, Garcia P. Les courants historiques en France... P. 270–271.

А. Хилльгрубера, которые предложили пересмотреть традиционные интерпретации нацизма и покончить, наконец, с «непреходящей виновностью» Германии. Вновь созданное прошлое Германии «релятивизирует» историю нацизма, чтобы виновность немцев не казалась бы больше единственной: преступления фашистского режима, и в первую очередь, «Окончательное Решение», должны быть сопоставлены с другими чудовищными массовыми преступлениями, совершенными вне Германии, в частности, в СССР. Острые полемики было направлено на утверждения Нольте о том, что преступления коммунизма хронологически были совершены ранее, и что преступления Гитлера имели «превентивный» характер, став, до некоторой степени, «рациональным» ответом на угрозы разрушения, которыми грозили Германии СССР и евреи. Следовательно, Гулаг, «классовый геноцид», есть явления того же порядка, что и расовый геноцид». Большинство историков расценивают такую трактовку истории нацизма как попытку банализации геноцида.

Эта интерпретация, хотя и воссозданная в других целях, получила развитие во введении к «Черной книге коммунизма»²⁴⁴, написанном Стефаном Куртуа. Морализируя во имя долга истории и памяти, он воспроизводит сравнение между коммунистическими и нацистскими преступлениями, настаивая на имманентно криминальной природе коммунизма. В заключении к тому же сборнику автор называет эпицентром зла Россию, утверждая, что террористическая составляющая будущих стратегий власти у коммунистов пришла не столько из концепций Маркса, сколько из особенностей ее исторического опыта и национального характера. Ибо доминирующей чертой сознания русских испокон веков была *брутальность*. Иван Грозный тринадцати лет от роду затравил собаками отрока боярина Шуйского, потом развязал опричнину и убил сына, Петр Первый был не лучше, крестьяне утопили в крови «разинщины» и «пугачевщины» десятки тысяч своих господ, а террорист Нечаев показал большевикам эффективный стиль революционной работы²⁴⁵. Отметим, как и в случае с Франсуа Фюре, что Куртуа имел юношеский опыт увлечения и последующего разочарования в марксизме-ленинизме, что не преминуло отразиться на качестве его научных выводов в зрелости.

Позиция Куртуа, отличающаяся не только откровенной русофобией, но и грубыми редуками исторического материала, вызвала полеми-

²⁴⁴ Courtois S. (dir.) Le livre noir du communisme. Crimes, terreur, répression. P., 1998. Рус. пер.: Черная книга коммунизма. М., 1999. О дискуссии вокруг «Черной книги» подробно: Трубникова Н. В. На закате теорий тоталитаризма: французская историография о России...

²⁴⁵ Она же. На закате теорий тоталитаризма: французская историография о России... С. 856–859.

ку со стороны «социально-ориентированных» историков. Противостояние усугубилась еще и несогласием с позициями Куртуа двух соавторов по книге, Николя Верта, написавшего раздел о советском режиме, и Жана-Луи Марголена, – автора раздела о режимах Азии²⁴⁶. Коллективный труд «Век коммунизмов», появившийся как интеллектуальная реакция на «Черную книгу коммунизма», утверждает идею «множественного числа» коммунистических режимов, вопреки абстрактной общей теории тоталитаризма, а также требование тщательной исторической работы с условиями возникновения и нормами существования, временными и пространственными контекстами советских государств²⁴⁷. Подобно дискуссиям о Виши и Соппротивлении, дискуссии по поводу «Черной книги» очень показательно демонстрируют вторжение в пространство научной работы режима политической инструментализаций и субъективных психологических ретроспекций.

Другие «битвы памяти» в современной Франции касаются войны в Алжире, слишком долго остававшейся «войной без названия»²⁴⁸. Память о перенесенных страданиях колонизованного народа, память о практиках замалчивания преступлений со стороны французской колониальной администрации, память алжирской эмиграции во Франции, главным образом, замкнутой в среде семьи и этнического квартала, дают почву для многочисленных общественных конфликтов²⁴⁹.

Примером профессиональной работы историков с пространством исторической памяти является сборник «Политические использования прошлого» под редакцией Ф. Артога и Ж. Ревеля, который создает панораму современных «битв памяти». Ф. Артог в вводной статье констатирует факт интенсификации политических манипуляций прошлым, предлагая связать «изменения опыта» общества с «изменением метода» историков. Дж. Леви отмечает ослабление роли истории и ее затмение все более фрагментированной памятью. М. Герцфельд анализирует национальные идеологии Греции, как в качестве репрезентаций и социокультурного опыта ее граждан, так и в качестве административной практики. Ж. Баше, на основе инструментов анализа, предложенных Рейнхардом Козеллеком, пытается определить место современного мексиканского общества в конфигурации исторических времен. М. Вернер сквозь призму текущих политических дискуссий рассма-

²⁴⁶ Margolin J.-L., Werth N. Communisme: retour à l'histoire // Le Monde. 1997. 14 octobre.

²⁴⁷ Le siècle des communismes. Sous la direction de Michel Dreyfus, Bruno Groppo, Claudio Sergio Ingerflom, Roland Lew, Claude Pennetier, Bernard Pudal, Serge Wolikow. P., 2000.

²⁴⁸ Stora B. La gangrène et l'oubli. P., 1991.

²⁴⁹ Manceron G., Remaoun H. D'une rive à l'autre. La guerre d'Algérie de la mémoire à l'histoire. P., 1993.

тривает историю двух немецких музеев, разделенных «берлинской стеной». Н. А. Сильберман прослеживает историю «символической власти» над археологическими памятниками, найденными в Палестине, и политические перипетии, повлиявшие на нее. Э. Санбар изучает развитие исследовательских исторических практик в современной Палестине. П. Р. Торрес анализирует способы политического использования истории в современной Испании. Л. Валенси рассматривает историю изгнания армян из Анатолии в годы Первой мировой войны, вызвавшую диаметрально противоположные интерпретации у историков. А. Себти исследует связи между колониальным опытом и историческим дискурсом Марокко, где версия легитимации колониального доминирования противостоит движению национальной эмансипации²⁵⁰.

Сходным образом, коллективный труд «Конкуренция прошлого. Политические использования прошлого в современной Франции» анализирует современную тенденцию политических манипуляций прошлым в пространстве региональной истории французских провинций²⁵¹.

3.4.2. Рефлексия Поля Рикёра о диалектике истории и памяти

В настоящее время проблематика отношений истории и памяти, как и познавательных возможностей истории в целом, опирается во многом на рефлексию Поля Рикёра. Сегодня, когда историк теряет свое некогда монопольное право на интерпретацию прошлого, вынужденный делить эту территорию с журналистами, политиками, литераторами, гражданскими организациями и даже юристами, любая история, в полном соответствии с формулировкой Нора и Гоше, становится историей «во второй степени», – то есть историей переосмысления всех состоявшихся репрезентаций исследуемого феномена.

Историю и память, рассуждает П. Рикёр, разделяет большая пропасть: история не обладает спонтанностью, искренностью и моральной верностью памяти, память не может выносить объективных, логически выверенных суждений, не имеет «контракта истины». Согласно Рикёру, слишком большое недоверие общества к опыту памяти приводит к сакрализации позы историка и «официальных версий» прошлого, и, напротив, возобладание памяти над историей приводит к тупику на необходимом эпистемологическом уровне понимания-объяснения. Истина без верности и верность без истины стоят мало, следовательно, взаимопроникновение истории и памяти неизбежно. «Память, подчиненная критическому доказательству истории, не может больше иметь в виду верность, не пройдя через сито истины. И история, перемещен-

²⁵⁰ Hartog F., Revel J. (dir.) *Les usages politiques du passé*. P., 2001.

²⁵¹ Crivello M., Garcia P. *Concurrence des passés. Usages politiques du passé dans la France contemporaine*. Aix-en-Provence, 2006.

ная памятью в диалектическое движение ретроспекции и прогноза, не может больше отделять истину от верности, которая привязана, в последнем анализе, к невыполненным обещаниям прошлого»²⁵².

Проблема соединения истории и памяти является предметом последней монографии Поля Рикёра «Память, история, забытое»²⁵³. «Я остаюсь, – писал автор, – встревоженным этим беспокоящим спектаклем, который слишком многое отдает ...памяти, слишком многое, впрочем, забвению, если ничего не говорить о влиянии торжеств и злоупотреблениях памятью – и забвением. Идея политики справедливой памяти есть в этом отношении одна из признанных за мною гражданских тем»²⁵⁴.

Справедливая, или «счастливая» память – это память, осмысленная историей, соединяющая «контракт истины» и «контракт верности» через форму рассказа. Историк имеет профессиональное обязательство по работе с памятью, уподобляясь в этом, по мысли Рикёра, психоаналитику. Так же, как речь пациента, представленная в форме бессвязных рассказов, мечтаний, несовершенных действий позволяет провести «осознание бессознательного», создать некую внятную, приемлемую и смыслообразующую завязку его персональной идентичности, так и воспоминания участников событий прошлого приобретают смысл и становятся частью целого только при условии работы с ними историка.

Другой вывод Рикёра состоит в том, что коллективная память имеет болезненный характер, ее сложные механизмы, подобно памяти индивидуальной, вытесняют травматизмы, слишком мучительные воспоминания. Более того, патологии коллективной памяти зачастую становятся объектом последующих небескорыстных социальных и политических манипуляций. В этом случае историк является врачом-терапевтом коллективной памяти и пространства забытого в ней. Его задача тем легче, чем больше дистанция истории по отношению к прошлому, тем проще ей сыграть роль справедливости, чтобы согласовать между собой исключительность частных воспоминаний.

Параллели между индивидуальной и коллективной памятью у Рикёра множественны. Они обе способны поддерживать связь времен, стержнем которой является идентичность, непрерывно существующее сознание, способное как помнить события, так и вытеснять самые травмирующие моменты прошлого. Коллективные патологии памяти могут ясно выражаться через ситуации, слишком наполненные памятью, в «пережевывании» памяти через нескончаемые юбилеи, «ознаменования» и тенденции превратить все в «национальное досто-

²⁵² Ricoeur P. La marque du passé // Revue de métaphysique et de morale. 1998. № 1. P. 31.

²⁵³ Ibidem. La Mémoire, L'Histoire, L'Oubli...

²⁵⁴ Ibid. P. I.

яние», – то, что можно наблюдать на примере современной Франции. Столь же аномальны противоположные ситуации недостатка памяти, в условиях тоталитарного контроля, где главенствует идеология. В этом отношении историческая память представляет собой сложный интеллектуальный труд, стихийную «двойную работу воспоминания и скорби»²⁵⁵, зачастую сопровождаемую забвением «неудобных» с точки зрения настоящего моментов прошлого.

Но, помимо забвения, в социальной памяти существует еще и феномен «тишины о себе»: Микаэль Поллак показал на примере памяти депортированных, вышедших из концлагерей, что «синдром выживших» диктует им глубокое чувство виновности, зажатое между страстным желанием передать свой жуткий опыт и неспособностью общаться на эту тему²⁵⁶. Тем важнее функция тех, кто будет работать с этой памятью, пытаясь уловить границы между возможностями сказанного и невысказанного, облегчая «работу скорби».

Таким образом, память, как и история, является способом селекции в прошлом, определенной, хотя и во многом стихийной, интеллектуальной конструкцией, а отнюдь не внешним по отношению к рефлексивным процессам эмоциональным потоком сознания. Но история в ее «долге памяти» обязана перекрыть и обобщить множественные виды памяти о прошлом, исследовать огромный ресурс недоказанных возможностей прошлого, выправлять изломы патологической памяти.

Плюрализованная, фрагментированная память переполняет сегодня все края «территории историка». Главное оружие социальной связи, индивидуальной и коллективной идентичности, она, как пациент от психоаналитика, часто ждет от историка выражения смысла. «Освобожденная от манипуляторства, она может быть реинвестирована в интерпретативную перспективу, открытую к будущему, а не простой музеографией, отрезанной от настоящего», полагает Ф. Досс²⁵⁷.

Историк, по мнению Люсетт Валенси, отзывающейся на рефлексии Рикёра, работает не только как психоаналитик, но и как «часовой на посту»²⁵⁸. Он предостерегает общество от повторения невротизмов прошлого, передает национальную память, когда прерывается время свидетелей, он не производит отстраненного знания о великих травмах прошлого, но сам участвует в конструировании и передаче социальной памяти. История памяти является одним из основных обязательств ремесла историка и должна извлекать всякую поддержку из

²⁵⁵ Ricoeur P. *Entre mémoire et histoire* // *Projet*. 1996. № 248. P. 11.

²⁵⁶ Pollak M. *L'Expérience concentrationnaire. Essai sur le maintien de l'identité sociale*. P., 1990.

²⁵⁷ Dosse F. *Paul Ricoeur, Michel de Certeau...* P. 76.

²⁵⁸ Valensi L. *Présence du passé, lenteur de l'histoire* // *Annales ESC*. 1993. № 3. P. 498.

критического метода, чтобы не быть слишком слепой, как это было с памятью о геноциде евреев до 1970-х гг.

Таким образом, не отвергая ни долга памяти – долга «установить справедливость через воспоминание, как по отношению к другому, так и к себе»²⁵⁹, ни намерения истины, Рикёр располагает историю и память в плоскости непрерывного взаимодействия. История может и должна способствовать превращению «несчастливой», нагруженной невротизмами и патологиями памяти в память счастливую, умиротворенную. Работа с памятью и есть способ действия для историка, его основное гражданское обязательство. Память, со своей стороны, позволяет историку превзойти чисто ретроспективное и умозрительное видение прошлого, отыскать прошлое как «настоящее, которое уже было», способствуя дефатализации истории.

3.4.3. «Судить или понимать?» История за трибуной правосудия

Начиная с конца 1980-х гг., французская историческая наука пополнила круг своих социальных обязательств участием профессиональных историков в судебных процессах. Представители исторического знания выступают в качестве свидетелей и экспертов, организуют комиссии и дискуссионные круглые столы, дают интервью прессе и сами становятся обвиняемыми по профессиональным основаниям. Эта новая форма участия обнаружила себя в связи с необходимостью судить преступления, совершенные в прошлом.

В эпоху распада биполярного мира, на фоне нарастающей тенденции политических обращений к истории и увеличения числа судебных исков по преступлениям, совершенным в прошлом, формируется новая ипостась «ремесла историка», заставляя задумываться о правах и обязанностях, возможностях и лимитах профессии в юридическом пространстве, где выносятся вердикты живым.

Историко-судейские будни последних лет, как правило, связанные с обсуждением (и осуждением) гражданского выбора французов в «черные годы» Виши, уже снискали обширную библиографию, составленную из статей и монографий историков, журналистов, юристов²⁶⁰.

«Сегодня в первый раз во Франции мы столкнулись с преступлением особого типа. Против человечности, – писал журналист С. Шаландон по поводу процесса Клауса Барбье, бывшего регионального шефа ге-

²⁵⁹ Ricoeur P. La Mémoire, L'Histoire, L'Oubli... P.108.

²⁶⁰ Lambert B. Dossiers d'accusation: Bousquet, Papon, Touvier. P., 1991; Jeanne-ney J.-N. Le passé dans le prétoire: l'historien, le juge et le journaliste. P., 1998; Chalandon S., Nivelle P. Crimes contre l'humanité, Barbie, Touvier, Bousquet, Papon. P., 1999; Jean J.-P., Salas D. (dir.) Barbie, Touvier, Papon. P., 2002.

стапо, в 1987 г. – Вот почему женщины и мужчины, не имеющие связи ни с фактами, ни с тем, кто их совершил, приходят, чтобы предстать перед этим судом. Они здесь, чтобы определить общее... окружение, в котором преступления, поставленные в вину Барбье, были совершены. Истории превращаются в Историю. От страдания переходят к словам». На процессе выступал историк Леон Поляков, призванный ради восстановления «общего контекста». Он осознает необычность такой публичной лекции, излагает материал с юмором, провоцируя смех зала²⁶¹.

Однако нарастающая потребность общества в судебной исторической экспертизе заставила историков настроиться на серьезный лад. Настоящим юридическим прецедентом стало обвинительное заключение суда в деле Поля Тувье, следователя политической полиции режима Виши (1994). Еще в июле 1989 г. кардинал Декуртрей публично объявил о создании комиссии историков, которая должна была независимо и объективно сделать заключение о помощи, оказанной католической церковью Франции обвиняемому. С точки зрения правил исторического метода работа комиссии была безупречной, но ее отчет прозвучал в 1992 г. как приговор, несмотря на оговорку руководителя Рене Ремона о том, что историки – «не обвинители, не адвокаты, и не судьи»²⁶². Участвуя в дискуссии о трансформации миссии историка в современном обществе, Франсуа Бедарид подчеркнул уникальный характер этой комиссии²⁶³.

С дела Тувье утверждается новая социальная роль историка в качестве свидетеля (эксперта?) правосудия, порождая многочисленные горячие споры. Для Жерара Нуарьея этот вид публичной деятельности является поводом для серьезного профессионального самоопределения: «идея, что историк – это, прежде всего, эксперт или судья распространяется. Часть историков настоящего времени поддерживают этот образ... Это отклонение, и не только во Франции, провоцирует чувство болезни, разделяемое большим количеством историков настоящего времени, болезни, которая требует открытия дискуссии о «социальной функции историка»²⁶⁴.

В США юристы тоже прибегали на процессах к исторической аргументации, но лишь во Франции, – отметил О. Дюмулен, – историк-эксперт провозглашает свои умозаключения, не имея разрешенной оппозиции²⁶⁵. Иными словами, не было прецедента, чтобы другая сторона,

²⁶¹ *Chalandon S., Nivelles P. Les Témoins dits d'intérêt général. (9 juin 1987) // Chalandon S., Nivelles P. Crimes contre l'humanité... P. 96.*

²⁶² *Rémond R. (dir.) Paul Touvier et l'Église. Rapport de la commission historique instituée par le cardinal Decourtray. P., 1992.*

²⁶³ *Bédarida F. L'affaire Touvier et l'Église: spectroscopie d'un historien // Le Débat. 1992. № 70. P. 209–221.*

²⁶⁴ *Noiriel G. Les Origines républicaines de Vichy. P., 1999. P. 10.*

²⁶⁵ *Dumoulin O. Le rôle social de l'historien... P. 32.*

участвующая в судебном процессе, создала бы альтернативную комиссию, составленную из других экспертов-специалистов по прошлому и пришедших к противоположному выводу.

В следующем деле Андрэ Тюляра (гражданского чиновника и полицейского инспектора режима Виши, создавшего картотеку парижан-евреев, по которой затем осуществлялись репрессии), для изучения исторической достоверности документов была снова создана комиссия во главе с Рене Ремоном, уже имевшего по делу Тувье репутацию «эксперта». Кроме архивистов и юристов туда вошли два историка, не имеющих специальной квалификации источниковедов. Изначально экспертиза «передачи» дела превратилась в расследование о действительной природе документа, становясь исторической экспертизой.

В деле о проявлениях негационизма²⁶⁶ на расовой почве в университете Лион III в комиссию по расследованию из шести человек под руководством Анри Руссо вошли четыре историка.

Мысль об историке – судебном эксперте устанавливается как нормальное продолжение научной деятельности. Кардинал Декуртрей привлек историков к процессу Тувье, чтобы «научная репутация обеспечивала объективность». Ремон писал о том, что там, где большинство смертных ищет только материальность фактов, добытых через открытие неизданных архивов, настоящий историк пытается задаваться вопросами о тайных причинах действия людей²⁶⁷. Эта особенность профессионального подхода состоит в дискредитации «общего смысла», в утверждении истины ремесла перед лицом наивности «любителей», она выявляет скрытые смыслы архивных материалов, недоступные для «юридической» постановки вопроса.

Историк и журналист Тьерри Вольтон в своей книге, посвященной событиям Второй мировой войны во Франции, описал деятеля Сопротивления Пьера Ко как советского агента²⁶⁸. Потомки Ко не захотели начинать процесс по обвинению в клевете, собрав вместо этого комиссию историков, чтобы провести профессиональное расследование. Состав комиссии Ко определялся темами диссертаций по истории французского радикализма, Народного фронта, непосредственно по Пьеру Ко, по СССР и недавно открытым российским источникам, относящимся к делу.

Желание привести практику судебной исторической экспертизы к нормальным условиям ремесла историка наблюдаема и в случае с Пьером Ко. Комиссия историков, изложив близко к учебнику Сеньбоса правила исторического метода, констатировали его отсутствие у

²⁶⁶ Отрицание реальности геноцида евреев в годы Второй мировой войны, являющееся преступлением во Франции по закону 1990 г.

²⁶⁷ *Rémond R. (dir.) Paul Touvier et l'Église...* P. 27.

²⁶⁸ *Wolton T. Le Grand Recrutement.* P., 1993.

Тьерри Вольтона. Из четырех основополагающих принципов он нарушил два: не принял во внимание общий контекст и не провел сопоставления своих материалов с другими источниками²⁶⁹. «Настоящая» историческая экспертиза требует, чтобы историк одновременно располагался в пространстве научных дискуссий, но в то же самое время – в самом месте совершения преступления, из другой эпохи и с другими целями.

«Современный парадокс устанавливается. Историк осваивает новую социальную роль, легитимность которой основывается на склонности оставаться верным принципам действия ученого. Остаться собой, чтобы выполнить новую роль», – резюмирует О. Дюмулен²⁷⁰.

Постепенно утверждение нового статуса историка-эксперта приводит к появлению общественных дискуссий, в центре которых находятся не столько сами драмы Виши, сколько проблема привлечения историков в качестве арбитров судейства. Апеллируя к признанному девизу профессии «понимать, а не судить», «социальные» историки Жерар Нуарьель и Роже Шартье обвиняют завсегдаев судебных экспертов в том, что они путают «ремесло историка с ремеслом полицейского или прокурора»²⁷¹. Тем самым авторы явно присоединяются к позиции «первых Анналов», выраженной в «Апологии истории» Марка Блока: профессиональная этика диктует историку непреложное правило избегать «мании приговора», «понимать, а не судить», объяснять причины исторических процессов, а не искать правых или виноватых.

В 1997 г. в печати развернулась новая дискуссия вокруг знаменитых героев Сопротивления – супругов Обрак. Общая проблематика виновности в недавнем прошлом создавала странную и новую тональность, «которая смешивала псевдоправосудие, мнение и аргументы науки», как выразился О. Дюмулен²⁷². Катализатором дискуссий по поводу супругов Обрак стала книга Жерара Шови «Обрак, Лион 1943»²⁷³, к которой было добавлено приложение, представленное как «завещание Клауса Барбье» и цитируемое по меньшей мере 44 раза. Согласно бывшему шефу гестапо, именно Обрак сообщили немцам о встрече 21 июня 1943 г., на которой был арестован легендарный Жан Мулен, представитель генерала де Голля в оккупированной Франции.

²⁶⁹ *Berstein S., Frank R., Jansen S., Werth N.* Rapport de la commission d'historiens constituée pour examiner la nature des relations de Pierre Cot avec les autorités soviétiques. P., 1995. P. 68.

²⁷⁰ *Dumoulin O.* Le rôle social de l'historien... P. 33–34.

²⁷¹ *Noiriel G., Chartier R.* Pour refonder l'histoire comme discipline critique // *Le Monde*. 1998. 13 mars. P. VI–VII.

²⁷² *Dumoulin O.* Le rôle social de l'historien... P. 33.

²⁷³ *Chauvy G.* Aubrac, Lyon 1943. P., 1997.

Обвинение деятелей Сопrotивления послужило причиной судебного процесса и последующего осуждения в 1998 г. автора и его издателя за «публичную клевету». На процессе Шови представился как «журналист и историк», но судьи, прочитав внимательно книгу, пришли к выводу, что «потеряв из виду социальную ответственность историка, и в отсутствие основных правил исторического метода», он не может рассматриваться как добросовестный исследователь. Трибунал определил, что его публикация отводит чрезмерно много места «памяти Барбье», отличается недостаточностью документации, отсутствием иерархизации и внутренней критики источников, неосторожностью в выражениях, неполнотой используемых документов, игнорированием свидетельств²⁷⁴.

Сообщество историков в целом, и «круглый стол» по супругам Обрак, в частности, согласились с тем, что журналистское расследование Шови далеко от идеала научной работы и не может быть признано «исторически правдивым». Однако сам факт такого судебного вердикта позволяет задать много вопросов.

Показательны в этом отношении рассуждения Жана-Пьера Азема. Достаточна ли компетенция судей, чтобы судить о соблюдении или несоблюдении правил исторического метода? Чем понятие «социальной ответственности» отделяет историка от всех остальных граждан? Надо ли это понимать так, что у него есть долг самоцензуры, обязывающий уважать гражданский мир, соглашаясь с нуждами той или другой доминирующей памяти?

Азема выступает против того, чтобы упоминали о каких-то специфических обязательствах, положенных по отношению к той или другой категории граждан, которых «нельзя лишать их судьбы», даже для причин «научной полезности», – в данном случае, исторической. И что означает, в позитивном праве, понятие «судьбы» и «экспроприации судьбы»?

Комментируя фразу обвинительного заключения: «...судья не должен, во имя какого-либо высшего императива исторической истины, отказываться от защиты права на честь и уважение», автор выразил удивление, что «...“истина” интересует судью меньше, чем честь. Особенно, в отношении людей... в бурю войны... Это открывает дверь политически корректному дискурсу, ратующему за специфичность той или иной причины, той или иной категории людей. Я видел, как некогда практиковалась самоцензура, чтобы оценивать своеобразие рабочего класса, затем – Шоаха²⁷⁵, а теперь уже и деятелей Сопrotивления? ...Я шокирую, возможно, некоторых читателей, но, на мой взгляд, деятели Сопrotивления не должны обладать никаким особым статусом,

²⁷⁴ Hartog F. L'Historien et la conjoncture historiographique... P. 6–7.

²⁷⁵ Синоним Холокоста. – Н. Т.

когда пишется их история, тем более, ведется спор об этой истории. Не должно быть «святости» (кроме, очевидно, частной жизни в прямом смысле) для историка...»²⁷⁶

В то же время, совсем другой оборот приняла история с публикацией во Франции книги Карела Бартошека «Признания архивов»²⁷⁷, также вызвавшей публичную дискуссию в конце 1996 г. Работая над материалами чешских архивов, автор пришел к выводу о принадлежности Раймона Обрака к КПФ, о зависимости КПФ от компартии Чехии, о сфабрикованном характере знаменитой книги «Признание» Артура Лондона²⁷⁸. Бартошек, опираясь на переписку Лондона, описывает его как инструмент советского режима, участника агентуры Коминтерна. Против этой негативной интерпретации восстала семья Лондонов, а также известный французский историк и ветеран Пьер Дэкс.

На сторону автора встали 25 видных французских историков, включая Бедарида, Азема, Руссо, Сириелли, Верта, Винока и других, воспринявших данную коллизию не как простое пересечение политического мнения и научного убеждения, но как по-настоящему «семейное дело». В газете «Монд» от 24–25 ноября 1996 г. этот коллектив авторов настаивал на соответствии проведенного Бартошеком исследования принципам профессии, удостоверяя своими подписями, что оно является «важным вкладом в историческое знание». В этом случае, с иронией отметил О. Дюмулен, вместо икон святых героев Сопrotивления выносят иконы профессии, вместо Мулена и Обрака цитируют Вебера и Блока²⁷⁹.

Ряд историков защищают светлый образ героев Сопrotивления. Денис Пешански предостерегает против империализма архивов, поскольку они – лишь шахта голой информации, которая нуждается в системе интерпретации, системе контекста. Оппоненты настаивают, что отрицание фактов попахивает негационизмом. История имеет призвание демистифицировать, «расколдовывать» мир, выявлять спрятанное, клеймить обман, – это необходимый взнос историков в гражданскую дискуссию.

Таким образом, единодушия по, казалось бы, сходным сюжетам, где неразделимо сплетены политическое мнение, репутация и историческое исследование, у историков нет. Оценивая новые интерпретации исто-

²⁷⁶ L'histoire au tribunal. Jean-Pierre Azéma, Georges Kiejman: un échange // Le Débat. 1998. № 102. P. 45–51.

²⁷⁷ Bartosek K. Aveux des archives. Prague; P., 1948–1968. P., 1996.

²⁷⁸ Деятель компартии Чехословакии Артур Лондон стал жертвой политических репрессий 1950-х гг., а в 1970 г. опубликовал на Западе книгу «Признание», где рассказал о политической подоплеке этих процессов и сфабрикованном характере судебных преследований.

²⁷⁹ Dumoulin O. Le rôle social de l'historien... P. 42.

рии легенд Сопrotивления, научное сообщество размежевалось. Одни рассуждали о том, что историк не должен смешивать функции исследователя и обвинителя, и что в пылу дискуссии ученые утрачивают профессиональные ориентиры. Другие историки, напротив, настаивали, что подобные дебаты вполне соответствуют практике научного диалога. Руссо, непосредственно участвовавший в споре, отверг обвинение в измене, выдвинутое против героев Сопrotивления, как беспочвенное, но отметил в поведении супругов Обрак момент моральной спекуляции опытом прошлого. Невозможно создавать научную историю Сопrotивления, желая одновременно законсервировать его нравоучительную ценность и сохранить его как образец героической памяти, так же, как вообще нельзя писать историю «с целью отстоять ту или иную ценность, написание истории само есть ценность в себе»²⁸⁰.

В 1998 г. процесс Мориса Папона, бывшего секретаря региональной префектуры при Виши, обвиненного в соучастии в преступлениях против человечности, выявил несомненные противоречия между историками, которых просили о свидетельстве на слушаниях. Анри Руссо, уже неоднократно бывавший участником подобных мероприятий, на этот раз неожиданно отказался свидетельствовать по делу Папона, отмечая установившееся в последний период смешение между некогда автономными регистрами юриспруденции, национальной памяти и истории. Оставаясь историком, он не желает подчинять свою деятельность профессионально чуждым логикам правосудия или памяти²⁸¹.

Подъем борьбы отдельных групп за сакрализацию своей памяти, выразившийся в продвижении определенных законов, регламентирующих исторические интерпретации²⁸², наконец, встретила консолидированный отпор со стороны историков в 2005–2006 гг. Ассоциация «Свобода для истории», представленная именитыми учеными, заставила убрать из нового проекта закона от 23 февраля 2005 г., касающегося преподавания истории, фрагмент 4 статьи. В нем предписывалась необходимость преподавать исторически позитивную роль французского колониального присутствия. Требование политической корректности и вмешательство государства в исторические прочтения представляется опасной перспективой Пьеру Нора, одному из вдохновителей этой борьбы.

«Тенденция щедро прилагать понятие преступления против человечности к событиям прошлого... опасно и вызывает беспокойство в глазах историка», – говорил он в интервью «Ле Монд». – Она содержит два

²⁸⁰ *Rousso H. La hantise du passé... P. 137.*

²⁸¹ *Ibid.*

²⁸² Вслед за законом Гэйссо 1990 г., обеспечившим статус правонарушения отрицанию преступлений против человечества, последовали законы о геноциде армян и еврейской работоторговле в Африке, также возведенных в ранг подобных преступлений.

аспекта, которые принципиально чужды историку: моральное осуждение, которое предполагает гуманность, идентичную ему собственной и исходящую из тех же критериев суждения, что и сегодня; и принцип неотъемлемости, который предполагает время, идентичное ему самому, тогда как история есть, прежде всего, изучение различия времен»²⁸³.

Не считая, что у историков есть монополия на распоряжение историей, Нора выступает за их право свободно формировать темы, цели и выводы своих исследований, и одновременно утверждает гражданский долг противостоять современному дрейфу памяти, анализируя исторические феномены.

По мнению редакции журнала «Ле Деба», выпустившего специальный номер «Юридическая истина, историческая истина, процесс Папона» «окончательно выкристаллизовал обеспокоенность историков»²⁸⁴. Разность декларируемых позиций заставляет определиться со следующим кругом вопросов: «...участие историка, действительно ли оно может прояснить решение судьбы? Без сомнения, тот и другой заняты установлением истины фактов. Но достигают ли они этого одним способом? За гранью поверхностной аналогии, насколько их занятия совпадают? В какой мере различаются? Гражданственно, социально, как их соответствующие роли разделяются?»²⁸⁵

Помещая проблему в интеллектуальный контекст, Франсуа Артог напоминает, что связь истории с правосудием отнюдь не является новой, ее можно наблюдать со времен Древней Греции. Разорвав «контракт с нацией», историки поведали обществу о Средних Веках, Новом Времени и даже античности. Последней открылась Новейшая история, сразу же превратившись в арену ожесточенных противоборств.

Сейчас бывает даже трудно определить, а кто такой историк? На процессе Шови судьи занимались историей, определив обвиняемого как плохого историка. Закон 1990 г., объявив негационизм правонарушением, равно как и позднее принятый закон о геноциде армян, обязал судей заниматься историей профессионально²⁸⁶.

Историки осуществляют почти симметричный дрейф к правосудию. Карло Гинзбург в книге «Судья и историк» ввел образ следователя. В обоих ремеслах есть совпадения и расхождения: их сближает общее использование доказательств, их разделяет способ работать с контекстом. Для историка контекст, «расцененный как место исторически определенных возможностей, служит, чтобы дополнить то, чего

²⁸³ Nora P. La France est malade de sa mémoire // Le Monde 2. 2006. 18 février. P. 24–27.

²⁸⁴ Vérité judiciaire, vérité historique // Le Débat. 1998. № 102.

²⁸⁵ Ibid. P. 3.

²⁸⁶ Hartog F. L'Historien et la conjoncture historiographique...

не могут нам сказать о жизни человека документы. Но речь идет о возможностях, а не о необходимых следствиях, о конъюнктурах, а не о доказанных фактах»²⁸⁷. Однако историк формирует контекст в условном наклонении, судья же – в повелительном. Они преследуют разные цели.

Ф. Артог поднял также вопрос словоупотреблений «экспертиза» и «свидетельство». Является ли историк «экспертом» в юридическом смысле или же он приходит свидетельствовать? Экспертиза есть проверка неких технических вопросов, и нельзя путать ее со свидетельством. Свидетельство – это «чистосердечное» рассуждение о фактах, которые ставятся в вину обвиняемым, об их личности и морали. Но если свидетель, это «тот, кто видел», то историк, очевидно, не видел ничего. Историк начинает быть историком, только пытаясь оторваться от свидетеля, со всеми эпистемологическими проблемами, которые ставит эта операция. Таким образом, суд требует, чтобы историк стал тем, кем он профессионально не является: свидетелем (или все-таки экспертом?).

Отсюда другая двойственность: суд требует от историка-свидетеля рассказа о том, что случилось в 1941 или 1942 гг., когда даже писать историю этого периода (или любого другого) означает ставить вопросы, которыми современники не задавались или не могли задаваться. Исторический рассказ всегда исходит от настоящего, чтобы снова вернуться к настоящему. К этому добавляется еще одна сложность: непрекаемость, с которой сделали из преступлений против человечности преступления всегда в настоящем, потому что время над ним не властно. Но для историка, о каком настоящем идет речь?

Я. Тома, историк и юрист по образованию, также предупреждает об опасностях анахронизма в подобных процессах: ведь чтобы судить то, что вписывается в другой исторический контекст и в другую жизненную ситуацию, надо быть уверенным, что обвиняемый знал «согласованный план» того, в чем он участвовал. Судья превращается в историка ментальностей²⁸⁸, со всеми вытекающими последствиями.

Резюмируя вышенаписанное, можно сказать, что все эти слова – историк, судья, эксперт и свидетель, – отсылают без ясности одни к другим, лишь умножая взаимное использование. Они формируют в совокупности очертания современной историографической ситуации, являющейся частью более широкой конъюнктуры. «Если историк встречает снова судью, – заметил Ф. Артог, – то это прежде всего потому, что судья в последние несколько лет явно выдвинулся на первое место. Судьи должны... «лечить» неприятности, частные и обще-

²⁸⁷ Ginzburg C. Le Juge et l'Historien. Considérations en marge du procès Sofri. P., 1997.

²⁸⁸ Thomas Y. La vérité, Le temps, le juge et l'historien // Le Débat. 1998. № 102. P. 17–36.

ственные, прошлые, настоящие и даже будущие. Они должны лечить и память. Итак, «долг памяти» устанавливается как свидетельство, даже если историки говорят сегодня более охотно о праве на память и долге истории»²⁸⁹.

На общий климат в историческом исследовании повлиял и ревизионизм в оценках Второй мировой войны, который был повержен, в первую очередь, убедительной критикой Пьера Видаля-Наке²⁹⁰, а также вызов «лингвистического поворота» и всепобеждающий презентизм текущей эпохи. Вместе все эти угрожающие крайности заставляют историков вновь задаться вопросом об основах своего ремесла и заново проходить вехи своей собственной истории, проверяя на прочность нормы профессиональной солидарности и корпоративной этики.

3.4.4. «Ремесло историка»: новые определения

Историк современной Франции, отвечающий на требования современности и заново решающий дилемму «дистанцирования и вовлеченности», пытается опереться на непреложные устои своего ремесла. Но каковы эти устои в рефлексивную историографическую эпоху и насколько органичной представляется ныне идентичность данной профессии, разделенной на многие ипостаси? «Историк, как и всякий социальный актер, поддерживает первостепенные отношения с легитимацией своей деятельности, с ее оправданием в социальном корпусе, – рассуждает О. Дюмулен в монографии «Социальная роль историка». – Мастер мысли, глашатай истины, демистификатор, советник принцев, воспитатель юношества, преподаватель, защитник родины... не важно, какие упомянуты функции, все они отсылают к единой полезности, и, невзирая на видимость, идее искусства ради искусства, единственного удовольствия исследовать, – что редко упоминается»²⁹¹.

Не найдя точки опоры в зыбких морализациях и (или) философских диспутах, ряд историков выявляют «социологические» закономерности историографических эволюций. Это движение является частью общего потока «сравнительной истории интеллектуалов», демонстрирующей завидный динамизм в 1990–2000-е гг.

«История интеллектуалов» заняла место на стыке традиционной французской «истории идей» и американской «интеллектуальной истории», при несомненном влиянии современной социологии науки²⁹². В этом направлении исследований выявляются способы, которыми интеллектуалы получают доступ к признанию своей профес-

²⁸⁹ Thomas Y. La vérité, Le temps, le juge et l'historien. P. 8–9.

²⁹⁰ Vidal-Naquet P. Les Assassins de la mémoire...

²⁹¹ Dumoulin O. Le rôle social de l'historien... P. 17.

²⁹² О влиянии современной социологии науки см. раздел 3.2.2.

сиональной элиты и общественную известность; изучается эволюция интеллектуальной жизни, от генезиса на заре Нового Времени до современных институциональных и медийных сетей; механизмы и условия производства и распространения идей²⁹³.

Классическая схема научных революций, предложенная Томасом Куном, позволяет понять процессы конкуренции и конфликта между различными производителями идей. Даже оспариваемая сегодня, эта теория через понятие «нормальной науки» предлагает алгоритм того, как новые идеи, исходящие от авангарда, распространяются во всем интеллектуальном сообществе, системах преподавания и коммуникации. История дисциплин слишком часто пишется с точки зрения «победивших» концепций, «пролистывая» как незначительные ситуации борьбы и случайных обстоятельств в науке. Однако реальная жизнь науки формируется из противостояния различных идейных течений.

История интеллектуалов пытается, со своей стороны, восстановить все конкурентные стороны идейных сражений определенной эпохи, чтобы понять их цели и ориентации, реконструировать культурные и социальные, иногда политические истоки антагонизмов между группами, которые борются за гегемонию, и тем самым вносят свой вклад в продвижение (или стагнацию) производства идей.

Так, Кристоф Шарль рассуждает об эволюции французской интеллектуальной жизни, в том числе и самой исторической науки, используя понятие «двойных» людей. По мере того, как институционализировались места образования и трансляции идей, конкуренция между интеллектуальными группами становилась все острее, приводя к появлению «двойных» интеллектуалов, которые одновременно становились не только исследователями, но и директорами изданий, носителями власти в университете. Средства распространения идей (журналы, газеты, институты преподавания) становились все более публичными, зарабатывали себе «символический капитал» и материальные средства, а количество соискателей или исследователей возрастало, благодаря чему власть «двойных» людей расширялась и диверсифицировалась.

Интеллектуалы стали все чаще считаться с общественными принуждениями, пополняя собой сети «двойных» людей. Конкуренция между идейными потоками и темами превратилась в конкуренцию между группами, более или менее хорошо вооруженными. Ставкой в этой борьбе был доступ к институтам, которые обеспечивали воспроизводство, известность и коммуникацию. «...Эти три цели контролировались различными типами двойных людей, носителями университетской власти, директорами журналов, вдохновителями научных сообществ, организаторами коллоквиумов, журналистами и научными популяризаторами,

²⁹³ *Charle C. Produire et duffuser les idées...*

директорами издательских домов»²⁹⁴. Чтобы добиться профессионального успеха, необходимо или вступать с «двойными» людьми в альянс, или, если идеи слишком оригинальны, создавать собственные сети и собственный «символический», а иногда и материальный капитал.

Это способ «школы Анналов» и социологической школы Дюркгейма, прошедших путь от провинциального начинания, через противостояние с «традиционалистами» и попытку создать новое место преподавания в Париже, до разветвленной сети зависимых институтов и широкого международного престижа.

С той эпохи процесс дифференциации и конкуренции между группами, дисциплинами, идейными течениями, местами распространения и преподавания увеличился, становясь все сложнее. Сроки достижения профессионального признания и публичной известности становились более долгими. Более того, приходящие из определенного интеллектуального поля инновации подчинялись феноменам унаследования, обмена между институтами, дисциплинарными или национальными пространствами. Например, влиятельная фигура Фернана Броделя получила широкую публичную известность только в конце 1970-х гг., хотя он был признанным в международном сообществе историком уже с начала 1960-х. Сегодня, впрочем, некоторые его положения опровергаются историками экономики, однако его идеи активно заимствуются экономистами²⁹⁵.

Начало исследованиям в жанре истории интеллектуалов в отношении самих историков положила статья Даниэля Роша «Историки сегодня. Замечания для обсуждения»²⁹⁶, открывающая еще в 1986 г. дискуссию о социальном измерении профессии.

В противоположность доминирующему мнению о хорошем тоне дисциплины, Рош констатировал наличие явной диспропорции между меньшинством ученых-преподавателей вузов и большинством преподавателей средней школы, и отметил блокирование внутренней мобильности между двумя средами. Малое предложение престижных постов и большой спрос на них стали результатом образовательной и кадровой политики 1960-х гг., направленной на увеличение количества историков. Отсутствие карьерного роста, медленность естественного обновления кадров, в контексте очень быстрого возрастания штата студентов, также были усугублены посредственностью материальных условий и тяжестью административных усилий, взятых на себя университетами. В качестве несомненного профессионального сдвига Рош отметил и возрастающую роль легитимации через СМИ,

²⁹⁴ *Charle C.* Produire et duffuser les idées. P. 29.

²⁹⁵ *Ibid.* P. 30.

²⁹⁶ *Roche D.* Les Historiens aujourd'hui. Remarques pour un débat // Vingtième siècle. 1986. № 4. P. 3–20.

механизмы продвижения в которых, равно как и принуждения издательской среды, искажают как цели, так и результаты исследований. Размышления автора вызвали тогда активную реакцию среди историков, заострив внимание на тех моментах, которые стали активно обсуждать в 1990-х гг.: проблеме кадровой политики, кризисе функции университета и связи историка с «социальным требованием». Целая плеяда работ продолжила развивать аспекты, обозначенные статьей Роша²⁹⁷.

Ключевым исследованием пространства профессиональной солидарности является книга Жерара Нуарьеля «О кризисе истории», которая уделила центральное место социологии сообщества историков, факторам смены поколений, ставкам власти, анализируя тройной аспект деятельности дисциплины – (*savoir, mémoire, pouvoir*) – знания, памяти и власти. Автор выявил кризис преемственности, спровоцированный ослаблением, по естественным причинам, поколения историков, воспользовавшегося послевоенной экспансией, и приходом новой генерации, у которой мало коллективных инициатив, усматривая в этом одно из объяснений современного «кризиса» истории. Нуарьель провел беглую ретроспекцию истории исторической науки конца XIX–XX вв. и выделил ее основные полемические узлы с тем, чтобы найти возможность выхода из текущего кризиса. Он пришел к выводу, что в эпоху распада единого тематического поля дисциплины и пришедших с разных горизонтов угроз существования профессии необходимо вернуться к истокам, базовым основам, и, считая «матрицей» ремесла «Апологию истории» Марка Блока²⁹⁸, определить «прагматическую перспективу», проясняющую «повседневные профессиональные практики».

Эта перспектива складывается из нескольких императивов.

Во-первых, пора перенести дискуссии с рассуждений об эпистемологических основаниях знания на другие аспекты исследования.

Во-вторых, развивая междисциплинарность, необходимо доказывать на языке своей науки полезность произведенных заимствований.

В-третьих, создавать коллективные проекты, привлекая различных специалистов.

В-четвертых, создавая новые общности и провозглашая манифесты, четко проговаривать всю последовательность необходимых действий – не только «что делать?», но и «как делать?»²⁹⁹.

²⁹⁷ *Charle C.* Être historien en France: une nouvelle profession? // *Bédarida F.* (dir.) *L'histoire et le métier d'historien en France...* P. 21–44; *Boutier J., Julia D.* Ouverture : À quoi pensent les historiens? // *Boutier J., Julia D.* (dir.) *Passés recomposés. Champs et chantiers de l'histoire.* P., 1995. № 150–151. P. 13–53.

²⁹⁸ *Noiriel G.* Le statut de l'histoire dans *Apologie pour l'histoire...*

²⁹⁹ *Noiriel G.* Sur la crise de l'histoire... P. 191–203.

Антуан Про в книге «Двенадцать уроков по истории»³⁰⁰ составил картографию разделения профессии между «тремя полюсами неравного влияния, изображенными как «треугольник латинского квартала»: 1. университетский полюс, самый могущественный; 2. Высшая школа исследований по социальным наукам (EHESS), усиленная Национальным центром научных исследований (CNRS) и ассоциируемая с «Анналами»; 3. Крупные столичные институты, как Французская школа Рима, но особенно – Институт политических исследований Парижа, являющийся частью Фонда политических исследований. Эти полюса (которые не являются, конечно, герметически закрытыми) располагают каждый своими издательскими средствами, своими сетями влияния и своей клиентелой.

Автор также отметил, что управление производством исторической науки все чаще осуществляется вне автономных логик исследования, диктуемое все более настойчивым социальным требованием, что объясняет то возрастающее место, которое занимают историки в медиабизнесе, начиная с 1970 гг.

Понятие «социального требования», то есть совокупности объективных принуждений, создаваемых для истории современным обществом, остается размытым и используется в различных аналитических контекстах, включая и пространство памяти, и издательский рынок, развивающий одновременно проекты истории «ученой» и «популярной», который вознес до ранга бестселлеров некоторые исторические сочинения.

Однако после «15 славных лет» (1975–1990) активных продаж медийный успех исторического производства заметно уменьшился, научно-исследовательские работы (в частности, диссертации) с трудом находят издателя, и лишь книги популяризации и учебные пособия выходят без особых затруднений.

Двухсотлетие Великой французской революции, точнее, сама практика этого юбилея, руководимого Франсуа Фюре, позволило его критикам поставить вопрос о специфике и идентичности ремесла историка. Упомянувшийся американский историк Стивен Каплан в своем бескомпромиссном исследовании³⁰¹ сравнил данное мероприятие со «спором историков» в Германии. Эти два события объединяет центральное место, отводимое историкам, широкие общественные дискуссии, интерес к памяти, употребление упрощающих формул для общения с широкой публикой, неприемлемых по канонам университета. Потеря грани между деятельностью по ознаменованию исторических дат и наукой является, согласно Каплану, проблемой, в которой запутались историки. В этом отношении противостояние между трактовками революции, выполнен-

³⁰⁰ Prost A. Douze leçons sur l'histoire... P. 44.

³⁰¹ Kaplan S. J. Adieu 89...

ными Франсуа Фюре и Мишелем Вовелем (представляющим «якобинскую» марксистскую историографию), не сводима к обычной полемике между историографическими школами, она показывает, согласно Каплану: разделение между историей и политическим суждением уничтожено.

Об двойственной реакции историков на вызовы, исходящие от современного общества и государства, и о новых опасных цепях социальной зависимости писали многие. Одним из самых опасных социальных «заболеваний», по мнению большинства историков, опирающихся на наследие «Анналов», является риск заражения научного суждения суждением прессы.

Об особом призвании интеллектуалов во Франции, и особенно, – историков, показательно рассуждает в книге «Проклятые сыны республики» Жерар Нуарьель. Со времени дела Дрейфуса наряду с интеллектуалами, вовлеченными в правительственные сети, формировалась категория «специфического» интеллектуала, который видит свою цель в защите прогрессистских устремлений Республики, в том, чтобы «говорить правду власти во имя угнетенных»³⁰², используя свой профессиональный ресурс.

После Второй мировой войны центрами притяжения «правительственных интеллектуалов» и интеллектуалов «специфических» стали Национальное учреждение политических наук, ассоциируемое с Пьером Ренувеном, для первых, и Шестая секция Высшей практической школы, ставшая результатом институционализации «Анналов», для вторых, соответственно. Если «Science-Po» видела свою цель в обеспечении элит инструментами управления, то институты «Анналов» стремились более глубоко понять общество, чтобы «помочь людям лучше жить», по выражению Марка Блока. Идеал, который вдохновлял исследователей Шестой секции – выделять законы и производить модели, которые позволят объяснить функционирование общества. Упоение структурализмом и проблематикой «долгого времени» органично вписывается в эту перспективу, очень критичную по отношению к «событийной» истории, практикуемой в «Science-Po». Современные «сети власти» историков сохраняют определенную, хотя и не всегда прямую, преемственность по отношению к ранее сформированным.

С утверждения III Республики, привлекая историков для обоснования своей легитимности, ремесло историка во Франции имеет высочайший общественный престиж, позволяя оказывать значительное влияние и на сферу принятия ответственных решений, и на мнение общества.

К тому же высокий уровень парижской централизации университетских, политических и медийных властей позволяет тем, кто находится

³⁰² *Noiriel G. Les fils maudits de la République... P. 50.*

внутри сетей власти, иметь решающий вес. Одной из самых влиятельных сетей французской интеллектуальной жизни последних десятилетий становится, с точки зрения автора, сеть, окружающая Франсуа Фюре.

Успех журнала «Le Débat», принадлежащего «сети Фюре», Нуарьель связывает с социальными сдвигами 1960-х гг., породившими жанр интеллектуального журнализма, с помощью которого происходит своего рода «собрание элит», где ведущую роль играют историки, правда, отнюдь не любые. Сеть Фюре продвигает идею политического дискурса историков, как будто их профессиональная специализация дает им особую политическую просвещенность и право активно вмешиваться в публичные дебаты.

Автором политического дискурса историков был Шарль Сеньобос, ратовавший за республиканский идеал и проповедовавший умеренность, опираясь на примеры из истории Франции. В 1970-х гг. историки возродили этот дискурс «уроков прошлого», избрав в качестве мишени тоталитаризм. Оригинальный большой историк Фюре, как и Сеньобос, ушел из сферы специальных исследований, поскольку язык политики основан на общих местах, которые «...всякий может понять и которые в принципе интересуют всех граждан». Они оба отказались от скромного кредо интеллектуала-специалиста, чтобы культивировать другой регистр: новостной комментарий в свете истории³⁰³.

Правительственные интеллектуалы представляют свои политические идеи как объективные константы, извлеченные из «уроков прошлого», продолжая убеждать читателей, что они по-прежнему являются историками, когда пишут для прессы, выдавая свои ценностно-нормативные суждения за работу в режиме «контракта истины», присущего историку. В 1970-х гг. журнализм и история сближаются окончательно.

«Правительственные» интеллектуалы, утверждает Нуарьель, пытаются оправдать свой выбор в пользу журналистики, прикрываясь «эпистемологией». Так, «Шарль Сеньобос... в юности боролся за «исторический метод», основанный на работе в архивах, а в своих записках периода зрелости... свел историю к ее единственному педагогическому измерению, разом скрыв ее научные цели». После войны ту же эволюцию пережил Франсуа Фюре, для которого «осмыслить Французскую революцию» значит рефлексировать о смысле, который это событие может иметь для французских граждан сегодня, осваивать любую область исторического исследования в единственном плане памяти, реабилитируя политическое суждение против научного понимания. «Когда рассматриваешь вблизи написанное Фюре, начиная с его истоков, констатируешь, что речь там идет о единственной устойчивой вехе его пути. Он проходит от коммунизма к либерализму, от истории-науки к истории-рассказу, но он никог-

³⁰³ *Noiriel G. Les fils maudits de la République...* P. 132.

да не отказывается от хода, который состоит в том, чтобы судить поведение и дискурсы других вместо того, чтобы их объяснять»³⁰⁴.

По Нуарьелю, интеллектуалы правительства часто апеллируют к Истории или Разуму, но на самом деле, не верят, что исследования могут иметь пользу для сегодняшних проблем. Они внушают публике, что науки не служат ничему, и что мы вступаем в новый, невыразимый и необъяснимый мир. Им выгодна тема декаданса...

Разделяя озабоченность историков Франции стиранием граней между историей-наукой и журнализмом, следует отметить полемическое заострение и преувеличение сущностных черт «правительственных интеллектуалов». Идеи Франсуа Фюре не разделялись многими представителями его «сети», оставляющей пространство личного выбора для своих участников, а авторы «Ле Деба» увлеченные методологическим поиском, смогли задать острые и «неудобные» вопросы, тревожащие историческую дисциплину в последние десятилетия.

«Охранительная» тенденция, призывающая к консолидации на традиционных для профессии основаниях и продвигаемая авторитетными историками, имеет множество сторонников, сводя существо большинства современных дискуссий к вопросу истины. Профессиональный консенсус формируется ввиду необходимости защищать автономию истории и заново утверждать свою концепцию истины перед фальсификациями негационизма, лавинами памяти, социальными и политическими манипуляциями прошлым.

³⁰⁴ Ibid. P. 136.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историческая школа «Анналов» остается наиболее влиятельной интеллектуальной традицией, сформированной в исторической науке XX в. Методологические суждения, составившие, как любят поправлять сами французские историки, не «школу», но «дух Анналов», по сей день формируют основы современного исторического образования, а беспрецедентный опыт этого идейного русла является точкой отчета для рефлексии исторического сообщества о себе самом. Даже самые решительные повороты историографической конъюнктуры, переживаемые в конце века, не в состоянии изменить этого положения: «Анналы» остаются сложным научным феноменом, чья изначальная теоретическая недосказанность и последующая практическая многовекторность, нашедшая воплощение в последовательно расширяющихся медийных и институциональных сетях, только увеличивает притягательность движения как объекта исследования, который сопротивляется любым упрощениям и одномерным схемам анализа.

В книге представлена попытка рассмотреть опыт движения «Анналов» в его социальной и интеллектуальной глубине, укорененным в конкретно-исторических обстоятельствах, реагирующим на настроения своего времени, и одновременно – в рамках долговременной эволюции французского сообщества, исторической науки и гуманитарного знания в целом.

Вопреки исходящей от движения версии своей легитимации (всегда представляющей идеализированный вариант восхождения того или иного коллективного актора к вершинам социальной (профессиональной) иерархии), можно говорить не только о радикальном обновлении «Анналами» начинаний предшествующей генерации историков, но и о несомненной преемственности. Именно поколение историков «методической школы», ассоциируемых с позитивизмом, создали механизмы функционирования «нормальной» науки, благодаря которым базовые практики исторического исследования почти не претерпели изменений в дальнейшем. Ими была создана сеть профессиональных периодических изданий – и, в первую очередь, основной рупор профессии – «Исторический журнал», опыт которых был учтен и развит в начинании Л. Февра и М. Блока. «Анналы экономической и социальной истории» не стали первооткрывателями в данной области, их инновация состояла, прежде все-

го, в продвижении новых тематических ракурсов, часто неожиданных и не всегда имеющих продолжение. Другим новшеством была тщательная правка статей, иногда требующая от авторов, ведомых интуицией взыскательных редакторов, очень существенной корректировки текстов, вплоть до полной переориентации тем и смены заголовков.

Специфической, характерной только для Франции особенностью стало самое активное участие «методической школы» в формировании идеологии и государственных учреждений Третьей Республики, благодаря чему их профессия приобрела высокий социальный престиж, а сами историки – возможность влиять на реформы и участвовать в управлении государством, занимая высокопоставленные административные должности. Во многом благодаря этому обстоятельству послевоенные «Анналы» сформировали собственные институты исследования и преподавания, отстаивающие идеал коллективных междисциплинарных проектов: аналогичные предложения, исходившие от смежных социальных наук – социологии и антропологии – не встречали достаточной поддержки у власти.

Высокая планка профессионализма и авторитет историков в обществе, установленные учителями Февра и Блока, привели и к утверждению особого типа стратегий конкуренции, не поощряемого большинством академических сообществ: во Франции ученики должны оспаривать наследие мэтров, оригинально (часто методом от противного) формировать цели исследования, заново выигрывать «битвы памяти». Критические отзывы Люсьена Февра о его учителе Шарле Сеньобосе объясняются той же причиной: стараясь донести до сознания коллег новые идеи, связанные, прежде всего, с утверждением в научном сознании эпохи принципа релятивизма, он отнюдь не стремился опровергнуть главное достижение предшественников – сам исторический метод. Текстологические исследования последнего времени подтверждают этот вывод.

Еще до основания легендарного журнала Люсьен Февр и Марк Блок являлись авторитетными учеными в своей среде. Сложность получения должностей в столице объяснялась скорее объективными процессами стагнации в университетской системе послевоенного (1920-е гг.) времени, чем противостоянием носителей маргинальных для академической среды идей с консервативным истеблишментом.

Степень идейного родства «отцов-основателей» преувеличивалась в историографии «Анналов», зачастую сводя научные предпочтения Марка Блока к мерке воззрений Люсьена Февра. Блок более явно тяготел к применению в истории социологических схем, к исследованиям коллективной психологии в духе Дюркгейма и оспаривал методы французской гуманитарной географии, в то время как его старшего товарища, напротив, увлекали труды Видаля де ла Блаша, и в еще большей степени – психология индивида в истории.

Издание «Анналов экономической и социальной истории», не совершивших научной революции в понимании Томаса Куна, но ярко выразивших тенденцию обновления истории посредством ее превращения в свободную от предрассудков лабораторию социальных наук, было воплощено в жизнь ценой огромных личных усилий и энтузиазма Блока и Февра. В предвоенный период за ними не было сплоченной команды единомышленников, продвижение журнала было результатом работы этого дуэта, которая периодически омрачалась кризисами отношений между партнерами, но не останавливалась. Февр в «Анналах» отвечал за раздел критики и рецензий и мечтал о популяризации журнала в мире «деловых людей». Блока более интересовали новые направления исторических исследований, организация условий ремесла историка и его преподавание.

Современная Франция как будто заново открыла для себя Марка Блока. Его труды, гражданская позиция и человеческая судьба в целом стали предметом пристального внимания и даже, до определенной степени, общественного культа, в связи с актуализацией не только проблем нового самоопределения исторической дисциплины, но также тем режима Виши и морального выбора французских интеллектуалов в те страшные годы. Поведение Люсьена Февра, напротив, вызывает полемику. Таким образом, профессиональная проблематика, связанная с «первыми Анналами», получает дополнительное общественное звучание.

Манифесты, позволяющие рассуждать о выраженной идейной программе «первых Анналов», в журнале опубликованы не были. Тем не менее, в последующей постфактуальной реконструкции, осуществленной преемниками и первыми историографами движения, стали писать о «классической концепции» или даже «парадигме Анналов». На основании многочисленных рецензий, выполненных Люсьеном Февром, и лаконичных трудов Марка Блока в качестве основных параметров «классической концепции» выделяют замену «событийной» повествовательной истории историей проблематизирующей; приоритет социальной и экономической проблематики; междисциплинарный синтез.

Все эти критерии исследования так или иначе были соблюдены в работе последующих поколений, связанных с «Анналами», все поколения анналистов сохранили теоретические воззрения Февра и Блока в качестве важнейшего для формирования собственной профессиональной идентичности концептуального референта. Однако «удельный вес» каждого из параметров в исследованиях наследников был не одинаковым. Так, в исторических практиках «вторых Анналов» возобладала версия истории, основанная на союзе с экономикой, географией и социологией, а в версии Лабрусса и его многочисленных учеников – руководствующая творческими интерпретациями марксизма. «Вторые Анналы» утверждали проект «тотальной», или глобальной истории, сохранив веру

отцов-основателей движения в возможность целостного восприятия и описания прошлого. Однако фактически за рамками коллективных исследований «второго поколения» осталась проблематика «ментального инструментария», психологии и культуры людей прошлого.

«Третьи Анналы» утверждали свою самобытность, сместив интерес к темам ментальности и антропологии, проблемам материальной цивилизации, «серийной истории», вдохновленной работами Мишеля Фуко. Таким образом, сложился новый междисциплинарный альянс с антропологией и философией. В историографии, особенно марксистской, часто постулировался разрыв «третьего поколения» с наследием предыдущих «Анналов», как в тематических ориентациях, так и в отношении проекта «тотальной истории». Но была актуализирована другая линия интеллектуального наследия: историческая наука вернулась в пространство ментального универсума, позволяя современникам измерить глубину инаковости прошлого по отношению к настоящему, проникнуться его экзотической красотой.

Четвертые «Анналы» – по сути, первое поколение наследников, занятых серьезной рефлексией о своих истоках, совершают разрыв уже с программой третьего поколения, возрождая амбицию тотальной истории своим стремлением применять в исследованиях «игру масштабов» – соединение микро- и макро-подходов. Они возобновляют союз с социологией, в особенности – прагматического направления, которая производит конструирование социальной жизни, начиная с ориентаций и предпочтений индивидуального актора. «Четвертые Анналы» участвуют в дискуссиях о философии субъекта в истории, лингвистическом повороте и текстуальных формах исторического дискурса, стремясь отстоять свое право писать социальную историю «по-французски». Современные анналисты вносят свой вклад и в дальнейшие тематические эволюции дисциплины, участвуя в общем для исторической науки дрейфе к культурной и политической проблематике в самом широком смысле.

Таким образом, каждое из поколений «Анналов», предпочитая одни векторы исследований и отвергая другие, поддерживает преемственность с базовыми ориентациями своих предшественников. Тематические и междисциплинарные эволюции «Анналов» иллюстрирует целый ряд конкретно-исторических исследований, связанных с этой традицией, а также вся историография последующих обращений к ним и интерпретаций, от «Апологии истории» М. Блока до современных трудов М. Агюлона, А. Корбена, Р. Шартье и целого ряда других.

Специфика каждого периода истории «Анналов» неотделима от социокультурного контекста эпохи, который создает объективные условия для введения новых тем и методов, созвучных времени и действующему «научному поколению». Формирование традиции «Анналов» было от-

мечено опытом Первой мировой войны и атмосферой общего аполитизма интеллектуалов, утвердившегося в 1920-х гг., распространением общенаучных концепций относительности, последующим экономическим кризисом и подъемом политического экстремизма в Европе. Сложный опыт эпохи, отличающийся большой событийной наполненностью, не позволил «Анналам» сформировать непротиворечивое представление о сфере гражданского действия историка, замкнутого в неразрешимой дилемме социального «дистанцирования и вовлеченности».

Послевоенное время, ставшее во Франции началом «тридцати славных лет», вызвало экономический подъем, увлечение категориями рентабельности, рациональности и эффективности. Общий энтузиазм и вера в объективные экономические и социологические показатели воплотилась утверждением тем социально-экономической истории и исторической демографии. Именно в этот период на волне общего социального роста, с помощью французского государства и американских спонсоров, руководствующиеся действительно революционной стратегией Ш. Моразе и Ф. Бродель создали главные институты «Анналов» – Шестую секцию Высшей практической школы и Дом наук о человеке. Школа экономической истории Э. Лабрусса, столь долго и несправедливо незамечаемая в историографии «Анналов», обеспечила движение широким кругом последователей, составивших впоследствии славу «третьего поколения».

Историки «третьего поколения Анналов», получившие образование на рубеже 1940–1950-х гг., начали с восприятия политической идеологии самого непримиримого сталинизма, очень популярного во Франции того времени. Последующее разочарование в советском опыте вызвало у них ревизию воззрений: от полного аполитизма через умеренный левый центризм до воинствующего либерализма. В некоторых случаях идейная депрессия привела к игнорированию в исследованиях политического контекста, в других, – к избыточной политизации дискурса. Общая идейная фрагментация сообщества историков сделала амбицию «тотальной истории» практически неосуществимой. Другим объективным фактором, повлиявшими на ориентации «третьего поколения», стали май 1968 г., события которого заставили отслеживать в истории истоки текущих социальных трансформаций и повлияли на формирование «революционной», часто эпатирующей стилистики программных заявлений. Экономический кризис начала 1970-х гг. вызвал ностальгию по «старым временам». Наконец, распад колониального мира обеспечил общую антропологизацию гуманитарного дискурса.

Предпочтения «четвертого поколения» легко коррелируют с общим подъемом либеральных идеологий и политического конформизма 1980-х гг., возводящих индивид на пьедестал истории, а также с необходимостью отвечать на массивную критику в адрес движения «Анналов», выходящего из фазы своего триумфа. Во многом именно

защита идентичности «Анналов» и выборочное усвоение произведенной в их адрес критики делает абрис «четвертого поколения» зримым, поскольку опыт движения уже вошел в исследовательские практики и был усвоен историческим сообществом Франции до такой степени, что почти каждый историк мог бы назвать себя идейным наследником этой традиции.

Беспрецедентно широкая экспансия школы «Анналов» в течение всей ее истории стимулировалась междисциплинарными дискуссиями, каждая из которых имела свою подоплеку борьбы за социальную легитимацию дисциплин в интеллектуальном поле. Начиная со знаменитых дебатов Сеньобоса и Симиана, оспаривание господствующей позиции истории со стороны более молодых наук повторилось в дискуссиях Блока и учеников Дюркгейма, Броделя и Леви-Стросса, со временем трансформировавшись в дискуссию между сторонниками и противниками победившей социально-ориентированной истории. Стратегия конкуренции, применяемая французскими историками в междисциплинарных спорах сохраняет удивительную идейную простоту, преемственность и эффективность: история неизменно выступает объединительницей наук потому, что является кладезем всевозможных практик человеческого опыта. В действительности, эта стратегия неизменно подкрепляется неоспоримыми социальными позициями исторической дисциплины во французском обществе, которые были созданы еще в последних десятилетиях XIX в.

К настоящему времени «Анналы», вопреки распространенному мнению об угасании этой традиции, сохраняют многие качества настоящей (и единственной!) интеллектуальной империи гуманитарных наук: начав свою историю в 1929 г. с публикации профессионального журнала, издававшегося силами двух увлеченных общим делом людей, движение обрело институциональную мощь в 1950–1960-гг. Благодаря инициативе лидеров «вторых Анналов», которые посвятили свою деятельность в большей степени не журналу, но утверждению связанных с ним институтов исследования и преподавания, были основаны Шестая секция Высшей практической школы и Дом наук о человеке. Оба учреждения сохранили главную составляющую особого «духа Анналов» – открытость для междисциплинарных проектов, оригинальных и коллективных инициатив. Расширение сети учреждений вокруг «Анналов» продолжилось в 1970–1990-х гг.: современный Дом наук о человеке представлен двумя десятками филиалов, объединенных не юридической формулой или единой административно-финансовой схемой, а приверженностью принципам исследования, заявленным ранее.

«Третье поколение» сделало достоянием «Анналов» мир средств массовой информации. Анналисты формировали исторические коллекции целого ряда парижских издательств, создавали передачи на радио

и телевидении, вели газетные рубрики, связанные не только с историей, но и актуальными общественными проблемами. Институциональная сеть, усиленная мощью медиа, создала беспрецедентный масштаб влияния движения не только в национальном, но и в мировом масштабе.

Современные «Анналы» располагаются в центре методологической рефлексии и участвуют в крупных исследовательских проектах, иногда формируя их, иногда присоединяясь к уже существующим. Начиная с программы «критического поворота», заявленного в конце 1989 г., «Анналы» развивают проект «другой социальной истории», внимательной к актерам, но при этом ищущей способы соединения микро- и макро-уровней исследования. Проект «перекрестной истории», представленный в журнале, развивает идею «игры масштабов» и заявляет о намерении «скрещивать» не только те исторические феномены, которые различаются по уровню «оптики» исследования, но и те, что существуют синхронно в пространстве. Такой подход отличается от традиционной компаративистики повышенным вниманием к одновременному «пересечению» методологических техник, позволяющих избегать одномерных исследовательских решений.

«Анналы» причастны и к исследовательским проектам, объявляющим приоритет культурной проблематики в истории. «Социокультурная история» в духе Д. Роша и Р. Шартье занимается культурными практиками, взятыми во всей сложности их цикла реализации, от создания произведения через его усвоение в различных социальных средах до предпочтений публики, формирующих, в свою очередь, производство и распространение определенных продуктов культуры.

Наиболее широко представлены в современной французской историографии проекты, связанные с «возвращением политического». Анналисты принимают участие в исследованиях социальной, концептуальной и культурной историй политического, представляющих собой различные, подчас оппозиционные друг другу тенденции исследований.

Дискуссии, связанные с критикой теоретических утверждений традиции «Анналов» и «лингвистическим поворотом», привели в последнее десятилетие к формированию нового эпистемологического консенсуса в сообществе историков. Он базируется, прежде всего, на работах Поля Рикера и Мишеля де Серто, утверждавших амбивалентную природу истории, которая объединяет опыт науки и человеческой жизни, создает неустранимый конфликт, заставляя балансировать в вечном поиске равновесия и заново определять главенствующие смыслы в каждом исследовательском поколении. К тому же историческое производство (как и всякое другое) прямо зависимо, и чаще всего неосознанно, от своего института знания, что вынуждает историка постигать законы своей собственной профессиональной среды. Подобный саморефлективный поворот историографии вызвал подъем исследований

об истории «ремесла историка», целью которых является консолидация сообщества на базовых, неизменных основаниях профессии.

Эта задача является крайне актуальной в условиях, когда наблюдается стихийный подъем исторической памяти в обществе, когда сформировалось новое социальное требование, призывающее историков свидетельствовать за трибуной правосудия по преступлениям, не имеющим срока давности. Реакция исторического сообщества на новые вызовы времени является неоднозначной, но для многих важнейшим «местом памяти» в данной связи является «Апология истории», в которой Марк Блок противопоставляет историка судье и предупреждает о недопустимости смешивания двух различных типов суждения.

В сложном процессе трансформации между возросшим интересом общества к истории, поделенной на коллективные виды памяти, у каждой из которых своя правда и свои претензии к официальным версиям прошлого, и эпистемологическими дискуссиями вокруг «лингвистического поворота» образуется новое понимание идентичности ремесла историка. Важной вехой его обновления остаются концептуальная основа и опыт «движения Анналов».

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / Пред. Ж. Ле Гоффа. М.: Языки русской культуры, 1998.

Бурдые П. Практический смысл. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001.

Agulhon M. Pénitants et Francs-Maçons de l'ancienne Provence. Paris: Fayard, 1968.

Agulhon M. La République au village. Paris: Plon, 1970.

Agulhon M. Le Cercle dans la France bourgeoise, 1810-1848, étude d'une mutation de sociabilité. Paris: A. Colin, 1979.

Agulhon M. «Marianne au combat... (l'imagerie et la symbolique républicaines de 1789 à 1880). Paris: Flammarion, 1979.

Agulhon M. Les metamorphoses de Marianne. L'imagerie et la symbolique républicaine de 1914 à nos jours. Paris: Flammarion, 2001.

Althusser L. (dir.) Lire le Capital. Paris: Maspero, 1965.

Althusser L. Pour Marx. Paris: Maspero, 1965.

Amalvi C. (dir.) Les lieux de l'histoire. Paris: Armand Colin, 2005.

Anthropologie de la France // *Annales ESC*. 1976. № 4.

Ariès P. Histoire de la population française. Paris: Éd. du Seuil, 1971 (1re éd. 1948).

Ariès P. L'enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. Paris: Éd. du Seuil, 1973; рус. перевод: *Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.

Ariès P. L'Homme devant la mort. Paris: Éd. du Seuil, 1977; рус. перевод: *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992

Ariès P. Historien du dimanche. Paris: Éd. du Seuil, 1979.

Ariès P. Un historien du dimanche. Paris: Éd. du Seuil, 1979.

Aron R. Démocratie et totalitarisme. Paris: Gallimard, 1965; рус. перевод: *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993.

Aron R. Comment l'historien écrit l'épistémologie. À propos du livre de Paul Veyne // *Annales ESC*. 1971. № 6. P. 1319–1354.

Aron R. Introduction à la philosophie de l'histoire. Paris: Gallimard, 1986 (I éd. 1938); рус. перевод: *Арон Р.* Избранное: Введение в философию истории. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000.

Astma H., Burguière A. (dir.) Marc Bloch aujourd'hui: histoire comparée et sciences sociales. Paris: Ed. de l'EHESS, 1990.

Autour de l'ego-histoire // *Le Débat*. 1988. № 49.

Autour de la mort // *Annales ESC*. 1976. № 1.

Aymard M. The Annales and French historiography (1929–1972) // *Journal of European Economic History*. 1972. № 1. P. 491–511.

- Aymard M.* De la Méditerranée à l'Asie: une comparaison nécessaire (commentaire) // *Annales*: HSS. 2001. № 1. P. 43.
- Baehrel R.* Une croissance: la Basse-Provence rurale. Paris: SEVPEN, 1961.
- Bæque, de A.* Où est passé le «tournant critique»? // *Le Débat*. «Commemoration 98». 1999. № 104. P. 162–170.
- Barthes R.* Le bruissement de la langue. Paris: Seuil, 1993.
- Beauvois Y., Blondel C. (dir.)* Qu'est-ce qu'on ne sait pas en histoire? Villeneuve-d'Ascq: Presses universitaires du Septentrion, 1998.
- Bédarida F.* L'affaire Touvier et l'Église: spectroscopie d'un historien // *Le Débat*. 1992. № 70. P. 209–221.
- Bédarida F. (dir.)* Ecrire l'histoire du temps présent. Paris: CNRS Éditions, 1993.
- Bédarida F. (dir.)* L'histoire et le métier d'historien en France 1945–1995. Paris: Éd. de la MSH, 1995.
- Bédarida F.* L'historien régisseur du temps? Savoir et responsabilité // *Revue historique*. 1998. № 605 (1). P. 3–24.
- Benatouil T.* Critique et pragmatique en sociologie. Quelques principes de lecture // *Annales HSS*. 1999. № 2. P. 281–318.
- Berr H.* Les rapports de l'histoire et des sciences sociales d'après M. Seignobos // *Revue de Synthèse Historique*. 1902. № 4. P. 293–302.
- Berstein S., Frank R., Jansen S., Werth N.* Rapport de la commission d'historiens constituée pour examiner la nature des relations de Pierre Cot avec les autorités soviétiques. Paris: B&Cie, 1995.
- Besançon A.* Le malheur du siècle. Sur le communisme, le nazisme et l'unicité de la Shoah. Paris, Fayard, 1998.
- Bizière J.-M., Vayssière P.* Histoire et historiens. Antiquité, Moyen Age, France moderne et contemporaine. Paris: Hachette, 1995.
- Bloch M.* Écrits de guerre 1914–1918. Paris: Armand Colin, 1997.
- Bloch M.* La société féodale. Paris: A. Michel, 1994; рус. перевод: Блок М. Феодальное общество. М.: Изд-во Сабашниковых, 2003.
- Bloch M.* Réflexions d'un historien sur les fausses nouvelles de la guerre // *Revue de la Synthèse Historique*. 1921. T. XXXIII. P. 13–35.
- Bloch M., Febvre L.* Text d'ouverture // *Annales d'histoire économique et sociale*. 1929. № 1. P. 1.
- Bloch M.* L'Étrange défaite. Temoignage, écrit en 1940. Paris: Gallimard, 1990; рус. перевод: Блок М. Странное поражение. Свидетельство, написанное в 1940 году. М.: РОССПЭН, 1999.
- Bock H. M., Meyer-Kalkus R., Trebitsch M. (dir.)* Entre Locarno et Vichy: Les relations culturelles franco-allemandes dans les années 1930. Paris: CNRS Éd., 1993.
- Bois G.* Crise du féodalisme: économie rurale et démographie en Normandie du début du XIVe siècle au milieu du XVIe siècle. Paris: Presses de la Fondation des sciences politiques, 1976
- Bois P.* Paysans de l'Ouest, des structures économiques et sociales aux options politiques depuis l'époque révolutionnaire. Paris; La Haye: Mouton, 1970.
- Boltanski L., Thévenot L.* De la justification. Paris: Gallimard, 1987.
- Bonnaud R.* Histoire et historiens depuis 68. Le triomphe et les impasses. Paris: Kimé, 1997.
- Bonnaud R.* Et pourtant elle tourne! L'Histoire et ses revirements. Paris: Kimé, 1997.
- Bourdé G., Hervé M.* Les écoles historiques. Paris: Ed. du Seuil, 1983.
- Bourdieu P.* Sur le pouvoir symbolique // *Annales E.S.C.* 1977. № 3. P. 405–411.

Bourdieu P. Choses dites. Paris: Minuit, 1987.

Bourdieu P. Sur les rapports entre la sociologie et l'histoire en Allemagne et en France. Entretien avec Lutz Raphaël // Actes de la recherches en sciences sociales. 1995. № 106–107. P. 101–107.

Boutier J., Julia D. (dir.) Passées recomposées. Champs et chantiers de l'histoire. Paris: Autrement, serie «Mutations». 1995. № 150–151.

Bouvier J. Naissance d'une banque: le Crédit Lyonnais de 1863 à 1882. Paris: Flammarion, 1961.

Branchereau S., Gréard C., Grinberg M., Trabut Y. Annales: Histoire, Sciences Sociales. Table analytique 1994–1998. Paris: Ed. de l'EHESS, 1999.

Braudel F. La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. Paris: A. Colin, 1949; рус. перевод: *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Braudel F. Rapport du concours 1953 // Bulletin de l'Association des professeurs d'histoire-géographie. 1953. P. 226–284.

Braudel F. Histoire et sciences sociales: la longue durée // Annales ESC. 1958. № XIII. P. 725–753.

Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme. - Paris: Armand Colin, 1979. 3 tomes; рус. перевод: *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика, капитализм 15–18 вв.: В 3 т. М.: Прогресс, 1986–1992.

Braudel F. Ecrits sur l'histoire. Paris: Flammarion, 1969.

Braudel F. En guise de conclusion // Review. 1978. № 3–4. P. 243–283.

Braudel F. Les 80 ans du "pape" des historiens // L'Histoire. 1982. № 48. P. 71.

Braudel F. Une leçon d'histoire, Châteaunvallon. Paris: Arthaud-Flammarion, 1986.

Braudel F., Labrousse E. (dir.) L'Histoire économique et sociale de la France. Paris: PUF, 1976–1982.

Burguière A. Bretons de Plouzévet. Paris: Flammarion, 1975.

Burguière A. Histoire d'une histoire: la naissance des Annales. //Annales: ESC. 1979. № 6. P. 1347–1359.

Burguière A. The Fate of the History of Mentalities in the Annales // Comparative Studies in Society and History. 1982. № 24 (3). P. 424–437.

Burguière A. La notion de «mentalités» chez Marc Bloch et Lucien Febvre : deux conceptions, deux filiations // Revue historique. 1983. № 1. P. 333–348.

Burguière A. (dir.) Dictionnaire des sciences historiques. Paris: Presses Universitaires de France, 1986.

Burguière A. L'aventure des Annales: Histoire et ethnologie. //Hésiode. Cahiers d'ethnologie méditerranéenne. 1991. № 1. P. 59–72.

Burrin P. La France à l'heure allemande. Paris: Éd. du Seuil, 1995

Callon M. Eléments pour une sociologie de la tradition. La domestication des coquilles Saint-Jacques et des marins-pêcheurs dans la baie de Saint-Brieuc // L'Année sociologique. 1986. № 36. P. 169–208.

Callon M. La science et ses réseaux. Paris: La Découverte, 1988.

Carbonell C.-O. Histoire et historiens. Une mutation idéologique des historiens français, 1865–1885. Toulouse: Privat, 1976.

Livet Georges (dir.), Carbonell C.-O. Les Professeurs d'histoire de l'enseignement supérieur en France au début du XXe siècle // Au berceau des Annales, le milieu strasbourgeois, l'histoire de France au début du XXe siècle. Actes du colloque de Strasbourg, octobre 1979. Toulouse: Presses de l'IEP, 1983.

- Carmignani P. (dir.) Autour de F. Braudel.* Perpignan: Presses Universitaires de Perpignan, 2002.
- Castan Y.* Honnêteté et relations sociales en Languedoc. Paris: Plon, 1975.
- Castelli-Gattinara E.* Les inquiétudes de la raison. Épistémologie et histoire en France dans l'entre-deux-guerres. Paris: Vrin-EHESS, 1998.
- Certeau, de M. L.* L'écriture de l'histoire. Paris: Gallimard, 1975.
- Certeau, de M.* Histoire et psychoanalyse entre science et fiction. Paris: Gallimard, Folio-Essais, 1987.
- Chalandon S., Nivelles P.* Crimes contre l'humanité, Barbie, Touvier, Bousquet, Papon. Paris: Plon, 1999.
- Charle C. (dir.)* Histoire sociale, histoire globale ? Paris: Ed. de la MSH, 1993.
- Charle C.* La République des universitaires. Paris: Seuil, 1994.
- Charle C.* L'historien entre science et politique: Seignobos // Paris, fin de siècle. Culture et politique. Paris: Le Seuil, 1998. P. 125–152.
- Chartier R. et Revel J.* Lucien Febvre et les Sciences Sociales // Historiens et géographes. 1979. № 272. P.427–442.
- Chartier R.* Engagement et distanciation. Contributions à la sociologie de connaissance. Préface // Elias N. La Société de cour. Paris: Flammarion, 1985.
- Chartier R.* Text, Symbols, and Frenchness // Journal of Modern History. 1985. № 57. P. 682–695.
- Chartier R.* Dialogue à propos de l'histoire culturelle (avec Pierre Bourdieu et Robert Darnton) // Actes de la recherche en sciences sociales. 1985. № 59. P. 86–93.
- Chartier R.* L'histoire ou le récit véridique // Descamps C. (éd.) Philosophie et histoire. Paris: Éd. du Centre Georges Pompidou, 1987. P. 115–135.
- Chartier R.* Texts, Printings, Readings // Hunt L. (ed.) New Cultural History. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1989. P. 154–175.
- Chartier R.* L'histoire culturelle aujourd'hui // Genèses. Sciences Sociales et histoire. 1994. № 15. P. 115–129.
- Chartier R.* Culture écrite et société. L'ordre des livres (XIVe–XVIIIe siècle). Paris: Albin Michel, 1996.
- Chartier R.* Au bord de la falaise. L'histoire entre certitude et inquiétude. Paris: A. Michel, 1998.
- Chartier R.* Inscrire et effacer. Culture écrite et littérature (XI–XVIIIe siècle). Paris: Gallimard; Seuil, 2005.
- Chaumont J.-M.* La concurrence des victimes. Génocide, identité, reconnaissance. Paris: La Découverte, 1997.
- Chaunu P.* Un nouveau champ pour l'histoire sérielle: le quantitatif au troisième niveau // Mélanges en l'honneur de Fernand Braudel. Toulouse: Privat, 1973. T. II. P. 105–125.
- Chaunu P.* La mort à Paris. XVIe, XVIIe, XVIIIe siècle. Paris: Fayard, 1978.
- Chaunu P.* L'instant éclaté. Entretien avec François Dosse. Paris: Aubier, 1994.
- Chauvy G. Aubrac,* Lyon 1943. Paris: A. Michel, 1997
- Chevalier L.* Classes laborieuses, classes dangereuses à Paris pendant la première moitié de XIXe siècle. Paris: Hachette, 1978 (1re éd. 1958).
- Conjoncture économique, structures sociales. Hommage à Ernest Labrousse. Paris: Mouton, 1974.
- Corbin A.* Archaisme et modernité en Limousin au XIXe siècle, 1845–1880. Paris: M. Rivière. 1975.

Corbin A. Désir, subjectivité, l'impossible synthèse // *Espaces Temps*. «Le temps réfléchi». 1995. № 59/60/61. P. 40–46.

Corbin A. *Le Village des «Cannibales»*. Paris: Aubier, 1992; Rééd.; Flammarion, 1997.

Corbin A. *Le Monde retrouvé de Louis-Adrien Pinagot. Sur les traces d'un inconnu, 1798–1876*. Paris: Flammarion, 1998.

Corcuff P. *Les nouvelles sociologies*. Paris: Éd. Nathan, 1995; рус. перевод: Коркюф Ф. *Новые социологии*. СПб: Алтейя, 2002.

Courtois S. (dir.) *Le livre noir du communisme. Crimes, terreur, répression*. Paris, Robert Laffont, 1998; рус. перевод: *Черная книга коммунизма*. М.: Три века истории, 1999.

Coutau-Bégarie H. *Le phénomène «Nouvelle histoire». Stratégie et idéologie des nouveaux historiens*. Paris: Economica, 1983. Rééd.: Coutau-Bégarie H. *Le phénomène «Nouvelle Histoire»: Grandeur et décadence de l'école des Annales*. Paris: Economica, 1989.

Crivello M., Garcia P. *Concurrence des passés. Usages politiques du passé dans la France contemporaine*. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 2006.

Daix P. *Braudel*. Paris: Flammarion, 1995.

Daumard A. *La bourgeoisie parisienne de 1815 à 1848*. Paris; La Haye: Mouton, 1969.

Delacroix C. *La falaise et le rivage. Histoire du «tournant critique» // Espaces Temps*. «Le temps réfléchi». 1995. № 59/60/61. P. 86–111.

Delacroix C., Dosse F., Garcia P. *Les courants historiques en France*. Paris: Armand Colin, 1998.

Deleuze J. *Foucault*. Paris: Minuit, 1986.

Delorme-Montini B. *L'engagement démocratique. À travers vingtaine du Débat // Le Débat*. 2000. № 110. P. 16–38.

Detienne M. *Comparer l'incomparable*. Paris: Seuil, 2000.

Deyon P. *Amiens, Capitale provinciale, étude sur la société urbaine au XVIIIe siècle*. Paris; La Haye: Mouton, 1967.

Deyon P., Richez J.-C., Strauss L. (dir.) *Marc Bloch, l'historien et la cité*. Strasbourg: Presses universitaires de Strasbourg, 1997.

Dosse F. *L'Histoire en miettes: des «Annales» à la «nouvelle histoire»*. Paris: La Découverte, 1987.

Dosse F. *Une égoïstoire ? // Le Débat*. 1988. № 49. P. 122–124.

Dosse F. *Les héritiers divisés // Lire Braudel*. Paris: Ed. de la Découverte, 1988.

Dosse F. *Histoire du structuralisme*. Paris: La Découverte, 1991–1992. 2 t.

Dosse F. *L'empire du sens. L'humanisation des sciences humaines*. Paris: La Découverte, 1995.

Dosse F. *Le pari biographique. Ecrire une vie*. Paris: Ed. La Découverte, 2005.

Dosse F. Paul Ricoeur, Michel de Certeau. *L'Histoire : entre le dire et le faire*. Paris: L'Herne, 2006.

Duby G. *La société au XIe et XIIe siècles dans la région mâconnaise*. Paris: SEVPEN, 1971.

Duby G. *Guerriers et paysans*. Paris: Gallimard, Tel, 1973.

Duby G. *Préface // Bloch M. Apologie pour l'histoire*. Paris: Armand Colin, 1974.

Duby G. *Les Trois Ordres ou L'Imaginaire du féodalisme*. Paris: Gallimard, 1978; рус. перевод: Дюби Ж. *Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом*. М.: Языки русской культуры, 2000.

Duby G. *Le dimanche de Bouvines*. Paris: Gallimard, 1973; рус. перевод: Дюби Ж. *Битва при Бувице*. М.: Путь, 1999.

- Duby G.* Dialogues, entretiens avec Guy Lardreau. Paris: Flammarion, 1980.
- Duby G.* Le Chevalier, la femme et le Prêtre. Paris: Hachette, 1981.
- Duby G.* L'exercice de la liberté // Magazine littéraire. 1982. № 189.
- Dumoulin O.* Comment on inventa les positivistes // L'histoire entre épistémologie et demande sociale.) Toulouse, Versailles, 1994. P. 79–103.
- Dumoulin O.* Marc Bloch. Paris: Presses de la formations nationales des sciences politiques, 2000.
- Dumoulin O.* Le rôle social de l'historien. De la chaire au prétoire. Paris: Albin Michel, 2003.
- Dupâquier J.* La population rurale du Bassin parisien à l'époque de Louis XIV. Paris: EHESS, 1979.
- Dupeux G.* Aspects de l'histoire sociale et politique du Loir-et-Cher. Paris: Mouton, 1962.
- Dupront A.* Problèmes et méthodes d'une histoire de la psychologie collective // Annales ESC. 1961. № 1. P. 3–11.
- Dupront A.* Du Sacré. Croisades et pèlerinages. Images et langages. Paris: Galimard, 1987.
- Dupront A.* Le mythe de croisads. 4 vol. Paris: Gallimard, 1997.
- Durkheim É.* Les règles de la méthode sociologiques. P., 1895. Reéd. Paris: Presses Universitaires de France, 1967; рус. перевод: Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
- Elias N.* La Civilisation des moeurs. Paris: Calmin-Lévy, 1973.
- Elias N.* Qu'est-ce que la sociologie? Paris: Pandora, 1980.
- Fabiani J.-L.* Les philosophes de la république. Paris: Minuit, 1988.
- Fabiani J.-L.* Controverses scientifiques, controverses philosophiques. Figures, positions, trajets // Enquête. Anthropologie, histoire, sociologie. «Débats et controverses» 1997. № 5. P. 11–34.
- Famille et société // Annales ESC. 1972. № 4–5.
- Farge A.* Le goût de l'archive. Paris: Seuil, 1989.
- Farge A.* Le Cours ordinaire des choses. Paris: Seuil, 1994.
- Farge A.* Des lieux pour l'histoire. Paris: Éd. du Seuil, 1997.
- Farge A.* Le parcours d'une historienne. Entretien avec Laurent Vidal // Genèses. Sciences Sociales et histoire. 2002. № 48. P. 115–135.
- Farge A., Foucault M.* Le Désordre des familles : lettres de cachet des archives de la Bastille au XVIIIe siècle. Paris: Gallimard; Julliard, 1982.
- Febvre L.* Autour de "L'Heptaméron": amour sacré, amour profane. Paris: Gallimard, 1944.
- Febvre L.* Martin Luther. Frankfurt am Main; New York: Campus, Paris: Ed. de la MSH, 1996.
- Febvre L.* Combats pour l'histoire. Paris: A. Colin, 1992; рус. перевод: Февр Л. Бой за историю. М.: Наука, 1991.
- Febvre L.* Hommage à Henri Berr. De la "Revue de Synthèse" aux "Annales" // Annales ESC. 1952. № 7. P. 239–292
- Febvre L.* Deux philosophies opportunistes de l'histoire : De Spengler à Toynbee // Revue de Métaphysique et de Morale. T. XLIII. № 4. Repris dans Combats pour l'histoire. Paris: A. Colin. 1992. - P. 119-143.
- Febvre L.* Honneur et Patrie. Paris: Librairie Académique Perrin, 1996.
- Febvre L.* L'histoire dans le monde en ruines // Revue de la Synthèse Historique. 1920. T. XXX. № 88. P. 1–15.
- Febvre L.* La société féodale. Une synthèse critique //Annales d'histoire sociale. 1941. № III. P. 128

Febvre L. La Terre et l'évolution humaine. Paris: La Renaissance du Livre, coll. L'évolution de l'humanité, rééd. Albin Michel, 1970.

Febvre L. Le problème de l'incroyance au XVIe siècle. Paris: A. Michel, 1968.

Febvre L. Les morts de l'histoire vivante: Gaston Roupnel // *Annales ESC*. 1947. № 4. P. 479.

Febvre L. Marc Bloch: dix ans après // *Annales ESC*. 1954. № 2. P. 1–3.

Febvre L. Psychologie et histoire // *Encyclopédie française*. Vol. 8: La vie mentale. Paris: Société de gestion de l'Encyclopédie française, 1938. Fasp. 12.

Febvre L. Vivre l'histoire. Propos d'initiation // *Mélanges d'histoire sociales*. 1942. T. 3. P. 25.

Ferro M. Laboratoire des Annales // *Magazine littéraire*. 1984. № 11. P. 25.

Flandrin J.-L. Enfance et société // *Annales ESC*. 1964. № XIX. P. 322–329.

Fleury M., Henry L. Des registres paroissiaux à l'histoire de la population. Manuel de dépouillement et d'exploitation de l'état civil ancien. Paris: INED, 1956.

Fossier R. Histoire de la Picardie. Toulouse: Privat, 1974.

Foucault M. Histoire de la folie à l'âge classique. Paris: Plon, 1961.

Foucault M. Les Mots et les Choses. Paris: Gallimard, 1966.

Foucault M. Réponse au Cercle d'épistémologie // *Cahiers pour l'analyse*. 1968. № 9. P. 9–40.

Foucault M. Archéologie du savoir. - Paris: Gallimard, 1969.

Foucault M. Moi, Pierre Rivière ayant égorgé ma mère, ma soeur et mon frère. Un cas de parricide au XIXe siècle. Paris: Gallimard, 1973.

Foucault M. Surveiller et Punir. Paris: Gallimard, 1974.

Furet F. Les Intellectuels français et le Structuralisme // *Preuves*. 1967. № 192. P. 3–12.

Furet F. L'histoire quantitative et la construction du fait historique // *Annales ESC*. 1971. № 1. P. 63–75.

Furet F. L'histoire et l'homme sauvage // *L'Historien entre l'ethnologue et le futurologue*. Colloque international de Venise (1971). Paris: Mouton, 1972.

Furet F. De l'histoire-récit à l'histoire-problème // *Diogenes*. 1975. № 89. P. 106–123. Repris dans *L'atelier de l'histoire*. Paris: Champs; Flammarion, 1982. P. 73–91.

Furet F. Penser la Révolution française. Paris: Gallimard, 1978. Rééd. 1986.

Furet F. En marges des Annales. Histoire et sciences sociales // *Le Débat*. 1981. № 17. P. 112–127.

Furet F. Le passé d'une illusion. Essai sur l'idée communiste au XXe siècle. Paris: Robert Laffont; Calmann-Lévy, 1995; рус. перевод: Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М.: Ad. Marginem, 1998.

Furet F., Richet D. La Révolution française. Paris: Hachette, 1965. Rééd. 1986.

Garden M. Lyon et les Lyonnais au XVIIIe siècle. Paris: Belles Lettres, 1970.

Gauchet M. Désenchantement du monde. Une histoire politique de la religion. Paris: Gallimard, 1985.

Gauchet M. Changement du paradigme en sciences sociales ? // *Le Débat*. 1988. № 50. P. 165–170.

Gauchet M. La religion dans la démocratie. Parcours de la laïcité. Paris: Gallimard, 1998.

Gauchet M. L'élargissement de l'objet historique // *Le Débat*. 1999. № 103. P. 132–147.

Gauchet M. Démocratie contre elle-même. Paris: Gallimard, 2002.

Gérard A. À l'origine du combat des Annales: positivisme historique et système universitaire // *Au berceau des Annales, le milieu strasbourgeois, l'histoire de France*

au début du XXe siècle. Actes du colloque de Strasbourg, octobre 1979. Toulouse : Presses de l'IEP, 1983.

Giard L., Martin H., Revel J. Histoire, mystique et politique: Michel de Certeau. Grenoble: Editions Jérôme Millon, 1991.

Gill B. La Banque et le Crédit en France de 1815 à 1914. Paris: PUF, 1959.

Gillard L. et Rosier M. (éd.) François Simiand (1873–1935). Sociologie, histoire, économie. Paris: Éditions des archives contemporaines, 1996.

Glénisson J. L'Historiographie française contemporaine : tendances et réalisations // Comité Français des Sciences Historiques. Vingt ans de recherche historique en France (1940–1965). I. L'Enseignement et la recherche, les publications. Paris: CNRS, 1965.

Goubert P. En Beauvaisis. Problèmes démographiques du XVIIe siècle // Annales ESC. 1952. № VII. P. 453–468.

Goubert P. Beauvais et les Beauvaisis de 1600 à 1730. Paris: SEVPEN, 1960.

Goubert P. Un parcours d'historien. Souvenirs 1915–1995. Paris: Fayard, 1996.

Grenier J.-Y. Séries économiques françaises, XVIe–XVIIIe siècles. Paris: Ed. de l'EHESS, 1985.

Grenier J.-Y., Lepetit B. L'expérience historique. À propos de C.-E. Labrousse // Annales ESC. 1989. № 6. P. 1337–1360.

Grenier J.-Y. Penser la monnaie autrement // Annales ESC. 2000. № 6. P. 1335–1342.

Grenier J.-Y., Grignon C., Menger P.-M. (dir.) Le Modèle et le récit. Paris: Éd. de la MSH, 2001.

Grignon C., Passeron J.-C. Le savant et le populaire. Misérabilisme et populisme en sociologie et en littérature. Paris: EHESS; Gallimard; Seuil, 1989.

Grinberg M., Trabut Y. Vingt années d'histoire et sciences humaines: table analytique des Annales, 1969–1988. Paris: A. Colin, 1991.

Guerreau A. Le féodalisme. Un horizon théorique. Paris: Le Sycomore, 1980.

Halphen L. L'histoire en France depuis 100 ans. Paris: Armand Colin, 1914.

Hartog F. L'Historien et la conjoncture historiographique // Le Débat. 1998. № 102. P. 4–10.

Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. Paris: Seuil, 2003.

Hartog F. Evidence de l'histoire. Ce que voient les historiens. Paris: Éd. de l'EHESS, 2005.

Hartog F., Revel J. (dir.) Les usages politiques du passé. Paris: Ed. de l'EHESS, 2001.

Hauser H. L'enseignement des sciences sociales. Etat actuel de cet enseignement dans les divers pays du monde. Paris: A. Chevalier-Marescq, 1903.

Hauser H. (dir.) Recherches et Documents sur l'histoire des prix en France de 1500 à 1800. Paris: Picard, 1936

Histoire biologique et société // Annales ESC. 1969. № 6.

Histoire de la consommation // Annales ESC. 1975. № 2-3.

Histoire et anthropologie des sociétés andines // Annales ESC. 1978. № 5-6.

Histoire entre épistémologie et demande sociale // Actes de l'université d'été de Blois, sept. 1993. IUFM de Créteil. 1994.

Histoire et sexualité // Annales ESC. 1974. № 4.

Histoire et structure // Annales ESC. 1971. № 3-4.

Histoire paléstinienne // Annales ESC. 2005. № 1.

Isaac J. Expériences de ma vie. Paris: Calmann-levy, 1959.

Jean J.-P., Salas D. (Dir.) Barbie, Touvier, Papon. Paris: Autrement, 2002.

Jeanneney J.-N. Le passé dans le présent: l'historien, le juge et le journaliste. Paris: Le Seuil, 1998.

- Joutard P.* La Légende des Camisards, une sensibilité au passé. Paris: Gallimard, 1977.
- Juillard J., Winock M. (dir.)* Dictionnaire des intellectuels français. Les personnes. Les lieux. Les moments. Paris: Ed. du Seuil, 1996.
- Karady V.* Les professeurs de la République // Actes de la recherche en sciences sociales. 1983. № 6. P. 90–112.
- Koselleck R.* Le Futur passé : contibution à la sémantique des temps historiques. Paris: Éd. de l'EHESS, 1990.
- Koselleck R.* L'expérience de l'histoire. Paris: Éd. de l'EHESS, 1997.
- L'Asie centrale // Annales HSS. 2004. № 5–6.
- L'histoire au tribunal. Jean-Pierre Azéma, Georges Kiejman: un échange // Le Débat. 1998. № 102. P. 45–51.
- La geste indianiste. Du saint guerrier aux héros paysans // Annales HSS. 2005. № 2.
- Labrousse E.* La crise de l'économie française à la fin de l'Ancien Régime et au début de la Révolution. Paris: PUF, 1944.
- Labrousse E. (dir.)* Aspects de la crise et de la dépression de l'économie française au milieu du XIXe siècle, 1841–51. Paris: Éd. de la Société d'histoire de la révolution de 1848, 1956.
- Labrousse E. (dir.)* Histoire sociale: sources et méthodes. Paris: PUF, 1965
- Labrousse E.* Entretien avec Ernest Labrousse // Actes de la recherche en sciences sociales. 1980. № 32/33. P. 111–127.
- Labrousse E.* Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIIIe siècle. Paris: Dalloz, 1933, 2 tomes. Rééd. Paris: Ed. des archives contemporaines, 1984.
- Lacombe P.* De l'histoire considérée comme science. Paris, 1894. Rééd. Paris: Hachette, 1984.
- Lambert B.* Dossiers d'accusation : Bousquet, Papon, Touvier. Paris: FNDIRP; Climats, 1991.
- Langlois C.-V., Seignobos C.* Introduction aux études historiques. P., 1897. Reed. Paris: Ed. Kimé, 1992; рус. перевод: *Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. Спб, 1899.
- Le Goff J.* Les intellectuels au Moyen Âge. Paris: Seuil, 1957.
- Le Goff J.* La Civilisation de l'Occident medieval. Paris: Arthaud, 1964. Rééd. 1984; рус. перевод: *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. Сретенск: МЦИФИ, 2000.
- Le Goff J.* Saint Louis. Paris: Gallimard, 1975. Rééd. 1996; рус. перевод: *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой. М.: Ладомир, 2001.
- Le Goff J.* L'histoire politique est-elle toujours l'épine dorsale de l'histoire? // L'imaginaire médiévale. Paris: Gallimard, 1985.
- Le Goff J.* Préface à la réédition de Bloch M. Les rois thaumaturges. Paris: Gallimard, 1983.
- Le Goff J., Remond R. (dir.)* L'Histoire de la France religieuse. P., 1988–1992, 4 vol.
- Le Goff J.-P.* Mai 68. L'héritage impossible. Paris: La Découverte, 1998.
- Le Goff J., Nora P. (dir.)* Faire de l'histoire. Paris: Gallimard, 1974. 3 vol.
- Le Goff J., Chartier R., Revel J. (dir.)* La Nouvelle Histoire. Paris: Retz, 1978
- Le Roy Ladurie E.* Les paysans de Languedoc. Paris: SEVPEN, 1966.
- Le Roy Ladurie E.* Montaillou, village occitan de 1294 à 1324. Paris: Gallimard, 1975; рус. перевод: *Ле Руа Ладюри Э.* Монтанью, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 2001.
- Le Roy Ladurie E.* Le territoire de l'historien. Paris: Gallimard, 1978. Vol. 2.

Le Roy Ladurie E. L'histoire immobile. Leçon inaugurale au Collège de France, 30 novembre 1973. Repris dans *Le territoire de l'historien*. Paris: Gallimard, 1978.

Le Roy Ladurie E. Le Carnaval de Romans. De la Chandeleur au Mercredi des Cendres, 1579–1580. Paris: Gallimard, 1979.

Le Roy Ladurie E. L'historien, le chiffre et le texte. Paris: Fayard, 1997.

Le siècle des communismes. Sous la direction de Michel Dreyfus, Bruno Groppo, Claudio Sergio Ingerflom, Roland Lew, Claude Penneret, Bernard Pudal, Serge Wolikow. Paris: Les Éditions de l'Atelier, 2000.

Lebrun F. Les hommes et la mort en Anjou aux XVIIe et XVIIIe siècles. Essai de démographie et de psychologie historiques. Paris; La Haye: Mouton, 1971.

Lefort C. La complication. Retour sur le communisme. Paris: Fayard, 1999.

Léon P. La Naissance de la grande industrie en Dauphiné (fin du XVIIe siècle – 1869). Gap: Louis-Jean, 1954.

Lepetit B. Une logique du raisonnement historique // *Annales ESC*. 1993. № 5. P. 1209–1219.

Lepetit B. (éd.) Les Formes de l'expérience. Une autre histoire sociale. Paris: A. Michel, 1995.

Lepetit B. L'histoire prend-elle les acteurs au sérieux? // *Espaces Temps*. «Le temps réfléchi». 1995. № 59/60/61. P. 112–122.

Levi G. Le pouvoir au village. Histoire d'un exorciste dans le Piémont du XVIIe siècle. Paris, 1985.

Levi-Strauss C. Histoire et ethnologie // *Revue de Métaphysique et de Morale*. 1949. № 3–4. P. 363–391.

Levi-Strauss C. Anthropologie structurale. Paris: Plon, 1958; рус. перевод: *Леву-Строс К.* Структурная антропология. М.: Эксмо-Пресс, 2001.

Levi-Strauss C. La pensée sauvage. Paris: Plon, 1962; рус. перевод: *Леву-Строс К.* Первобытное мышление. М.: Республика, 1994.

Levi-Strauss C. Le temps du myth // *Annales ESC*. 1971. № 1. P. 533–540.

Lévy-Bruhl L. La Mentalité primitive. Paris: Alcan, 1922.

Leyot P. Henri Berr dans l'historiographie française // *Revue Historique*. 1964. № 85. P. 96.

Lindenberg D. Les années souterraines, 1937–1947. Paris: La Découverte, 1990.

Livet G. (dir.) Au berceau des Annales, le milieu strasbourgeois, l'histoire de France au début du XXe siècle. Actes du colloque de Strasbourg, octobre 1979. Toulouse: Presses de l'IEP, 1983.

Lombard D. Le carrefour javanais. Paris: Editions de l'EHESS, 1990. 3 vol.

Lyon B., Lyon M. (ed.) The Birth of Annales History: the Letters of Lucien Febvre and Marc Bloch to Henri Pirenne (1921–1935). Bruxelles: Commission royale d'histoire, 1991.

Mai 68: de la commémoration au retour critique. Entretien avec François Gèze et Jean-Pierre Le Goff // *Le Débat*. 1998. № 100. P. 134–148.

Mairat G. Le discours et le historique: essai sur la représentation historique du temp. Paris: Mame, 1974.

Manceron G., Remaoun H. D'une rive à l'autre. La guerre d'Algérie de la mémoire à l'histoire. Paris: Syros, 1993.

Mandrou R. Introduction à la France contemporaine: 1500–1640. Essai de psychologie historique. Paris: Albin Michel, 1998. (1re éd. 1961).

Mandrou R. Trois clés pour comprendre la folie à l'époque classique // *Annales ESC*. 1962. № 17. P. 761–771.

Mandrou R. Magistrats et sorciers en France qu XVIIIe siècle : une analyse de psychologie historique. Paris: Plon, 1968.

Mann H.-D. Lucien Febvre: la pensée vivante d'un historien. Paris: A. Colin, 1971.

Margolin J.-L., Werth N. Communisme: retour à l'histoire // *Le Monde*. 1997. 14 octobre.

Marrou H.-I. De la connaissance historique. Paris: Ed. du Seuil, 1954.

Meyer P., Paris G. À nos lecteurs // *Revue critique d'histoire et de littérature*. 1872. № 1. P. 2.

Monod G. Du progrès des études historiques en France depuis le XVIe siècle // *Revue historique*. 1876. № 1. P. 33–34.

Mucchielli L. Aux origines de la nouvelle histoire en France: l'évolution intellectuelle et la formation du champ des sciences sociales // *Revue de synthèse*. 1995. № 1. P. 55–98.

Mucchielli L. La Découverte du social. Naissance de la sociologie en France. Paris: La Découverte, 1998.

Müller B. «Problèmes contemporains» et «Hommes d'action» à l'origine des Annales. Une correspondance entre Lucien Febvre et Albert Thomas (1928–1930) // *Vingtième siècle. Revue de l'histoire*. 1992. № 35 (3). P. 79–91.

Müller B., Schöttler P. Faut-il brûler Lucien Febvre ? // *Le Monde*. 1995 8 février.

Müller B. Lucien Febvre et Henri Berr: de la synthèse à l'histoire-problème // *Biard A., Bourel D., Brian E. (dir.)* Henri Berr et la culture du XXe siècle. Histoire, science et philosophie. Paris: A. Michel; Centre international de synthèse, 1997.

Müller B. Marc Bloch et les années trente: l'historien, l'homme et l'histoire // *Deyon P., Richez J.-C., Strauss L. (dir.)* Marc Bloch, l'historien et la cité. Strasbourg: Presses universitaires de Strasbourg, 1997. P. 158–182.

Müller B. (éd.) Marc Bloch – Lucien Febvre. Correspondance. Paris: Fayard, 1994, 2003. T. 1–3.

Müller B. Lucien Febvre, lecteur et critique. Paris: Albin Michel, 2005.

Müller B. (dir.) L'Histoire entre mémoire et épistémologie. Autour de Paul Ricoeur. Lausanne: Payot, 2005.

Néré J. La Crise économique de 1882 et le mouvement boulangiste. Thèse d'Etat, univ. Paris, 1959.

Noiriel G. Le creuset français. Histoire de l'immigration XIXe – XXe siècles. Paris: Seuil, 1988, rééd. 1992.

Noiriel G. Pour une approche subjectiviste du social // *Annales ESC*. 1989. № 6. P. 1435–1459.

Noiriel G. La tyrannie du national. Le droit d'asile en Europe 1793–1993. Paris: Calmann-Lévy, 1991.

Noiriel G. Sur la crise de l'histoire. Paris: Ed. Belin, 1996.

Noiriel G. Le statut de l'histoire dans Apologie pour l'histoire // *Cahiers Marc Bloch. Bulletin de l'association Marc Bloch*. 1997. № 5. P. 7–22.

Noiriel G. Qu'est-ce que l'histoire contemporaine? Paris: Hachette, 1998

Noiriel G., Chartier R. Pour refonder l'histoire comme discipline critique // *Le Monde*. 1998. 13 mars.

Noiriel G. Les Origines républicaines de Vichy. Paris: Hachette, 1999.

Noiriel G. Penser avec, penser contre. Paris: Belin, 2003.

Noiriel G. Les fils maudits de la République. L'avenir des intellectuels en France. Paris, Fayard, 2005.

Noiriel G. Introduction à la socio-histoire. Paris: La Découverte, 2006.

- Nora P.* Présentation de la collection «Bibliothèque des histoires». Paris: Gallimard, 1971.
- Nora P. (dir.)* Les lieux de mémoire. Paris: Gallimard, 1984. 7 vol.: T. I: la République, 1984; T. II (3 vol.), La Nation, 1986; T. III (3 vol.), Les France, 1992. Rééd. Quarto; Gallimard, 3 vol., 1997.
- Nora P. (dir.)* Essai d'ego-histoire. Paris: Gallimard, 1987.
- Nora P.* La nation sans nationalisme // *EspacesTemps*. «Le temps réfléchi». 1995. № 59/60/61. P. 66–69.
- Nora P.* Pour une histoire au second degré // *Le Débat*. 1999. № 103. P. 24–31.
- Nora P.* Adieu aux intellectuels ? // *Le Débat*. 2000. № 110. P. 4–15.
- Nora P.* La France est malade de sa mémoire // *Le Monde* 2. 2006. 18 février. P. 24–27.
- Panza M. (éd.)* Les Savants et l'épistémologie vers la fin du XIXe siècle. Paris: Librairie Albert Blanchard, 1995.
- Passeron J.-C.* Le raisonnement sociologique. L'espace non-poppérien du raisonnement naturel. Paris: Nathan, 1991.
- Passeron J.-C.* La constitution des sciences sociales. Unité, fédération, confédération // *Le Débat*. 1996. № 90. P. 93–112.
- Passeron J.-C., Revel J. (dir.)* Penser par cas. Paris: EHESS, 2005.
- Paxton R.* La France de Vichy 1940–1944. Paris: Seuil, 1973. Rééd. Points-Seuil, 1974.
- Perrot J.-C.* Genèse d'une ville moderne. Caen au XVIIIe siècle. Paris: EHESS, 1975.
- Perrot M. (dir.)* L'impossible prison. Paris: Seuil, 1980.
- Peschanski D., Pollak M., Rousso A.* Histoire politique et sciences sociales. Bruxelles: Ed. Complexe, 1991.
- Pestre D.* Les sciences et l'histoire aujourd'hui. // *Le Débat*. 1998. № 102. P. 53–68.
- Pinol J.-L.* Les universitaires et la ville: le cas de Strasbourg (1919–1939) // *Les Annales de recherche urbaine*. 1994. № 62–63. P. 157–168.
- Pollak M.* L'Expérience concentrationnaire. Essai sur le maintien de l'identité sociale. Paris: Métailié, 1990.
- Pomian K.* L'Ordre du temps. Paris: Gallimard, 1984.
- Pomian K.* Histoire et fiction // *Le Débat*. 1989. № 54. P. 114–137.
- Pomian K.* L'heure des Annales. La terre, les hommes et le monde // *Nora P. (dir.)* Les lieux de mémoire. vol. I. - Paris: Gallimard, 1997. P. 903–952.
- Pour une histoire anthropologique // *Annales ESC*. 1974. № 6.
- Poussou J.-P.* La démographie historique // *Bédarida F. (dir.)* L'histoire et le métier d'historien en France (1945–1995). Paris: Ed. de la MSH, 1995.
- Pouthas C.-E.* Présentation // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 1954. № 1. P. 1–2.
- Prost A.* Seignobos revisité // *Vingtième siècle. Revue d'histoire*. 1994. № 3. P. 100–117.
- Prost A.* Histoire, vérités, méthodes. Des structures argumentatives de l'histoire // *Le Débat*. 1996. № 92. P. 127–140.
- Prost A.* Douze leçons sur l'histoire. Paris: Editions du Seuil, 1996; рус. перевод: Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: Изд-во РГГУ, 2000.
- Prost A.* Où va l'histoire sociale ? // *Le Mouvement Social*. 1996. № 174 (1). P. 79–95.
- Prost A.* Mais comment donc l'histoire avance-t-elle ? // *Le Débat*. 1999. № 103. P. 148–153.
- Rancière J.* Les Noms de l'histoire. Paris: Le Seuil, 1992.
- Raphaël L.* The Present as Challenge for the Historian. The Contemporary World in the *Annales ESC*, 1929–1949 // *Storia della Storiografia*. 1992. № 21. P. 25–44.

- Raphaël L.* Le Centre de recherches historique de 1949 à 1975 // Cahiers du Centre de recherches historiques. 1993. 10 avril.
- Rauzduel R.* Sociologie historique des «Annales». Paris: Ed. Lettres du monde, 1999.
- Rebérioux M.* Le débat de 1903: historiens et sociologues // Au berceau des Annales, le milieu strasbourgeois, l'histoire de France au début du XXe siècle. Actes du colloque de Strasbourg, octobre 1979. Toulouse: Presses de l'IEP, 1983. P. 219–229
- Recherches sur Islam. Histoire et anthropologie // Annales ESC. 1980. № 3–4.
- Rieffel R.* La tribu des clercs. Les intellectuels sous la Ve République 1958–1990. P., 1993.
- Rémond R.* La Droite en France. Paris: Aubier, 1954.
- Rémond R.* Les États-Unis devant l'opinion française 1815–1852. Saint-Just-la-Pendue: Chirat, 2 vol., 1962.
- Rémond R. (dir.)* Pour une histoire politique. Paris: Seuil, 1988.
- Rémond R. (dir.)* Paul Touvier et l'Église. Rapport de la commission historique instituée par le cardinal Decourtray. Paris: Fayard, 1992.
- Renouvin P.* Histoire des relations internationales. Paris: Hachette, 1953–1958, 8 vol.
- Revel J.* Histoire et sciences sociales: les paradigmes des Annales. // Annales: ESC. 1979. № 6. P. 1359–1376.
- Revel J.* Sur la crise de l'histoire aujourd'hui // Bulletin de la société française de philosophie. 1985. № 4.
- Revel J.* Foucault Michel, 1926–1984 // *Burguière A.* Dictionnaire des Sciences Historiques. Paris: PUF, 1986.
- Revel J.* Une oeuvre inimitable // EspacesTemps. «Braudel dans tous ses états». 1986. № 34–35. P. 13.
- Revel J.* Groupe avec paysage // Le Débat. 1988. № 49. P. 130–133.
- Revel J., Wachtel N. (éd.)* Une école pour les sciences sociales. Paris: Ed. Cerf-Ed. de l'EHESS, 1996.
- Revel J. (dir.)* Jeux d'échelles. La micro-analyse à l'expérience. Paris: Hautes Études; Gallimard; Éd. du Seuil, 1996.
- Revel J.* Au pied de la falaise : retour aux pratiques // Le Débat. 1999. № 103. P. 153–161.
- Ricoeur P.* Histoire et Verité. Paris: Ed. du Seuil, 1955. Rééd. 1964.
- Ricoeur P.* Temps et récit. Paris: Seuil, 1983-1985. 3 tomes; рус. перевод: *Пу-кер П.* Время и рассказ. 2 т. М.; СПб.: Унив. книга, 2000.
- Ricoeur P.* Entre mémoire et histoire // Projet. 1996. № 248. P. 7–16.
- Ricoeur P.* La marque du passé // Revue de métaphysique et de morale. 1998. № 1. P. 7–31.
- Ricoeur P.* La Mémoire, L'Histoire, L'Oubli. Paris: Le Seuil, 2000.
- Rioux J.-P.* Une correspondance entre Lucien Febvre et François Simiand à l'aube des «Annales» (1928–1930) // Vingtième siècle. Revue d'histoire. 1989. № 23. P. 103–110.
- Rioux J.-P., Sirinelli J.-F. (dir.)* Pour une histoire culturelle. Paris: Ed. du Seuil, 1997.
- Roche D.* De l'histoire sociale à l'histoire socio-culturelle // Mélanges de l'École française de Rome. 1979. № 91 (1). P. 7–19.
- Roche D.* Les Historiens aujourd'hui. Remarques pour un débat // Vingtième siècle. 1986. № 4. P. 3–20.
- Rosanvallon P.* Pour une histoire conceptuelle du politique // Revue de synthèse. 1986. № 1–2. P. 93–105.
- Rosanvallon P.* Pour une histoire conceptuelle du politique. Paris: Seuil, 2003.

- Rouso H.* Le syndrome Vichy 1944–198... Paris: Seuil, 1987.
- Rouso H.* La hantise du passé: entretien avec Philippe Petit. Paris: Textuel, 1998.
- Ruano-Bourbalan J.-C.* (dir.) L'histoire aujourd'hui. Paris: Sciences Humaines Éditions, 1999.
- Samaran C.* (dir.) L'Histoire et ses Méthodes. Paris: Pléiade, 1961
- Schöttler P.* Lucie Varga. Les autorités invisibles. Paris: Cerf, 1991
- Schöttler P.* Marc Bloch et le XIXe Congrès international de sociologie, Bucarest, août 1939 // Genèses. Sciences Sociales et histoire. 1995. № 20(9). P. 143–154.
- Schöttler P.* Marc Bloch et Lucien Febvre face à l'Allemagne nazie // Genèses. Sciences Sociales et histoire. 1995. № 21. P. 75–95.
- Seignobos C.* La Méthode historique appliquée aux sciences sociales. Paris: Alcan, 1901.
- Seignobos C.* La causalité en histoire // Bulletin de la société française de philosophie. 1906.
- Sévilla J.* Le terrorisme intellectuel. Paris: Perrin, 2004.
- Science et religion en Chine // Annales HSS. 2004. № 4.
- Simiand F.* Méthode historique et science sociale. // Revue de Synthèse Historique. 1903. № 6. P. 1–22; 120–157.
- Simiand F.* Le Salaire, l'évolution sociale et la monnaie. Essai de théorie expérimentale du salaire. Paris: Alcan, 1932.
- Sirinelli J.-F.* (dir.) Histoire des droites en France. Paris: Gallimard, 1992.
- Rioux J.-P., Sirinelli J.-F.* (dir.) Pour une histoire culturelle... ,
- Rioux J.-P., Sirinelli J.-F.* (dir.) Histoire culturelle de la France. Paris: Ed. du Seuil, 1997–1998.
- Rioux J.-P., Sirinelli J.-F.* (dir.) Pour une histoire culturelle. Paris: Ed. du Seuil, 1997.
- Stora B.* La gangrène et l'oubli. Paris: La Découverte, 1991.
- Thomas Y.* La vérité, le temps, le juge et l'historien // Le Débat. 1998. № 102. P. 17–36.
- Todorov T.* Les abus de la mémoire. Paris: Arléa, 1995.
- Trebitch M., Granjon M.-C.* Pour une histoire comparée des intellectuels. Paris: Éd. Complexe, 1998.
- Urfalino P.* L'histoire culturelle: programme de recherche ou grande chantier // Vingtième siècle, revue de l'histoire. 1998. № 57. P. 115–120.
- Valensi L.* Présence du passé, lenteur de l'histoire // Annales ESC. 1993. № 3. P. 491–500.
- Valensi L., Watchel N.* L'anthropologie historique // Revel J., Wachtel N. Une école pour les sciences sociales. Paris: Cerf/Ed. de l'EHESS, 1996.
- Vernant J.-P.* Les Origines de la pensée grecque. Paris: PUF, 1962
- Veyne P.* Comment on écrit l'histoire? Paris: Éd. du Seuil, 1971. Rééd. 1996; рус. перевод: Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003.
- Veyne P.* Le Quotidien et l'Intéressant. Entretiens avec Catherine Darbo-Peschanski. Paris: Belles Lettres, 1995.
- Vidal-Naquet P.* Les Assassins de la mémoire. Un «Eichmann de papier» et autres essais sur le révisionnisme. Paris: Découverte, 1987.
- Vilar P.* La Catalogne dans l'Espagne moderne, recherches sur les fondements économiques des structures nationales. Paris: SEVPEN, 1962.
- Vilar P.* Une histoire en construction: approche marxiste et problématiques conjoncturelles. Paris: EHESS-Gallimard-Éd. du Seuil, 1982.
- Vovelle M.* Piété baroque et déchristianisation en Provence au XVIIIe siècle. Paris: Ed. du Seuil, 1978.

- Vovelle M.* Idéologies et mentalités. Paris: Maspéro, 1982. Rééd. Folio-Histoire, 1992.
- Vovelle M.* Plutôt labrousien que braudelien // *EspacesTemps*. 1986. № 34–35. P. 16–19.
- Wachtel N.* Pensée sauvage et acculturation // *Annales ESC*. 1971. № 2. P. 793–841.
- Werner M., Zimmermann B.* Penser l'histoire croisée: entre empire et réflexivité. // *Annales HSS*. 2003. № 1. P. 7–36.
- Werner M., Zimmermann B.* Beyond Comparison: *Histoire Croisée* and the Challenge of Reflexivity // *History and Theory. Studies in the Philosophy of History*. 2006. № 1. P. 30–50
- Werner M., Zimmermann B. (dir.)* De la comparaison à l'histoire croisée. Paris: Seuil, 2004.
- Wessel M.* Honneur ou patrie? Lucien Febvre et la question du sentiment national // *Genèses. Sciences Sociales et histoire*. 1996. № 25. P. 128–142.
- Winock M.* Le siècle des intellectuels. Paris, Ed. du Seuil, 1997.
- Wolton T.* Le Grand Recrutement. Paris: Grasset, 1993.
- Zimmermann B., Didry C., Wagner P.* Le travail et la nation: Histoire croisée de la France et de l'Allemagne. Paris: Éd. de la MSH, 1999.

ЛИТЕРАТУРА

- Агирре Рохас К. А.* «Анналы» и марксизм // *Французский ежегодник 2009*. М., 2009.
- Адо А. В., Смирнов В. П.* Послевоенная французская историография новой и новейшей истории Франции // *Новая и новейшая история*. 1977. № 6. С. 150–156.
- Атласов Г. В.* К вопросу о теоретико-методологических основах современной французской историографии // *Вопросы историографии всеобщей истории*. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1967. Вып. 2.
- Афанасьев Ю. Н.* Историзм против эклектики. Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. 1929–1979 гг. М.: Мысль, 1980.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
- Бессмертный Ю. Л.* «Annales (Economies. Sociétés. Civilisations)». Р., 1958. № 1–4 // *Средние века*. М., 1959. Вып. 1. С. 142–146.
- Бессмертный Ю. Л.* Как же писать историю? Методологические веяния во французской историографии 1994–1997 гг. // *Новая и новейшая история*. 1998. № 5. С. 29–42.
- Бессмертный Ю. Л.* Тенденции переосмысления прошлого в современной зарубежной историографии // *Вопросы истории*. 2000. № 9. С. 152–158.
- Блумену С. Ф.* «Анналы» и проблемы Французской буржуазной революции конца XVIII в. // *Вестник Московского университета. Серия История*. 1978. № 3. С. 68–87.
- Варфоломеевская ночь: событие и споры / Под. ред. Н. И. Басовской, П. Ю. Уварова.* М.: Изд-во РГГУ, 2001.
- Видадь В.* Люсьен Февр // *Вестник истории мировой культуры*. 1957. № 1. С. 244–246.
- Воскобойников О. С.* Душа мира. Наука, искусство и политика при дворе Фридриха II (1200–1250 гг.). М.: РОССПЭН, 2008.
- Гобзов И. А.* Современная французская буржуазная философия истории. М.: Изд-во МГУ, 1978.

Город в средневековой цивилизации Западной Европы: В 4 т. М.: Наука, 1999–2000.
Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 21–36.

Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик, 1993.

Гуревич А. Я. Историк конца XX в. В поисках метода // Одиссей. Человек в истории. 1996. М.: Сода, 1996. С. 5–10.

Далин В. М. Историки Франции XIX–XX вв. М.: Наука, 1981.

Диалог со временем. М.: Издательство ЛКИ, 2007. Вып. 21: Исторические мифы и этнонациональная идентичность / Под ред. Л. П. Репиной.

Дилленский Г. Г. «Annales. Economies – Sociétés – Civilisations». Paris // Вопросы истории. 1962. № 7. С. 185–190.

Зубкова Е. Ю., Курянов А. И. Ментальное измерение истории: Поиски метода // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 153–160.

Игнашов Д. Н. Методология исторического познания школы «Анналов»: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1998.

Изергин А. М. «Глобальная история» Фернана Броделя: вопросы методологии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1995.

Иванов В. В. К вопросу о содержании и развитии сравнительно-исторического метода // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск: Изд-во ТГУ, 1967. Вып. 5.

Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998.

История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Круг, 2006.

Кашионов И. К. Проблема генезиса феодализма на территории Франции в советской и французской историографии 60–80-х гг. XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1993.

Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 3–33.

Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. – М., 1980.

Кон И. С., Люблинская А. Д. Труды французского историка Марка Блока // Вопросы истории. 1955. № 8. С. 147–159.

Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М.: Соцэкгиз, 1959.

Конт О. Дух позитивной философии. М.: Феникс, 2003.

Копосов Н. Е. Как думают историки. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Социо-гуманитарные знания, 2005.

Любарт М. К. Семья во французском обществе: XVIII — начало XX века. СПб.: Наука, 2005.

Максимов С. Н. Концепция «серийной» истории в трудах французского историка П. Шоню. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

Малов В. Н. Парламентская Фронда: Франция, 1643–1653. М.: Наука, 2009.

Медушевская О. М. Вопросы теории источниковедения в современной буржуазной историографии // Вопросы истории. 1964. № 8. С. 77–88.

Медушевская О. М. Некоторые проблемы методологии истории в современной французской историографии // Вопросы философии. 1965. № 1. С. 107–115.

Могильницкий Б. Г. Междисциплинарный синтез: уроки школы «Анналов» // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. С. 10–42.

Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. 2: Становление «новой исторической науки». Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003.

Могильницкий Б. Г. История на переломе: некоторые тенденции развития современной исторической мысли // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 5–22.

Николаева И. Ю. На путях методологического синтеза: опыт интерпретации раннесредневековой ментальности // Историческая наука и историческое сознание. Томск, 2000. Глава V. С. 173–202.

Образы времени и исторические представления в цивилизационном контексте: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л. П. Репиной. Москва: Кругъ, 2010.

Одиссей: Человек в истории / Под ред. А. Я. Гуревича. М.: Наука, 2005.

Одиссей: Человек в истории / Под ред. А. Я. Гуревича. М.: Наука, 2006.

Поптер К.-Р. Логика и рост научного знания. Избр. работы. М.: Прогресс, 1983.

Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 3–19

Ретина Л. П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история. Ежегодник. 1998–1999. М.: РОССПЭН, 1999.

Ретина Л. П. «Второе рождение» и новый образ интеллектуальной истории // Историческая наука на рубеже веков / Под ред. А. А. Фурсенко. М.: Наука, 2001. С. 175–192.

Ретина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания: Пособие для вузов. М.: Дрофа, 2004.

Ретина Л. П. «Вызов и ответ»: перспективы исторической науки в начале нового тысячелетия // «Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки». 2008. № 3. С. 11–26.

Розовская И. И. Проблематика социально-исторической психологии в зарубежной историографии XX в. // Вопросы философии. 1972. № 7. С. 128–136.

Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997.

Сарпова О. В. Философия исторического познания в трудах школы «Анналов» (Франция, 1929–1994). Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2004.

Соколова М. Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. М.: Наука, 1979.

Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов» / Отв. ред. Ю. Л. Бессмертный. М.: Наука, 1993.

Сторер Б. Социология науки // Американская социология. М.: Прогресс, 1972. С. 248–264.

Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Л. П. Ретина. М.: ИВИ РАН, 2008.

Тогоева О. «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М.: Наука, 2006.

Трубникова Н. В. Регионы Азии и метод Фернана Броделя // Известия ТПУ. 2002. Тем. выпуск № 7. «Сибирь в евразийском пространстве». С. 175–185.

Трубникова Н. В. «На закате теорий тоталитаризма: французская историография о России» // Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя / Под ред. Г. А. Бордюгова. М.: Изд-во АИРО-XX, 2003. С. 479–508.

Трубникова Н. В. Междисциплинарный альянс или конфронтация? Дискуссии французских историков и социологов по теории социальных наук // Известия ТПУ. 2005. Т. 308. № 3. С. 192–196

Трубникова Н. В. Французское россиеведение: традиции тоталитарной парадигмы и новые исследовательские стратегии // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308. № 2. С. 180–182

Трубникова Н. В. Ревизия наследия позитивизма в современной французской историографии // Известия Томского политехнического университета. 2006. Т. 309. № 6. С. 206–210

Трубникова Н. В. Историческое движение «Анналов»: традиции и новации. Томск, 2007.

Трубникова Н. В., Уваров П. Ю. Пути эволюции социальной истории во Франции // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 127–147.

Трубникова Н. В. Транзитные перекрестки французской науки: дрейф понятий от социологии к истории // Вестник ТГУ. 2007. № 294. Серия: История. Краеведение. Этнология. Археология. С. 170–174.

Трубникова Н. В. История Советской России сквозь призму исследований современной французской русистики: новые тенденции // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 69–73.

Трубникова Н. В. Методологические поиски в кросс-культурных исследованиях современной французской историографии: «перекрестная история» (*histoire croisée*) // Фундаментальные проблемы культурологии. М., СПб.: Новый хронограф; Эйдос, 2009. Том 5: Теория и методология современной культурологии / Отв. Ред. Д. Л. Спивак. С. 278–291.

Трубникова Н. В. Между глобальной историей и забвением: история расследования жизни «маленького человека» (на примере книги Алена Корбена «Обнаруженный мир Луи Франсуа Пинаго (1798–1876)») // Вестник ТГУ. История. 2009. № 2 (6). С. 63–66.

Трубникова Н. В. Научный и политический дискурсы идентичности: способ самоопределения или «изобретение традиций»? // Международный журнал исследований культуры. 2010. № 1. С. 18–22.

Трубникова Н. В. «Анналы экономической и социальной истории»: эволюция исследовательской парадигмы // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 317. № 6. С. 179–181.

Трубникова Н. В. Эгоистории как автопортрет «третьего поколения» французской исторической школы «Анналов» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 1 (7). С. 182–185

Трубникова Н. В. «Пространственный поворот» современной западной историографии: лики всемирной истории в эпоху глобализации // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 9 (17). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/9/trubnikova.pdf> (дата обращения: 12.11.2015).

Уваров П. Ю. Франция XVI в. Опыты реконструкции по нотариальным актам. М.: Наука, 2004.

Фокис С. Экзистенциализм – это коллаборационизм? Несколько штрихов к портрету Жана-Поля Сартра в оккупации // Новое литературное обозрение. 2002. № 55. С. 258–281.

Ханаева Д. Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Ходонов А. С. Теоретико-методологические взгляды Марка Блока. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1985.

Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: РГТУ, 1996. Т. 1.

Шкурят П. А. «Интерпретация научного наследия школы «Анналов» в отечественной историографии». Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Липецк, 2005.

Aguirre Rojas C. A. L'histoire conquérante. Un regard sur l'historiographie française. Paris: l'Harmattan, 2000; рус. перевод: *Агирре Рохас К. А.* Критический подход к истории французских «Анналов». М.: Крут, 2006.

Aguirre Rojas C. A. Fernand Braudel et les sciences humaines. Paris, Budapest, Torino: l'Harmattan, 2004.

Appleby J. One Good Turn Deserves Another: Moving beyond the Linguistic: a Response to David Harlan // *American Historical Review*. 1989. № 94 (5). P. 1326–1332.

Bartosek K. Aveux des archives. Prague; Paris, 1948–1968. Paris: Le Seuil, 1996.

Bauvois-Cauchepin J. Enseignement de l'histoire et mythologie nationale. Allemagne-France du début du XXe siècle aux années 1950. Bern: Peter Lang SA, Ed. Scientifiques européennes, 2002.

Berlanstein L.-R. Working with Language: the Linguistic Turn in French Labour Movement. A Review Article // *Comparative Studies in Society and History*. 1991. № 2. P. 426–440.

Besnard Ph. The Epistemological Polemic: François Simiand // *Besnard Ph. (dir.) The Sociological Domain. The Durkheimians and the Founding of French Sociology*. Cambridge, Paris: Cambridge UP / Éditions de la MSH, 1983.

Bloor D. Sociologie de la logique ou les limites de l'épistémologie. Paris: Pandore, 1982.

Borghetti M. N. L'oeuvre d'Ernest Labrousse. Genèse d'un modèle d'histoire économique. Paris: Ed. de l'EHESS, 2005.

Burke P. Strength and Weaknesses of the History of Mentalities // *History of European Ideas*. 1986. № VII. P. 439–451.

Burke P., Porter R. (eds.) The Social History of Language. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987.

Burke P. The French Historical Revolution: the Annales School, 1929–1989. Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 1990.

Carrard P. Poétique de la Nouvelle histoire: le discours historique français de Braudel à Chartier. Paris: Éditions Payot Lausanne, 1998.

Clare S. French Historians and Early Modern Popular Culture // *Past & Present*. 1983. № 100. P. 62–99.

Clark E. History, Theory, Text. Historians and the Linguistic Turn. Cambridge (Mass.), London: Harvard University Press, 2004.

Cohen S. The Linguistic Turn: the Absent Text of Educational Historiography // *American Studies in Education*. 1991. № 2. P. 237–248.

Collins R. The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 1998; рус. перевод: *Коллинз Р.* Социология философов. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

Darnton R. Le grande massacre des chats; attitudes et croyances dans l'ancienne France. Paris: Robert Laffont, 1985.

- Darnton R.* The Symbolic Element in History // *Journal of Modern History*. 1986. № 58. P. 218–234.
- Dutt C., Laube R. (ed.)* Zwischen Sprache und Geschichte: Zum Werk Reinhart Kosellecks. Göttingen: Wallstein, 2013.
- Eley G.* De l'histoire sociale au « tournant linguistique » dans l'historiographie anglo-américaine des années 1980 // *Genèses. Sciences Sociales et histoire*. 1992. № 7. P. 163–193.
- Eley G.* Is all the World a Text? From Social History to the History of Society Two Decades Later // *McDonald T. J. The Historic Turn in the Human Sciences*. Michigan: The University of Michigan Press, 1996. P. 193–243.
- Fernandez J.* Historians Tell Tales: Of Cartesian Cats and Gallic Cockfights // *Journal of Modern History*. 1988. № 60. P. 113–127.
- Fink P.* Marc Bloch: a Life in History. Cambridge, New York, Port Chester: Cambridge University Press, 1989.
- Gemelli G.* Fernand Braudel. Paris: Ed. Odile Jacob, 1995.
- Ginzburg C.* Préface à la traduction italienne de Bloch M. I re taumaturgi. Turin: Einaudi, 1973.
- Ginzburg C.* Signes, traces, pistes: racines d'un paradigme de l'indice // *Le Débat*. 1980. № 6. P. 3–44.
- Ginzburg C.* Mythes, emblèmes, traces: morphologie et histoire. Paris: Flammarion, 1989.
- Ginzburg C.* Le Juge et l'Historien. Considérations en marge du procès Sofri. Paris: Lagrasse, Verdier, 1997.
- Gismondi M.* «The Gift of Theory»: A Critique of the histoire des mentalités // *Social History*. 1985. № 10. P. 211–230.
- Gräser M.* World History in a Nation-State: The Transnational Disposition in Historical Writing in the United States // *Journal of American History*. Vol. 95. Issue 4. P. 1038–1052. P. 1038–1041.
- Herubel J.-P.* *Annales Historiography and Theory. A Selective and Annotated Bibliography*. Westport, Connecticut, London: Greenwood Press, 1994.
- Hexter J. F.* Braudel and the monde braudélien // *Journal of Modern History*. 1972. № 4. P. 499.
- Higham J., Conkin P. (ed.)* *New Directions in American Intellectual History*. Baltimore: John Hopkins Univ. Press, 1979.
- Hollinger D.* *In the American Province. Studies in the History and Historiography of Ideas*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1985.
- Hughes H. S.* *The Obstructed Path: French Social Thought in the Years of Desperation, 1930–1960*. New York: Harper & Row, 1968.
- Hutton P.* *The History of Mentalities: The New Map of Cultural History // History and Theory*. 1981. № 20. P. 413–423.
- Iggers G.* *New Directions in European Historiography*. Middletown, Connecticut: Wesleyan University Press, 1975.
- Iggers G. G.* *Historiography in the Twentieth Century. From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge*. Middletown: Wesleyan University Press, 1997.
- Jones G. S.* Une autre histoire sociale? // *Annales HSS*. 1998. № 2. P. 383–394.
- Jordheim H.* *Koselleck's Theory of multiple temporalities // History and Theory*. 2012. № 51 (May). P. 151–171.
- Joyce P. (ed.)* *The Historical Meanings of Work*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Kammen M. (ed.)* *Past before Us*. Ithaca: Cornell University Press, 1980.

- Kaplan S., Koepf C. (eds.)* Work in France: Representations, Meaning, Organisation and Practice. Ithaca: Cornell University Press, 1986.
- Kaplan S. L.* Adieu 89. Paris: Fayard, 1993.
- Keylor W. R., Siegel M., Thomas H. F. et al.* The Historiography of the Early *Annales* Mouvement // American Historical Association, 1974. 28 december.
- Kinser S.* Braudel and Vilar: the Structuralism" of the Annales School // Colloquium Paper. Berkley. 1974. February.
- Kinser S.* Annalist Paradigm? Geohistorical Structure of Fernand Braudel // American Historical Review. 1981. № 86. P. 63–105.
- Knauppi N.* French Intellectual Nobility. Institutional and Symbolic Transformations in the Post-Sartrean Era. New York: State University of New York Press, 1996.
- Koshar R.-J.* Playing the cerebral Savage: Notes on Writing German History before the Linguistic Turn // Central European History. 1989. № 3–4. P. 343–359.
- Kramer L. S.* Litterature, Criticism, and Historical Imagination: The Literary Challenge of Hayden White and Dominick LaCapra // *Hunt L. (ed.)* New Cultural History. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1989. P. 97–128.
- Kuhn T. S.* La structure des révolutions scientifiques. Paris: Flammarion, 1970. Рус. перевод: Кун Т. Структура научных революций. М.: Наука, 1975.
- LaCapra D.* Is everyone a Mentalité case? Transference and the «Culture» Concept // History and Criticism. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1985. P. 71–94.
- LaCapra D., Kaplan S. (eds.)* Modern European Intellectual History. Reappraisals and New Perspectives. Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 1982.
- LaCapra D., Chartier R.* Darnton, and the Great Symbol Massacre // Journal of Modern History. 1988. № 60. P. 95–112.
- Latour B., Woolgar S.* La vie de laboratoire. Paris: La Découverte, 1988.
- Lloyd G.* Pour en finir avec les mentalités. Paris: La Découverte, 1993.
- Malia M.* La tragédie soviétique. Histoire du socialisme en Russie. 1917–1991. Paris, Éditions du Seuil, 1995; рус. перевод: Малия М. Советская трагедия: История социализма 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2002.
- Manuel F. E.* The Use and Abuse of Psychology in History // *Daedalus*. 1971. № С. P. 187–213.
- Mazon B.* Aux origines de l'École des Hautes Etudes en Sciences Sociales: le rôle du mécénat américain: 1920-1960. Paris: Cerf, 1988.
- McDonald T. J.* The Historic Turn in the Human Sciences. Michigan: The University of Michigan Press, 1996.
- McLennan G.* Braudel and the Annales Paradigm // Marxism and the Methodologies of History. London, 1981. P. 129–151.
- Merton R.* The Sociology of Science. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1973.
- Metahistory: Six Critiques // History and Theory. 1980. № 6. P. 66–79.
- Momigliano A. The Rethoric of History and the History of Rethoric: On Hayden White's Tropes // Comparative Criticism. 1981. № 3. P. 259–268.
- Oexle O.-G.* Marc Bloch et la critique de la raison historique // *Astma H., Burguière A. (dir.)* Marc Bloch aujourd'hui: histoire comparée et sciences sociales. Paris: Ed. de l'EHESS, 1990. P. 425–426.
- Olsen N. (ed.)* History in the Plural: An Introduction to the Work of Reinhart Koselleck. New York: Berghahn Books, 2011.
- Pagden A. Rethinking the Linguistic Turn: Current Anxieties in Intellectual History // Journal of the History of Ideas. 1988. № 49 (3). P. 519–529.

Pickering A. (ed.) Science as Practice and Culture. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1992.

Popkin J. Historians on the Autobiographical Frontier // *American Historical Review.* 1999. №104 (3). P. 178–183.

Raulff U. De l'origine à l'actualité. Marc Bloch, l'histoire et le problème du temps présent; Bibliothèque historique de la Ville de Paris, 11 octobre 1996. Sigmaringen: Thorbecke, 1997.

Raulff U. Marc Bloch. Un historien au XXe siècle. Paris: Ed. de la MSH, 2005.

Reddy W. M. Money and Liberty in Modern Europe: A Critique of Historical Understanding. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Rorty R. Conséquence du pragmatisme. Paris: Seuil, 1993.

Said E. L'orientalisme. L'orient créé par l'Occident? Paris: Seuil, 1980.

Stoianovich T. French Historical Method. The Annales Paradigm. Ithaca; London: Cornell University Press, 1976.

Stone L. Retour au récit, ou réflexions sur une nouvelle vieille histoire // *Le Débat.* 1980. № 4. P. 116–142.

Thomson E. P. La formation de la classe ouvrière anglaise. Paris: EHESS; Gallimard; Seuil, 1988.

Toews J. Intellectual History after the Linguistic Turn: the Autonomy of Meaning and the Irreducibility of Experience // *American Historical Review.* 1987. № 4. P. 879–907.

Trubnikova N. World War I and the Russian Revolution of 1917: Frames and Debates in Russian Studies Historiography // Biagini A., Motta G. (ed.) *The First World War Analysis and Interpretation, Volume 1.* Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 71–82

Vann R. Louis Mink's Linguistic Turn // *History and Theory.* 1987. № 1. P. 1–14.

Vincent D. Literacy and Popular Culture: England, 1750–1914. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.

White H. Metahistory, the Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimor; London: John Hopkins Univ. Press, 1973; рус. перевод: *Vaïm X.* Мета-история: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.

Wong R. B. Entre Monde et Nation: les regions braudelienues en Asie // *Annales: HSS.* 2001. № 1. P. 5–42.

Zemon-Davis N. Censorship, Silence, and Resistance: The Annales during the German Occupation of France // *Litteraria Pragensia.* 1991. № 1. P. 12–23; рус. перевод: *Зэмон-Дэвис Н.* «Анналы», Марк Блок и Люсьен Февр во время немецкой оккупации // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., «Наука», 1993. С. 166–179.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ТРАДИЦИИ И ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ: «АННАЛЫ» КАК «МЕСТО ПАМЯТИ»	26
1. 1. «Анналы» и ревизия наследия позитивизма	26
1.1.1. Рефлексия о позитивизме в современных историографических исследованиях	26
1.1.2. «Методическая школа» как родоначальница исторической профессии	32
1.1.3. Формирование профессиональной исторической периодики	38
1.1.4. Эпистемологические основания «методической школы» ..	42
1.1.5. Споры о легитимности гуманитарных наук на рубеже веков во Франции	46
1.2. «Первое поколение» Анналов сквозь призму актуальных проблем исторической науки	56
1.2.1. «Анналы», Люсьен Февр, Марк Блок: «разделение триптиха»	56
1.2.2. Интеллектуальный климат «межвоенной» эпохи	61
1.2.3. Марк Блок и Люсьен Февр: стратегии карьеры, идейные предпочтения и противоречия	65
1.2.4. Проект журнала «Анналы экономической и социальной истории» и его воплощение	75
1.2.5. «Анналы», политика и общество: «захваченные ролью историка»?	86
ГЛАВА 2. ДВИЖЕНИЕ «АННАЛОВ» В 1950–1970-е гг: СОЗДАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ	96
2.1. «Вторые Анналы»: эпоха институционализации движения ..	96
2.1.1. «Тридцать славных лет» в истории социальных наук	96
2.1.2. Опыт институционализации движения «Анналов» и его стратегии власти	101
2.1.3. «Геоистория» против структурной антропологии: дискуссия Броделя и Леви-Стросса о больших длительностях ..	113

2.1.4. Камиль-Эрнест Лабрусс как основоположник французской квантитативной истории	118
2.1.5. Ученики Лабрусса	127
2.2. «Третье поколение» «Анналов» или «Новая история».	133
2.2.1. Новый социальный контекст и «Новая история».	133
2.2.2. Исторический материализм и «новая история».	140
2.2.3. Эгоистории – автопортрет «третьего поколения»	144
2.2.4. Экспансия «Новой истории»	150
2.2.5. Тематические ориентации в «третьих Анналах».	159
ГЛАВА 3. ГОРИЗОНТ «ЧЕТВЕРТЫХ АННАЛОВ» В ШИРОКОМ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: «МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ ПОСТМОДЕРНА И ХАРИБДОЙ НЕОПОЗИТИВИЗМА».	189
3.1. Рефлексия о познавательных возможностях истории и черты нарождающегося эпистемологического консенсуса в 1980–1990-х гг.	189
3.1.1. «Кризис парадигм» и критика концептуальных основ движения «Анналов»	189
3.1.2. «Вызовы» и «ответы» «лингвистического поворота»	203
3.1.3. Теоретическая рефлексия об истории во Франции начала ХХI века	213
3.2. «Четвертые Анналы», близкие к ним методологические ориентации и научные проекты	227
3.2.1. «Критический поворот» и векторы инновации в «четвертых Анналах»	227
3.2.2. «Социологический поворот» истории и «прагматическая парадигма».	242
3.2.3. «Социокультурная» и «перекрестная» истории	251
3.3. «Возращение политического» в разных тенденциях развития	258
3.4. Знание-память-власть: проблематика «ремесла историка» и его социальных обязательств	276
3.4.1. История памяти и ее «теневые зоны»	276
3.4.2. Рефлексия Поля Рикёра о диалектике истории и памяти	284
3.4.3. «Судить или понимать?» История за трибуной правосудия	287
3.4.4. «Ремесло историка»: новые определения	296
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	304
БИБЛИОГРАФИЯ.	312

Наталья Валерьевна Трубникова

ФРАНЦУЗСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА
«АННАЛОВ»

Ответственный за выпуск *И. А. Тихонюк*
Художественный редактор *Н. А. Шакиров*
Корректор *М. Г. Смирнова*
Верстка *Н. А. Шакиров*

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 21. Тираж 500 экз.

Издательство «Квадрига»
kvadriga-izdat.ru

ISBN 978 - 5 - 91791 - 202 - 8

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Книга посвящена истории французской исторической школы «Анналов» – легендарной интеллектуальной традиции, сложившейся в западной историографии XX в. Сквозь призму общего развития исторических знаний во Франции в монографии выявляются условия и истоки становления традиции «Анналов». Анализируется процесс формирования и дальнейшей трансляции так называемой «классической концепции» «Анналов», с обозначением линий преемственности и отрицания в ее восприятии различными поколениями исследователей. Показана роль «Анналов», идейный профиль их стратегий конкуренции в междисциплинарных дискуссиях XX – начала XXI в. Прослеживается формирование институциональной сети «движения Анналов», механизмов ее интеллектуального влияния в рамках французского и мирового профессионального сообщества.

Монография подготовлена на основе обширной базы письменных источников, многие из которых не были известны ранее российскому читателю.

Особый интерес представляет анализ освоения российскими историками теоретического наследия школы «Анналов».

ISBN 978 - 5 - 91 791 - 202 - 8

Издательство «Квадрига»

